ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
(ИНИОН РАН)

ФБОН – ИНИОН

Воспоминания

**к 105-летию
Фундаментальной библиотеки**

МОСКВА
2023

ББК 73; 78.33
УДК 82-94
Ф 11

Печатается по решению ученого совета ИНИОН РАН

Редакционная коллегия

А.В. Кузнецов – д-р экон. наук, директор ИНИОН РАН, член-корреспондент РАН (председатель); *Я.Г. Гудкова* – ученый секретарь ИНИОН РАН; *И.П. Леонтьева* – канд. филос. наук, ведущий редактор ИЦ ИНИОН РАН; *С.В. Соколов* – заведующий научно-исследовательским отделом библиотековедения ИНИОН РАН; *Л.В. Юрченкова* – канд. ист. наук, заместитель директора по библиотечной работе ИНИОН РАН.

Рецензенты: *А.Г. Володин* – д-р ист. наук
Д.В. Ефременко – д-р полит. наук

ФБОН – ИНИОН. Воспоминания: к 105-летию Фундаментальной библиотеки : сб. статей / под ред. А.В. Кузнецова ; ИНИОН РАН. – Москва, 2023. – 344 с.

ISBN 978-5-248-01085-1

В сборнике представлены статьи мемуарного характера, посвященные Фундаментальной библиотеке общественных наук (ФБОН) АН СССР и образованному в 1969 г. на ее основе Институту научной информации по общественным наукам (ИНИОН) АН СССР (с 1991 г. – РАН). В настоящее издание включены как новые материалы, так и ряд ранее опубликованных воспоминаний.

Для историков науки, работников информационно-библиотечной сферы, всех, кто интересуется развитием системы научных коммуникаций.

ББК 73; 78.33
УДК 82-94
Ф 11

ISBN 978-5-248-01085-1

© ИНИОН РАН, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

От редакционной коллегии 5

Раздел I.
ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ИНИОН РАН: ПОМНИМ ИСТОКИ, СМОТРИМ В БУДУЩЕЕ

Кузнецов А.В. Подготовка переезда ИНИОН РАН на историческое место 7
Юрченкова Л.В. Фундаментальная библиотека со мной всю жизнь 21
Решетник Т.И. А книги расставлять интересно! 28
Гордон А.В. ФБОН с благодарной памятью 33
Матвеева Е.Ю. Сектор библиографии по европейским социалистическим странам ФБОН – ИНИОН АН СССР 62

Раздел II.
ВЕХИ РАЗВИТИЯ ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ

Алексеева К.П. Воспоминания 78
Делюсин Л.П. Свободная среда 88
Виноградов В.А. На посту директора института 102
Кузнецова С.И. Из истории востоковедения в ФБОН – ИНИОН 139
Мдивани Р.Р. 40 лет работы в ИНИОН 147
Тарасов Л.Н. Мы сделали это! 169

Раздел III.
ФБОН – ИНИОН КАК УНИКАЛЬНЫЙ ОРГАНИЗМ В ВОСПОМИНАНИЯХ УШЕДШИХ КОЛЛЕГ

Бачалдин Б.Н. Уникальная школа профессионализма и этики 191
Фрумкина Р.М. Библиотека (из книги «О нас – наискосок») 220
Кулькин А.М. Науковедение в ИНИОН 225
Ракитов А.И. О моей работе в ИНИОН 248
Скворцов Л.В. ИНИОН: гуманитарные исследования на пороге XXI века 257
Гальцева Р.А. В строю и вне строя 272
Померанц Г.С. Профессия неудачника: жизненная мозаика 292
Алексеева Л.М. Удивительное учреждение и его директор 303
Чешков М.А. Три года работы в ФБОН 307
Бергер Я.М. ИНИОН в моей судьбе 311

ИНИОН РАН

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Сборник статей «ФБОН – ИНИОН: Воспоминания» состоит из произведений мемуарного характера, посвященных Фундаментальной библиотеке общественных наук АН СССР (которой в 2023 г. исполнилось 105 лет), а также образованному в 1969 г. на ее основе Институту научной информации по общественным наукам.

Появление такого издания – не только дань уважения людям, отдавшим Библиотеке и Институту многие годы своей жизни, но и отражение актуальных интересов нашей организации. Чтобы не допустить разрыва исторической преемственности между поколениями ученых, ИНИОН стремится обеспечить сохранение и изучение собственного научного наследия.

Мемуары как неизбежно субъективный жанр дополняют иной, документальный способ познания истории Библиотеки и Института. 14 лет назад он был успешно реализован в сборнике «90 лет служения науке»[1]. Предложенный тогда единый взгляд на эволюцию отечественной информационно-библиотечной системы по общественным наукам был признан убедительным. Построение научной истории ФБОН и ИНИОН окажется возможным лишь при творческом взаимодействии двух этих подходов.

В 2011 и 2017 г. вышел в двух выпусках первый вариант сборника статей «ФБОН – ИНИОН: воспоминания и портреты», второй редакцией которого является настоящее издание. Первый выпуск был посвящен преимущественно истории ИНИОН, т.е. охватывал период с 1969 по 2010 г. Второй выпуск сборника (2017) продолжил традицию публикации материалов по истории Фундаментальной библиотеки общественных наук АН СССР и Института научной информации по общественным наукам РАН[2].

---

[1] 90 лет служения науке: к 90-летию Фундаментальной библиотеки общественных наук и 40-летию Института научной информации по общественным наукам РАН: сб. ст. – М., 2009. – 296 с.

[2] См.: ФБОН-ИНИОН. Воспоминания и портреты: сб. ст. – Москва, 2011. – Вып. 1. – 252 с.; ФБОН-ИНИОН: Воспоминания и портреты: сб. ст. – Москва, 2017. – Вып. 2. – 300 с.

Сборник статей «ФБОН – ИНИОН: воспоминания», выходящий в 2023 г. в честь 105-летия Фундаментальной библиотеки ИНИОН РАН и приуроченный к возвращению Института в историческое здание, возобновляет традицию мемуарных изданий и по большей части воспроизводит материалы первого и второго выпусков, дополнив их новыми статьями.

В новом издании представлены воспоминания трех директоров Института – Л.П. Делюсина, В.А. Виноградова и А.В. Кузнецова, а также известных сотрудников ИНИОН, внесших большой вклад в его становление и развитие. Это С.И. Кузнецова, Р.Р. Мдивани, А.М. Кулькин, А.И. Ракитов, Е.Ю. Матвеева, Л.Н. Тарасов, Л.В. Скворцов, Л.В. Юрченкова и др.

Герои воспоминаний предстают живыми людьми со своими особенностями, симпатиями и антипатиями. Вместе с тем их характеры и стили мышления представляют собой различные грани единого типа ученого – человека, преданного познанию мира. Это познание составляет одну из его глубочайших жизненных мотиваций. Возвратить профессии исследователя возвышенное содержание, продемонстрировать за внешне однообразной чередой событий подлинную драму идей с ее переживаниями, рисками, взлетами и падениями – еще одна задача настоящего издания.

Пожар, случившийся в Институте 30–31 января 2015 г., заставил иными глазами посмотреть на то, что раньше казалось привычным и даже незыблемым. Трагедия выпукло обозначила тему социальной памяти, в очередной раз показав, насколько важна преемственность поколений, «времен связующая нить», то есть те понятия, которые и составляют основу мемуарного жанра. Однако следует заметить, что мемуары – это не только особый вид литературы жанр, но и коммуникационный канал, где история конкретной организации и страны в целом преломляется в личном опыте людей.

В текстах разных авторов уникальная среда ФБОН – ИНИОН предстает как сложное сплетение человеческих судеб, объединенных при всех их различиях общей преданностью великой идее научной коммуникации. Думается, что сохранение такого интегрального ви́дения ИНИОНа в будущем, осознание его высокой миссии в науке и культуре сыграет в деле возрождения Института не меньшую роль, чем строительство нового здания и выделение необходимых ресурсов.

Раздел I.
ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ИНИОН РАН: ПОМНИМ ИСТОКИ, СМОТРИМ В БУДУЩЕЕ

А.В. Кузнецов

ПОДГОТОВКА ПЕРЕЕЗДА ИНИОН РАН НА ИСТОРИЧЕСКОЕ МЕСТО

Кузнецов Алексей Владимирович (1 ноября 1978, Москва). В 2001 г. с отличием окончил МГУ им. М.В. Ломоносова, российский экономист и экономико-географ, доктор экономических наук, член-корреспондент РАН, директор Института научной информации по общественным наукам РАН, профессор МГИМО МИД России, главный редактор журнала «Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право».

Я думаю, что мне еще рано садиться за мемуары, но считаю важным рассказать хотя бы кратко о том, что происходило с ИНИОН РАН в те четыре с половиной года, которые я уже возглавляю Институт. Ведь именно сейчас произошло знаковое событие – коллектив вернулся на историческое место, на Нахимовский проспект у станции метро Профсоюзная в Москве. Однако прежде, чем поведать об усилиях коллектива по сохранению ИНИОН РАН как важного научного центра страны после крупного пожара 2015 г. и писать про сложные задачи, постоянно решаемые Фундаментальной библиотекой, хочу несколько слов сказать о том, как я раньше воспринимал ИНИОН РАН.

Формально я начал работать в Институте научной информации по общественным наукам Российской академии наук 9 мая 2019 г. В этом было что-то символическое, хотя в подписание приказа о моем назначении врио директора с праздничного дня вначале даже не поверили в отделе кадров ИМЭМО РАН им. Е.М. Примакова, откуда я, соответственно, пришел увольняться с поста заместителя директора по науке. Далеко не все коллеги сразу поняли меня, считая мое согласие идти работать «на пепелище» по меньшей мере странным. Но мне, как и всем москвичам, которые серьезно занимались научными исследованиями в области общественных и гуманитарных наук, не надо было объяснять, что такое ИНИОН РАН. Этот, не побоюсь сказать, всемирно известный центр научной информации, для меня сначала, в бытность мою студентом МГУ им. М.В. Ломоносова, был, скорее, просто наиболее ценной библиотекой в российской столице. Хотя, по правде, первое мое, еще детское впечатление от ИНИОНа – потрясающая зимняя горка для санок, на верхней террасе которой теперь стоит церковь святой Нины.

Было несколько факторов, определявших ценность Фундаментальной библиотеки ИНИОН РАН, куда студенты вузов раньше могли попасть лишь на пятом курсе (кстати, с 1 августа 2023 г., возобновив запись читателей, мы понизили планку до третьего курса, разрешив китаистам и представителям некоторых других специальностей запись даже с первого курса). Во-первых, привлекали потрясающие фонды, особенно зарубежные научные издания, причем даже после страшного пожара Фундаментальная библиотека ИНИОН РАН по количеству книг и журналов (свыше 7 млн единиц хранения) входит в сотню крупнейших библиотек мира. При этом благодаря хорошему предметному каталогу, которым по праву гордилась библиотека со времен Г.К. Дерман, поиск нужной книги был сравнительно прост. Во-вторых, в ИНИОН РАН даже во времена подлинного паломничества исследователей, никогда не было толчеи из-за скопления читателей и чрезмерной волокиты с их обслуживанием, как это мне запомнилось, например, в Ленинке. Особенно мне нравился в этом отношении зал периодики. Наверное, именно поэтому первый читальный зал в новом здании на историческом месте, начавший работу еще в июле 2023 г., специализируется как раз на периодических изданиях. В частности, пока мы единственные в Москве подписаны на полные версии всех основных научных журналов на китайском языке по истории, филологии и философии (база данных CNKI, раздел F). Есть что почитать и на русском языке, поскольку ИНИОН РАН, будучи уже более столетия получателем «обязательного экземпляра» по общественным и гуманитарным наукам в нашей стране, может предложить читателям, например, все русскоязычные журналы. А ведь многие наиболее цитируемые журналы не обеспечивают свободного бесплатного доступа к своим свежим выпускам в сети Интернет.

В аспирантские годы, да и позднее, я регулярно пользовался библиотекой ИНИОН РАН. Однако чаще я бывал все-таки в одном из ее филиалов – отделе библиотечно-библиографического обслуживания при ИМЭМО РАН, где я появился первый раз еще как практикант в 1999 г. К своему стыду (хотя это в 2000-е годы могли бы повторить большинство как аспирантов, так и состоявшихся ученых), я тогда не знал, что практически все научные библиотеки в московских институтах общественно-научного либо гуманитарного профиля в рамках системы Российской академии наук являются не структурными подразделениями соответствующих организаций, а представляют разветвленную филиальную сеть ИНИОН РАН (если точнее – Отделения библиотечно-библиографического обслуживания). Собственно говоря, именно поэтому пожар 2015 г., уничтоживший несколько миллионов книг и журналов, не привел к прекращению работы ИНИОН РАН как крупной библиотеки ни на один месяц. Ведь свыше 3 млн книг и журналов все время были доступны читателям, причем наиболее ценные свежие поступления научной литературы также передавались в 2015–2023 гг. в рамках режима «длительного пользования» в филиалы. С открытием нового здания на историческом месте филиальной сети предстоит определенная реорганизация, однако более десяти отделов в любом случае сохранятся, поскольку это вполне солидные тематические библиотеки (археологическая, социологическая, философская, африканистская, латиноамериканистская, синологическая и т.д.).

Когда я начал преподавать, я всегда рекомендовал студентам знаменитые библиографические базы ИНИОН РАН. Примерно до начала 2010-х годов ничего подобного в мире просто не было: вы могли из дома с помощью удобного поисковика находить нужные журнальные статьи, а потом прийти в библиотеку и получить текст на руки (правда, ограничения для студентов обусловливали иногда более сложный путь к оригиналу). Потом, конечно, базы данных ИНИОН РАН стали интересны больше как ретро-ресурс (не случайно на них подписывались многие западные университеты вплоть до приостановления в 2023 г. отношений с EBSCO в результате «войны санкций» с Западом). Но дело не в пожаре 2015 г., который я постоянно вспоминаю, поскольку он как ножом разрезал на две части уже более чем вековую историю Фундаментальной библиотеки по общественным наукам. Конкурентами ИНИОН РАН стали РИНЦ (причем тогдашнее руководство Института просто не поняло значения цифровизации и выпустило проект eLibrary в «свободное плавание»), а за рубежом – scholar.google.

В 2004-м, спустя год после досрочной защиты в ИМЭМО РАН, я познакомился, наконец, и с учеными ИНИОН РАН, неоднократно принимая участие в их научных мероприятиях. В 2006 г. вышла моя статья в одном из научных изданий Института – в тематический выпуск про европейские транснациональные корпорации журнала «Актуальные проблемы Европы» меня позвал покойный доктор экономических наук А.К. Субботин. Нельзя не вспомнить и о регулярных покупках мною новых русскоязычных научных книг, в том числе продукции самого ИНИОН РАН, в здании на Нахимовском проспекте. А потом случился пожар...

Примерно таковы были мои представления об ИНИОН РАН, когда в конце осени 2018 г. меня пригласил к себе президент РАН академик А.М. Сергеев и завел разговор о назначении меня на должность временно исполняющего обязанности директора с последующим утверждением в должности через выборы трудовым коллективом. На самом деле, год 100-летия Фундаментальной библиотеки ИНИОН РАН был одним из самых тяжелых. В частности, речь шла о переселении коллектива в здание ВИНИТИ РАН (с очевидной последующей потерей юридического лица в ходе неоднократно озвучивавшихся в СМИ планов реорганизации), а зарплаты сотрудников были нищенские (при том что публикационная активность ученых была выше средней среди академических институтов, а библиотекари продолжали обслуживать десятки тысяч читателей). В активе у ИНИОН РАН помимо профессионального и сплоченного коллектива было только принятое Президиумом РАН в 2017 г. решение пока не ликвидировать Институт. Уже январь 2019 г. стал для ИНИОН РАН судьбоносным, поскольку было принято постановление Правительства РФ о реконструкции пострадавшего в ходе пожара здания на Нахимовском проспекте.

Одним из моих условий, которые министерское начальство сначала приняло, а после подписания приказа о моем назначении попыталось дезавуировать, был отказ ИНИОН РАН от переезда в здание ВИНИТИ РАН. Я напирал на то, что коллектив просто не выберет меня директором, если я сдамся в борьбе, которую до меня вели четыре других временно исполнявших обязанности директора, и соглашусь на переезд на другой конец Москвы в район метро Сокол. Однако у меня было и три более весомых опасения. Во-первых, коллективу не дадут вернуться на историческое место, даже если построят научно-библиотечное, а не офисное или вообще торговое здание. Во-вторых, за долгие годы стройки (причем никто не верил в завершение строительства в срок) могла разрушиться слаженная работа филиальной сети библиотеки ИНИОН РАН. Ведь она в основном была привязана к университетскоакадемическому кластеру на Юго-Западе Москвы с несколькими отделами в Центральном административном округе (причем склад непострадавших книг находился в относительной близости – на Кантемировской улице, а новые поступления обрабатывали на ул. Дмитрия Ульянова). В-третьих, коллектив ИНИОН РАН не смог бы контролировать ход и качество строительных работ, если бы Институт переехал из временного помещения на ул. Кржижановского на другой конец Москвы. Тем не менее в разговорах и с министерским, и с академическим начальством я был согласен на любой приемлемый новый вариант временного размещения в секторе между Севастопольским и Ленинским проспектами.

13 мая 2019 г., в первый рабочий день и пятый день моего директорства, меня представили коллективу ИНИОН РАН. В целом меня приняли хорошо, но настороженно. Это было понятно – одна из старейших библиотечных сотрудниц почти цитатой из фильма «В бой идут одни старики» сказала, что я у нее десятый директор. Большую помощь оказали хорошие отношения, которые у меня быстро выстроились со всеми четырьмя предшественниками, продолжавшими работать в ИНИОН РАН: доктором политических наук Дмитрием Валерьевичем Ефременко (он по-прежнему мой заместитель по научной работе), доктором исторических наук Велиханом Салманхановичем Мирзехановым (работая заместителем директора в Институте всеобщей истории РАН, он возглавляет в ИНИОН РАН отдел Азии и Африки, а также руководит научным журналом), доктором исторических наук, профессором РАН Ильей Владимировичем Зайцевым (лишь в 2023 г. он ушел с поста руководителя одного из научных центров, сосредоточившись на своей новой основной работе) и моей главной опорой все эти годы – Владимиром Сергеевичем Качаном (моим заместителем по общим вопросам). Удалось установить конструктивные рабочие контакты и со всеми научными и библиотечными подразделениями, при том что завершил обход разветвленной филиальной сети я уже после победы на выборах директора в ноябре 2020 г.

Я не хочу сейчас рассказывать, как удалось отстоять за Институтом земельный участок, как приходилось жить ИНИОН РАН на «птичьих правах» в здании на ул. Кржижановского, какие хозяйственные трудности постоянно надо было преодолевать. Далеко не всегда реальная картина была близка к той, которая представлялась общественности. Мне кажется, что интереснее все-таки не интриги и их преодоление, а та конструктивная работа, которую вел почти весь коллектив ИНИОН РАН, что в итоге стало, на мой взгляд, главным залогом успешного возрождения Института и его Фундаментальной библиотеки. Остановлюсь лишь на трех примерах в мозаике самых разных дел последних лет:

– на повышении статуса научных изданий ИНИОН РАН и сопряженным с ним ростом публикационной активности сотрудников;

– на формировании у библиотеки новых конкурентных преимуществ в современных условиях при крайне ограниченных финансовых ресурсах;

– на создании Музея становления общественных наук как выставочного пространства библиотеки.

Подчеркну, что ИНИОН РАН не только научная организация и фундаментальная библиотека, но и довольно крупный издательский центр. В Институте выпускается более 20 научных журналов, ежегодно выходят в свет десятки книг. Кроме того, ИНИОН РАН как получатель «обязательного экземпляра» многие десятилетия публикует ежемесячные и ежеквартальные библиографические указатели поступлений новой научной литературы (с информацией о монографиях, сборниках и отдельных статьях в журналах), а также тематические библиографические указатели книжного формата. Еще несколько лет назад российским ученым некоторые чиновники объясняли, что издание отечественных научных журналов – чуть ли не пустая трата средств, особенно если они не индексируются в контролируемых издателями из США и ЕС WoS и Scopus. Если немного упростить, то идеальной задачей для российского ученого-обществоведа виделось, к сожалению, проведение исследований на средства государственного задания Российской Федерации с их последующей публикацией на Западе, причем обычно эти журналы из-за отсутствия у отечественных библиотек денег на подписку большинство россиян даже не могли почитать. Однако коллектив ИНИОН РАН наперекор основному тренду упорно продолжал издавать собственные научные журналы. Достойный уровень многих статей, сохранившийся кадровый потенциал редакторов и перевод действительно затратной печати бумажных экземпляров в провинцию позволял Институту сохранять авторитет в научном сообществе. Своевременным, хотя и вызвавшим поначалу споры сотрудников, стал перевод всех периодических изданий ИНИОН РАН в настоящий формат бесплатного доступа (не путать с распространенным во многих западных журналах из базы WoS режимом Open access, когда автор обязан заплатить внушительную сумму журналу за право читателей бесплатно знакомиться с его научными результатами). Дело оставалось за малым – формализовать статус журналов, чтобы в отчетности перед Минобрнауки России ИНИОН перестал выглядеть второразрядной научной организацией. Если в начале 2019 г. в ИНИОН РАН издавалось лишь три журнала, входивших в перечень ВАК, то спустя четыре с половиной года таких журналов уже десять, причем половина стала индексироваться в базе RSCI, которая по качеству изданий, по крайней мере в общественных науках, немногим уступает среднему уровню журналов Scopus. Разумеется, редакциями журналов была проведена определенная, часто большая работа. Тем не менее я считаю, что случай ИНИОН РАН, изначально отнесенного после пожара к так называемой «второй категории», наглядно иллюстрирует всю убогость шаблонного применения на коротких временных интервалах наукометрических показателей для оценки российских организаций.

Дело ведь не только в статусе журналов ИНИОН РАН. Система РИНЦ приводит группу таких показателей, как «все публикации, в которых явно указана данная организация». Согласно этим сведениям в 2020 г. сотрудники ИНИОН РАН опубликовали (как в рамках государственного задания, так и по грантам, хотя иногда в соавторстве) 130 статей в российских журналах с индексацией в RSCI, в 2021 г. – уже 157 статей, в 2022 г. – 181 статью. Аналогичный показатель суммарно по WoS и Scopus в 2020 г. достиг 59, в 2021 г. – 82, в 2022 г. – 77 (правда, ряд журналов RSCI индексирован одновременно в международных базах данных WoS или Scopus, т.е. надо исключать двойной счет). Если взять показатель статей в журналах из перечня ВАК, то в 2022 г. таких публикаций у ИНИОН РАН было свыше 400. Иначе говоря, каждый из менее чем 200 работников Института, регулярно занимающихся научной работой (научные сотрудники, руководители научных подразделений и некоторые библиографы), ежегодно в среднем публикует не менее двух «статусных» статей, в том числе не менее одной статьи в весьма авторитетных журналах. Вообще-то говоря, в ведущих научных державах это считается нормой, но в России даже некоторые институты «первой категории» пока не дотягивают до такого уровня. Научный уровень ИНИОН РАН подтверждают и данные о победах на конкурсах Российского научного фонда (РНФ), обладающего одной из наиболее авторитетных и беспристрастных систем экспертизы, – в 2023 г. в Институте реализуется уже 12 грантов РНФ. Однако в целом средние зарплаты ученых в ИНИОН РАН по-прежнему существенно ниже, чем в организациях с аналогичной научной результативностью. Полагаю, что ответ заключается в том, что в России в целом не создано даже на базе наукометрии, об условности которой можно говорить долго, прозрачной системы финансирования научных организаций.

Тем не менее внутри самого ИНИОН РАН многие годы существует собственная прозрачная система ПНД (показателей научной деятельности), в которой учитываются самые разные виды научно-исследовательской, научно-практической, редакторской, популяризаторской и иной работы, которую ведут ученые. На ее основе распределяется основная часть финансовых надбавок для исследователей. Последние годы эта система, где «стоимость балла» до конца года точно не известна, т.к. определяется суммарным баллом всего коллектива и предновогодними выплатами Минобрнауки России, была дополнена премиями за «статусные публикации» с фиксированной каждый год суммой выплат в рублях (разного размера – начиная от рецензии в журнале из перечня ВАК и заканчивая статьями в журналах первого и второго квартилей ведущих баз данных). Думаю, что именно этот понятный сотрудникам механизм вознаграждения позволил увеличить «публикационную активность» ИНИОН РАН, а отнюдь не якобы возросший вдруг за два-три года профессионализм ученых. Что особенно приятно, Институт не скатился в «публикационную лихорадку» – сложившаяся в коллективе во многом уникальная творческая атмосфера позволяет проводить качественные передовые исследования, дающие действительно новые научные результаты.

Уже в 2019 г., имея опыт тринадцатилетнего руководства научными подразделениями в соседнем институте, в том числе шесть лет как заместитель директора по научной работе, а также многие годы как руководитель грантовых проектов, я был уверен, что имеющийся в ИНИОН РАН научный потенциал получится представить вовне в лучшем виде. Намного сложнее оказалась задача формирования у Фундаментальной библиотеки ИНИОН РАН новых конкурентных преимуществ, особенно когда денег на масштабирование любых удачных пилотных проектов катастрофических не хватало. Я был для библиотечного сообщества абсолютно новый человек, но с одним важным преимуществом: как активный исследователь, регулярно пользовавшийся самыми разными библиотеками (в том числе в ходе стажировок в Германии и Бельгии), а также разнообразными интернет-ресурсами, я хорошо видел некоторые проблемы «со стороны». За четыре с половиной года я сделал среди прочего один важный вывод: читатели стали меньше ходить в библиотеки не потому, что им там не предлагают «песни и пляски», а также вкусный кофе и другие развлечения, а потому что в библиотеках стало меньше интересной информации. Во-первых, обратной стороной возросшего вала публикаций стало падение их среднего качества. Во-вторых, по крайней мере в России стали меньше закупать новые книги и журналы (неважно, в бумажном или электронном виде). Например, финансирование закупок иностранных книг в библиотеку ИНИОН упало к 2010-м годам более чем в 10 раз по сравнению с 1980-ми годами (в сопоставимых ценах). В-третьих, благодаря цифровизации у библиотек появился важный конкурент – домашний компьютер с мягким креслом при нем. Как с этим бороться? Многие предлагают увеличивать количество разных мероприятий в библиотеках, чтобы сохранить формально высокую явку читателей. Наверное, это не повредит, но читателям, особенно в научных библиотеках, нужны решения трех обозначенных мною проблем – навигаторы в огромном потоке литературы, масштабные свежие поступления хорошей литературы непосредственно в читальные залы и предоставление той научной информации, которую бесплатно дома через Интернет не получить.

Проблема навигации распадается на два направления: создание каталогов со ссылками на наиболее ценные интернет-коллекции (поскольку, например, даже такой мощный проект, как Национальная электронная библиотека, не сможет удовлетворить и половины запросов на отечественную научную литературу по общественным наукам) и собственный электронный каталог Фундаментальной библиотеки ИНИОН РАН. Первое направление, к сожалению, в современных условиях возможно реализовать лишь в рамках проектов с грантовым финансированием, которые пока выиграть ученым-библиографам не удалось. Что касается второго направления, то к моменту пожара 2015 г. в ИНИОН РАН не было централизованного электронного каталога. Соответственно, сейчас стоит задача ускоренного внедрения автоматизированной библиотечной информационной системы. К сожалению, ее покупка была привязана к завершающему этапу восстановления здания на историческом месте, тогда как с учетом филиальной сети работу можно было начинать минимум пять – семь лет назад. Попытка ИНИОН РАН сделать хотя бы систему имидж-каталогов, оцифровав бумажные каталоги, также не имела все последние годы должной финансовой основы. В итоге пока только в трех библиотеках при академических институтах (при Институте археологии РАН, Институте философии РАН и Институте США и Канады РАН) проведена соответствующая работа и читатели могут в удаленном режиме знакомиться с составом их фондов. В Институте Китая и современной Азии РАН (бывший Институт Дальнего Востока РАН) перед оцифровкой карточек выполнена большая работа по расстановке иероглифов, поскольку в советский период описание китайских источников библиографами велось только кириллицей по системе Палладия, что не слишком удобно для современных, особенно иностранных, пользователей. Еще более масштабная работа предстоит по созданию электронного каталога спасенных книг и журналов, а также восстанавливаемой литературы (уже усилиями отдела научных фондов под руководством Т.И. Решетник высушено конвекционным образом свыше 900 тысяч единиц хранения, а весной 2023 г. запущена работа новой, купленной в Великобритании сублимационной камеры). На данный момент благодаря разработанному В.С. Качаном плану проведена также полная фотофиксация спасенных книг (обычно титулов и оборотов титулов, но в случае замороженных книг фотографировались только корешки, когда извлеченные после тушения пожара спаянные блоки выносились из помещения холодильника с температурой -25° в коридоры с нулевой температурой для фотографирования). Эта работа не только обеспечила условия для проведения оценки потерь в ходе пожара 2015 г., но и позволяет сейчас расставить приоритеты в ходе предстоящего многолетнего процесса разворачивания библиотечных фондов в хранилищах нового здания.

Поступление новых книг и журналов в условиях крайне ограниченных финансовых ресурсов, к которым в 2022 г. добавились серьезные логистические проблемы, также нетривиальная задача. ИНИОН РАН получает «обязательный экземпляр» отечественных изданий, однако в последние годы из-за сбоев в государственной системе комплектования случаются пропуски журналов. Эти пропуски, скорее всего, придется восполнять путем закупок, но до переезда в восстановленное здание на историческом месте эта задача даже не ставилась – во многом потому, что она теперь будет инкорпорирована в общую программу по постепенному целенаправленному восстановлению потерь от пожара 2015 г. Пока же лакуны заполнялись отчасти хаотично – дарами ученых и библиотек. Дары являются для ИНИОН РАН и самостоятельным потоком комплектования, особенно когда жертвователями выступают известные профессора и их потомки. Потенциальным источником даров могли бы стать пожертвования бизнеса, но привлечь какую-либо крупную компанию к финансированию закупки хотя бы полусотни книг пока не удалось. Московская интеллигенция, будучи реальной элитой общества, гораздо щедрее нашей «деловой элиты».

Еще один источник комплектования – международный книгообмен, который сохранился в ИНИОН РАН главным образом стараниями заведующего отделом Игоря Федоровича Куренного. Ведь фактически международный книгообмен в России был «реабилитирован» чиновниками лишь после начала СВО на Украине. До этого такая традиционная форма деятельности в академических научных библиотеках не признавалась как самостоятельная работа, а значит, и не финансировалась. К сожалению, в итоге за 2010-е годы были утрачены некоторые партнеры, а Россия как государство упустила возможность использовать столь важный инструмент «мягкой силы» для продвижения своих научных концепций в области общественных и гуманитарных наук за рубежом. Отмечу, что получателями литературы из ИНИОН РАН традиционно выступают Библиотека Конгресса США, Парламентская библиотека Японии, многие ведущие научные библиотеки стран – членов ЕС (особенно восточноевропейских). При этом не надо думать, что страдали связи именно со странами «коллективного Запада», поскольку именно развитые страны, а также Белоруссия и Китай готовы были продолжать неравноценный обмен с Россией, учитывая финансовые трудности ее научных библиотек после пресловутой реформы РАН 2013 г. В итоге основной удар в области международного книгообмена пришелся на Вьетнам, ЮАР и другие государства глобального Юга. Тем не менее по-прежнему ИНИОН РАН развивает партнерские отношения с библиотеками более чем 30 стран, причем в 2022–2023 гг. впервые за много лет со стороны России в международный книгообмен включены не только издания ИНИОН РАН и «лишние» экземпляры обменного фонда, но и специально подобранная для поставок за рубеж книжная продукция ведущих московских академических институтов общественного и гуманитарного профиля. В случае выделения государством денег на развитие международного книгообмена после 2024 г. нет никаких проблем включить в эту систему и ведущие московские вузы, а также организации из российских регионов, которым «с нуля» развивать систему книгообмена в нынешних сложных геополитических условиях будет крайней проблематично.

Наконец, читателям нужны зарубежные книжные новинки и свежие иностранные журналы, которые надо покупать. После пробных закупок в 2021–2022 гг. к открытию нового здания удалось получить целевую субсидию в размере 5 млн рублей для закупки более 700 книг ведущих западных издательств. Кроме того, ИНИОН РАН провел небольшие закупки новых африканских книг на английском и французском языках, а также некоторого количества монографий на арабском языке. Параллельно РЦНИ передал ИНИОН РАН коллекцию из более чем пяти тысяч книг (правда, по общественно-гуманитарной тематике там лишь около четырех тысяч) в электронном виде (в основном на английском языке). Если с 2024 г. удастся повторять опыт 2023-го, то можно надеяться, что за несколько лет информационный «голод» для российских ученых будет утолен (ведь отбор книг ведется специалистами ИНИОН РАН с привлечением консультаций экспертов из почти двух десятков академических институтов трех профильных отделений Российской академии наук).

Создание музея в новом здании ИНИОН РАН отразило всю специфику строительства в рамках реконструкции здания, пострадавшего во время пожара 2015 г. На самом деле изначальный проект никто с Институтом не согласовывал. Более того, поэтажные планы мы увидели лишь после возведения «коробки». Какие-то несуразицы, вроде предполагавшейся разгрузки книг на втором (!) этаже или изначального отсутствия зала ученого совета, удалось решить. Более того, обивка зала, который в итоге был приспособлен для заседаний ученого совета и конференций с числом участников 50–100 человек, случайным образом обеспечила очень хорошую акустику. Какие-то особенности проекта, вроде никому не понятной хаотичной нумерации комнат (к которой привязаны пожарная охрана и другие технические службы), так и останутся в жизни ИНИОН РАН – нам даже пришлось выпустить путеводитель по зданию. Но создание музея, которого не было в «допожарном» ИНИОН РАН, с самого начала казалось «вкусной изюминкой». Только быстро выяснилось, что проектировщики не имели никакой концепции, предполагая фактически плагиат Музея книги РГБ (правда, непонятно было, где и на какие деньги ИНИОН РАН купит папирусный свиток или глиняную табличку).

С самого начала мне пришлось брать переговоры по созданию музея в свои руки. Для начала была изменена концепция музея, который на самом деле юридически является не более чем выставочным пространством Фундаментальной библиотеки. Мы стали создавать Музей становления общественных наук. Строители и нанятые ими дизайнеры пытались навязать нам разные экстравагантные идеи, но в спорах удалось реализовать, на мой взгляд, стройный и привлекательный для посетителей проект. В музее несколько залов: два зала и коридор представляют собой постоянную экспозицию, еще два зала предназначены для временных экспозиций. Временные экспозиции пока только разворачиваются – весной 2023 г. были организованы выставка к 100-летию члена-корреспондента РАН языковеда Н.Д. Арутюновой и экспозиция памяти профессора, доктора филологических наук Ф.М. Березина (приуроченная к XX международным Березинским чтениям, ежегодно проводимым в ИНИОН РАН). В сентябре открылась экспозиция к 100-летию Республики Бурятия, иллюстрирующая результаты деятельности обществоведов и гуманитариев региона. Юбилейные выставки, посвященные целым регионам, ведущим институтам и библиотекам, мы планируем устраивать постоянно, тем более что это прекрасный повод развивать практическое сотрудничество с коллегами.

Что касается постоянной экспозиции, то в первом зале на примерах 12 общественных и гуманитарных наук ИНИОН РАН показывает, что их представители внесли вклад в радикальное улучшение человеческой жизни ничуть не меньший, чем представители естественных, технических или медицинских наук. Если говорить о языкознании, то среди примеров можно назвать, например, создание алфавитов для бесписьменных народов (вплоть до XX в.) или подготовку словарей, которые были использованы для компьютерного поиска. Если взять страноведение (включая востоковедение), то можно привести такие актуальные до сих пор результаты, как борьба с колониализмом или помощь развивающимся странам в разработке экономического районирования. Понятно, что именно 12 наук были взяты условно (по сути, число красивое), но дальше этим наукам в коридоре, ведущем в залы временных экспозиций, даны краткие определения (кстати, студенты-первокурсники из ГАУГН уже интересовались, как правильно цитировать эти дефиниции). При разработке содержательной стороны экспонатов в ИНИОН РАН организовывались многоэтапные обсуждения (в основном в онлайн-режиме, т.к. это было время пандемии коронавируса), постоянно привлекались и специалисты из профильных академических институтов, МГУ им. М.В. Ломоносова и других ведущих вузов. Скажу прямо, на столь «скользкой» дорожке, как описание становления общественных наук, основной задачей было создать такие тексты, в которых не было бы глупостей, а все возникающие у посетителей музея вопросы можно было бы считать лишь началом серьезной дискуссии. В частности, это относилось к интерактивным экспонатам (к геохронологическому циферблату – своеобразному «колесу времени» – или, например, к «дереву наук», которое на самом деле является, скорее, динамичной схемой развития общественных наук начиная с XI в., причем только в Европе), поскольку требования компьютерщиков нередко вступали в противоречие с желанием ученых детализировать контент. Насколько коллективу ИНИОН РАН это удалось, пусть оценят посетители музея. Вход для самостоятельного осмотра экспонатов для читателей Фундаментальной библиотеки свободный, но возможна организация и платных экскурсий (по меньшей мере раз в месяц в музей можно попасть и в составе организованных экскурсий Музея Москвы, посвященных архитектуре научных зданий периода советского модернизма).

Очевидно, что перед ИНИОН РАН и его Фундаментальной библиотекой встают все новые задачи, в том числе принципиально иного масштаба, чем это было в последние лет десять – пятнадцать. Однако коллектив с оптимизмом смотрит в будущее и надеется, что запросы читателей, которых мы очень ждем в новых стенах на историческом месте, позволят нам удерживать и расширять свою конкурентную нишу в сфере информационного обеспечения научных исследований.

Л.В. Юрченкова

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА СО МНОЙ ВСЮ ЖИЗНЬ

Юрченкова Людмила Васильевна (18 сентября 1955, Москва). Окончила исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова (1978). Кандидат исторических наук (1983), специалист в области библиотековедения и библиографоведения, почетный работник науки и высоких технологий Российской Федерации, заместитель директора ИНИОН РАН по библиотечной работе.

Неожиданно для себя я обнаружила, что уже очень длительное время работаю в ФБ ИНИОН РАН и вся моя жизнь связана с этой библиотекой. А в коллективе не замечаешь возраста.

Когда я вспоминаю о Фундаментальной библиотеке, мне всегда становится тепло и приятно. Особая атмосфера всегда отличала Фундаменталку. Моя мама, Галина Васильевна Юрченкова, начала свою трудовую деятельность тоже в ФБОН АН СССР и проработала с 1956 по 1988 г. в секторе комплектования иностранной литературы ОКНФ. Поэтому для меня ФБОН еще и ассоциируется с ранними детскими воспоминаниями. Белый зал, елка, праздник, подарки, много книг и красивых журналов с картинками, сердечные люди, заботливые, чуткие, веселые. Детские воспоминания – самые светлые. У меня сохранились отличные фотографии, где мне три года и мы с Сашей Митрофановым, сыном маминой коллеги Эвы Казимировны Митрофановой, сидим около елки на празднике в Белом зале.

Были годы занятий в читальных залах, знакомство с серьезной научной библиотекой с непростой историей. Когда занималась научной работой (а занималась я историей отечественного славяноведения) в 1970-х – первой половине 1980-х, я пыталась работать и в других библиотеках, Историчке, Ленинке, но их возможности в те далекие годы по удовлетворению моей любознательности нельзя было сравнить с возможностями Фундаменталки.

Само здание ИНИОН АН СССР поражало воображение. О нем всегда говорили как о памятнике архитектуры (влияние Алвара Аалто, зенитные фонари, естественное освещение читальных залов, комплекс главного входа и т.п.). В 1978 г., через четыре года после официального открытия ИНИОН, здание было заполнено книгами и читателями, которые выстраивались в длинную очередь около общего читального зала, в котором трудно было найти место для работы даже в утренние часы. Именно книги, фонды создавали в ИНИОНе особую атмосферу.

С 1978 г. начались рабочие будни в секторе истории отдела научно-библиографической информации. Счастливый случай, когда после окончания Исторического факультета МГУ твоя работа заключается в просмотре всей новой поступающей литературы по историческим наукам, ее разметке и обработке. В секторе сложился коллектив профессионалов, возглавляла его Галина Марковна Марковская, посвятившая свою жизнь библиографии, защитившая кандидатскую диссертацию по проблемам общеисторической ретроспективной библиографии. Ей под стать были такие мэтры библиографоведения, как Иона Петрович Доронин, Сара Моисеевна Раскина, Зельма Карловна Янель, Вячеслав Константинович Головников, Александра Алексеевна Чернова. Их долгие совещания по проблемам библиографического описания, предметизации и наполнения рубрик библиографических бюллетеней вызывали трепет и глубокое уважение к объекту обсуждения. В секторе я была самым молодым сотрудником, поэтому все овощебазы и субботники были моей обязанностью. При этом норму обработки карточек в месяц никогда не уменьшали.

В 1989 г. я перешла на работу в нашу филиальную сеть. Сегодня это крупное подразделение библиотеки включает 15 библиотек при институтах социального и гуманитарного профиля РАН, в нем работают 108 сотрудников, а в 1989 г. филиалов было 23 при 27 институтах и работали в них 247 библиотекарей-библиографов и научных сотрудников. Масштаб и задачи пугали, но, несмотря на то, что тогдашний новый руководитель Фундаментальной библиотеки Виктор Федорович Матвеев, бывший первый секретарь Севастопольского райкома КПСС Москвы, еще не вошел в жизнь нашей библиотеки, я нашла содействие и поддержку в лице заведующих отделами библиотечно-библиографического обслуживания, руководителей наших филиалов. Последние 35 лет я с неизменным удовольствием работаю с этим уникальным коллективом, который позволил мне расширить познания в различных областях социальных и гуманитарных наук.

Благословение на эту работу мне дали мои предшественницы – Ася Иосифовна Карженевич и Светлана Николаевна Калашникова, чьим доброжелательности и вниманию я бесконечно признательна.

В филиалах – отделах библиотечно-библиографического обслуживания – работали и сотрудничали со мной такие специалисты, как Галина Титовна Серова, Вера Александровна Мизина, Нина Васильевна Панкова, Римма Михайловна Жарехина, Лидия Павловна Грачева, Валентина Федоровна Ипполитова и др., сформировавшие редкие коллекции профильной литературы по археологии, этнологии, экономике, востоковедению, африканистике, латиноамериканистике, полноте которых могут позавидовать другие крупные библиотеки страны.

В 2015 г. в Москве произошел страшный пожар: в пятницу 30 января около 22.00 загорелось здание ИНИОН РАН на Нахимовском проспекте. В этом здании располагалась наша библиотека – Фундаментальная библиотека ИНИОН РАН с 14-миллионным фондом.

Многие коллеги сразу после информации о пожаре приехали к зданию ИНИОН. Я увидела пожар по телевизору. Вот тогда-то мне и надо было начать писать мемуары, так как на моих глазах разрушались стены родного третьего этажа, где размещался отдел научно-библиографической информации, Белый зал, профильные кабинеты, Справочно-библиографический кабинет им. Г.Г. Кричевского, где прошли, как модно говорить, лучшие годы моей жизни. Вместе со стенами, тогда казалось, рушится жизнь коллег и друзей…

Эта трагедия завершила череду несчастных совпадений и драматических событий. Одна из ведущих библиотек России к XXI в. пришла в довольно плачевное состояние, как ни горько об этом писать. Библиотека, первой в СССР создавшая поисковые базы данных по общественным наукам, обладавшая уникальным собранием, оказалась непонятным образом на обочине научной и библиотечной жизни. В библиотеке – создателе АИСОН и МИСОН на момент пожара не было даже электронного каталога.

Я много работала в Архиве РАН в фонде ФБОН и знаю не по книгам, а по архивным документам ее славное прошлое. Поэтому сразу после пожара, и 31 января, и 1 февраля 2015 г. очень хотелось верить, что дым над зданием ИНИОН – это не страшно… Что пострадал только третий этаж, а книгохранилища с бесценными фондами уцелели.

Коллектив библиотеки не растерялся, несмотря на страшную картину разрушений, которая предстала перед сотрудниками утром 31 января. В то утро, надеясь, что катастрофы не произошло и фондохранилища огонь не затронул, я предложила дирекции ИНИОН РАН временно решить вопрос с размещением сотрудников, оставшихся без рабочих мест: переместить все библиотечные процессы (просмотр новой литературы, ее обработку) в филиалы библиотеки при институтах социального и гуманитарного профиля РАН, чтобы не останавливать библиографическую и научную обработку новых поступлений, издание библиографических указателей, а также продолжать обслуживать читателей ФБ в читальных залах филиалов.

Дирекция была занята другими серьезными вопросами, поэтому инициативная группа библиотечных сотрудников, в составе которой были Татьяна Ивановна Решетник, заведующая отделом научных фондов, Валентина Васильевна Соловьева, заведующая сектором комплектования отечественной литературы и председатель профсоюзного комитета ИНИОН РАН, и я, предложила администрации ИНИОН временную схему работы библиотеки. Провели 2 февраля в помещении отдела ББО при ИМЭМО совещание по плану наших действий в сложившихся обстоятельствах. Было предложено собрать сотрудников отделов, временно лишившихся рабочих мест, и реализовать план по реорганизации работы ФБ до выяснения масштабов катастрофы. После недолгих рассуждений предложили разместить отдел комплектования в филиале при ИМЛИ и там же организовать выставки текущих поступлений, а работу читального зала для сотрудников (Белого зала – таково историческое название этого читального зала, перекочевавшее вместе с библиотекой с ул. Фрунзе, ныне Знаменка, на Нахимовский проспект) организовать в профильных филиалах согласно тематике библиографических и научных центров.

3 февраля 2015 г. было проведено собрание сотрудников центральной библиотеки, библиотекарей отдела научных фондов и отдела библиотечно-информационного обслуживания. Их распределили по филиалам, затем в первую же неделю после пожара организовали выставку текущих поступлений в филиале при ИМЛИ.

Фактически библиотека самоорганизовалась и продолжила работу, немного перестроившись. Так как судьба центральной библиотеки еще была не ясна, новые книги должны были поступать в профильные филиалы в режиме «длительного пользования».

В феврале-марте 2015 г., несмотря на неудобства, отсутствие нужного оборудования работа по комплектованию, учету, каталогизации, обработке и подготовке библиографических бюллетеней и научной информации полностью переместилась в филиалы. На списанных в обслуживаемых институтах компьютерах каталогизаторы и библиографы ФБ посменно по графику просто в программе Word обрабатывали поступающую литературу, а библиографы и научные сотрудники размечали статьи в журналах и сборниках, отбирали новые книги. Огромную помощь в этот период Библиотеке оказали все библиотекари филиалов, лаборатория компьютерных систем и заместитель директора Марк Борисович Шнайдерман, который нашел ответ на самый животрепещущий вопрос: как продолжать выпуск библиографических указателей при отсутствующем (поврежденном при тушении пожара) сервере. Помогли и сотрудники хозяйственных служб, так как надо было каждую неделю разбирать по тематике новую литературу, развозить ее по шести филиалам для ознакомления и обработки, затем сортировать по тематике, проверять и доставлять поступления в профильные отделы. Тамара Гавриловна Горшанникова, руководитель АХО, оказывала в этом вопросе самую действенную помощь.

Однако к апрелю масштаб произошедшего стал более очевидным, а поток поступлений был таков, что возникла срочная необходимость в дополнительных площадях и организации постоянных рабочих мест для размещения отделов центральной библиотеки и складирования не пострадавших фондов, эвакуированных из сгоревшего здания на время работ по его восстановлению.

Для размещения фондов Фундаментальной библиотеки, не пострадавших при пожаре, временно были предоставлены площади ПИК ВИНИТИ в Котельниках. А в помещениях бывшей библиотеки им. Н.М. Рубцова на ул. Дм. Ульянова решено было сделать центральную библиотеку, где будут размещены отделы комплектования, каталогизации, предварительной обработки сериальных изданий, обслуживания, научной библиографии. Конечно, для размещения 100 сотрудников освобожденных 680 кв. метров библиотеки им. Н.М. Рубцова было явно недостаточно, да и помещение не было меблировано. Пришлось это решать новой инициативной группе библиотеки (Алексей Иванович Слива, заведующий отделом библиографии, Елена Юрьевна Матвеева, заведующая сектором истории ОНБИ, и я). Почему мне опять пришлось заниматься в общем-то далеким от меня вопросом обустройства центральной библиотеки, могу пояснить: обеспечением работы библиотеки два послепожарных месяца занимались сотрудники отделения, возможности б/у техники и площади филиалов были весьма ограниченны, не позволяли дольше работать в авральном режиме и кадровые возможности отделов ББО. Взяв работу по переезду на Ульянова в свои руки, администрация ИНИОН разрешила организовать вывоз уцелевшей мебели из общего читального зала (стеллажи, столы, стулья, кафедры).

Группа сначала организовала очистку мебели от копоти и сажи на третьем этаже здания ИНИОН, в чем очень помогли коллеги из отделения, затем нашла машину с грузчиками, оплатила транспортировку, погрузку / выгрузку и установку-компоновку мебели в новом помещении на ул. Дм. Ульянова. За три дня – субботу, воскресенье и понедельник 11–13 апреля 2015 г. – появился новый «белый зал» – читальный зал для сотрудников. Остальные библиотечные отделы обживались на новом месте своими силами: привозили пожертвования в виде мебели, оргтехники, компьютеров в свои кабинеты. К середине апреля 2015 г. Фундаментальная библиотека заработала в новом помещении.

Сотрудники отдела научных фондов в это время устроили свою трудовую жизнь в уцелевших помещениях столовой на Нахимовском проспекте, сотрудники хранения контролировали вывоз пострадавших фондов, упаковывали не пострадавшие фонды, вели учет эвакуируемых в холодильники Росрезерва намокших фондов. Вопрос о способах обеспечения сохранности залитых во время тушения пожара фондов обсуждался экспертной комиссией, в состав которой входили ведущие специалисты национальных и федеральных библиотек Москвы, Санкт-Петербурга, специалисты реставрационных организаций. Так как в апреле 2015 г. в Москве уже установилась теплая погода, выше плюс 15° днем, то возникла реальная угроза гибели намокших фондов от грибка и бактерий. В предоставленные для размещения холодильники Росрезерва фонды вывозились в пластиковых ящиках на фурах, которые сопровождали сотрудники библиотеки.

Никогда не забуду впечатление от сгоревшего книгохранилища. Искореженные стеллажи в фантастических конфигурациях и превратившиеся в папье-маше книги в проходе, буквально под ногами: сотрудники МЧС сбрасывали книги с полок, чтобы видеть, как распространяется огонь, вода из прорубленных в потолке проемов заливала книги, а специальные тяжелые ботинки бойцов пожарной команды, перемалывали то, что оставалось лежать на полу, в бумажную кашу.

В эти годы, с 2015-го по 2023-й – почти девять лет, были и радость, что здание восстанавливают, и борьба за существование Института, и разочарования, хотя, мне думается, что надо просто начать жить по-новому в новом здании, вернуть в библиотеку жизнь, а книги вернуть читателям.

В Фундаментальной библиотеке больше 7 млн экземпляров книг и журналов, Она входит в 100 крупнейших библиотек мира. Частично сохранился и допожарный коллектив библиотеки, главное, есть специалисты, с которыми можно посоветоваться, есть люди, прошедшие вместе и огонь, и воду и не бросившие библиотеку, а продолжающие бороться за нее – и в морозильных камерах, и в не очень комфортных условиях огромных складских промышленных помещений. Есть союзники и в администрации – директор ИНИОН Алексей Владимирович Кузнецов и заместитель директора Владимир Сергеевич Качан, понимающие значение библиотеки и способствующие ее восстановлению и возрождению.

Наша библиотека должна возродиться. Да, она будет другой, но это и хорошо. Ведь время не стоит на месте. В память о предыдущих поколениях специалистов, создавших Фундаментальную библиотеку, современные библиотекари-библиографы, я надеюсь, создадут эту новую библиотеку, соблюдая традиции той библиотеки, которой сегодня исполнилось 105 лет.

Т.И. Решетник

А КНИГИ РАССТАВЛЯТЬ ИНТЕРЕСНО!

Решетник Татьяна Ивановна (1 июля 1951, Москва). Окончила Московский государственный институт культуры (1980). Специалист в области библиотековедения, книговедения, истории библиотечных фондов, заведующая отделом научных фондов Фундаментальной библиотеки ИНИОН РАН.

Когда-то, в 90-х годах прошлого века, предполагалось на ученом совете ИНИОН РАН заслушать научный доклад сотрудника Фундаментальной библиотеки. На это, один из тогдашних членов ученого совета сказал: «Ну что, вы будете рассказывать, как книжки расставляете?».

Доклад (неизвестно, на какую тему он был заявлен) не состоялся. А вопрос у меня остался. «Как книжки расставлять» всегда меня интересовало и заботило. Особенно тогда, когда меня назначили на должность заведующей отделом научных фондов.

Позволю себе некоторую справку относительно литературы, поступавшей в фонды библиотеки, хотя о многом приходится говорить в прошедшем времени.

Как известно, Библиотека составляла свой фонд в соответствии с нуждами научной работы Социалистической академии. Никогда не стояла задача приобретать в книжный фонд редкости. Тем не менее в составе библиотек, переданных в Соцакадемию из Книжного фонда Наркомпроса, присутствовали старопечатные книги, нелегальные издания и др.

До начала поступления в Библиотеку обязательного экземпляра Книжной палаты фонд пополнился литературой из библиотек Катковского лицея (10 000), библиотеки В.И. Танеева (20 000), Московской Практической академии коммерческих наук (27 000), Литературно-художественного кружка (10 000), из Исторического музея передали Библиотеку революционного архива нелегальных заграничных и русских изданий (1 500).

В последующие годы были получены библиотека графа СД. Шереметева из села Михайловского, фонды библиотеки Московской губернской земской управы, Библиотека Воронцовых из Алупки поступила в ФБ в 1953 г.

Фонды пополнялись и в результате экспедиций сотрудников в области и края страны. Благодаря им у нас есть коллекция местных газет 1917–1925 гг.

Пришла я на работу в Фундаментальную библиотеку через пару лет после того, как она влилась в состав Института научной информации по общественным наукам. Это был май, а не сентябрь, когда, осенью, все последующие годы несколько обновлялся состав отдела научных фондов. Моя одноклассница работала здесь и рекомендовала меня. Меня приняли научно-техническим сотрудником – такая была должность.

В отделе хранения, как просто называли мой отдел, всегда была текучка кадров. Это связано было с тем, что принимали выпускников школ, не поступивших в вузы, которые использовали возможность поработать в библиотеке и подготовиться к следующей попытке поступить в заветное высшее учебное заведение. Некоторые уходили через пару месяцев, но были и те, кто остался на долгие годы. Так было и до меня, и когда я принимала новеньких в ряды сотрудников отдела. В моем отделе работают по 50 лет Лариса Алексеевна Ведешева, Елена Алексеевна Велидова, Анна Анатольевна Ершкович, Юрий Владимирович Макшеев, а приближаются к этому Светлана Васильевна Беруль, Людмила Филипповна Голенцова. Перешла в отдел комплектования Марина Геннадьевна Петрова, с которой мы начинали вместе работу в так называемом «первом кабинете».

Моя трудовая жизнь началась в одном из интереснейших подотделов – фонде литературы по филологии, философии, искусствознанию, истории науки. Главным библиотекарем, ответственным хранителем этого фонда, была Нина Павловна Капустина, которая стала для меня наставником, старшим другом. Она учила тонкостям работы с фондом, заботилась о нас, молодых сотрудниках. Замечания по работе и по жизни из ее уст никогда не были обидными, а принимались как должное.

В мой первый рабочий день Нина Павловна пронеслась с улыбкой по отделам библиотеки на ул. Фрунзе, заглянув к заведующей отделом Ирине Николаевне Воскресенской, в отдел обслуживания и абонемент, забрав пачки требований читателей. Мы сели в кабину грузовика и поехали из центра на юго-запад, в подвал на улице Вавилова, 35, где располагался этот фонд.

Работа нашего подотдела фонда проходила в отрыве от основного здания, но была четко налажена. Мы исправно выполняли читательские требования и отправляли литературу на следующий день в читальные залы ФБ машиной, с ней же получали книги для расстановки; давали справки по телефону, старались разместить книги, которые постоянно прибывали. Подвал был не резиновый, книги стояли на полках в три ряда, лежали на табуретах. Невозможно было не увлечься всем этим богатством, которое открывалось с каждым днем все больше и больше. Хотелось читать, читать, читать.

Значительно позже, уже в период работы завотделом, я смогла узнать и понять, что все отраслевые подотделы фонда были уникальны по своему составу. Во второй половине 80-х и все 90-е годы прошлого столетия можно было на примере читательских запросов увидеть трансформацию общественно-политической жизни страны. Огромным спросом начала пользоваться литература по различным отраслям экономики (кооперация, финансы, банки, налоги), права, истории, международных отношений.

Стройка на Профсоюзной улице близилась к завершению. Молодежь, в том числе я и мои коллеги, принимали участие в работах по уборке на новой территории, навешиванию полок в книгохранилище. Руководители планировали организацию и размещение отделов и фондов (так же, как и в нынешнее время).

Владимир Алексеевич Виноградов назвал в своих «Воспоминаниях» этот период так: «Книги двинулись в поход». Наш фонд был первым, с него начался переезд фондов, который завершился в конце лета 1974 г., уже после официального открытия нового здания Института.

В последующие годы сотрудники отдела занимались постепенным возвращением фондов, заштабелированных в подвалах, а в 1990 г. приступили к разбору фондов, хранившихся в храме Казанской иконы Божией Матери в Узком, где по решению специальной комиссии в 50–60-е годы прошлого века складировалась дублетная и наименее спрашиваемая часть фонда. Например, был свернут весь раздел, посвященный истории техники, часть фонда истории науки, художественная литература на иностранных языках.

В храме была размещена литература так называемой упрощенной обработки, среди которой имелись фонды различных отечественных библиотек, поступившие в Фундаментальную библиотеку. Необходимо отметить литературу из библиотеки Московской губернской земской управы, книги ИМЛИ, ИИЕТ, ИИМК. Читателям она неизвестна так же, как и литература, поступившая в ФБОН в конце 40-х годов в порядке репараций.

В конечном счете фонды из храма оказались в специально возведенном ангаре во внутреннем дворе Института. Нам пришлось ими заниматься уже после пожара в течение 2015–2019 гг. И оказалось, что мы разбираем то, что оставалось неразобранным в 20–40-х годах XX в.

В октябре 2015 г. началась работа по разбору штабелей в ангаре, она продолжалась без перерыва до последнего дня нахождения нас на территории пострадавшего здания. Мы выехали из занимаемых помещений 27 июня 2019 г., а в это время уже рушили стены здания Института.

Последние почти девять лет оказались для сотрудников ФБ и всего Института очень непростыми.

В моем отделе часть сотрудников уволилась по объективным причинам, пришли новые молодые кадры: Сергей Брысин, Карен Мартиросян, несколько лет работал Артем Ковыров.

В период ликвидации последствий пожара сотрудники отдела показали высокую готовность спасать как пострадавшие, так и не горевшие фонды. При этом не предусматривалась работа наших сотрудников в книгохранилище во время эвакуации пострадавших фондов. Самоотверженно работали в книгохранилище главные библиотекари Юлия Ивановна Балагура, Ольга Александровна Ануфриева. Они спасали редкие издания, в том числе альбомы графики, например Альбрехта Дюрера. Сотрудниками отдела были собраны и отправлены в морозильные камеры «забытые» специально нанятыми работниками книги.

Сотрудники отдела собрали и вывезли все сохранившиеся каталоги, являющиеся нашим основным документом на фонд.

С помощью сотрудников других отделов Института и при огромной помощи волонтеров был эвакуирован фонд, не залитый во время тушения. За месяц работы почти без выходных было перемещено около одного миллиона экземпляров литературы.

Началась история хранения фонда в помещениях издательства «Наука» (г. Люберцы), которая закончилась через несколько лет переездом этого фонда в складской комплекс (Кантемировская, 59), а также в 2019 г. переездом фондов и имущества из здания ИНИОН РАН по тому же адресу.

Работа в складском комплексе оказалась непростой. Мы разместили непострадавшие книги в боксах, которые более подходили для хранения коробок с книгами. В отдельных помещениях складировали литературу, отобранную из ангара. В 2020 г. в период ограничений, связанных с пандемией короновируса, произвели пересчет всего фонда.

Далее занялись просушиванием фонда литературы, которая была увлажнена, но не промерзла насквозь. Оборудовали боксы стеллажами, были приобретены вентиляторы для конвекционной сушки, приборы измерения влажности бумаги, осушители и очистители воздуха, так как на просушиваемой бумаге было много пепла. Началась эта работа в ноябре 2020 г. и закончилась ровно через два года к ноябрю 2022 г. Просушено более 900 тысяч единиц литературы. Предстоит решать задачу ее очистки, реставрации, переплета и т.д.

В этот же период мы продолжали получать новые поступления книг и периодических изданий, которые надо было подготовить к расстановке фондов в связи с вводом в строй нового книгохранилища.

Сегодня мы успешно решаем эту задачу и перевезли в новое книгохранилище более 100 тысяч книг и авторефератов. Готовим к переезду фонд периодических изданий, и другие фонды на очереди. Продолжение следует!

А.В. Гордон

ФБОН С БЛАГОДАРНОЙ ПАМЯТЬЮ

Гордон Александр Владимирович (1 октября 1937, Днепропетровск, УССР). Окончил исторический факультет Ленинградского государственного университета им. А.А. Жданова (1959). Доктор исторических наук (1991). Специалист в области истории и историографии. В ФБОН – ИНИОН с сентября 1961 г. от младшего до главного научного сотрудника, заведующего сектором в отделе Азии и Африки.

Окончив истфак Ленинградского университета, я приехал к родителям в Подлипки (ныне Королев)[1], где устроился в местную школу воспитателем группы продленного дня. Нива просвещения была малодоступна для университетских выпускников, предмет «читали» обычно отставные политотдельцы, райисполкомовцы. Типичной была фигура директора школы или завуча, которым история прилагалась к административным обязанностям. Хотя учительского хлеба я все же вкусил, замещая штатного педагога во время его походов за дипломом, школьная карьера оказалась для меня закрытой. Административная тоже.

Здесь был иной парадокс советского времени. Прознав про университетское образование и лекторскую практику, завотделом пропаганды горкома комсомола стала азартно пробивать мою кандидатуру в «инстанциях». Вмешательство ведавшего номенклатурой (которая не допускала «пятой графы») секретаря горкома партии положило конец ее стараниям. К счастью, такая карьера меня отнюдь не прельщала. Получив классическую подготовку в вузе, особо пострадавшем в «чистках» (1921–1922, 1929–1931, 1935–

---

[1] Краткое описание этих перипетий см.: Французский ежегодник. – М., 2002. – С. 42. См. также главу о Я.М. Захере, моем учителе в книге «Историки железного века» (2018).

1938, 1949–1951 гг.), но все же удержавшем некую преемственность школ, я искал пути в науку.

Требовались московские связи, и замечательной оказалась поддержка Лены Предеин, пионервожатой моего класса (в 1944–1950-х я учился в подмосковном Чкаловском). Она работала в Главном архивном управлении, по ее звонку меня взяли на сдельную работу в Архив МИДа. Без всяких допусков и отношений! Просто выяснили мои возможности для издания документов внешней политики России. Курьез, но деньги я получал на Смоленской в ряду с сотрудниками МИДа и МВТ, которым причиталось нечто непостижимое для советского человека – валюта на командировки. В ожидании выдачи прикасался к издательской «кухне». Так, при мне высокая комиссия, решая вопрос о составе, исключила из издания документы по внешней политике России XVIII в., в неблагоприятном свете отражавшие имперскую политику в отношении Польши.

А вот культура работы с документами была высокая. До сих пор вспоминаю Сергея Ивановича Дивильковского, сына одного из первых советских послов во Франции и моего непосредственного начальника. Как он меня поразил самой способностью проникновения в иноязычную культуру, чувством тонкостей французского языка! Впрочем, русского тоже. Как-то раз он мне предложил позвонить на Смоленскую и спросить, получили ли они счет на выполненную мной работу. От волнения я оговорился и назвал счет «чеком». С.И. немедленно меня поправил: «Мы не в Чикаго!»

Устроиться по специальности помогли другие подруги. Как-то в Москве собрались однокашницы, присутствовала сестра моей соратницы по целине и другим сельхозработам[1] Нина Крыкина. Нина работала в Институте востоковедения и рассказала обо мне Анне Михайловне Гришиной, та Софье Иосифовне Кузнецовой, заведовавшей сектором востоковедения ФБОН. В секторе было много дела с картотекой, имелись секторские деньги, и можно было обходиться без оформления. Так с 1960 г. стал я работать в здании на Знаменке (тогда ул. Фрунзе). Разбирал картотеку по Вьетнаму, не подозревая, что когда-нибудь окажусь в этой стране.

---

[1] Еще один образовательный парадокс. Хотя в моем дипломе записано «Преподаватель истории средней школы», педпрактика у нас продолжалась несколько маловыразительных недель. Зато мой университетский «сельхозстаж» достиг к окончанию чистых шести месяцев. И это был очень содержательный университет (занятие в котором было продолжено в ФБОН).

Сколько советских востоковедов (и западоведов) порой всю жизнь изучали страны, в коих так и не побывали! Зачисление состоялось через год. Воля случая оказалась рукой Провидения.

В двух словах: для меня ФБОН – это Белый зал, в который я стал выходить после зачисления. Белоколонное торжественное и уютное помещение с огромными окнами, большим зеркалом и резным камином было украшением старинного особняка, очевидно предназначенным для балов и приемов. От парадного входа со Знаменки к нему вела мраморная лестница с двумя грациозными статуями посланца Любви, воспринимавшегося добрым вестником для нашего женского коллектива.

В фэбэоновской действительности Белый зал выполнял многие функции. Прежде всего это было рабочее место, заполнявшееся несколькими десятками столов по пять-шесть в ряд. Здесь ежедневно около 40 библиографов просматривали и обрабатывали новые поступления разноязычной литературы. Зал служил местом собраний коллектива, а по торжественным случаям танцевальным, лекционным либо театральным помещением. Была у зала и ритуальная функция.

Живописности интерьера соответствовала примечательность работавших в нем людей. Моими соседками слева были две замечательные старушки из сектора науки Эрнестина Борисовна Гвиниева и Лидия Александровна Воскресенская. Первая была кандидатом наук, готовила библиографию для академических изданий и по различным случаям, например, когда новых поступлений оказывалось особенно много, восклицала: «Oh, grand-maman!» По мужу она была связана с культурной элитой Грузии, во время выступления у нас И.Л. Андроникова выяснилось, что искомая тетрадка со стихами Лермонтова хранилась у них в семье.

А Лидия Александровна, муж которой был видным врачом, связывала нас с родовой московской интеллигенцией. Притом отец ее был промышленником[1], и у нее осталось много родственников за рубежом (не пятый, но тоже нежелательный пункт). Л.А. помогала Гвиниевой, подносила ей литературу, между тем великолепно знала европейские языки, включая венгерский, который выучила в весьма солидном возрасте. Накануне Первой мировой пешком исходила Францию и своими рассказами о недоступной земле возбуждала романтические чувства коллег. А когда страна вновь открыла себя внешнему миру, в 80 с лишком лет слетала к родственникам в Америку.

---

[1] Бари Александр Вениаминович (1847–1913) – российский инженер, предприниматель и общественный деятель, создатель первой в России инжиниринговой компании.

Справа сидела Наталья Ивановна Голубцова из сектора истории. Она ряд лет работала референтом Вячеслава Петровича Волгина[1], имя которого библиотека носила после его смерти (1962).

Волгин – непременный секретарь Академии в трагической ситуации «академического дела» (1930), затем вице-президент АН, был не только крупным ученым, создавшим дисциплину под названием «утопический коммунизм», но и замечательным человеком, сохранившим при коммунистической убежденности и партийной вышколенности духовную независимость. Н.И. вдохновенно рассказывала об этой колоритной личности, о своей работе с ним, об ученых, с которыми он общался. В общем, мои соседки по Белому залу олицетворяли культурную традицию, вобравшую в себя минувший век без разделения на досоветские и советские времена. Ее духом, духом российского Просвещения, чрезвычайно органичным в классическом старинном интерьере, и была проникнута атмосфера ФБОН.

После университета, Эрмитажа и петербургского классицизма мне вновь посчастливилось оказаться в очаге высокой культуры. Самой главной ценностью почитались здесь человеческие отношения, а одухотворялись они культом Знания – не того, что Сила, значит и Власть, но того, что несет в себе смысл жизни как Свет. Царило глубокое уважение к учености, к книге и к работе с ней. Как-то проходивший мимо Белого зала и, видимо, получивший взыскание от начальства механик в раздражении бросил: «Подумаешь, работают. Книжки читают». Ответом был дружный смех. Да, работники ФБОН были убеждены в высоком предназначении занятий с книгой! Убеждено было в этом и начальство, которое олицетворяло ту же традицию.

Директором (с 1949 г.) был Виктор Иванович Шунков, человек вдумчивый, неспешный, благородной стати. По происхождению сибиряк и, очевидно, из состоятельной семьи, судя по тому, что другом его детства был ньюфаундленд, редкая, думаю, собачка для дореволюционной России. Вместе с тем он был вполне советским партийным человеком, внимательно следил за общественной жизнью библиотеки, опекал комсомол. Участник войны, в науке он был известен как историк Сибири, а в ФБОН запомнился своей сродненностью с Академией. Будучи заместителем секретаря отделения истории, Виктор Иванович стал (не сразу) членом-корреспондентом, и академические дела оставались его душевной привязанностью. Както мы пришли в директорский кабинет по комсомольским делам, а он для начала предложил записать результаты только что прошедших академических выборов. В то же время В.И. умело руководил библиотечным коллективом, с дипломатическим (я бы сказал) тактом предотвращая или «разруливая» возникающие рабочие конфликты, в которых немалую роль играла коллизия между научными устремлениями сотрудников и библиотечным предназначением учреждения.

---

[1] Волгин Вячеслав Петрович (1879–1962) – советский историк, общественный деятель. Специалист по истории социалистических и коммунистических идей домарксова периода. Академик АН СССР (1930), с 1930 по 1935 г. – непременный секретарь, с 1942 по 1953 г. – вице-президент АН СССР. Главный редактор Французского ежегодника (1958–1962). Лауреат Ленинской премии (1961). Honoris causa в области истории от Университета Дели (1947).

Его предшественник на директорском посту Дмитрий Дмитриевич Иванов был человеком другого склада, стремительный, темпераментный, экспансивный. Огромного роста с седой бородой, он являл тип русского просветителя даже не XX, а XIX в. Д.Д. был пламенным патриотом библиотечного дела. Как-то при обсуждении библиографического издания, подготовленного нашим сектором, завсектором философии, человек прагматический, восхитился нашими рационализаторскими методами: «Какая экономия!» Дмитрий Дмитриевич возмутился. Вытянувшись во весь рост над незадачливым философом, он заявил: «Экономия? Библиография – это Труд!» Понятно, что для него-то был труд только с большой буквы.

Представителем библиографической элиты являлся и Константин Романович Симон (1887–1966). Его отличали артистическая внешность, легкое грассирование и курение трубки, сопровождавшееся раскатистым покашливанием. По окончании историко-филологического факультета Московского университета (1911) он был оставлен «для подготовки к профессорскому званию», в 1913 г. опубликовал работу по крестьянской истории Французской революции. Спустя полвека работа привлекла внимание профессора МГУ Анатолия Васильевича Адо, попросившего меня пригласить Константина Романовича на обсуждение глав его монографии по этой теме. К.Р. с грустью ответил, что он больше историческими исследованиями не занимается. Так оказался нереализованным замечательный потенциал этого богато одаренного человека.

Революционная драма лишила его и любимого занятия, и состояния, и жилья. Лишь в 1923 г. он смог получить работу, и это оказалось местом библиографа в Международном аграрном институте. Так драматические обстоятельства вовлекли в библиотечное дело человека, которого признали классиком зарубежного библиографоведения в стране. Почитался он также как знаток исторической библиографии и истории книги. А еще обладал Константин Романович выразительным поэтическим даром. Его стихи проникнуты – как неизбежное следствие жизненной драмы – глубокой печалью, которой он мало с кем делился. В такой тональности писал Симон и о своем служении книге:

Я жизнь влачу во власти книг,
В их шелесте однообразном:
Кто прелесть книжную постиг,
Тот чужд другим земным соблазнам.
Тяжел и нежен книжный гнет,
Как шелк надгробного покрова.
Не вырвать душу из тенет
Другими сотканного слова.
Я в лабиринте смутных дней
Брожу по брошенным мне нитям,
Чтоб не искать своих путей
Иль, отыскавши, изменить им.
Та мысль, что ластится ко мне
С такой навязчивой истомой,
Лежала, сонная, на дне
Чужого высохшего тома.
Любовь, дарящую мне свет
И неожиданный, и жаркий,
Уже воспел в веках сонет
Жеманно-мудрого Петрарки.
А книжный мой и душный плен
Уж осудил насмешкой хмурой
Капризный пьяница Верлен
И окрестил «литературой»[1].

Сподвижником Симона по зарубежной библиографии и библиотековедению был Григорий Григорьевич Кричевский. Как организатора справочно-библиографической службы его помнят в Институте. Ограничусь двумя афоризмами. По поводу издательского обыкновения экономить на указателях Гри-Гри (так его любовно именовали за глаза) сказал: «А.В.[1], das Buch ohne Index ist kein Buch»[2]. Второй относится ко времени форсированной компьютеризации, изрядно травмировавшей мэтров библиографии (да и всех к ней по-настоящему причастных) своей формализацией. «Думают, – говорил он в сердцах, – пусть на входе в систему (АИС. – *А.Г.*) будет г… зато на выходе можно получить золото. Ничего подобного: если было г… оно и останется».

---

[1] *Симон К.Р.* Стихотворения. 1901–1957 / вступ. ст. Г.М. Марковской. – М., 2003. – С. 13. Хочется обратить внимание на это издание ИНИОНа как на прекрасный пример культивирования памяти о наших замечательных предшественниках.

Всей практической библиотечной работой ведали замдиректора по науке Зинаида Карловна Эггерт и ученый секретарь Клавдия Павловна Алексеева. З.К. Эггерт (1893–1964) – интеллигентная, представительная, суховатая на вид дама, отличалась хрестоматийным педантизмом и требовала такой же тщательности в работе от сотрудников. В то же время к ритуально-нормативной отчетности она относилась с долей юмора. Говорили, именно ей принадлежит определение «средне-потолочные». Так З.К. называла мнимо точные показатели своей деятельности, которые ежегодно должны были представлять сектора. Знавшие Зинаиду Карловну поближе свидетельствовали и о ее душевной чуткости. История появления замдиректора по науке в ФБОН вполне типична. Как и другая «докторесса» Софья Ароновна Фейгина из сектора истории, работавшая вместе с ней в Институте истории, Эггерт стала жертвой (одной из первых в Академии) «космополитчины». Ей «повезло» стать объектом критики «буржуазно-космополитических извращений» в постановлении ЦК от 19 ноября 1949 г. «О недостатках в работе Института истории АН СССР»[3].

Вообще, в силу превратностей советского времени в ФБОН оказалось немало людей, что называется, большой науки, из нее выдворенных или лишенных возможности работать в научных институтах и вузах. ФБОН стал своего рода кадровым резервом Академии, и это имело последствия двоякого рода: коллектив обладал высоким профессионализмом заодно с серьезными научными потенциями, которые не могли быть реализованы в библиотечных рамках. По утвердившемуся регламенту – и ИНИОН в некоей мере остается заложником этой ситуации – науку движут профильные академические институты, а наш коллектив является вспомогательным учреждением, способствующим их эффективной работе. Стенгазета ФБОН так и называлась «На службе науке», и мы, газетчики, постоянно каламбурили на тему, какой падеж – дательный или родительный – следует употреблять, а попутно, чему или кому мы обязаны служить.

---

[1] Увы, и мои первые книги вышли без указателей.

[2] «Книга без указателя – не книга» (нем. яз.).

[3] После смерти Сталина и окончания «космополитчины» в 1954 г. она смогла защитить докторскую диссертацию по политической истории Германии во время Первой мировой войны.

Как-то библиотечный люд был взволнован появлением бравого молодца в парадной форме с полковничьими погонами, который принес распоряжение начальника Генерального штаба маршала М.В. Захарова «Произвести библиографию!» Требовался список литературы по какой-то модной теме, как потом выяснилось, для невестки маршала. В наш сектор обратился сотрудник Международного отдела ЦК. Ему потребовалась библиография по Вьетнаму. Он был известным страноведом и, в отличие от маршала, сам приехал в ФБОН. Выбранные им из секторских ящиков карточки составили две полных коробки, к ужасу наших машинисток, которым пришлось воспроизводить вьетнамскую фонетику. А аппаратчик, переходя из ЦК на другую работу, просто-таки решил на прощание попользоваться своим положением.

Собственно библиотечные подразделения (обслуживание и хранение) были максимально ориентированы на службу читателям. Образцом в этом отношении был кабинет истории. Его работники во главе с подвижной не по годам Марией Ивановной Фурсовой сбивались буквально с ног в усилиях доставить читателю нужную книгу и в кратчайший срок. Впрочем, читатели – а то была научная элита из Института истории, московских и провинциальных вузов – отличались взаимностью. Традиционным ее выражением, кроме, разумеется, праздничных презентов, были книги с благодарственными и иногда трогательными надписями. Из этих книг составился целый фонд, по составу которого легко установить значение ФБОН для советской науки, но, к сожалению, уже после переезда на Профсоюзную он был распылен.

В конце своего «царствования» Мария Ивановна застала новые времена, когда молодая поросль библиотеки стала добиваться, чтобы их обслуживали на том же уровне, что и работников институтов. М.И. была очень озадачена переменами. Столкнувшись с требованиями одного недавно скончавшегося (тогда двадцати с небольшим лет) сотрудника, она искренне недоумевала: «А что Антонос – генерал?»

Замечу, фэбэоновцы, желавшие заниматься наукой, не были обижены. Для них существовало отдельное обслуживание. Да и дорога в хранение была, можно сказать, прямой, ведь хранение размещалось в соседнем здании по ул. Маркса и Энгельса (Малый Знаменский пер.), приспособленном в 20-х годах под книгохранилище. Поднабравшие опыта сотрудники ориентировались в нужных фондах не хуже хранителей. Замечательно, однако, что при отсутствии кодовых замков и открытых дверях серьезного фондового хищения не отмечалось. Исключение представляет литература, складировавшаяся в церкви на территории санатория АН «Узкое». Но это совершенно другая и очень печальная песня.

Коллизия науки и библиотеки ярко выражалась в функционировании сектора востоковедения. Еще в послевоенные годы его возглавлял (до 1956 г.) видный историк науки, философ, литературовед (осужденный в первом издании «Литературной энциклопедии» за «неокантианство»), доктор наук Тимофей Иванович Райнов[1] (с ударением на первом слоге ввиду болгарского происхождения). Он не только сам регулярно выступал с докладами, в частности в Институте востоковедения, но и, как вспоминала К.А. Антонова, «прямо предписывал» сотрудникам сектора делать в Институте сообщения о новых поступлениях ФБОН по Востоку[2]. Сама Кока Александровна вскоре перешла в ИВАН, защитила докторскую диссертацию, став одной из основательниц «современной отечественной индологии»[3]. А ее сменила Клара Зармайровна Ашрафян, тоже видный специалист по средневековой Индии, впоследствии доктор наук и сотрудник ИВАН. Во времена ИНИОНа успешно реферировала литературу для нашего журнала.

Характерны и требования, которые предъявлялись к составителям библиографического бюллетеня по востоковедению. О них можно судить по характеристике 1948 г., выданной Антоновой (в связи с переходом в ИВАН), где говорилось, что работа составителя требует «серьезной научной квалификации», что бюллетень «регистрирует и аннотирует около 7 000 востоковедных работ в год» и Антонова «много способствует подготовке этого издания своим широким востоковедным кругозором, большой работоспособностью и оперативностью»)[4].

---

[1] См.: *Гаврюшин Н.* К изучению рукописного наследия Т.И. Райнова // Памятники науки и техники. 1986. – М.: Наука, 1986. – С. 170–182.

[2] «В России надо жить долго…»: памяти К.А. Антоновой (1910–2007). – М.: Вост. лит., 2010. – С. 106.

[3] Там же. – С. 3.

[4] Там же. – С. 5.

Нашу амбициозность подчеркивал наклеенный на дверях сектора плакат с изречением Анатоля Франса: «Il faut étre un homme de bibliothèque mais pas un rat de bibliothèque»[1]. Отношение к работе было творческим. Тон задавала заведующая Софья Иосифовна Кузнецова с ее необыкновенно душевной энергетикой, деловой сметкой и мудрой кадровой политикой. В секторе сложилось ядро из квалифицированных и думающих сотрудников. В этот «ученый клуб» во главе с самой заведующей, защитившей впоследствии докторскую диссертацию по африканистике, входили: известный индолог, а потом еще более известный как социолог Леонид Абрамович Гордон, китаист Виталий Аронович Рубин[2] (оба вскоре перешли в Институт востоковедения, но не перестали «тусоваться» в секторе) и Григорий Соломонович Померанц, ставший к концу 60-х самым знаменитым сотрудником сектора да и ФБОН в целом.

Время полнилось разбуженными надеждами на обновление и все более нараставшими тревогами – страна доживала «оттепель» и сползала к застою, потому часто говорили «про политику» с непривычной для меня откровенностью. Разумеется, сектор не был исключением. Читатели-ветераны вспоминают дискуссии на лестничной площадке перед спецхраном, на выставке новых поступлений, в буфете. Чем не оазис свободомыслия? Конечно, с оглядкой, недомолвками, эвфемизмами[3]. И все же этот Гайд-парк советского периода тоже был нашей достопримечательностью, привлекавшей в ФБОН академическую Москву.

Люди умели не только рассуждать на отвлеченные темы, но и – сужу прежде всего по нашему сектору – вдохновенно, умно, эффективно работать. Политика, наука, библиотечное дело – все было слито воедино и как-то, я бы сказал сейчас, органично. Благодаря многогранности своих интересов и талантов да толковой организации кадры сектора, действительно, «решали все»!

---

[1] «Нужно быть человеком библиотеки, а не библиотечной крысой».

[2] По имени его дяди в начале 30-х годов заодно с «кондратьевщиной», «чаяновщиной», «кажановщиной» громили «рубинщину». Был репрессирован и его отец. Да и сам Виталий, будучи в Московском ополчении, после Вяземского котла в 1941 г. и плена оказался узником ГУЛАГа, где заработал туберкулез позвоночника.

[3] Весьма впрочем, прозрачными – так «Галина Борисовна» означала госбезопасность. Другим обозначением органов было «комитет глубокого бурения». Так, десятилетием раньше табуированным в междусобойных разговорах было имя Сталина. Говорили «Хозяин» или просто «Он».

Мой однофамилец и предшественник[1] отличался неуемной энергией, общественным темпераментом и буквально фонтанировал научными и производственными идеями. Л.А. Гордон заложил основы системы редактирования в нашем конкретно взятом секторе. От природы он был великолепным редактором, широко эрудированным, требовательным и вместе с тем чутким к человеческим (преимущественно женским) эмоциям. Последнее значило немало, поскольку снятие вопросов к аннотациям (с неизбежной критикой их) было публичным действом, на которое собирался весь сектор. Благодаря деликатности и юмору Л.А. напряженное занятие превращалось в подобие небольшого праздника, а сотрудники приобщались к школе коллективного редактирования, которая очень пригодилась при становлении реферативного дела.

Присутствовал при редакторских «разборках» и Г.С. Померанц, хотя эти уроки ему лично были ни к чему. Он был настоящим асом в обработке текущих поступлений (многоязычной, между прочим) литературы: схватывая содержание текста на лету, молниеносно составлял аннотации, которые, как правило, не нуждались в редактировании. Позднее таким же образцом стали его рефераты: посвященные, как правило, сложным культурологическим сюжетам они изяществом стиля напоминали эссе.

В общем, работа сектора оценивалась положительно и даже выделялась начальством, вызывая «белую зависть» у более ортодоксальных подразделений библиотеки. Гибко проводя курс на нововведения и обладая талантом привлекать людей, Софья Иосифовна неизменно оставалась на хорошем счету в дирекции, в первую очередь у самого В.И. Шункова, который определенно симпатизировал и нашей заведующей, и проводимому ею курсу. Стратегия С.И., в сочетании с деловыми качествами сотрудников, приносила ощутимые результаты.

Мы первые сделали свой библиографический бюллетень сводным, отражавшим текущие поступления основных московских библиотек. В рамках одного издания советская литература вливалась в иностранную, чем преодолевалось нормативное разделение на «чистых» и «нечистых»[2]. В секторе с середины 1950-х годов реферировалась литература КНР. В середине 1960-х задумались о переходе к охватывающему все страны нашего ареала систематическому реферированию «от потока» новых поступлений[1] и предприняли первые шаги, выпустив в качестве пробного шара РЖ по Индии в 1966 г. Вполне закономерно, что после учреждения Института первым был подготовлен РЖ «Востоковедение и африканистика»[2].

---

[1] Я был зачислен на место Л.А. и занял вскоре его место на редакторском посту.

[2] В каталоге даже был разделитель между ними, по «сю сторону» из латиницы оказывались лишь издания братских компартий и заведомо марксистских

Не знаю, кому тут отдать пальму первенства, да и стоит ли ее делить? Софья Иосифовна, как я понимаю, придавала рациональную форму и организационно «пробивала» идеи, автором которых в большинстве случаев был Леонид Абрамович. Запомнилась его соответствовавшая времени Гагаринского полета метафора – он уподоблял информационную систему, которую требовалось создать, трехступенчатой ракете. Первая ступень – реферативный журнал, вторая – аналитический обзор, третья – монография, обобщающая движение в том или ином направлении (отрасли) научного знания. Так раскрывалась амбициозная цель выведения отечественного обществознания на передовые рубежи мировой науки. При этом Л.А. обосновывал необходимость внимания ко всем ступеням, начиная с реферативного журнала. РЖ, приговаривал он, «это – хлеб», а обзор – уже «хлеб с маслом».

Горячо обсуждались в секторе (Софьей Иосифовной с Л.А. Гордоном, Л.А. Фридманом, Игорем Добронравовым[3] и другими учеными мужами из академических учреждений и вузов) все перипетии подготовки проекта Института информации, который по аналогии с ВИНИТИ предполагалось назвать ВИНИБОН (Всесоюзный институт научной информации и библиотека по общественным

авторов. В результате почти вся зарубежная литература оказывалась в «нечистых» (спецхрановская вообще не включалась в общий каталог).

[1] То есть при соблюдении принципа адекватности – пропорциональном по тематике отражении текущих поступлений за соответствующий период.

[2] По существовавшей «табели о рангах» (иерархия значения для Власти) с востоковедения никак нельзя было начинать информационные издания Института: пришлось ждать подготовки «Научного коммунизма» и «Экономики». Соответственно наш РЖ замкнул тройку «призеров».

[3] Наш многолетний комсомольский секретарь И.С. Добронравов стал энтузиастом зарождавшейся тогда информатики и перешел вскоре в ВИНИТИ. Работая в секторе философии, перевел совместно с Д.Г. Лахути «Логико-философский трактат» Л. Витгенштейна (М., 1958). В 2000-х годах публиковался как автор книг по истории отечественного спорта.

наукам)[1]. Тому, что стало в конце концов Постановлением ЦК и Совмина[2] (1968), предшествовало немало этапов и согласований. Потребовалась гора бумаг[3] – знай нашу извечную бюрократию! – в составлении которых Софье Иосифовне помогали С.К. Виленская и К.П. Алексеева, а в Президиум обычно ходила И.А. Ходош, ставшая после кончины З.К. Эггерт заместителем директора (1967). Инессе Александровне и довелось исполнять обязанности первого директора ИНИОНа, поскольку В.И. Шунков, с благословения которого начиналась работа, умер незадолго до судьбоносных событий.

Конечным смыслом всех проектов было придание гуманитарной информации универсального, систематического и сугубо профессионального характера с выходом ее на уровень мировых стандартов качества. При этом аналогичной системы нигде в мире не было, так что, подобно ракетам и балету, мы и здесь оказались «впереди планеты всей». Возможность такого прорыва гарантировали деловые качества сотрудников ФБОН. Уникальное сочетание библиотечной квалификации с серьезным научным потенциалом и стало одной из отправных точек инновационного проекта.

Чтобы оценить новаторский характер идеи собственно для СССР, следует вспомнить принципиальное отличие общественных наук в советской системе – идеологический режим. Задумаемся: такой искушенный знаток информационного дела, как К.Р. Симон, полагал невозможным полноценное реферирование в гуманитарных отраслях знания[4]. Разрабатывая с Г.Г. Кричевским еще в начале 1950-х годов методологические основы реферирования, наш мэтр допускал как неизбежность наличие в рефератах «оценочных моментов»[5].

---

[1] См. воспоминания С.И. Кузнецовой «Из истории востоковедения в ФБОН – ИНИОН». С. 139–146 настоящего издания.

[2] «О мерах по улучшению научной информации в области общественных наук». Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР № 828 от 22 октября 1968 г.

[3] Незадолго до смерти Софья Иосифовна отправила в мусорный контейнер, по ее словам, целый чемодан этих бумаг.

[4] См.: *Кричевский Г.Г.* Константин Романович Симон (1887–1966) // Симон К.Р. Избранные труды. – М., 1984. – С. 13.

[5] *Симон К.Р., Кричевский Г.Г.* Советская реферативная периодика и ближайшие задачи ее организации // 90 лет служения науке: к 90-летию Фундаментальной библиотеки общественных наук и Института научной информации по общественным наукам РАН: сб. ст. / РАН. ИНИОН; сост.: Ю.Ю. Черный, Н.Ю. Соколова, Л.В. Юрченкова. – М., 2009. – С. 83.

Хочется подчеркнуть все же другое: в ледяную стужу сталинщины наши библиотечные классики замыслили информационную систему, которая стала возможной лишь после «оттепели» – спустя два десятилетия. Между прочим, ими же была выведена классическая формула реферативного жанра (которую я три десятилетия твержу новобранцам реферирования, впервые узнав из юбилейного сборника – честь и хвала составителям, – кто ее авторы). «Реферат повествует о том, *что* написано в работе, аннотация – *о чем* она написана, а рецензия – *как* написана работа»[1].

«Оценочность», т.е. идеологический комментарий к зарубежной литературе, висела над реферированием как дамоклов меч. Мы очень боялись подмены информации контрпропагандой[2]. Бесспорно, власти ощущали необходимость совершенствования обществоведческой информации.

Ходившая в ЦК с проектом Института С.И. Кузнецова отмечает доброжелательный прием в Отделе науки и в Международном отделе. Еще большую заинтересованность в зарубежной научной информации проявляли тесно связанные с ЦК руководители секции общественных наук Академии. С 1964 г. в ФБОН действовала реферативная группа, обслуживавшая Президиум и персонально вице-президента П.Н. Федосеева. Мы с ней тесно контактировали, предоставляя информацию по «нашим» странам, в основном по Китаю, где происходили драматические события.

Координация шла на пользу и нам. Руководитель группы Надежда Ноевна Косорез «подарила» мне Франца Фанона. Внимательно следя за новыми явлениями в левых кругах Западной Европы («еврокоммунизм», «новые левые»), она обратила внимание на интерес в них к творчеству этого идеолога Фронта национального освобождения Алжира и «сдала» его нам, настоятельно потребовав от меня – а у нас были очень теплые отношения[3], – чтобы я им занялся. Из этих занятий вышел сначала 20-листовый обзор литературы, а потом монография[1], имевшая довольно широкую читательскую аудиторию и сохраняющая интерес, судя по Academia edu, до сих пор.

---

[1] *Симон К.Р., Кричевский Г.Г.* Советская реферативная периодика. – С. 70.

[2] Помню со слов Г.Г. Кричевского пример такой сталинских времен «оценочности» в аннотации – «фашистский дурак ругает Маркса».

[3] Н.Н. была энтузиастом турпоходов ФБОН, свидетельство чему посвящение на оттиске ее статьи, присланном из Штатов: «Саше Гордону – старому товарищу по чудесным походам (и коллеге “по буржуазным революциям”)». 2 / VIII 1987. А о сохранявшемся увлечении революционной тематикой свидетельствовала сама статья: *Cosores N.* England and the Spanish revolution // Trienio, Madrid, 1987. – N 9. – P. 39–131).

Порой номенклатурный спрос на информацию о зарубежной литературе принимал карикатурную форму. Помню, как мы совместно с реферативной группой составляли «цитатник» к 50-летию Октябрьской революции. Требовались «убойные» цитаты о всемирно-историческом значении. Вообще далеко не все, что мы замечали, наверху готовы были «переварить». И несмотря на то что над нами не было Главлита, не считая Захара Моисеевича Шапиро, «внутренний цензор» призывал к осторожности. Наша информация дозировалась и по «контенту», и по адресатам. Круг получателей был списочным и сугубо ограниченным. Пресловутые ДСП (экземпляры «для служебного пользования») имели номера, расписанные по получателям[2]. И в послесталинский период руководство не было готово поступиться режимностью в науке. Более того, с конца 60-х годов идеологическая реакция нарастала. Как это ни покажется сейчас забавным, затронула она даже издание библиографического бюллетеня.

Спустя несколько лет после поступления заведующая доверила мне редакторскую работу по этой нашей основной продукции. Случись тут война (1967) между Израилем и ОАР (Египтом), Сирией, Иорданией. Верхушка обескуражена, интеллигенция смеется: «Можно поставить не на ту лошадь, но зачем же было ставить на осла». Стратегические просчеты режим по обыкновению компенсировал пропагандистской кампанией, нашедшей отклик среди известной части научной общественности. Газеты и радио изощрялись в ярлыках, и уподобление Израиля гитлеровской Германии, а сионизма фашизму сделались общим местом.

Естественно, шел поток международных откликов, между тем спецификой бюллетеня по востоковедению было значительное преобладание зарубежной литературы, так что освещение события резко расходилось с официальной советской позицией, а я, редактируя, называл рубрики в соответствии с наполнением. Большинство карточек дал Г.С. Померанц, он же предложил название рубрики – Шестидневная война. Я же стал мудрить: вроде нужны кавычки, а закавыченная рубрика не солидно. В результате написал – Арабо-израильская война, с чем бюллетень и был опубликован.

---

[1] *Гордон А.В.* Проблемы национально-освободительной борьбы в творчестве Франца Фанона. М.: Наука, 1977.

[2] Списки были формализованными, в основном члены и член-корреспонденты АН из секции общественных наук, а те нередко тяготились такими «подарками», получаемыми через спецхран. Не трудно было выпросить свои труды по идеологии, например, у титулованных археологов, что я и делал благодаря своему другу-археологу. С той же целью можно было добавить в список рассылки какого-нибудь номенклатурного знакомого.

Вскоре ко мне пришел сотрудник ИВАН т. Шах[1] (наш завсегдатай, между прочим) и говорит: «вы нарушаете», «вы расходитесь» и т.п. Надо писать: «Агрессия Израиля». Я ответил, что нападение Германии тоже было агрессией, однако события 1941–1945 гг. получили-таки другое название. Товарищ остался недоволен, но не нашел, что возразить, и я, преодолев тягостное ощущение, предпочел думать, что инцидент исчерпан. Не тут-то было! Товарищ обратился к своему начальнику, завсектором арабских стран, который заодно был секретарем парткома ИВАН; и от имени последнего было подготовлено доношение в райком партии. Оно попалось на глаза сотруднице этого сектора И.М. Смилянской, та позвонила Софье Иосифовне, а С.И. обратилась к замдиректора ИВАН Г.Ф. Киму. Вмешательство Георгия Федоровича положило конец делу.

Меня же «вызвала на ковер» Софья Иосифовна (которой я не сообщил о своей беседе с т. Шахом). Будучи неизменно единственным партийцем в секторе, она несла за нас весь груз не только административной, но и партийной ответственности, а в критической для коллектива ситуации не случайно избиралась секретарем парторганизации ФБОН. Строгим голосом С.И. прочла мне нотацию. Если бы бумага дошла до райкома, были бы «оргвыводы». Мне как молодому специалисту[2] они не грозили, но она, главный редактор, получила бы выговор по партийной линии, а Григория Соломоновича попросту бы уволили. Больше упреков о расхождении с «генеральной линией» на редакторском посту я не получал.

Надо отдать должное гражданской позиции заведующей. Прекрасно зная, что положено и что не положено в партийном государстве, С.И. поступала так, как считала нравственным и полезным для дела. Как-то она сказала: «Саша, Вы человек способный, талантливый. Можете сделать научную карьеру. Но у Вас два недостатка. С одним я ничего не могу поделать, а другой – она была в то время секретарем парторганизации ФБОН – легко могу исправить». Подумав, я решил, что один или два «недостатка» – роли не играет. Я-то не собирался становиться героем. А Софье Иосифовне ее партийность помогала в добрых делах.

---

[1] Фамилия приводится в сокращенном виде.

[2] К тому же моей фамилии не было на титуле.

Представляю, сколько ей – при наличии того же «недостатка» – пришлось понервничать, «пробивая» мою или кандидатуру Виктора Бейлиса на должность старшего научного. Про поддержку Г.С. Померанца она бы могла рассказать куда больше. Само зачисление его было делом непростым, а уж с конца 60-х над ним все время ходили «тучи». В 1968 г. его диссертационную защиту в Институте востоковедения попросту отменили. Огромный актовый зал в Армянском переулке (там тогда в здании Лазаревского института помещался ИВАН), полно народу, публика разнообразная, на вид интеллигентная. Перед амфитеатром ходит Г.С. с академиком Николаем Иосифовичем Конрадом, который очень его ценил. Между тем заседание все не начинается. Наконец, появляется председательствующий и объявляет, что «из-за отсутствия кворума» защита состояться не может. Оказывается, накануне один из «голосов» объявил о предстоящей защите «известного антисталиниста».

Дальше – больше. Г.С. остался в библиографическом секторе (до выхода на пенсию), но продолжал реферировать. То был «криминал», поэтому сначала он публиковался под фамилией Соломин, потом – З.А. Миркина. А когда и его жена «проштрафилась», я придумал псевдоним З.А. Мирный. Активный член редколлегии нашего РЖ Дмитрий Алексеевич Ольдерогге[1], узнав об этом, рассмеялся: «А, замиренный, значит». Не все так считали.

Однажды звонит Софья Иосифовна: «Саша, я говорю из автомата, боюсь, мой телефон прослушивается. Надо предупредить Григория Соломоновича, чтобы он не появлялся в Институте». А как? Уж телефон Г.С. точно прослушивался. Ловить его, что ли, у подъезда? Поколебался-поколебался, плюнул и позвонил. Встречались на улице академика Волгина. Я приносил ксероксы статей, он передавал рефераты. Конспирация! Так продолжалось до самой Перестройки.

Для сотрудников библиотеки коллеги и люди, которые к нам приходили, представляли важнейшую среду не просто общения, но и самого жизнеобитания. Библиотека жила в режиме производственного предприятия. Существовала шестидневная (48 часов) рабочая неделя, работа начиналась в 8.30 и требовалось (до 1962 г.) снимать личные номерки на табельной доске, которая через 10–15 минут закрывалась, и опоздавшие должны были писать объяснительные записки. На обеденный перерыв полагалось 45 минут, и в некоторых секторах, например науки, заведующие действительно скрупулезно хронометрировали отсутствие сотрудниц. В таких условиях «отдушиной» становилась курительная комната, которая помещалась в подвале, под читательским входом (с улицы Маркса и Энгельса). Здесь собиралась молодежь обоих полов, обсуждались насущные проблемы, возникали дружеские компании, составлялись (и разрушались) романтические союзы. И совершенно не случайно среди коллектива образовалось немало супружеских пар.

---

[1] Видный африканист, член-корреспондент АН, заведующим отделом Африки в ленинградском Институте антропологии. О нем тепло написал Аполлон Борисович Давидсон в своих воспоминаниях (*Давидсон А.Б.* Я вас люблю: страницы жизни. – М., 2008).

Библиотека была важнейшим центром отдыха, точнее, досуга для сотрудников. Регулярно устраивались танцы, и немаловажной для женского коллектива была возможность пригласить в особняк в центре Москвы, в красивый и респектабельный Белый зал самого взыскательного кавалера. Разумеется, танцевальные вечера служили способом сближения самих сотрудников (так именно я познакомился с работавшей в хранении Светланой Марносовой, ставшей Гордон).

Нерегулярными, но очень значимыми мероприятиями были «капустники». Зрителей всегда было битком. Весь коллектив сначала, казалось, жил предстоящим событием, а потом долго на рабочих местах обсуждал состоявшееся зрелище. Здесь во всей полноте проявлялась художественная одаренность сотрудников ФБОН. Выдвигались свои режиссеры (в такой роли запомнился, в частности, сотрудник сектора философии, перешедший потом в МГИМО, одессит Миша Полищук). Были свои авторы поэтических текстов (среди поэтов выделялся сын «врага народа» фронтовик Генрих Рудяков), перекладываемых при надобности на музыку, свои примы (блистала цыганскими танцами Нина Визильтер).

Территориальное расположение ФБОН в центре Москвы имело не только символическое значение. Как-то прямо на меня вышагал высокий статный военный, который приветливо, с легкой улыбкой посмотрел в мое лицо. Я же оторопел. При своем гарнизонном детстве и отрочестве маршальские звезды видел впервые, а тут один из настоящих полководцев Отечественной – К.К. Рокоссовский. Дважды встречал В.М. Молотова, проходившего мимо министерства обороны, видимо, от знаменитой своими вельможными жителями ул. Грановского к Волхонке. Опальный Вячеслав (так звал его вождь) шел, сосредоточенно глядя под ноги. А между прочим, его дочь Светлана Никонова постоянно занималась в кабинете истории. Посещала нас одно время и Светлана Аллилуева. Бывала Светлана Гурвич, дочь еще не реабилитированного тогда Н.И. Бухарина.

Сектором экономики заведовала Е.В. Бажанова, репрессированный отец которой работал в СНК с Молотовым. В секторе каталогизации работала дочь первого наркома земледелия, левого эсера А.Л. Колегаева, описывала газеты Зоря Серебрякова, дочь расстрелянного советского деятеля и модной тогда писательницы (тоже «гулаговки») Галины Серебряковой. А мужем Зори был Генрих Цвейг, племянник Стефана Цвейга[1]. Спасшийся чудом от нацизма, студент Краковского университета с переходом границы угодил сначала в Восточный Казахстан, а в достославном 1949 г. на основании доносов и за «преступную связь с членом семьи врага народа Серебрякова» был осужден на 25 лет заключения в лагерях. Большой террор вошел в жизнь многих людей ФБОН, и это подспудно (рассказы о Гулаге были редкостью) отложилось в коллективной памяти.

Вообще же с исторической памятью собственно ФБОН дело обстояло неважно. За весь почти десятилетний период работы я не слышал имен первых директоров библиотеки. Да, я знал, что систематизация наших фондов была проведена по аналогии с классификацией Библиотеки Конгресса, но кто обогатил нас этим опытом – не ведал. Даже по юбилейным случаям не вспоминали ни Давида Борисовича Рязанова, ни Генриетту Карловну Дерман. С Рязановым было еще как-то понятно: по партийной линии основатель первых историко-партийных учреждений был реабилитирован лишь в годы перестройки.

А Дерман была реабилитирована «вчистую» после XX съезда; и, видимо, в ситуации с восстановлением ее имени в скрижалях ФБОН виноваты были мы сами, точнее, жуткая, вколоченная некоторым сотрудникам в буквальном смысле, опасливость. Сколько помнится, даже на праздновании полувека Библиотеки об ее организаторе не вспоминали.

Празднование полувекового юбилея между тем следует отметить особо. То было знаменательное событие. Начну с того, что для юбилея нам предоставили залы Дома ученых, что уже подчеркивало и статус ФБОН, и ранг мероприятия. Обстановка была, естественно, торжественной с официальными поздравлениями, личным участием вице-президента Академии и, может быть, не менее знаменательным – участием иностранных гостей-библиотекарей из таких «потусторонних» держав, как США. Вспоминается некая эйфория: конечно, действовал антураж, но многие были в курсе (то была зима 1968 г.) интенсивной работы, связанной с преобразованием библиотеки в научно-информационный центр.

---

[1] См. воспоминания Р.М. Фрумкиной в наст. изд., С. 220–224.

Библиотека помещалась на правительственной трассе от Кутузовского проспекта к Боровицким воротам. Поэтому нередко к нам заглядывали «сотрудники», предупреждавшие о нежелательности стояния у окон во время церемониальных проездов. По праздникам библиотека ритуально опечатывалась. Особый интерес «сотрудники» проявляли к множительной технике, все пишущие машинки из секторов сносили в машбюро, их шрифты фиксировались. Очевидно, компетентные органы опасались печатания листовок.

Разбуженная «десталинизацией» общественная жизнь страны лилась в библиотеку мощным потоком. Белый зал встречал видных «шестидесятников». Необычайно исповедально (видимо, аудитория расположила) говорил Илья Эренбург[1]. Запомнился афоризм о том, что хрущевские дни со всеми нападками[2] не перевесят одну сталинскую ночь. Выступали Евгений Евтушенко и Белла Ахмадулина, пел Булат Окуджава. Поклонник вождя Владимир Солоухин клялся в любви к приходившему вместе с ним Науму Коржавину, проникновенно пародировавшему сталинскую философию истории. Был вечер Ильи Глазунова, который, жутко вымолвить, «косил» тогда чуть ли не под диссидента.

Библиотечный комсомол был достаточно боевитым, а комсомольская организация во главе с Игорем Доброправовым имела свое лицо и положение. Секретарь (когда обстоятельства позволяли) держался независимо. Светлана Марносова, придя на работу, сняла с табельной доски номерок подруги. И хотя подруга тоже успела прийти вовремя, завкадрами, следившая за табельной «процедурой», засекла правонарушение и донесла по начальству. Заведующий отделом, где работали провинившиеся, вызвал Добронравова и потребовал исключить их из комсомола. «Не Вы принимали, не Вам и исключать», – ответствовал Игорь.

---

[1] Видимо, это была не та встреча, о которой рассказывает Б.Н. Бачалдин. Михаил Михайлович Штранге, на которого он ссылается, уже перешел тогда в Институт истории.

[2] Наиболее непримиримым оппонентом автора «оттепели», сколько помнится, выступал все же не Хрущёв, а любимец партсъездов автор «Поднятой целины». На одном из них тот заявил, что от «оттепели» только «патроны ржавеют».

Комсомольская жизнь ярко проявлялась в агитпоходах. Это тоже была своеобразная отдушина: участники на неделю освобождались от работы. Занятие между тем было вроде экстрима. С незапамятных (для меня) времен существовал подшефный детдом ФБОН в Рузском районе. К нему приходилось долго ехать на электричке, затем автобусом, и, наконец, километров 15 идти на лыжах, поскольку мероприятие имело место преимущественно зимой. Местность была лесистой, пересеченной, с неизбежными падениями, порой болезненными (как у Галины Кареловой, сломавшей ногу). Плюс мороз, как правило за 20, а то и 30 градусов (зимы тогда стояли суровые). Ну а главное, набирались мы прилично: следовало запастись консервами и буханками хлеба для себя, доставить детишкам книги, игрушки, весомо было и наше музыкальное сопровождение (магнитофон, гитара, аккордеон).

Пели. Солистка Наташа Маркова (Челнокова)[1] прочувственно исполняла песенку про «черного кота, которому не везет». Еще чаще звучал хор, в котором участвовали все спевшиеся дорогой агитпоходники. Жанна Коробейникова вдохновенно читала Есенина. Большим успехом пользовались жанровые рассказы в исполнении Алексея Доронина[2]. Он же пел под гитару и аккомпанировал нам на аккордеоне. Лёша был человеком сложной биографии, вместившей войну с пленом, концлагеря по обе стороны фронта. В его исполнении услышал я впервые песню о восстании в Воркутинских лагерях. Поразили слова «Чекисты стреляли в народ», ведь чекисты были тогда в почете, а репрессии творили «гэпэушники», «энкавэдэшники», «гэбэшники». В ряду с «Муркой», «Марселем» (о «советской малине», «врагу сказавшей нет») подобные песни звучали, разумеется, после концертов.

---

[1] Внучка бессменного главбуха ФБОН Александра Николаевича Сеченых, который запомнился многим редким сочетанием компетентности и отзывчивости. Последнюю платежную ведомость ему принесли прямо в больницу, кажется, за день до кончины.

[2] Его отец Иона Петрович работал в секторе истории, сотрудничал с В.И. Шунковым как сибиряк и сибиревед, был составителем фундаментального библиографического указателя (История СССР: указ. сов. лит-ры за 1917–1952. – Т. 1–2. – М.: Изд-во АН СССР, 1956–1958).

Детишки с азартом участвовали во всяких розыгрышах и конкурсах, которые мы устраивали: надо было только больше запастись призами. Такой же энтузиазм проявляли бабушки из деревень, которые мы посещали на обратном пути. Программа наших выступлений была совершенно идентичной, лишь предварялись они для взрослых лекцией о международном положении. Поразительно, какой отклик имели наша скромная самодеятельность и более чем скромные призы. Да и простое появление гостей из Москвы за 100 километров от нее вызывало оживление. Чувствовалась у сельских людей неустранимая тяга к общению в условиях все более поражавших колхозную деревню отчуждения и разобщенности. Последнее тоже было заметно.

Зашли в турпоходе (туризм в разных видах и на разные вкусы был одной из традиций ФБОН) в отдаленную деревню. Стали проситься на ночлег, а все посылают к какому-то «общественнику». Пришли. Хозяин подтверждает, что он – подлинно «общественный человек», а деревню сплошь населяют индивидуалисты. Впрочем, «общественник» и городских как класс не шибко жаловал. «У тебя кто отец?» – спрашивал он меня. – «Инженер». «А у того?», «а у того?», – продолжал он расследование, указывая на моих спутников. Выяснив интеллигентское происхождение, с торжеством произнес: «Вот, я и говорю, что все вы из начальников!» Изумившись таким социологическим прозрениям[1], я стал возражать: «Дед, у тебя самого сын – начальник райотдела милиции». «Общественник» не сдавался: «Нет, он из народа».

Были и более масштабные агитпоездки, например в Красноярский край на строительство крупнейшей ГЭС. Понятно, такие поездки требовали санкции властей, логика которых нередко расходилась с нашей. После Красноярского края собирались еще дальше, в Туву. Но инструктор ЦК ВЛКСМ загорелась желанием направить нас в Прибалтику. Мы противились: что там делать с нашей самодеятельностью и аттракционами? С ультиматумом «или – или» отправились в Балтию. Проехав в августе 1962 г. лекторами ЦК ВЛКСМ от Финского залива до белорусской границы, приобрели бесценный опыт межкультурного общения.

Нас опекало также Общество по распространению политических и научных знаний, представляли мы и Академию. Виктор

---

[1] Впоследствии я нашел деление на «народ» и «начальников» в работах Кропоткина. Видимо, мой «общественник» воспроизводил укорененную убежденность крестьянского общества.

Иванович Шунков вызывал нас, напутствовал. От той агитбригады продолжали работать в Институте лишь Л.Н. Верчёнов да я. А были еще ветераны ФБОН Аля Амплеева, Галина Павленко, Марина Папкова (Смольянинова)[1]. Во главе пребывал Р. Додельцев (впоследствие перешедший в МГИМО). Добавились сотрудники соседних учреждений: из Института экономики, Института философии, Нелли Панас из Музея искусств на Волхонке. Читали на экономические и культурно-просветительские темы. Востребованной была международная тематика (прочел лично 16 лекций).

Что собой представляла такая лекция? Коротко, ряд внешнеполитических установок, разбавлявшихся эпизодами из «ненашей» жизни, которые равно заимствовались обычно из «установочной» лекции высокопоставленного товарища. Интересным для меня бывал отклик слушателей, когда ответы на вопросы переходили в беседу, затягивавшуюся на час и дольше. Так было в техническом отделе Прибалтийской ГРЭС под Нарвой и в санатории ЦК компартии Латвии в Юрмале. В рядовом случае лекция назначалась отчетности ради. «Провокационным» (существовала такая уставная формула лекторов в затруднительных случаях «на провокационные вопросы не отвечаю») помнится лишь один вопрос на торфоразработках в Шальчининкайском районе Литвы: «Почему не привозят белый хлеб?»

Свидетельствую: советские люди мыслили, хотя размышления укладывались в установленные положения. Не всегда! В начале лекторской карьеры меня, еще студента, направили в конный обоз на Васильевском острове. В небольшом помещении собрали около 20 крепких мужиков лет пятидесяти. 1957 г., я по инструкции разоблачаю «ревизионизм» Союза коммунистов Югославии. А мужики мне говорят: «Тито – молодец. У него нет колхозов». Уж они-то знали, с кого спрос за белый хлеб и за черный тоже!

Август 1962 г. Догоняли Америку по мясу-молоку, а остались без зерна. Просчеты во внутренней политике компенсируются внешнеполитическим задором. Берлинская стена, взрыв «сверхбомбы» на Новой Земле, корабли с ракетными установками плывут к Кубе навстречу Карибскому кризису. Позднее, в мемуарах советский лидер объяснит все это защитой «интересов марксизма-ленинизма». Тогда больше в ходу было упоминание кузькиной матери, которую срочно требовалось предъявить империалистам, чтобы «сбить с них спесь»[1].

---

[1] Ее мама, Милица Павлиновна Папкова, работала в секторе литературоведения, отбыв свой срок в ГУЛАГе за расстрелянного мужа, отца Марины. Отец, Г.А. Смольянинов, был репрессирован в 1937 г. заодно с другими сотрудниками ИМЛИ, разбиравшими архив Максима Горького (см.: Деятели славянской культуры в неволе и о неволе. XX в. – М., 2006. – С. 25 и сл.).

О ракетах «для Фиделя», понятно, не говорили, разоблачали гонку вооружений. Дескать, портят нам жизнь империалисты проклятые. Некоторые мои слушатели, правда, задумывались о причинах такой зловредности: «Как Вы считаете, что главное в гонке вооружений – политика или экономика?» Встречался и наивный догматизм. Один инвалид войны с костылем вместо ампутированной ноги говорил мне: «Надо было всю Германию занять. Ничего, что погибло бы еще народу, зато было бы спокойно».

Если с гонкой вооружений и Германией казалось ясно, то Китай вызывал недоумение. Меня принял секретарь Нарвского горкома партии, беседа продолжалась около часа, и наибольшую озабоченность секретаря вызывали именно отношения с КНР. То же самое повторилось во время выступления в партийном санатории. Как востоковед я мог кое-что добавить к официальной информации, сводившейся к тому, «кто есть ревизионист?» Партийцев это не удовлетворяло, и я рассказывал о «большом скачке», о тяжелом положении в деревне, о злоключениях курса на форсированную индустриализацию.

О национализме. Да, мы ехали в Прибалтику соответственно настроенными и готовы были считать таковым всякое недопонимание вроде пресловутого отказа указать нужное направление. Ощутимый языковый барьер существовал в Эстонии – конечно, сказывалось несходство языков. Впрочем, плохое знание русского языка, особенно среди молодежи, можно отчасти объяснить тем, что и русская молодежь не желала обучаться местным языкам. Моя спутница, окончившая школу в Риге, с трудом разбирала надписи на Братском кладбище.

В Сигулде (Латвия) мужчина лет 50 на чистом русском языке спросил, откуда я. Узнав, что из Москвы, произнес: «Курземе знаю, Видземе знаю, а такой земли в Латвии не знаю». Были и противоположные примеры. Выступал я на коксогазовом производстве. Рижский пролетариат слушал угрюмо, но по окончании мне (первый и последний раз в моей лекторской жизни) был вручен пышный букет красных гвоздик, очень впечатлявших на фоне прокопченных стен и суровых лиц этих рабочих людей.

---

[1] Цитирую сохранившийся конспект лекции.

В Прейле, на Куршской косе, в пансионате, где остатки бригады отдыхали после агитпохода, со мной подружился литовский академик. Он был астрономом, но из-за востребованности (уже тогда) тем национальной идентичности занялся литовским языком. Увлеченно рассказывал о его древности, родстве с санскритом. Говорил и о «давлении Москвы», о том, что контроль центра в образе президиума Академии душит местную инициативу, столь необходимую в научных исследованиях. Подчеркивал, что аналогичное раздражение гиперцентрализацией встречал у представителей других республик.

Агитпоход бригады ФБОН оказался родом паломничества. Мы были буквально одержимы средневековыми ансамблями и памятниками «нашего» Запада. Находили бытовые артефакты, отличавшиеся от советских стандартов, а наиболее впечатляющими остались наблюдения над народной, особенно музыкальной культурой – стадионы для певческих фестивалей, неподдельная эйфория и массовость аграрно-календарных празднеств. Традиции, традиции!

Поехали мы в город, именуемый по прихоти исторической судьбы Калининградом (100 км от Прейлы). Сразу по пересечении административной границы Литвы с РСФСР шоссе перешло в подобие былинного тракта («Эх, дороги»). Презирая тряску, литовская часть дружно пела народные песни. Русские молчали. Тогда литовцы стали петь тоже дружно русские песни, однако и это не помогло. Ансамбля не получилось.

Любые поездки были праздником, по возвращении еще более тяготила неблагоустроенность «коммунальной страны». Прав был Воланд-Булгаков: больше всего жителей столицы травмировал квартирный вопрос. Массовое жилищное строительство только развертывалось, но москвичи дружно возжаждали расстаться с коммуналками. И хотя распространялись жилкооперативы, большинство считало себя вправе получить жилье «от государства». Конфликтная ситуация втягивала в себя ФБОН.

Как-то случилось, что отдельную квартиру (а давали только льготным категориям и не больше одной на библиотеку в год) получил сотрудник, далеко не самый уважаемый в коллективе. Все в том же Белом зале состоялось собрание, где на самых высоких тонах взывали к справедливости, умудренные, казалось бы, жизнью, благообразные «коренные москвичи» впадали в истерику и где директору пришлось извиняться за недогляд. Увы, даже в храме науки не все было гармонично и далеко не все конфликты могли считаться трудовыми.

Но последние, естественно, преобладали, и к ним коллектив в целом проявлял стойкий иммунитет. В Белом зале выставкой новых поступлений заведовала Ида Абрамовна, седовласая дама с голубыми глазами, проникновенным взором и звучным голосом. «Белая дама Белого зала», как ее назвали для истории ФБОН в одном поэтическом опусе, добиваясь порядка, остро конфликтовала с библиографами, которые, понятно, клали книги и журналы на неподобающее место, а иногда без спросу уносили в сектора и даже, кажется, домой. Посему обыденное списание новых поступлений в хранение превращалось в регулярную баталию, впрочем, настолько привычную, что стороны оставались по преимуществу в дружеских отношениях.

Ида Абрамовна натурально сердилась, строгим голосом взывала к лучшим чувствам, но совсем не ожидала, что ее подопечные когда-нибудь исправятся. На тему своих отношений с библиографами хозяйка Белого зала рассказывала житейский эпизод, навсегда, как она говорила, убедивший ее в несовместимости личных интересов. Мальчишка на ее глазах выковыривал камешки из булыжной мостовой, а в ответ на замечание о травматических последствиях для прохожих или проезжих сказал: «Тетя, но ведь они мне тоже нужны».

Другая седовласая и представительная дама возглавляла машбюро. И в том же опусе для библиотечной истории о ней говорилось: «Кто в ФэБэОНе главная – Анна Станиславовна». Анна Станиславовна тоже вела постоянную борьбу с библиографами, поскольку они загружали ее подчиненных излишней, совершенно ненужной работой, писали аннотации издевательски неряшливым почерком и т.п. Тут требовалось молча выслушать поток эмоций, почтительно принять поучения и заверить, что провинившиеся получат замечание и перепишут свою мазню печатными буквами.

Конечно, невозможно представить все колоритные или значимые личности ФБОН, но нельзя не упомянуть еще несколько персонажей. Замдиректора по хозяйственным вопросам Семён Минаевич Шапиро был отставником из органов и в немалых чинах (полковник, помнится). Когда хоронили Е.В.Бажанову в Донском крематории, ему вспомнилось, как стоял в оцеплении при похоронах Орджоникидзе. Не удержавшись, я спросил, знали ли о самоубийстве Серго. «Ничего», – ответил С.М. Все вопросы материального обеспечения деятельности библиотеки и содержания здания были в ведении Шапиро. Но назвать Семёна Минаевича лишь директором по хозяйству было бы несправедливо. К нему обращались по общественным делам, он помогал при организации всех коллективных мероприятий, включая походы. Сотрудники постоянно приходили к нему за консультацией по личным вопросам, и благодаря своим академическим (и иным) связям он нередко решал эти вопросы. Пока мы со Светланой собирали деньги на паевой взнос, места в ЖСК оказались, как нам сказали, заняты. Пошли к Семёну Минаевичу, и тот, сделав пару звонков, заверил нас в успешном решении дела. Так оно и было.

Игорь Энгельгардт был, пожалуй, самой заметной личностью. Крепкого телосложения, он большой рыжеватой бородой (за что я называл его «Барбароссой», а он, не желая аналогий, неизменно возражал: «Нет, Лангобард») да еще чтением на ходу привлекал к себе внимание и уличных прохожих, и даже постовых милиционеров. Был Игорь сыном «врагов народа», учительствовал в Якутске, при том всю жизнь придерживался тех советских идеалов, в которых был воспитан. Распространялись они и на вопросы религиозности: искренне веруя в свое неверие, вел Игорь бюллетень по атеизму и истории религии. А вообще круг его интересов был необыкновенно широк: кто почтительно, кто снисходительно называл его «ходячая энциклопедия». Напичканный всевозможными сведениями, он бескорыстно предоставлял их всякому нуждающемуся, а еще любил спорить на исторические темы и неизменно выигрывал. До последних лет, ведя полуголодный образ жизни, покупал книги, и из его карманов неизменно торчала пачка библиографических карточек по разнообразной тематике.

Можно упомянуть его сангвинический нрав и страстную любовь к шахматам: он, даже по дороге на работу, ухитрялся разбирать партии гроссмейстеров. А еще заслуживает внимания одна из рассказанных им историй. Хлопоча о реабилитации отца, Игорь дошел до Григория Ивановича Петровского, с сыном которого отец Игоря работал в органах до их ежовской «чистки». Петровский остался единственным не репрессированным членом руководства Украины, и его чудесному спасению обязан своим названием бывший Екатеринослав (сейчас Днепр). Председатель украинского ЦИК покаянно признался Игорю: «Правильно молодые не верили Сталину, а мы (старые большевики. – *А. Г.*) верили, дураки».

Полной противоположностью Энгельгардту был Лёва Морозов, одинокий, тихий, почти незаметный человек. Фронтовик и тоже из детей репрессированных, он никогда не рассказывал ни о репрессиях, ни о войне. Между тем Лёва был общителен и, несмотря на разницу лет и жизненного опыта, допускал обращение «на ты» (именуя меня «Сандимыч»). Лёва писал стихи, порой шаржи на библиотечные темы, однако, в отличие от Игоря, предпочитал анонимность. Имел же он «одну, но пламенную страсть», составлял биобиблиографию по русской общественной мысли конца XIX – начала XX в. Особо его привлекала религиозная тематика. Отработав в секторе науки ФБОН до 17 (и 15 минут) вечера, Лёва шел в Ленинку, где до закрытия (21 час) расписывал малодоступные тогда журналы по «ведомству православного вероисповедания», собирал сведения об авторах. Создалась уникальная картотека, утраченная при обустройстве на Профсоюзной. А Лёва так же незаметно, как жил, умер. Бессребреником.

Александр Иванович Белозерцев. Сейчас он напоминает мне героя фильма «Холодное лето 53-го», того самого, из фронтовой разведки. Такой же жилистый и подтянутый. Тоже из разведки и тоже, помнится, капитан. За какую провинность он оказался у нас, не знаю. Работал он в комплектовании с китайской литературой, дружил с Надимом Арифуловым, который расписывал литературу на арабском. А запомнился мне Саша двумя эпизодами. Одно время мы соседствовали домами по ул. Крупской. В доме Белозерцева хозяйничала шпана, с которой он по мере сил боролся. Однажды, сидя с тестем за праздничным столом, он услышал крики и увидел, как шпана избивает кого-то лежащего на земле. Саша выскочил (жили они на первом этаже) и заорал командирским голосом «Окружай их!» Кодла разбежалась, избитого увезли в больницу. А в 1968 г., когда развернулась «животворная» кампания в поддержку оккупации Чехословакии, у нас тоже состоялось собрание «актива». Против проголосовали двое: одним из них был Белозерцев, а с ним – Таня Гаврилова, стройная, скромная девушка из сектора философии.

Голосование проходило рутинно, молодежь смотрела на старших товарищей, для которых мероприятие было привычным делом. Так, Светлана Гордон взглянула на Софью Иосифовну и подняла руку, вслед за ней. А я оказался в это время в подшефном совхозе на станции Бужаниново. По прибытии «абориген», отбывавший шефский срок, бывалый мужчина из геологических партий спросил: «Как комментируете?». «Так приехал сюда, чтобы не комментировать», – профессиональным приемом лектора-международника ответил я.

Я постарался показать в меру своего кругозора, как жили мы, люди своего времени, со всей страной вместе, каким многообразным и редкостно богатым был человеческий мир ФБОН, какой разносторонней была деятельность этого уникального учреждения Академии. Работа здесь стала моей судьбой, как и немалого числа других многолетних сотрудников Института. Вошла она в жизнь и тех, кто сменил место службы, и тех очень многих, кто приходил для своих научных занятий в гостеприимные залы Библиотеки к их доброжелательным служителям. Существование ФБОН по праву стало частью истории отечественной науки.

Е.Ю. Матвеева

СЕКТОР БИБЛИОГРАФИИ ПО ЕВРОПЕЙСКИМ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИМ СТРАНАМ ФБОН – ИНИОН АН СССР

Матвеева Елена Юрьевна (5 декабря 1948, Берлин). Окончила исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова (1971). Кандидат исторических наук (1987). Специалист по истории Польши. В ИНИОН с 1973 г. Заведующая сектором научно-библиографической информации по гуманитарным наукам отдела научно-библиографической информации Фундаментальной библиотеки. Ответственный редактор серии «История. Археология. Этнология» библиографического указателя «Новая литература по социальным и гуманитарным наукам».

Старые черно-белые фотографии, не очень четкие, с надорванными уголками. Вот за праздничным столом сидят молодые и веселые Игорь Яковлевич Госин, Ирина Александровна Калоева, Елена Мироновна Кан, Надежда Давыдовна Ратнер. Вот они же во время лыжного похода. С трудом разбираем лица, но старые фотографии ясно передают дыхание времени, далекие 40-е, 50-е, 60-е годы…

Некоторых из этих людей мы, молодежь, пришедшая в ИНИОН в конце 60-х – начале 70-х годов, никогда не видели. Зато слышали множество рассказов и даже легенд о том, кто с кем дружил, кто кого любил, кто у кого «отбил» самую красивую девушку в ФБОНе. Мне же на этих страницах хочется вспомнить тех из них, кого я знала лично, с кем «пересеклась» во времени и пространстве – сначала в здании на Фрунзе, потом на Профсоюзной.

Первым и главным человеком, принимавшим меня на работу и возглавлявшим тогда, в 1973 г., сектор библиографии по европейским социалистическим странам, была **Ирина Александровна Калоева**.

Ирина Александровна родилась в 1922 г. в старой московской семье. Ее отец – А. Прокопович, дворянин по происхождению, после революции работал на Московском шарикоподшипниковом заводе. В 1937 г. был арестован и в 1940 г. погиб. Мать – Елизавета Петровна Прокопович была учительницей русского языка и литературы в 524-й московской школе. Ирина Александровна после окончания школы в 1940 г. поступила на исторический факультет Московского государственного университета, выбрав специализацию по этнографии славянских народов. С тех далеких пор вся жизнь Ирины Александровны была связана с отечественным славяноведением. Завершив в 1945 г. курс обучения в МГУ, И.А. Калоева поступила в аспирантуру Института этнографии АН СССР. В 1948 г. она защитила кандидатскую диссертацию на тему «Пережитки родового строя у южных славян в XIX – начале XX века». По рекомендации профессора М.О. Косвена молодая выпускница МГУ, владевшая немецким, сербским, польским и болгарским, а также английским и французским языками, была принята на работу в кабинет славяноведения ФБОН. Вся профессиональная деятельность Ирины Александровны в стенах ФБОН – ИНИОН была связана с развитием библиографии вообще и славяноведческой библиографии в частности. Ей была поручена работа по комплектованию фондов библиотеки литературой из стран Центральной и Юго-Восточной Европы (в то время – стран народной демократии). Ирина Александровна совместно со своими коллегами развернула огромную по своим масштабам работу по налаживанию книгообмена с Чехословакией, Польшей и Болгарией (позже к ним присоединились Югославия, Румыния, Венгрия и ГДР). Они наладили переписку с ведущими академическими и университетскими научными центрами, библиотеками и издательствами этих стран. Во многом стараниями Ирины Александровны была создана система книгообмена, которая во второй половине XX в. обеспечила львиную долю поступлений в фонды ИНИОН литературы из стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Эта система имела под собой настолько обширную и прочную базу, что ее не смогли разрушить ни безденежье 90-х годов, ни огромный кадровый дефицит этого периода. Именно благодаря системе книгообмена было обеспечено комплектование библиотеки ИНИОН в условиях, когда отсутствие необходимых валютных ресурсов не позволило ей закупать нужную литературу. Эта система успешно действует и поныне, когда ее поддерживают и развивают уже ученики и молодые коллеги Ирины Александровны.

Параллельно созданию системы книгообмена в ФБОН И.А. Калоева вела в тот период и другие виды библиографической работы: редактировала библиографические указатели (БУ) по Болгарии и Югославии. В 1954 г. директор ФБОН Виктор Иванович Шунков объявил Калоевой благодарность за создание картотеки статей, опубликованных в журнале «Советская этнография» в 1946–1953 гг. Молодая сотрудница кабинета славяноведения, а затем сектора стран народной демократии ФБОН отличалась необыкновенной ответственностью, энергией и творческой инициативой. Поэтому ничего удивительного не было в том, что в 1963 г. именно она заменяет Елену Мироновну Кан на посту заведующей сектором, в котором работали такие известные в ФБОН сотрудники, как Н.Д. Ратнер, В.В. Носкова, К.И. Козырина, И.В. Межова.

В то время сектор вел три основных направления библиотечной и библиографической работы: 1) книгообмен со странами Центральной и Юго-Восточной Европы; 2) издание ежемесячных БУ по каждой из стран региона (к концу 80-х годов их число выросло до восьми); 3) создание ретроспективных библиографий в сфере славяноведения.

И.А. Калоева занималась всеми направлениями работы сектора: вела книгообмен, редактировала библиографические указатели. Но больше всего ее лично как историка-слависта интересовала ретроспективная библиография – жанр, требующий огромной эрудиции, работоспособности и без преувеличения можно сказать – самоотверженности. В 50-е годы ею была проделана огромная работа по сбору материалов в советской периодической печати, посвященных зарубежным славянским странам. Итогом этой работы стала объемная (более 50 печатных листов), вышедшая в 1963 г. библиография «Советское славяноведение: Литература о зарубежных славянских странах на русском языке», учитывающая советские издания за 1918–1960 гг.[1] По сей день это наиболее полное (и по охвату источников, и по хронологическим рамкам) библиографическое издание в области советского славяноведения. Параллельно с этой работой Ирина Александровна участвовала в подготовке фундаментальной библиографии литературы на русском языке, посвященной восстанию 1863 г. в Польше[2].

---

[1] *Калоева И.А.* Советское славяноведение: литература о зарубежных славянских странах на русском языке, 1918–1960 гг. – М., 1963. – 402 с.

[2] Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи 60-х годов : библиографический указатель литературы на рус. яз. / сост. Калоева И.А., Николаевский М.А., Пашаева Н.М.; под ред. Миллера И.С. – М., 1962. – 201 с.

В 70-е годы она с головой ушла в новый грандиозный проект: собрать все, что было опубликовано в русской литературе о Болгарии. Итогом этой работы (к которой она привлекла сотрудников сектора Наталью Вячеславовну Буссе, Галину Ивановну Ильинову, Галину Львовну Маньковскую, Зою Геннадьеву Цимбаеву) стал 1000-страничный труд, в котором были собраны сведения о всех публикациях по Болгарии в русской дореволюционной печати. К сожалению, в 1981 г. удалось издать в Болгарии только первый том этой фундаментальной библиографии, в котором были отражены работы по Болгарии, напечатанные в русской периодической печати[1], а подготовленный к печати второй том, посвященный книжной продукции в области отечественной болгаристики, так и не нашел своего издателя.

На протяжении нескольких десятков лет И.А. Калоева готовила для международных съездов славистов библиографии работ отечественных ученых, посвященных зарубежным славянским странам. Она принимала участие практически во всех 12 проходивших в 60–80-е годы всесоюзных конференциях историков-славистов, стремясь донести до научной общественности страны основные достижения и проблемы информационного обеспечения отечественного славяноведения. В 1979 г. к конференции славистов в Киеве Ирина Александровна совместно с другими сотрудниками сектора подготовила обширную (в семи выпусках) библиографию по современным славянским культурам[2].

В середине 80-х годов, когда Комиссия по истории мировой славистики приняла решение о подготовке фундаментальной библиографии по истории мировой славистики, учитывающей все работы, вышедшие после 1945 г., Ирина Александровна приняла участие в разработке ее концепции, а затем подготовила несколько выпусков указателя[3]. В 1992 г. из-за финансовых трудностей выпуск этого издания прекратился. Он был возобновлен в 2003 г.

---

[1] България в руската дореволюционна литература (XVIII – началото на XX век): библиографичский указатель / съст. Буссе Н.В., Калоева И.А. и др. – София, 1981. – Т. 1. – 597 с.

[2] Современные славянские культуры: развитие, взаимодействие, международный контекст : указатель литературы, 1970–1978 гг. – М., 1979. – Вып. 1: Научно-организационная работа в области изучения современных славянских культур; Вып. 2: НРБ; Вып. 3: ПНР; Вып. 4: СССР; Вып. 5: ЧССР; Вып. 6: СФРЮ; Вып. 7: Международные культурные связи.

[3] История мировой славистики: указатель литературы. – М., 1987–1992.

усилиями Алексея Ивановича Сливы, в настоящее время его продолжают Екатерина Анатольевна Дмитренко и Е.Ю. Матвеева.

И.А. Калоева была инициатором и непременным участником многих совместных проектов с учеными зарубежных славянских стран, осуществляемых в рамках Международной информационной системы по общественным наукам (МИСОН), принимала участие в работе международных съездов славистов.

Обладая активной жизненной позицией, Ирина Александровна не могла остаться в стороне и от общественной жизни ФБОН – ИНИОН. На протяжении многих лет она была председателем профкома Института, членом партийного бюро. И на всех общественных постах никогда не стремилась усердствовать в «идеологической борьбе», всегда сохраняла чувство такта, житейскую мудрость и искреннее желание помочь людям. В коллективе ИНИОН до сих пор вспоминают великолепные концерты, литературные и музыкальные вечера, на которые Ирина Александровна всегда исхитрялась пригласить самых именитых артистов. Она сама, кстати, была завзятой театралкой, прекрасно пела и играла на фортепиано.

Ирина Александровна руководила сектором научно-библиографической информации по европейским социалистическим странам в течение 25 лет. За эти годы она обучила профессии библиографа более 50 человек (в разное время в секторе работали от 10 до 25 человек). Вокруг нее сложился коллектив высококвалифицированных и преданных своему делу библиографов-славистов: Н.В. Буссе, Т.В. Владиславлева, Л.А. Рожнова, Г.И. Павленко, А.И. Слива, Г.И. Ильинова, В.А. Колосова, И.Ф. Куренной, Г.К. Ифтинка, Э.И. Косенко, Л.Е. Фарбер, Л.М. Жук.

Сейчас мы можем с полным правом сказать, что в ФБОН, а затем в ИНИОН сложилась целая библиографическая школа, в создании которой большая роль принадлежит И.А. Калоевой. Однако для нас, ее учеников и коллег, Ирина Александровна была не только учителем в профессии, но и заинтересованным в наших успехах другом, просто близким человеком. Ее стараниями в руководимом ею коллективе была создана совершенно особая атмосфера дружелюбия, искреннего участия и взаимопомощи. Эта атмосфера сохранилась и после ее ухода с поста заведующей, когда в 1988 г. она передала руководство сектором своему любимому ученику – Алексею Ивановичу Сливе. Она сохраняется и в других подразделениях Института, куда перешли работать ее многочисленные ученики. В отделе комплектования успешно продолжают калоевские традиции Г.И. Ильинова, И.Ф. Куренной, Н.В. Немсадзе, В.В. Соловьева.

Бог наградил Ирину Александровну крепким здоровьем. На протяжении десятилетий она ни одного дня не провела на больничном, работала даже будучи в отпуске. В последние годы она стала чаще работать дома – дорога на Профсоюзную давалась уже с трудом. 26 декабря 2002 г. Ирины Александровны не стало.

Предшественницей И.А. Калоевой на посту заведующей сектором была **Елена Мироновна Кан**. С Еленой Мироновной мне довелось поработать менее полугода. В памяти осталась невысокая хрупкая пожилая дама, к которой наши старшие товарищи обращались с большим почтением. Каково же было мое изумление, когда мне удалось познакомиться с основными вехами ее необыкновенной (а в чем-то очень типичной) биографии. Е.М. Кан родилась 23 декабря 1898 г. в г. Кременчуге Полтавской губернии в семье врача. Ее отец М.Я. Манусевич был известнейшим в городе человеком, он 40 лет проработал в Кременчугской городской больнице. Чудесным образом семье удалось без серьезных потерь пережить годы революции и Гражданской войны на Украине, и доктор Манусевич продолжал лечить людей уже при советской власти. В 1933 г. в связи с 50-летием Кременчугского научного медицинского общества его фамилия была помещена на мраморной Доске почета.

В 1916 г. Елена Мироновна окончила Кременчугскую женскую гимназию с медалью и поступила на историко-филологический факультет Харьковских высших женских курсов. Именно интеллектуальный багаж, полученный в те годы, прекрасное знание множества языков (немецкий, английский, французский, чешский, венгерский (!) и «немного хуже» – польский, румынский, болгарский, украинский) сделали впоследствии Е.М. Кан ценнейшим сотрудником ФБОН и ИНИОН.

В сумятице Гражданской войны Высшие женские курсы в Харькове прекратили свое существование, и Елена Мироновна вернулась в родной Кременчуг. В 1918–1921 гг., как и многие другие молодые интеллигенты, она с энтузиазмом взялась за преподавательскую и культурно-просветительную работу. Она преподавала в школе грамоты махорочной фабрики и школе рабочей молодежи, работала в библиотеке местного совета профсоюзов.

В 1921 г. Е.М. Кан приехала в Москву и поступила в 1-й МГУ на историческое отделение факультета общественных наук. По окончании университета Елена Мироновна работала в московском Пролеткульте инструктором клубного отдела, занималась ликвидацией неграмотности в школах грамоты и кружках самообразования на Трехгорке, заводе «Лакокраска» и других московских предприятиях. В начале 30-х годов Елена Мироновна, не будучи еще сама членом партии, работала в сети партпросвещения в своем Краснопресненском районе, руководила методической комиссией по русскому языку. В 1932 г. в связи с ликвидацией сети вечерних советских партийных школ перешла в отдел учебных заведений Центрального управления народно-хозяйственного учета Госплана СССР. В это время она ездит по стране с инспекцией учебных заведений, печатается в журналах «План» и «Высшая техническая школа», составляет аннотированную библиографию по специальной литературе.

В 1930-е годы Елену Мироновну как исключительно грамотного и ценного сотрудника привлекли к преподаванию русского языка на общеобразовательных курсах командиров Московского военного округа. В 1936 г., когда в школах СССР было восстановлено преподавание гражданской истории, Е.М. Кан перешла на педагогическую работу в среднюю школу. В 1938 г. она прошла аттестацию комиссии Наркомпроса и получила аттестат на звание учителя средней школы. Вела методическую работу по заданиям Научно-исследовательского института школ Наркомпроса РСФСР. В 1940 г. участвовала в составлении коллективной рецензии учителей (в соавторстве с А. Городовым и С. Ниссельсоном) на стабильный учебник по новой истории. Рецензия была напечатана в газете «Известия». В 1940–1941 гг. по совместительству преподавала историю на курсах командиров Наркомата обороны.

Когда началась Великая Отечественная война и в Москве были расформированы некоторые школы, Елена Мироновна стала экономистом и инструктором Наркомата обороны СССР. Работала в разных управлениях наркомата, в том числе в библиотеке одного из управлений. За работу в годы войны в августе 1945 г. получила медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». В 1946–1947 гг. Е.М. Кан работала в редакции газеты «Военное обучение».

В январе 1947 г. Елена Мироновна пришла работать в ФБОН АН СССР старшим библиографом в отдел комплектования. Ей было почти 50 лет, и она обладала огромным опытом педагогической и научно-методической работы в самых разных советских учреждениях. Однако, несмотря на ведомственное разнообразие, все эти занятия были связаны с культурой и просвещением. В ФБОНе Е.М. Кан смогла наиболее полно реализовать свои разносторонние знания. В апреле 1948 г. – она уже младший научный сотрудник, а с июля следующего года – заведующая сектором стран народной демократии. Как писала в своей докладной записке И.А. Калоева, Е.М. Кан была фактическим организатором сектора в 1949 г.

Под руководством Елены Мироновны был начат выпуск ежемесячных библиографических указателей (БУ) по странам народной демократии. Это решение, продиктованное, без сомнения, в первую очередь политическими соображениями, сыграло огромную роль в развитии советского славяноведения. Впервые в истории отечественной библиографии в них учитывались не только книги и сборники, но и журнальные и даже газетные статьи. Без преувеличения можно сказать, что страноведческие БУ ФБОНа были наиболее полными источниками информации для отечественных славистов и балканистов. Например, в 1969 г. дирекция Института славяноведения и балканистики АН СССР объявила Е.М. Кан благодарность «за пополнение фондов библиотеки Института микрофильмами старопечатных книг, публикаций, монографий по истории Венгрии, необходимых для подготовки коллективного труда «История Венгрии».

Полнота представленной в БУ информации зависела в первую очередь от усилий людей, занимавшихся комплектованием литературы. Прекрасное знание западноевропейских и практически всех восточноевропейских языков предопределило ведущую роль Е.М. Кан на этом направлении библиографической работы. Позже, когда в секторе появились новые сотрудники, Елена Мироновна вела венгерское комплектование и отбирала славяноведческую литературу на всех западноевропейских языках. Кроме того, она являлась ответственным редактором четырех БУ – по Болгарии, Чехословакии, Польше и Венгрии, редактировала многочисленные ретроспективные библиографии, выпускавшиеся сектором в те годы. Особо следует отметить масштабность библиографических начинаний того времени. Так, в начале 60-х годов Елена Мироновна инициировала и осуществила силами сотрудников сектора издание серии библиографии библиографий по всем странам «народной демократии»[1].

---

[1] *Кан Е.М.* Библиография венгерских библиографий о Венгрии : лит., опубл. с 1945 по 1960 г. – М., 1962. – 27 с. ; *Межова И.А.* Библиография польских библиографий о Польше : лит., опубл. в 1945–1960 гг. – М., 1962. – 52 с. ; *Ифтинка Г.К.* Библиография румынских библиографий о Румынии : лит., опубл. в 1945–1960 гг. – М., 1963. – 15 с. ; *Калоева И.А.* Библиография чешских и словацких библиографий о

Занимаясь текущей библиографией, Е.М. Кан не оставляла и собственную научную работу. Она много печаталась в таких периодических изданиях, как «Исторический архив», «Славяне», «Новая и новейшая история», «Вопросы истории», «История СССР», «Военно-исторический журнал», «Советская библиография», «Учительская газета», «Народное образование». Была инициатором издания совместных трудов БАН и ФБОН по вопросам библиографии. Эту работу она поручила Н.В. Буссе – новой сотруднице, недавно приехавшей из Болгарии.

В июне 1963 г. Елена Мироновна ушла с поста заведующей сектором, но еще 10 лет, до 1973 г., работала в нем, выполняя свои обязанности на таком высоком уровне, что ее работу вполне можно назвать педагогической. Она учила, наставляла, объясняла, требовала. Ее вклад в профессиональное становление следующего поколения библиографов, в первую очередь работавших с венгерской литературой, огромен.

Когда я в 1973 г. пришла в сектор европейских социалистических стран, меня «прикрепили» к опытнейшему библиографу-полонисту – **Капитолине Ивановне Козыриной**. Ей в ту пору было за 50 (К.И. родилась 10 февраля 1921 г.), и она казалась мне человеком очень пожилым. Широта ее познаний в области польской литературы и истории поразила меня с первых дней работы. Капитолина Ивановна была выпускницей кафедры истории южных и западных славян МГУ (1944). Окончив университет с красным дипломом, она поступила в аспирантуру, но, к сожалению, из-за болезни работу над диссертацией вынуждена была прервать. В марте 1946 г. К.И. Козырина поступила в НИИ-205 при ЦК КПСС референтом по Чехословакии. НИИ-205 был создан после роспуска Коминтерна в сентябре 1943 г. на базе Отдела печати Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала (ИККИ). В годы войны он осуществлял радиосвязь с ЦК зарубежных компартий, а после войны, когда в нем работала Капитолина Ивановна, готовил информационные и справочные материалы о рабочем, коммунистическом и национально-освободительном движениях, издавал ежедневные бюллетени текущей информации. В 1947–1948 гг. К.И. Козырина работала в Институте славяноведения АН

Чехословакии : лит., опубл. в 1945–1960 гг. – М., 1962. – 38 с. ; *Калоева И.А.* Библиография югославских библиографий о Югославии : лит., опубл. в 1945–1960 гг. – М., 1962. – 19 с. ; *Буссе Н.В.* Библиография болгарских библиографий о Болгарии : лит., опубл. в 1945–1960 гг. – М., 1962. – 31 с.

СССР, продолжила учебу в аспирантуре, но так и не защитилась по ее окончании.

25 мая 1950 г. Капитолина Ивановна начала работу в секторе славяноведения и стран народной демократии ФБОН АН СССР, вначале специалистом по Чехословакии, затем – по Польше. Кроме текущей библиографической работы по сбору и редактированию документов по Польше, К.И. Козырина вела книгообмен с Чехословакией, редактировала БУ по Болгарии, Румынии, Чехословакии. К.И. Козырина была прекрасным редактором. Она читала много польской литературы, была в курсе всех событий в жизни ее любимой Польши, постоянно ездила в страну. Сказывался и опыт, приобретенный в такой серьезной организации, как НИИ-205. Все это давало ей возможность моментально схватывать суть, видеть смысл документа за сухими и часто стереотипными словами заголовков. Не секрет, что библиографы часто страдают профессиональной «болезнью»: изо дня в день работая с большим потоком документов, они постепенно перестают вникать в их суть, формально фиксируют основное содержание книги или статьи. Прекрасным «противоядием» является включенность в научную жизнь, собственная научная работа, участие в конференциях, знакомство с авторами. К.И. Козырина постоянно предостерегала нас, своих молодых коллег, от опасности «порхания по верхам», заставляла вчитываться в литературу, поощряла учебу в аспирантуре.

Сама Капитолина Ивановна много писала и печаталась, уделяя особенно большое внимание ретроспективной библиографии. В 1954 г. совместно с Е.М. Кан она составила большую библиографию о рабочем и крестьянском движении в Польше и Западной Украине в 1917–1939 гг., собрала литературу 1951–1958 гг. о рабочем движении и социалистических революциях в Болгарии, Венгрии, Польше, Чехословакии и Румынии.

Сейчас, когда проблема польско-российских отношений является предметом жарких споров историков и публицистов двух стран, тема участия поляков в Октябрьской революции 1917 г. и Гражданской войне в СССР, как и проблема советско-польской войны 1920 г., не потеряли своей актуальности. В сборнике «Революционная Россия 1917 г. и польский вопрос: новые источники, новые взгляды» (М., 2009) обзор К.И. Козыриной[1] упоминается как важный для разработки данной темы. Капитолина Ивановна печаталась практически во всех исторических научных журналах. Круг ее интересов был необычайно широк: здесь и литература о А.М. Горьком в славянских странах, и левая оппозиция в Польской социалистической партии перед переворотом Пилсудского, и роль поляков в работе I Интернационала, и переговоры Ю. Бека с гитлеровской Германией в 1935 г., и отношение западных держав к проблеме польско-германской границы в 1943–1944 гг. К.И. Козырина много занималась переводами с польского и чешского. Ее переводы печатались в журналах «Византийский временник», «Вестник древней истории».

---

[1] *Козырина К.И.* Участие поляков в Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войне в СССР : лит. 1951–1956 гг. // История СССР. – М., 1957. – № 4.

У Капитолины Ивановны был непростой характер, отношения с И.А. Калоевой тоже были непростые. Как бы то ни было, в 1980 г. она ушла на пенсию. К сожалению, после ее ухода с работы встречались мы редко, о чем сейчас я очень сожалею.

К этому же поколению сотрудников сектора, что и К.И. Козырина, относится и **Наталья Вячеславовна Буссе**. Она была «полуиностранкой», дочерью русских эмигрантов, покинувших Россию в 1919 г. Родилась в Болгарии в г. Свиштов 17 декабря 1921 г. Отец был разнорабочий, мама – домохозяйка. В Свиштове в 1938 г. Наталья Вячеславовна окончила гимназию, а в 1944 г. – Высшую школу экономических и социальных наук. Поступила на работу в Институт экономических исследований при той же школе. Работала главным образом в области текущей и ретроспективной библиографии по экономическим и социальным наукам в Болгарии. В 1948 г. поступила на работу в Болгарский библиографический институт в Софии, где прошла все ступени от библиотекаря до заведующей сектором библиографии марксистско-ленинской литературы. В Болгарии Н.В. Буссе опубликовала множество работ библиографического характера, в том числе большую ретроспекцию болгарской литературы по общественным наукам, вышедшую в 1948 г. под редакцией профессора Т. Владигерова[1].

Несмотря на молодые годы и не очень крепкое здоровье, Наталья Вячеславовна вела необыкновенно активную жизнь – работала в Союзе работников просвещения Болгарии, в Болгаро-советском обществе, в болгарском Комитете борьбы за мир, была активисткой Клуба советских граждан в Болгарии. После восстания 9 сентября 1944 г. вступила в Союз рабочей молодежи (болгарский аналог ВЛКСМ), а с января 1945 г. до отъезда в СССР была членом Болгарской коммунистической партии.

---

[1] *Буссе Н.В.* и др. История Болгарии до 9 сент. 1944 г. : ук. лит.: От началното до днес: 1850–1945 / под ред. на Тодор Владигеров. – Свищов, 1948.

В 1955 г. Наталья Вячеславовна вместе с семьей переехала в Советский Союз и в сентябре того же года поступила на работу в ФБОН. Прекрасное знание болгарского и французского языков, а также богатый опыт библиографической работы предопределили ее специализацию в секторе. Уже через два месяца, когда закончился испытательный срок, бывший директор ФБОН, а в тот период старший научный сотрудник, Д.Д. Иванов пишет заявление на имя директора ФБОН В.И. Шункова с просьбой зачислить Н. Буссе в штат в качестве «моего помощника в работе по составлению библиографии о НРБ».

За годы работы в ИНИОН Наталья Вячеславовна сделала очень многое, особенно в области ретроспективной библиографии. Она участвовала в составлении трехтомного указателя литературы «Народная Республика Болгария», который издавался в 1954–1972 гг. совместно с болгарскими библиографами из Свиштова[1], в соавторстве с Д.Д. Ивановым и В.В. Носковой составила и отредактировала двухтомный указатель литературы «История Болгарии до 9 сентября 1944 г.»[2]. На протяжении многих лет Наталья Вячеславовна была составителем и ответственным редактором ежемесячного БУ «Народная Республика Болгария», болгарской части ежегодника «Экономическое и научно-техническое сотрудничество стран – членов СЭВ и СФРЮ»[3], ежемесячного библиографического указателя по общим проблемам славяноведения. Разумеется, вела она и болгарское комплектование.

Работала она очень тщательно, для нее не существовало мелочей. В сдаваемой работе выверялась каждая буква. В секторе шутили, что хотя Болгария и не Западная Европа, начавшая работать в Болгарии Буссе сохранила европейский стиль работы. Ее четкость и дисциплинированность были сверхординарными.

Наталью Вячеславовну связывали крепкие профессиональные и дружеские узы с Ириной Александровной Калоевой. Многими они воспринимались как неразлучная пара: вместе делали большие ретроспективные библиографии, вместе ездили в командировки, даже на работу и с работы всегда ездили вместе, благо жили близко друг от друга. Думаю, что не ошибусь, если скажу, что осуществление таких огромных трудов, как «Болгария в русской дореволюционной литературе (XVIII – начало XX в.)» было бы невозможно, если бы не совместные усилия этих двух подвижниц – Калоевой и Буссе.

---

[1] Народная Республика Болгария. Историческая библиография: в 3 т. – М., 1954, 1958. – Т. 1: (1944–1947). – 676 с.; Т. 2: (1948–1952). – 856 с.

[2] История Болгарии до 9 сентября 1944 г. : указатель лит., 1945–1958. – М., 1963. – 308 с.

[3] Экономическое и научно-техническое сотрудничество стран – членов СЭВ и СФРЮ : указатель лит.: в 2 т. – М., 1976.

В 1950-е годы, когда складывался костяк сектора научно-библиографической информации по европейским социалистическим странам, найти людей с хорошим знанием славянских языков было нелегко, но возможно – таких специалистов выпускала кафедра истории южных и западных славян истфака МГУ. Не случайно большинство сотрудников сектора, так же как впоследствии и реферативного отдела Восточной Европы, были выпускниками именно этой кафедры. А вот найти людей, знающих венгерский, румынский или албанский, было труднее. Поэтому специалистами по Венгрии, Румынии и Албании у нас работали люди, благодаря различному стечению обстоятельств подолгу жившие в этих странах. Георгий Константинович Ифтинка был румыном, перебравшимся в СССР, Энна Ивановна Косенко была замужем за румыном, но позже вернулась на родину. Похожая судьба была и у **Галины Львовны Маньковской**.

Она родилась в 1932 г. в Москве в профессорской семье. Закончила Московский библиотечный институт со знанием сербскохорватского, албанского и македонского языков. После окончания института по распределению уехала работать в областную библиотеку города Чарджоу в Туркмении, а уже через год – в 1956 г. вышла замуж за албанца, учившегося в СССР, и уехала в Тирану. Ее муж – Шефкет Селя до 1962 г. был заместителем директора Национальной библиотеки Албании. Галина Львовна работала преподавателем русского языка и литературы в Тиранском университете. Судя по всему, брак был счастливым, но в 1961 г. резко испортились отношения между Албанией и СССР, и всем советским гражданам в ультимативной форме «предложили» вернуться на родину. Галина Львовна с сыном вернулись в Москву.

В 1962 г. Г.Л. Маньковская пришла на работу в отдел каталогизации ФБОН, позже, в 1966 г., перешла к И.А. Калоевой в сектор европейских социалистических стран. Работала с югославской и албанской литературой, вела книгообмен с Албанией. Будучи человеком очень организованным и упорным, параллельно с библиографической работой подготовила и защитила кандидатскую диссертацию на тему «Издание и распространение переводов художественной литературы как один из факторов развития национальной культуры (на материале Албании, Болгарии, Югославии) с середины XIX в. до 1944 г.». Галина Львовна была автором статей о переводах русской литературы в Албании и Югославии[1], участвовала в международных конгрессах балканистов. В 1983 г. Маньковскую перевели в сектор научно-библиографической информации (НБИ) по научному коммунизму и международному рабочему движению, где она стала ответственным редактором соответствующего БУ.

Галина Львовна была членом КПСС и большую роль в ее жизни играла партийная работа. Много лет она была парторгом отдела, выполняла поручения МГК и Севастопольского райкома партии, выступала с лекциями на семинарах пропагандистов, руководила методологическим семинаром в секторе европейских социалистических стран. Даже в библиографической работе был заметен явный крен в информационное обеспечение идеологической работы КПСС. Маньковская была ответственным редактором ежегодников МИСОН по проблемам «развитого социалистического общества»[2], социалистической экономической интеграции[3], эффективности международного социалистического разделения труда[4], юбилейного указателя литературы к 30-летию СЭВ[5], уже упоминавшегося ежегодника «Экономическое и научно-техническое сотрудничество стран – членов СЭВ и СФРЮ». Партийной работой она занималась истово, была крайне нетерпима к любому «отклонению» от линии партии. Бывали случаи, когда за непосещение заседаний семинара Галина Львовна отказывалась подписать человеку анкету для поездки за границу. Кто бы мог себе представить, что Галина Львовна будет первой, кто уедет из СССР, как только появится такая возможность. В 1990 г. Г.Л. Маньковская вышла на пенсию и вскоре уехала с сыном в США. Чудны дела Твои, Господи!

---

[1] *Маньковская Г.Л.* Первые переводы русской литературы в Албании в 10–30-е гг. XX в. – М., 1966.– 19 с.

[2] Развитое социалистическое общество : указатель лит. – М., 1987.

[3] Социалистическая экономическая интеграция в действии : библиографический указатель. – М., 1975; 1979; 1980.

[4] Проблемы эффективности международного социалистического разделения труда : указатель лит., 1969–1980. – М., 1981.

[5] Совет Экономической Взаимопомощи. XXX лет : указатель лит., 1969–1978. – М., 1978.

Абсолютной противоположностью Галине Львовне в плане отношения к «официозу» была, как мне кажется, **Татьяна Всеволодовна Владиславлева**. Родилась она 24 мая 1935 г. Татьяна выросла в профессорской семье, ее отец был ректором Московского станкоинструментального института, но дочь выбрала другую, гуманитарную жизненную дорогу. В 1957 г. окончила истфак МГУ по кафедре истории южных и западных славян, защитив дипломную работу по истории рабочего движения в межвоенной Чехословакии. После окончания университета в течение пяти лет Татьяна Всеволодовна работала библиографом в редакции журнала «Новая и новейшая история».

В 1961 г. Т.В. Владиславлева пришла работать в ФБОН в сектор стран народной демократии на должность старшего библиографа. Многие годы она была составителем и ответственным редактором БУ по Чехословакии, ответственным редактором БУ по ГДР и указателя литературы «Зарубежные рецензии на советские работы по общественным наукам». Редактировала также ежегодник МИСОН «Критика современной буржуазной идеологии, реформизма и ревизионизма»[1].

Надо сказать, что, несмотря на «железный занавес», в период «оттепели» и позже – в 70-е и 80-е годы – руководство ФБОН, а затем и ИНИОН никогда не препятствовало поездкам своих сотрудников за границу. К тому же страны, по которым специализировались наши коллеги-слависты, были «братскими», т.е. входили в социалистический лагерь и поэтому были более доступными. Практически все сотрудники сектора ездили на курсы славистов, на международные конференции, для работы над совместными библиографическими изданиями. Много ездила и Татьяна Владиславлева. Будучи человеком активным и к тому же членом партии, побывала даже в Финляндии и Австрии.

Т.В. Владиславлева, как и Г.Л. Маньковская, была и парторгом сектора, и профоргом цеха, и членом комиссии по контролю за администрацией, и председателем избирательной комиссии Севастопольского района. Однако при внешнем сходстве их биографий Татьяна Всеволодовна была совершенно другим человеком. Она являлась действительным лидером в коллективе, любила собирать вокруг себя молодежь, учить, опекать. С истинно московским хлебосольством приглашала к себе домой весь сектор, с мужьями, женами и детьми. Эти вечера на Новослободской и на даче в Шереметьевской помнят все, кто работал в секторе в 60-е, 70-е, 80-е годы. Татьяна без преувеличения была «душой сектора». Большая, шумная, она могла со страстью поссориться, а на следующий день с той же страстью помириться. Она была одной из тех, кто поддерживал «дух сектора славян», неизменно доброжелательный, веселый, по-семейному теплый, который мы все вспоминаем с ностальгией.

---

[1] Критика современной буржуазной идеологии, реформизма и ревизионизма. – М., 1978–1989.

После того, как по странам Восточной Европы триумфально прокатилась череда «бархатных» революций, сектор НБИ по европейским социалистическим странам переименовали сначала в сектор НБИ по странам Центральной и Юго-Восточной Европы, а позже, в феврале 1991 г., на базе нашего сектора и сектора НБИ по странам Азии и Африки был создан сектор НБИ по региональным проблемам. В него перешли работать И.А. Калоева, Т.В. Владиславлева, Н.И. Арацкая, Н.Г. Белугина, М.А. Глазкова, З.К. Гонца, Г.И. Ильинова, Г.К. Ифтинка, В.В. Ишутин, В.А. Колосова, Л.А. Кузьмичева, Н.В. Немсадзе, Л.А. Рожнова, В.В. Соловьева, Л.Е. Фарбер, Л.А. Шестопалова. Заведующим сектором (хотя и под новым названием) оставался А.И. Слива. Е.Ю. Матвеева возглавила вновь образованный сектор методических проблем, в который перешли работать также И.П. Гетьман и С.А. Тюпаев. И.Ф. Куренной стал заведовать отделом комплектования. Так закончилась история сектора НБИ по европейским социалистическим странам.

Сейчас, по прошествии уже пяти десятков лет, 70-е годы, на которые пришлась наша молодость, представляются, наверное, слишком «радужными». В действительности они были и трудными, и безденежными (разбирая недавно свой рабочий стол, я нашла под стеклом записочки, сколько у кого одолжила «до зарплаты» – один рубль, три рубля, «рекордная» сумма – пять рублей), но одновременно и веселыми, и добрыми. В коллективе (забытое сейчас слово!) царила именно добрая атмосфера. Во многом, думаю, потому, что большинство из нас были выпускниками одного вуза и одной кафедры – кафедры истории южных и западных славян исторического факультета МГУ, учились у одних и тех же преподавателей. На нашей кафедре любили студентов, заботились о них, и в эту же атмосферу любви и заботы попадали мы, придя на работу в ФБОН и ИНИОН. Нас «растили» в полном смысле этого слова, растили именно те, о ком я сохранила благодарную память и постаралась поделиться ею на этих страницах. Спасибо им!

Раздел II.
ВЕХИ РАЗВИТИЯ ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ

К.П. Алексеева

ВОСПОМИНАНИЯ[1]

Алексеева Клавдия Павловна (3 января 1920, с. Куженкино Бологовского района Ленинградской обл. – 19 декабря 2004, Москва). Окончила Московский государственный библиотечный институт им. В.М. Молотова (1954). Теоретик и практик отечественного библиотековедения. В системе Библиотеки Комакадемии – ФБОН – ИНИОН с 1936 г. В 1953–1976 гг. – ученый секретарь ФБОН, затем ИНИБОН и ИНИОН АН СССР.

Работала я в Фундаментальной библиотеке[2] с 1936 по осень 1976 г., долгое время была ученым секретарем. Сегодня я сама удивилась: оказывается, уже 17 лет, как я на пенсии, и это, конечно, достаточное время для того чтобы обдумать прошлое и сделать какие-то выводы, потому что вблизи не всегда все видно. И я пришла к окончательному убеждению, что наша Библиотека – это библиотека уникальная. Об этом очень много написано. Написано в последнее время и о кадрах Библиотеки. Но все же я хочу рассказать о морально-этических предпосылках, благодаря которым в нашей Библиотеке образовался такой коллектив.

---

[1] Представлена отредактированная для данного издания запись выступления К.П. Алексеевой на заседании секции истории московских библиотек Московской библиотечной ассоциации 23 декабря 1993 г. Оно было посвящено 75-летию Фундаментальной библиотеки ИНИОН РАН. Запись выполнена Л.В. Юрченковой. В сокращенном виде воспоминания К.П. Алексеевой опубликованы в журнале «Вестник библиотек Москвы» (2006. – № 2. – С. 40–46). О роли К.П. Алексеевой в работе ФБОН и ИНИОНа см. в мемуарах ее мужа, также в прошлом сотрудника ФБОН Б.Н. Бачалдина (*Бачалдин Б.Н.* Фрагменты памяти / Рос. гос. б-ка. – М.: Пашков дом, 2006. – С. 122 и далее).

[2] Фундаментальная библиотека Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук была создана в 1918 г. как Библиотека Социалистической академии общественных наук. С 1919 г. она стала именоваться Библиотекой Социалистической академии, с 1924 г. – Библиотекой Коммунистической академии. В 1936–1938 гг. после ликвидации Коммунистической академии и вхождения ряда ее учреждений в состав Академии наук СССР – Фундаментальной библиотекой Отделения общественных наук (ФБООН) АН СССР, затем в 1938–1969 гг. – Фундаментальной библиотекой общественных наук (ФБОН) АН СССР. В 1969 г. было образовано учреждение Институт научной информации и Фундаментальная библиотека общественных наук АН СССР (ИНИБОН АН СССР), с 1972 г. – ИНИОН АН СССР (с 1991 г. – РАН). В настоящее время Фундаментальная библиотека (ФБ) ИНИОН РАН является структурным подразделением Института.

Дело в том, что я поступила на работу в 1936 г., когда это была еще Библиотека Комакадемии, и в том же году Библиотека вошла в состав Академии наук. Требовались три партийные характеристики, чтобы попасть в Комакадемию. Это была колоссальная проблема, потому что моя мама была беспартийная, а я в то время не была комсомолкой. В общем, пришлось потрудиться, но все-таки среди наших знакомых нашлись такие члены партии, которые дали рекомендации, абсолютно меня не зная. Просто они знали мою маму и уважали ее. Так я оказалась здесь. Я попала в коллектив для меня новый и совершенно незнакомый, и я не представляла тогда, что бывают такие интеллигентные и высококвалифицированные коллективы. Причем он был как одно целое.

Недели через две-три я чуть не вылетела из этой библиотеки. Это был кошмар. Дело в том, что каждому вновь пришедшему (а я пришла 16-летней девчонкой и, конечно, дружила в основном с молодежью) уважение к науке и к научным сотрудникам прививалось сразу, хотя никто никогда не читал морали. Просто, по-видимому, личный пример и стиль этого учреждения помогали проникнуться уважением к науке.

Случилась эта история с одним из наших читателей, я его как сейчас помню, по-моему, это был профессор Сперанский. Боюсь ошибиться, но это не имеет значения. Это был очень старенький профессор. Ходил он в ботах – раньше были такие широкие фетровые боты, – шаркая. Но нам было свойственно уважение к старости, к науке, и мы не договариваясь, не спрашивали у него читательского билета. Мы знали номер его билета, а он сам, наверное, его и не помнил.

И вот однажды, видимо, он обнаружил, что все-таки читательского билета у него нет. Он пошел к директору. Директором тогда был В.В. Максаков[1], довольно жесткий человек. Он попросил директора: «Дайте, пожалуйста, мне билет в читальный зал». Директор поинтересовался: «А Вы разве не посещаете наш читальный зал?» – «Нет, посещаю», – сказал профессор. – «А как же?» – «Ну, как? Меня пускают», – сказал он.

---

[1] Максаков Владимир Васильевич (1886–1964), российский историк, архивист, участник революционного движения. Канд. ист. наук, профессор МГУ.

И вот нас каждого по отдельности начали вызывать к директору. Представляете, в таком учреждении и вдруг такой беспорядок. Но мы даже не просили его снимать боты. Он был настолько стар, и все мы знали, что он – большой ученый. Директор пообещал нас уволить, все 11 человек. Для меня это была трагедия, потому что я с трудом сюда попала. Ходила как в храм Божий и вот, пожалуйста, такая история.

Профессор ужасно испугался, обещал, что попытается нас куда-то пристроить, но пристроиться куда-то тогда было трудно. Потом, по-видимому, он все-таки уговорил директора, и мы остались в Библиотеке. Это было просто счастье. С тех пор я ни в какой другой библиотеке больше не работала и ушла из нее в 1976 г., проработав в итоге 40 лет.

Я не помню, кто именно, но кто-то из академиков сказал, что Социалистическая академия – это прежде всего библиотека. Между Библиотекой и Академией была тесная связь[1]. Видимо, эта связь и высококвалифицированный состав Библиотеки послужили тому, что коллектив оказался таким особенным.

Говоря о том, какими у нас были отношения, я хочу привести вам один пример и забегу немного вперед в своем рассказе. Это пример глубокого уважения образованных людей, которые уже давно работали в Библиотеке, людей со стажем, к пришедшей молодежи. Когда я уже была на фронте, вдруг получаю письмо от Ольги Антоновны Барыкиной[2]. С Ольгой Антоновной я тогда не

В 1934–1938 гг. – директор Библиотеки Коммунистической академии, Фундаментальной библиотеки Отделения общественных наук (ФБООН) АН СССР.

[1] В том числе и территориальная. Большинство институтов Коммунистической академии располагались от Волхонки до Знаменки вокруг ФБОН, соединенные улицей, которой в 1926 г. было присвоено имя основоположников марксизма. – *Прим. А.В. Гордона.*

[2] Барыкина Ольга Антоновна (1903–1996) работала в системе Библиотеки Коммунистической академии – ФБОН – ИНИОН с 1930 г. (сначала в Кабинете библиотеки (Научном кабинете Президиума Комакадемии) при Президиуме Академии, затем в ФБОН). В течение многих лет возглавляла в ИНИОНе сектор науковедения отдела научно-библиографической информации. Была составителем и редактором ряда крупных ретроспективных библиографий. О роли О.А. Барыкиной

была близка, и не могла быть близка, потому что мы были разными и по возрасту, и по уровню. Ольга Антоновна уже в то время была ведущим сотрудником в отделе науки и научно-исследовательской работы. И вот я получаю письмо и в этом письме каталог выставки скульптора Шадра. Это было совершенно потрясающе. На фронте, когда вообще живешь одним днем, вдруг… Я ревела, помнится, ужасно, потому что поняла, что Москва живет, и что не хлебом единым… В Москве еще ходят на выставки. Я была потрясена и, конечно, крайне благодарна Ольге Антоновне, и каталог этот сохраняю. Рассказываю вам это для того, чтобы показать какие были отношения между людьми в нашем коллективе.

Позже В.В. Максаков куда-то делся, я подозреваю, что он не сам ушел, и потом был директором Т.М. Донцов[1], о котором ничего не могу сказать, я не помню. Но в 1940 г. в библиотеке произошло очень большое событие – директором был назначен Дмитрий Дмитриевич Иванов[2].

Несмотря на то что он проработал директором всего девять лет – это был своего рода золотой век в работе и истории Фундаментальной библиотеки. Правда, через полтора года после того как он пришел, началась война, и, конечно, она нарушила работу Библиотеки, так же как и всех других учреждений.

Коллектив Библиотеки проявил себя самым лучшим образом. Я помню траншеи, которые мы рыли во дворе Библиотеки. Библиотека тогда располагалась на ул. Фрунзе, теперь Знаменке. Напротив Библиотеки Ленина во дворе мы рыли траншеи и туда закладывали наиболее ценную часть не предполагавшегося для вывоза в Ташкент фонда. Потом часть наиболее квалифицированных сотрудников вместе с фондами была отправлена в Ташкент. Затем, как известно, была паника в Москве 16–17 октября, после

в становлении отдела науковедения см.: *Кулькин А.М.* Науковедение в ИНИОН. См. С. 225–247 настоящего издания.

[1] Донцов Теодор Маркович (1900–1940) – директор Фундаментальной библиотеки общественных наук (ФБОН) АН СССР в 1938–1940 гг.

[2] Иванов Дмитрий Дмитриевич (1896–1980) – теоретик и практик отечественного библиотековедения и библиографоведения. Директор Фундаментальной библиотеки общественных наук (ФБОН) АН СССР в 1940–1949 гг. Работал в системе Библиотеки Социалистической академии – Комакадемии – ФБОН – ИНИОН в 1922–1975 гг. Внес значительный вклад в исследование теории научной библиотеки, научно-вспомогательной ретроспективной библиографии, в обоснование связей науки, библиотеки, библиографии, превращение ФБОН в одну из ведущих библиотек страны.

которой в Библиотеке осталось очень мало народу. Многие сотрудники уехали в эвакуацию.

Я вспоминаю Д.Д. Иванова, с которым встретилась в коридоре. Он спросил меня, почему я не уехала в эвакуацию. Я изложила свои соображения и спросила Дмитрия Дмитриевича: «Почему Вы не уезжаете, ведь все уехали?» Он ответил: «Клавдия Павловна, мне предоставлена великая честь, я должен оставаться при этой Библиотеке. Я ее директор и до последнего часа буду с этой Библиотекой».

Он меня удивил еще раз, когда я уходила на фронт и зашла к нему проститься. Он мне сказал следующее: «Вы, конечно, я уверен, вернетесь» и далее добавил: «А я заметил, что вы сделали в хранилище». Я работала тогда в хранилище, где была систематическая расстановка. В фонде экономики ввела какие-то новшества, но не потому, что они были какие-то сногсшибательные, а просто хотела что-то сделать для коллектива. Видимо, благодаря всему этому Библиотеке удалось сохраниться самой и сохранить коллектив.

Когда я говорила о новых направлениях, которые мы должны были отразить в информации, забыла сказать о том, что еще бóльшим бельмом, чем информация о лженауках, был наш предметный каталог. Он своеобразен, потому что в общественных науках предметный каталог – дело, конечно, сложное. И это рассматривалось как безусловное преклонение перед Западом, за что нас ужасно ругали. Но благодаря тому, что коллектив не разбился на группки, остался единым в своем стремлении все это преодолеть, мы абсолютно не растеряли кадры.

Нажим, конечно, был жуткий и от Президиума Академии наук СССР и от райкома КПСС, но никто не был уволен и остались все те направления работы, за которые нас так критиковали. Единственным и очень серьезным ударом было то, что сняли Дмитрия Дмитриевича Иванова. Он перестал быть директором[1].

Была в коллективе очень большая тревога по поводу того, кого пришлют. Вдруг пришлют кого-то, кто ни к библиотечному делу, ни к общественным наукам не имеет никакого отношения. Но нам очень повезло. Директором в библиотеку пришел Виктор Иванович Шунков[2]. Он был доктором исторических наук, заместителем директора в

---

[1] Д.Д. Иванов был освобожден от должности директора в 1949 г.

[2] Шунков Виктор Иванович (1900–1967), историк, библиограф, библиотечный деятель, д-р ист. наук, член-корреспондент АН СССР, директор Фундаментальной библиотеки общественных наук (ФБОН) АН СССР в 1949–1967 гг.

Институте истории АН СССР. За «пособничество космополитизму» в своем институте он был переведен в нашу Библиотеку.

Он знал Библиотеку, был высококвалифицированным и очень интеллигентным человеком. Кроме того, был очень образован в области гуманитарных наук. И он как-то сразу вошел в нашу Библиотеку, не произвел в коллективе никаких перемен. В работе же самой Библиотеки появились новые направления и новые веяния. И идея организации Института на базе Библиотеки как раз исходит от Виктора Ивановича. Он понимал, что стоять на месте и остановиться только на достигнутом было нельзя. Иначе мы пошли бы назад.

Идею организации Института, и не только саму идею, но и его основную структуру – все эти вопросы Виктор Иванович поднял в печати[1]. Президиумом были обещаны деньги на строительство, и в Библиотеке начали разрабатывать плановое задание по строительству здания, которое сейчас построено. Но тогда оно планировалось в другом виде. У Виктора Ивановича создавались для проекта этого здания большие комиссии, но в большой комиссии никогда ничего сразу не решишь. Было три варианта планового задания. Но в 1967 г. Виктор Иванович умер.

Обосновывал особую роль библиотек в области социальных и гуманитарных наук. Был одним из инициаторов создания Института научной информации по общественным наукам. Создал в ФБОН первую экспериментальную группу по реферированию общественно-политической литературы.

[1] Возможно, К.П. Алексеева имеет в виду статью В.И. Шункова «Библиотеки и общественные науки», увидевшую свет в 1968 г. в журнале «Вестник АН СССР» после его смерти (*Шунков В.И.* Библиотеки и общественные науки // Вестник АН СССР. – М., 1968. – № 2. – С. 23–30). В 2009 г. к юбилею ФБОН – ИНИОН она была вновь опубликована в сборнике «90 лет служения науке» (*Шунков В.И.* Библиотеки и общественные науки // 90 лет служения науке: к 90-летию Фундаментальной библиотеки общественных наук и 40-летию Института научной информации по общественным наукам РАН: сб. ст. – С. 88–100).

Вместе с тем С.К. Кузнецова вспоминала, что идея создания ИНИОНа принадлежит не В.И. Шункову, а Л.А. Гордону (1930–2001), сотруднику сектора востоковедения ФБОН: «Помню, Лёня Гордон как-то сказал: “Смотрите, какой у нас здесь коллектив и как нам здесь хорошо. Так вместо того, чтобы пытаться бежать в институты, давайте здесь создадим Институт”. Он подал идею, а я понесла эту идею Виктору Ивановичу. Он без большого энтузиазма сказал, что, очевидно, это возможно, я мешать не буду, но и особенной помощи от меня не ждите. Но ведь главное – чтобы начальство не мешало. Это важная функция начальства – не мешать, а Шунков был достаточно умен для этого. Кроме того, он в это время уже был сильно болен. В 1967 г. он умер». См. С. 142 наст. изд.

В дирекции остались Инесса Александровна Ходош[1], которую назначили исполняющей обязанности, и я, а дело делать было надо. Тут надо отдать должное Инессе Александровне. Она проявила просто колоссальную энергию. Сумела не потерять связи в Академии.

Тогда вице-президентом Академии был Алексей Матвеевич Румянцев[2], человек неординарный, понимающий все новые направления, стремящийся внедрить в Академии все новое. Он сразу почувствовал важность идеи организации Института. И Инессе Александровне это очень помогло. Румянцев сумел все это уяснить и направить усилия секции общественных наук на организацию Института[3].

Для того чтобы прийти в Президиум уже с каким-то плановым заданием, Инесса Александровна организовала при себе штаб. Это был чисто женский штаб. Вообще в Фундаментальной библиотеке, несмотря на большое число кандидатов наук и людей с ученой степенью, было только 10% мужчин. В штаб входили четыре человека: Инесса Александровна Ходош, Софья Константиновна Виленская[4], Софья Иосифовна Кузнецова[5] и я.

---

[1] Ходош Инесса Александровна (1922–1995), историк, библиограф, библиотековед, организатор информационно-библиотечной деятельности. Канд. ист. наук (1955). В системе ФБОН – ИНИОН с 1953 по 1987 г. С 1967 г. – заместитель директора ФБОН АН СССР. После смерти В.И. Шункова временно исполняла обязанности директора ФБОН. С 7 февраля 1969 г. по 19 февраля 1970 г. временно исполняла обязанности директора ИНИБОНа. В 1970–1987 гг. – заместитель директора ИНИБОН (ИНИОН) АН СССР. Основные научные труды посвящены вопросам библиографического обслуживания.

[2] Румянцев Алексей Матвеевич (1905–1993), советский экономист. Окончил Харьковский институт народного хозяйства (1926). Д-р экон. наук, профессор. Член-корреспондент АН СССР (1960), академик АН СССР (1966). Отвечал в качестве вице-президента АН СССР за общественные науки с 17 мая 1967 г. по 28 мая 1971 г. О его роли в становлении Института см.: *Делюсин Л.П.* Свободная среда. С. 88–101 настоящего издания.

[3] Института научной информации по общественным наукам.

[4] Виленская Софья Константиновна (1918–2000), библиограф, специалист в области информационно-поисковых языков, по проблемам предметизации и организации предметного каталога. Окончила Институт истории, философии и литературы в Москве. Канд. ист. наук (1949). В 1959–2000 гг. работала в ФБОН – ИНИОН, до 1988 г. заведовала сектором научной систематизации, предметного каталога, лингвистического обеспечения информационных систем. Основные труды по проблемам предметизации и информационно-поисковым языкам.

[5] Кузнецова Софья Иосифовна (1923–2010), специалист в области востоковедения и африканистики. Окончила исторический факультет МГУ им.

Нам пришлось из трех вариантов планового задания срочно выбрать один и подготовить проект для Президиума. Знаете, как у нас бывает: все тянется, тянется и вдруг – надо срочно сделать плановые задания. Затем было дано задание срочно подготовить проект для ЦК КПСС и Совета министров по организации Института с его структурой, кадрами, штатами. В данном случае я еще раз хочу обратить ваше внимание на коллектив. Ведь все понимали, что создается новое учреждение с новой структурой, возникали всякие сомнения, есть ли их отделы в этой структуре, и должна сказать, никаких инцидентов не было. Мы работали при молчаливом согласии коллектива, в условиях полного доверия с его стороны. Благодаря этому документы были подготовлены в очень короткий срок.

В октябре 1968 г. вышло Постановление Совета министров СССР об организации Института научной информации при Фундаментальной библиотеке общественных наук. Не на базе Библиотеки такой Институт организовать невозможно. Была реализована идея Виктора Ивановича, который тоже предлагал идею создания этого Института на базе Библиотеки. В Постановлении Совета министров тоже было сказано о Библиотеке, иначе этот Институт не был бы организован.

Институт был создан, но еще до постановления возникла большая угроза, из-за которой мы работали в жутком напряжении. В Академии были силы, выступавшие против организации этого Института. Была идея организации в Москве еще одной универсальной библиотеки Академии. Когда почувствовали, что будет новое здание, все решили, что надо сделать универсальную библиотеку и таким образом этим зданием воспользоваться. Была очень большая борьба, и здесь колоссальная роль в победе принадлежит, я подчеркиваю, Инессе Александровне Ходош и Алексею Матвеевичу Румянцеву, который, на наше счастье, тогда был в Президиуме. После этого постановления борьба кончилась. Началось строительство.

На мой взгляд, строительство этого здания – тоже своего рода уникальное явление. Был период долгостроя. Известно, что очень многое планировалось, потом откладывалось, а фактически здание Института было построено в течение пяти лет. Для того

М.В. Ломоносова (1949). Канд. ист. наук (1950), д-р ист. наук (1972). Работала в системе ФБОН – ИНИОН в 1954–2010 гг. Заведовала сектором востоковедения ФБОН в 1956–1969 гг., отделом стран Азии и Африки ИНИОНа в 1970–1988 гг.

периода это очень необычное явление. И когда здание было почти готово, возникла новая угроза. Вернее, появились желающие отобрать его у Библиотеки и Института.

Во всяком случае, хотели отобрать если не все здание, то хотя бы его половину – для Архива Академии наук. Архив – это сильная организация, состоявшая при Президиуме. Но здание было запланировано как Институт и Библиотека, построено для этих целей, а на него начали покушаться. И я не уверена, что нам удалось бы его отстоять, потому что за Архивом стоял Президиум, и даже секция общественных наук, наверное, в этом не очень бы помогла.

Но нам опять повезло. В это время к нам назначили Владимира Алексеевича Виноградова. С его назначением отпали все разговоры, потому что Владимир Алексеевич до этого 25 лет проработал в Президиуме на очень высоких должностях. Он знал Президиум вдоль и поперек, все ходы и выходы и в нем, и за его пределами. Поэтому нам очень повезло[1].

В.А. Виноградов, безусловно, очень способный организатор. Благодаря его усилиям мы получали очень много валюты. Приобрели оборудование, широко развернули реферативную деятельность. Институт заработал.

И раньше, когда мы были еще Фундаментальной библиотекой на ул. Фрунзе, и потом нас посещало много иностранцев. Однажды мне пришлось показывать Библиотеку одной итальянке. Было безумно неудобно: в Фундаментальной библиотеке из-за тесноты было невозможно соблюдать даже элементарный порядок. Она осмотрела всю Библиотеку, которая ей очень понравилась. Я усиленно ей рассказывала, как все будет организовано в новом здании. И вот что интересно – когда она уходила, то сказала, что насчет нового здания все правильно, но колорит свой вы потеряете. Между прочим, так оно и произошло. Колорит свой мы потеряли и утратили патриархальность своего устройства.

Появилось много новых людей, молодежи. Причем молодежи талантливой, я бы даже сказала, ориентированной на карьеру. Очень многие нравственные постулаты, которые были положены в основу прежнего коллектива, отошли на второй план. Это естественно. Я не хочу, чтобы подумали, что я осуждаю карьеризм. Для талантливых людей это неизбежно, потому что талантливый человек не может стоять на месте, но я осуждаю карьеризм бездарности. Это, к сожалению, тоже довольно часто бывает. Коллектив изменился не сразу. Библиотечно-библиографическая часть какое-то время оставалась стойкой, но постепенно и она начала сдавать позиции.

---

[1] В 1970–1972 гг. между И.А. Ходош и В.А. Виноградовым директором ИНИБОН АН СССР был Лев Петрович Делюсин (1923–2013). – *Прим. ред.*

В 1976 г. я ушла из Института. После больницы мне было сказано, что я должна перейти либо на пенсию, либо на инвалидность. Я предпочла уйти на пенсию. Сейчас начинаю думать, что если бы это была прежняя Фундаментальная библиотека с ее устоями, может быть, я бы и пренебрегла настояниями врачей. Из нового коллектива я ушла, потому что он для меня в какой-то степени стал чужим. Что-то в нем произошло, что стало для меня чужим.

Я очень люблю эту Библиотеку, этот Институт. Раньше, когда я была ученым секретарем, мне приходилось довольно часто задерживаться. Когда уходишь вечером, все огни притушены, и эти фонари и синее небо со звездами создают впечатление, что вы находитесь в каком-то романе, в мире Стругацких[1]. И как бы я ни уставала, но фонари и звезды производили на меня такое впечатление, что я сбрасывала с себя усталость. Может быть, еще потому, что в организацию всего этого я внесла какой-то вклад, во всяком случае, за это боролась.

---

[1] Потолок здания ИНИОНа на Профсоюзной оборудован световыми колодцами для естественного освещения библиотечного и рабочего пространства.

Л.П. Делюсин

СВОБОДНАЯ СРЕДА

Делюсин Лев Петрович (16 ноября 1923, Москва – 22 мая 2013, Москва). Окончил Московский институт востоковедения (1950). Канд. ист. наук (1962), д-р ист. наук (1971), профессор. Специалист по новейшей истории Китая. В 1970–1972 гг. – директор ИНИОН. С 1990 г. – главный научный сотрудник Института международных экономических и политических исследований РАН.

Я по образованию китаист, люблю Китай, и поэтому мне интересно все, что там происходит. Заниматься Китаем я начал с 1945 г., когда после войны поступил в Московский институт востоковедения на китайское отделение[1]. С тех пор изучаю его уже 60 лет. Биография моя сложилась так, что после института я сразу же попал в Китай в качестве корреспондента газеты «Правда», а с 1954 г. работал в той же должности в Москве.

Раньше было сложно изучать эту страну, потому что о Китае можно было писать только хорошее. Как корреспондент «Правды», я был обязан писать закрытые записки, которые шли в ЦК. И меня иногда даже ругали за то, что я пишу слишком антикитайские вещи. Хотя я любил Китай и писал то, что видел, а видел очень многое.

До сих пор стыжусь одного случая. Я написал брошюру о сложной борьбе с правыми элементами буржуазии. Это была целая кампания. Я, естественно, писал только по материалам китайской печати, потому что иначе опубликовать работу было невозможно. Старался представить ситуацию как можно объективнее, хотя и со строго марксистских позиций. Сейчас я бы переписал эту брошюру заново, потому что появилось много новых фактов. Ведь после этого прошло 50 лет.

---

[1] В 1921 г. все московские востоковедческие учебные заведения, включая восточные отделения в разных вузах, были слиты в Московский институт востоковедения (МИВ). В 1954 г. институт был закрыт. – *Прим. ред.*

В число правых элементов попали некоторые мои друзья. Да какие они были правые элементы, буржуазия тем более!.. Один мой хороший друг, который был в их числе, попал во время культурной революции сначала в лагерь, потом в деревню. Я с ним встретился снова только в 1980 г. Сейчас он умер. О нем я тогда ничего не писал, потому что иначе бы его еще сильнее травили. У меня вообще было много хороших друзей среди китайцев. Сейчас многие умерли или живут в Америке.

После работы в «Правде» я перешел в журнал «Проблемы мира и социализма». Тогда как раз набирали группу из 12–15 человек для работы на три месяца, чтобы сделать два первых номера. Меня вместе с Н.Н. Иноземцевым, будущим академиком, включили в эту группу. В 1958 г. мы поехали в Прагу, где предполагалось издавать этот журнал.

Почему журнал издавался именно в Праге? Первоначально в Белграде выходил журнал «За мир и демократию», который потом закрыли из-за событий в Югославии. После этого было решено выпускать издание, освещающее проблемы коммунистического и социалистического движения, в основном теоретические, но также и практические, чтобы статьи писались по свежим следам событий. Для издания журнала стали выбирать город, который был как бы «со стороны». Прага с этой точки зрения подходила. Чехи согласились и предоставили хорошее здание.

Журнал «Проблемы мира и социализма» приобрел репутацию относительно вольнолюбивого издания, когда его шеф-редактором был Алексей Матвеевич Румянцев. Я работал в журнале заместителем заведующего отделом национально-освободительного движения. Заведующий – китаец – вскоре уехал, и я стал практически заведующим этим отделом. Приходилось заниматься многими вопросами. Алексей Матвеевич очень ко мне благоволил и поручал многие вещи, относившиеся к Китаю. Поэтому у меня были широкие возможности для получения информации. Я участвовал во многих событиях, дискуссиях, переговорах, иногда в качестве наблюдателя.

Сперва ЦК попыталось взять Румянцева и редакцию журнала под свой контроль. Когда он начал посылать своих людей в командировки, со стороны ЦК жестко потребовали, чтобы это обязательно согласовывалось с Международным отделом. Румянцев же добивался, чтобы он мог самостоятельно решать, кого и куда посылать. Он стремился к тому, чтобы редакция и редколлегия сами решали вопросы, что писать, а что нет, и не подчинялись Международному отделу ЦК. Такая позиция, естественно, встречала противодействие. Я был одним из первых, кого он послал корреспондентом в Азию на фестиваль молодежи вместе с еще одним нашим сотрудником. Потом я побывал в Египте, Судане, Сирии, Ираке, Индонезии, Китае, Индии, Корее, Монголии.

Румянцев вообще был очень хорошим человеком, широких взглядов, смелым. Начинал он с того, что работал в Ростове-на-Дону, преподавал политэкономию, был заведующим кафедрой политэкономии, потому что по образованию был экономистом. Работал в «Правде», потом в «Коммунисте», затем шеф-редактором журнала «Проблемы мира и социализма». Такая вот карьера – вплоть до вице-президента Академии наук.

Алексей Матвеевич предложил мне остаться в редакции. Я согласился остаться на год, если потом он рекомендует меня в Академию общественных наук. Мне к тому времени надоела работа в «Правде», где мы засиживались до 4–5 часов утра. Газетное ремесло – жуткая работа. Надо сказать, у меня с Алексеем Матвеевичем вообще были хорошие отношения. Он не хотел меня отпускать из Праги. Но поскольку он мне обещал, то считал, что должен выполнить свое обещание. Он позвонил в Академию общественных наук и добился, чтобы меня туда приняли в 1959 г., причем даже без экзаменов, ибо я уже сдал кандидатский минимум.

Когда позже возникла идея образовать ИНИОН, именно он предложил мне возглавить этот Институт. Сперва я долго отказывался. В это время я уже был заведующим отделом Китая в Институте востоковедения. По образованию я все-таки китаист и заниматься Китаем мне нравилось больше, чем решать любые другие проблемы. Но он меня уломал. А поскольку я его очень уважал, пришлось согласиться.

В Институт востоковедения я пришел после работы в ЦК. На работу же в Отдел ЦК[1] меня пригласили через год после моего поступления в аспирантуру Академии общественных наук. Как раз назревала полемика с китайцами, и понадобился китаист. Я же считался хорошим специалистом.

---

[1] Так в печати обычно называли отдел по связям с коммунистическими и рабочими партиями стран социализма, желая замаскировать особые отношения КПСС с партиями стран советского блока. – *Прим. ред.*

Я сказал возглавлявшему тогда этот Отдел Ю.В. Андропову, что подумаю, а сам пошел посоветоваться к Юрию Павловичу Францеву, который был тогда ректором Академии общественных наук. Мы с ним раньше вместе работали в «Правде» и были в хороших отношениях. Я к нему пришел и заявил: «Юрий Павлович, я не хочу идти работать в ЦК». Он мне в ответ: «Ты что, дурак, что ли? Куда ты потом пойдешь, если откажешься сейчас?» Говорю: «Я еще подумаю». «Нечего тебе думать», – подытожил Францев. Я пошел домой, а потом мне позвонили от Андропова, сообщив, что «мы берем Вас на работу, чтобы Вы там ни думали, – завтра выходите».

В Отделе ЦК КПСС в качестве консультантов числились тогда Г.А. Арбатов, А.Е. Бовин, Г.Х. Шахназаров, О.Т. Богомолов. Первым консультантом был Лев Николаевич Толкунов, которого потом Андропов сделал своим заместителем. Мы работали в тесном контакте с сотрудниками Международного отдела, который возглавлял Б.Н. Пономарев.

В нашем Отделе была очень свободная атмосфера. С А.Е. Бовиным мы вообще стали большими друзьями. Когда он пришел в ЦК, мы стали тесно общаться. Это было в 1962–1963 гг. Недавно вышла книга воспоминаний о Бовине. У меня там тоже есть о нем большая статья.

Арбатов умел располагать к себе руководство, Бовин тоже. Андропов поощрял свободные дискуссии, но только в его присутствии, чтобы нелицеприятные вещи говорили только ему. Порой он предупреждал: «Ты только не говори об этом везде». Молчали о многом и Бовин, и Арбатов. Помню, однажды к нам пришел зам. главного редактора журнала «Коммунист» и услышал, как мы говорим с Андроповым о разных делах. Он пришел в ужас от этого свободомыслия и не мог понять, как можно выражать мнения, совершенно противоположные тому, что делается наверху. Так что, как это ни парадоксально, именно Андропов приучил нас к свободной мысли.

И при Б.Н. Пономареве было так же. Помню, как мы работали на даче Сталина в Кунцево. Пономарев устроил совещание, куда собрал всех консультантов. Он спровоцировал нас на откровенный разговор, настолько откровенный, что потом забрал у стенографистки записи и не дал ей расшифровывать. То есть бояться-то они боялись, а говорить нам, когда мы говорили это только им, не мешали. Почему Бовин впоследствии был вынужден уйти из ЦК? Потому что он написал своему приятелю несколько неприятных строк о Брежневе, о чем стало известно. И Бурлацкий попал в такую же историю.

Вот, например, события в Чехословакии. Слава богу, мне уже не пришлось работать в ЦК, когда наши войска вступили в Чехословакию. Бовин и другие выступали против, но все это было в рамках Отдела. А я уже был на свободе и мог выступать более-менее свободно, хотя и в ограниченных условиях. Потому что говорить вслух об этом на общем партийном собрании было невозможно.

Тогда была такая обстановка. В.П. Лукин и еще один сотрудник, которые работали в «Проблемах мира и социализма», выступили против вступления наших войск в Прагу. Против этого также выступил корреспондент газеты «Известия» Б.С. Орлов[1], которого отправили из Берлина в Прагу. Так их просто уволили с работы. Но все-таки после этого Лукина смог взять к себе на работу в Институт США и Канады РАН Георгий Аркадьевич Арбатов. А Орлова в 1969 г. устроили на работу в Институт конкретных социальных исследований (ныне – Институт социологии РАН), где директором тогда был А.М. Румянцев. То есть нельзя сказать, что все было по-старому, перемены были, потому что раньше их бы просто арестовали. Мы жили в переходный период, когда большой свободы не было, но все-таки можно было что-то говорить. И та информация, которая позже шла из ИНИОНа, приоткрывала нашим начальникам и работникам ЦК новые горизонты, мнения, идеи, которые помогали им задумываться о том, что такое социализм, что такое коммунизм, и что-то из этого как-то на них действовало.

Во время работы в ЦК мне часто попадались аналитические записки из ИМЭМО, которые поступали по заказу «сверху» или независимо от этого. Н.Н. Иноземцев, например, сам писал секретарям ЦК. Я знаю, что он выступал по многим вопросам и писал самому Брежневу. Но часто нас абсолютно не слушали наверху. А.Н. Яковлев, а он был тогда зам. зав. Отделом пропаганды ЦК, мне тогда как-то сказал: «Ты для секретарей ЦК больше шести страниц не пиши. Больше шести страниц они читать не могут».

У меня был такой случай с запиской нашего посла в Китае С.В. Червоненко. Он написал огромную записку на более чем

---

[1] Борис Сергеевич Орлов – д-р ист. наук, гл. науч. сотр. отдела Западной Европы и Америки Центра научно-информационных исследований глобальных и региональных проблем ИНИОН РАН. – *Прим. ред.*

60 страниц для Хрущёва о полемике с китайцами, вернее, о том, что не надо этого делать. От Хрущёва она попала к Андропову, от Андропова – мне. Читал ее только я и докладывал Андропову по мере прочтения о том, что там написано. Со многим из того, что там было написано, он не соглашался. А согласиться не мог потому, что Хрущёв уже решил порвать с Китаем.

Или, например, Богомолов написал записку против вступления в Афганистан. Из Института востоковедения тоже об этом писали, Иноземцев также выступил против. Когда еще раньше Бовин выступил против ввода войск в Чехословакию, Брежнев ему сказал: «Ты что, хочешь уйти из партии?». Помню, как впоследствии во время моей поездки в ФРГ, директор института, в который я приехал, стал меня расспрашивать про вступление советских войск в Афганистан. Разве я мог ему напрямую ответить? Он понял, что я не одобряю этого, но я ему так это сказал, чтобы он не мог потом написать, что я высказал неодобрение.

Из ЦК я ушел сначала в закрытый отдел Китая, который входил в структуру АН СССР и поставлял всякие справки для ЦК, МИД и КГБ. Там освободилось место завотделом, и я уговорил Андропова, чтобы он меня отпустил. Юрий Владимирович сначала рассердился, а потом все же согласился со мной и решился отпустить. Я работал там какое-то время. Потом меня как либерала решили оттуда убрать и назначили другого заведующего. Я ушел в ИМРД (Институт мирового рабочего движения) АН СССР, затем в Институт востоковедения в отдел Китая.

Когда в 1970 г. Румянцев настоял на том, чтобы я стал директором ИНИОН, я договорился с ним, что, оставаясь формально заведующим этим отделом, не буду в этом качестве получать зарплату и перехожу работать директором ИНИОН.

Одна из любопытных деталей, связанных с моим назначением в ИНИОН. Когда меня назначали, то, естественно, утверждали в ЦК и сначала не хотели утверждать, так как у меня была слава либерального человека, но Румянцев настоял на моей кандидатуре. Я уже упоминал, что заведующим Отделом пропаганды ЦК был Александр Николаевич Яковлев. Он мне тогда сказал (мы с ним были близки одно время): «Тебя назначили в хорошее время. Мы как раз сейчас приняли решение о сужении закрытой информации. Но я не знаю, как ты будешь работать: с одной стороны, ты должен давать всем информацию, с другой стороны, ты не имеешь права ее давать даже академикам, а только в ЦК». На мой вопрос, как же мы будем работать, он ответил: «А вот так и работай. Не знаю, как ты выберешься из этой ситуации». Мы и старались работать, лавируя между наукой и идеологией, с помощью Румянцева, который поощрял нашу работу и всячески поддерживал Институт.

С одной стороны, тем, кто был у власти, хотелось иметь информацию, но с другой – хотелось, чтобы это была хорошая информация. Меня упрекали в том, что я даю «нехорошую» информацию. Я же исходил из того, что информация должна быть объективной. Это мне потом и поставили в вину. Например, один из упреков состоял в том, что в реферате на американскую статью Троцкий упоминался просто как Троцкий, без всяких ругательных эпитетов.

Таким было первое из обвинений в мой адрес, из-за которых я сам решил уйти из ИНИОН. Когда меня назначали директором, я сказал заведующему Отделом науки в ЦК, который меня утверждал, что не проработаю больше трех лет. Потому что работать в условиях, когда на тебя все время давят, очень трудно.

Обвиняли меня также в том, что я еврея Я.М. Бергера назначил завотделом научного коммунизма. Как это может быть, что еврей возглавляет научный коммунизм? Я отвечал, что Карл Маркс тоже был евреем.

Яков Михайлович Бергер, специалист по Китаю, возглавлял у нас отдел научного коммунизма, который давал информацию по существу антикоммунистическую и антисоветскую. Это не всем нравилось, потому что это была информация о том, что писали наши враги. Бергер был человек очень умный, разносторонний, поэтому я его пригласил заниматься научным коммунизмом, а не Китаем. Часто бывали такие случаи – приходила сотрудница из отдела научного коммунизма (а у Я.М. был очень хороший отдел) и спрашивала: «Вот антисоветская статья. Как с ней быть?» Я отвечал: «Реферируйте, конечно, и мы ее пошлем в ЦК». Да, страх был у всех нас. Но мы все-таки старались делать все, что могли. В связи с этим бывали разные случаи. Мне ведь запрещали давать закрытую информацию даже академикам. Может быть, и надо было нарушить запрет ЦК, но я этого не сделал. Ведь для меня это было вопросом профессиональной этики.

На меня постоянно давили секретари ЦК КПСС, Московский городской комитет КПСС, райком нашего района. Эти три инстанции все время указывали, кого принять на работу, а кого уволить, причем зачастую при этом ссылались на КГБ. Был такой интересный случай, который мне помнится до сих пор. Мне позвонили и сказали, что КГБ требует увольнения одного сотрудника.

Я вызвал этого товарища к себе и говорю: «Я Вас должен уволить, но Вы подавайте на меня в суд». Он подал в суд, и вскоре я получил постановление суда, что должен заплатить ему за пропущенные месяцы. Тогда я позвонил в райком и сказал, что суд приказал мне восстановить его на работе. Иначе я должен буду заплатить ему за пропущенные месяцы. И они не стали мне возражать. Значит, это не КГБ требовал его уволить, а просто на него был донос.

Или был случай с Г.С. Померанцем. Он сидел в свое время в лагере и поэтому долго не мог никуда устроиться на работу. Наконец, он устроился в ФБОН. Меня вызвали в Московский комитет партии и показали записи выступлений Померанца, передававшиеся на радиостанциях «Свободная Европа» и «Свобода». А Померанц после XX съезда много выступал против Сталина, но в 1970-е годы это было уже не очень удобно. Тогда, при Брежневе была интересная ситуация, когда против Сталина уже нельзя было говорить. На «Свободе» же просто взяли старые записи Померанца и стали их передавать по радио без его согласия. А поскольку я читал его записи раньше, то просмотрел их и сказал: «Так это же все старые вещи».

Мы решили (Софья Иосифовна Кузнецова мне в этом помогала) перевести его из референтов в библиографы, но оставили его в Институте и повысили зарплату. С одной стороны, понизили в должности, но с другой – стали больше платить. Он писал реферативные статьи очень быстро и грамотно, был прекрасным работником, и мне не хотелось с ним расставаться. Вот так мы порой выходили из положения.

Вообще сложное это было дело – заниматься в то время информационной работой. Сложность состояла в том, что информация, которую мы давали, у одних вызывала большой интерес, а у других – злобу. Нас обвиняли в том, что мы распространяем антисоветчину. Это сейчас даже фашистскую литературу издают. А раньше это было невозможно, тогда даже либеральная литература была под запретом. Помню, когда я был в Америке, меня провели в одну организацию, которая раньше занималась посылкой «нехорошей» литературы некоторым нашим ученым. Они и меня включили в этот список. Я потом одно время получал из Америки их посылки: Бердяева, Ильина и пр. А потом они прекратили свою деятельность, потому что все это уже было открыто у нас и в этом больше не было необходимости.

Так вот, когда они привели меня к себе, я просто растерялся. У них была огромная библиотека. Они говорят: берите все, что можете. А там были книги и Солженицына, и многих других. А Солженицын уже тогда был под запретом. Помню, однажды Булат Окуджава вез из Парижа книгу Солженицына и на границе положил ее сзади за рубашку под пиджак. А его заставили снимать с полки чемодан. И когда он полез за чемоданом, книга поползла вниз. Он испугался, что пограничники увидят у него Солженицына. Он говорил, что изворачивался, как мог, чтобы книга не попала им на глаза.

Я был просто ошарашен, когда увидел все эти книги и готов был все забрать с собой. Но мне, к сожалению, не в чем было все это везти. Тогда я смог взять с собой речи и статьи Солженицына. Почти все, что они потом мне посылали, приходило. Они занимались идеологической обработкой советских людей. Я получал от них литературу и на английском языке, и на русском. Это было в 1970-е годы.

Когда ИНИОН начал издавать рефераты объективистского характера, у одних они вызывали ненависть, а у других восторг. Многие реферативные издания издавались с грифом «Для служебного пользования».

Иногда мы особенно явно ощущали идиотизм нашего положения. Приведу пример. Поступали к нам разные словари, сборники, причем одни из них направлялись в открытый доступ, другие в спецхран. Или одни номера одного и того же журнала шли в спецхран, а другие в открытый доступ. Я звоню в цензуру, спрашиваю, нельзя ли все перевести в открытый доступ. Нет, говорят, вы можете из открытого доступа перевести в спецхран, но наоборот нельзя.

Мне запрещали пускать в библиотеку читателей без заявок от институтов. Даже в ФБОН мог записаться не каждый. Например, ко мне приходил академик М.Б. Митин. Он просил разрешения пользоваться литературой, которая находилась в закрытом хранилище. И я, еще кандидат наук, даже не доктор, должен был давать разрешение для академика на прочтение книг, находившихся в спецхране.

Был и такой случай. Мы рассылали свои реферативные материалы по различным региональным институтам. Однажды один французский ученый был в Ташкентском университете, и ему там показали закрытые материалы. Он приехал ко мне и задал вопрос, можно ли получить эти материалы. Я его спросил: «А откуда вы об этом узнали?» Он ответил: «Мне их показали в Ташкенте». Я сказал, что не имею права. Это же было закрыто за семью печатями! На местах иногда могли себе позволить показать иностранцу такие вещи. Но все равно это было наказуемо. И, кроме того, это ведь был вопрос профессиональной этики.

В свое время ФБОН для многих людей из нашей интеллигенции стал чем-то вроде ссылки. В библиографический отдел как бы «ссылали» умных людей, которые не могли устроиться в другие институты, и они становились библиографами. Разрешалось туда принимать и евреев. Были среди сотрудников и такие, которых увольняли из институтов за какие-либо диссидентские мнения, но я их принимал на работу. И когда вместо меня назначали В.А. Виноградова, я просил его оставить всех тех, кого я взял.

Чудесные, интересные люди работали там в мое время. Уникальная свободная среда. Умные люди, они знали иностранные языки, читали итальянские, немецкие, английские, американские журналы, что в то время было мало кому доступно. Они быстро делали свою работу, и у них оставалось время для того, чтобы заниматься тем, что было интересно им самим. Коллектив был очень большой. По американским социологическим понятиям институт не должен иметь больше 200 сотрудников. Директор должен знать каждого в лицо. В ИНИОН же я не мог всех знать в лицо, там было слишком много людей.

Был интересный случай, когда я принимал в качестве заведующего отделом философских наук А.И. Ракитова[1]. Он был почти слепой. Рекомендовал мне его приятель из ЦК, который вместе с ним учился. Я ему говорю, как же я приму слепого человека, надо мной же будут потом смеяться. Он говорит: «Ты с ним поговори, а потом примешь решение». Ракитов работал со слуха. Так он и писал свои работы. Потом, после перестройки, Анатолий Ильич работал в администрации Ельцина. Очень интересный человек.

Александра Моисеевича Пятигорского я тоже принимал на работу. Но он работал у нас короткое время, потому что вскоре уехал в Англию. До этого он работал в Институте востоковедения и был диссидентом. Его провинность была в том, что он нарушил приказ директора Института востоковедения С.З. Гафурова и поехал на конференцию в Тарту к Ю.М. Лотману. И Гафуров уволил его за это. Он остался без работы. А тогда остаться без работы означало считаться тунеядцем. Человек мог быть сослан куданибудь в деревню. М.К. Мамардашвили, который был его приятелем, рекомендовал его мне, а с Мамардашвили мы были друзьями. Я взял его на работу. Потом Пятигорского пригласили в Англию, и он скоро уехал.

---

[1] Ракитов Анатолий Ильич, д-р филос. наук, гл. науч. сотр. Центра научно-информационных исследований по науке, образованию и технологиям ИНИОН РАН. Один из авторов настоящего сборника. – *Прим. ред.*

Работала у нас и Л.М. Алексеева (Московская Хельсинкская группа, Россия). Ей ведь тоже грозило стать «тунеядцем».

Был и такой случай: поступил донос на одну сотрудницу, которая на нашем ксероксе, а у нас ксерокс был жуткий, советского производства, скопировала «Мастера и Маргариту» М.А. Булгакова. Требовали, чтобы я ее уволил, но я на это не согласился.

Создание ИНИОН стало новым этапом информационной работы. И сами сотрудники ФБОН стремились к созданию Института, и материально это было для них лучше, поскольку в Институте они получали бóльшую зарплату. Мы начали с того, что проводили совещания. Первоочередной задачей было расширить реферативные сборники, их тематику по разным отделам, и прежде всего по научному коммунизму. Особенно это касалось отдела, который возглавлял тогда Л.К. Шкаренков[1]. Он в свое время работал в Праге, а потом остался без работы.

Шкаренков был интересным человеком. Когда он работал зам. главного редактора журнала «Вопросы истории», то печатал много антисталинских статей. За ним закрепилась слава антисталиниста. Я хотел его сделать своим заместителем, но его не утвердил ЦК. Время шло, а они не говорили ни да, ни нет. Но заведующих отделами я имел право назначать сам, и я его назначил заведующим отделом социалистических стран. Этот отдел реферировал всю литературу на иностранных языках о Советском Союзе.

Будучи директором, я делал в то время все, что мог. Поскольку у меня были довольно хорошие отношения с А.Н. Яковлевым, я приходил к нему советоваться по разным поводам. Он меня все время предупреждал, чтобы я меньше давал информации. Глупость какая-то: создали Институт научной информации, и к тому же недавно вышло постановление сузить закрытую информацию.

---

[1] Шкаренков Леонид Константинович (1921–1999) – историк, д-р ист. наук, специалист по истории русского зарубежья, белого движения. В 1972–1994 гг. – заведующий отделом социалистических стран ИНИОН АН СССР (РАН). В 1993–1999 гг. – главный редактор журнала «Россия и современный мир», вед. науч. сотр. ИНИОН РАН.

Была у нас и такая форма работы – бюллетени-молнии. Мы брали список статей и рассылали консультантам в ЦК, они отмечали галочками статьи и потом мы для них эти статьи реферировали.

Когда создавали ИНИОН, в нем хотели собрать воедино всю информационную работу по общественным наукам в Академии. Все библиотеки, бывшие сначала отделениями ФБОН, а впоследствии ИНИОН, находящиеся в различных институтах, должны были подчиняться указаниям ИНИОН. А до этого они сами закупали книги и были как бы сами по себе – кто сильнее, кто слабее. Было выпущено постановление по линии Президиума Академии наук, что все книги должны поступать в ИНИОН, а уже потом в библиотеки, которые стали отделениями ИНИОН. Но мы это постановление все время нарушали. Положим, зав. информационным отделом каждого института должен был мне звонить и спрашивать, имеет ли он право выписать такую книгу. Мне звонили, и я отвечал: «Имеете».

В новом здании ИНИОН я уже не работал. Когда я ездил смотреть это затянувшееся строительство, меня просто обуял страх. Недостроенное здание, какое-то болото. Жуть! Само здание сначала проектировалось на Октябрьской площади. Но Н.С. Хрущёв узнал об этом и сказал: зачем в центре города будет библиотека, это будет неудобно, и распорядился строить на окраине города. Там сейчас рядом ИМЭМО (Институт мировой экономики и международных отношений), ЦЭМИ (Центральный экономико-математический институт) и другие институты – целый научный городок.

Помню, как по поводу нового здания был разговор с президентом Академии наук академиком Келдышем. В свое время мы ему писали речь для ЦК, и Келдыш эту речь одобрил. Единственное, что он вычеркнул, – фразу о том, что физики не должны любить лириков, а лирики не должны быть близки с физиками. Академик М.Д. Миллионщиков, который был тогда вице-президентом Академии, хотел расположить в здании ИНИОН еще и техническую библиотеку, чтобы ученые, занимавшиеся естественными науками, могли вести дискуссии и беседы с представителями общественных наук. Но я с этим не согласился. И Келдыш эту идею также не принял.

Когда Румянцев был вице-президентом АН, мы с ним договорились расширять реферативные отделы. И он мне давал для этого ставки. Когда же Алексея Матвеевича на посту вице-президента сменил П.Н. Федосеев, ставки мне давать перестали, но в то же время упрекали, что я их не настойчиво прошу. Как-то однажды я сильно разозлился, вышел из кабинета П.Н. Федосеева и написал заявление об уходе. Я просил, чтобы меня по-прежнему оставили заведующим отделом Китая Института востоковедения, и Петр Николаевич на это согласился.

Так я вернулся в Институт востоковедения, где мне довелось работать с Е.М. Примаковым, который был назначен туда директором, и принимать активное участие в знаменитых ситуационных анализах, проводившихся там при Евгении Максимовиче. На ситанализы собирались люди различных областей для обсуждения какой-то определенной темы, например отношений с Китаем или США. Приходили из разных ведомств люди, военные, из МИДа. Потом материалы этих ситанализов суммировались, и все это отправлялось в ЦК.

У Примакова был хороший помощник, который ему предложил эту идею на основе изучения американского опыта работы «Рэнд корпорейшн». Эта корпорация работала вместе с Пентагоном и Госдепом, но в то же время была как бы независимой. Это был целый научно-исследовательский институт, причем огромный, занимавшийся в основном внешнеполитическими проблемами. Там собрались ученые, которые называли себя независимыми и могли писать свободно о том, что они думают. У них было такое условие, о котором мне рассказал через много лет один сотрудник корпорации: если ученый пишет какую-либо работу для «Рэнд корпорейшн» и ее там не публикуют в течение пяти лет, то он имеет право ее опубликовать сам.

Ситанализы были для нас новой формой работы. Примаков поощрял их, но после него они прекратились, потому что некоторые вещи, о которых на них говорилось, не очень нравились наверху. Мы составляли программу вопросов, и каждый участник должен был коротко на них отвечать. Это было устное обсуждение, диспут по определенной схеме. Все это записывалось, а потом суммировалось в письменном виде, и мы на основе этого составляли записку в ЦК, КГБ или МИД. Обсуждались самые разные вопросы. Например, я помню, один военный высказался насчет того, что Китай проводит милитаризацию экономики. А мы, китаисты, спросили его: а наша экономика разве не милитаризована? Он страшно обиделся и сказал, что наша экономика строится совсем на других началах. Помню, что я ответил: «Наша экономика даже более милитаризована, чем китайская».

Примаков редактировал получающуюся в результате записку или это делал его заместитель Г.Ф. Ким. Обычно ситанализ открывал Ким, который после этого уходил, а поскольку я был его заместителем, то в качестве заместителя председателя ситанализа чаще всего вел их я. Отвечал я и за редакцию текста дискуссии. Евгений Максимович все время боялся, что в этих записках пройдет что-нибудь слишком радикальное, крамольное для ЦК. Это сейчас у нас свободная атмосфера. А тогда на меня, например, был донос, когда я на одном партсобрании в Институте выступил и сказал о Мао Цзэдуне, что прежде чем его разоблачать, надо его изучить. Простые слова, ничего крамольного в этом не было. Но это расценили так, что я оправдываю Мао Цзэдуна. Его идеи сравнивали с троцкизмом, не зная толком, кто он такой, а у него ничего и не было троцкистского. Об этом я и сказал. Примаков меня упрекнул за это, но все же защитил.

Потом когда Примаков возглавил Службу внешней разведки, он и там продолжал проводить ситанализы и приглашать на них ученых. Я в них раза два участвовал. Участникам там также задавался короткий вопрос и каждый должен был дать короткий ответ в свободной манере. Все это стенографировалось.

Вот такие несколько сюжетов из моей жизни о времени 1960–1970-х годов. Мне хотелось рассказать о том, какие были времена и каким необычным явлением стал тогда для нашей жизни ИНИОН.

В.А. Виноградов

НА ПОСТУ ДИРЕКТОРА ИНСТИТУТА[1]

Виноградов Владимир Алексеевич (2 июля 1921, Казань – 27 декабря 2017). Окончил Московский государственный институт международных отношений (1948). Канд. экон. наук (1954), д-р экон. наук (1965). Член-корреспондент АН СССР (1966), действительный член АН СССР (1984), действительный член РАН (1991). Лауреат Государственной премии СССР (1982). Специалист по экономической истории, организатор научно-информационной деятельности в области общественных наук. В 1972–1998 гг. – директор ИНИОН. С 1998 г. – советник РАН, заведующий отделом глобальных проблем ИНИОН РАН до 2017 г.

Разработка программы действий

После возвращения из командировки в Польшу[2] я полностью сосредоточился на подготовке к вступлению в должность директора Института научной информации по общественным наукам. Положение дел в Институте в общих чертах мне было известно. С работой Фундаментальной библиотеки по общественным наукам, входившей ныне в его состав, был знаком давно и обстоятельно: здесь написал и кандидатскую, и докторскую диссертации, работал и над другими публикациями. <…>

В январе и первой половине февраля у меня состоялись встречи со многими учеными. Прежде всего, я несколько раз беседовал с академиком П.Н. Федосеевым. Очень помог мне обмен мнениями о направлении развития ИНИОН с академиками Н.Н. Иноземцевым, Н.Н. Некрасовым, А.Л. Нарочницким, Ф.В. Константиновым, доктором экономических наук Е.И. Капустиным[1], членкором АН СССР Ф.П. Филиным и другими учеными. Много практических советов дал директор ВИНИТИ профессор А.И. Михайлов. Ранее он работал в Президиуме АН СССР, и мы были знакомы. Одним из моих консультантов стал Юрий Островитянов – заместитель главного редактора журнала «Мировая экономика и международные отношения». Так постепенно начала складываться программа моей деятельности в должности директора.

---

[1] Текст представляет собой шестую главу и часть девятой главы книги: *Виноградов В.А.* Мой XX век: воспоминания. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Наука, 2005. – С. 263–307, 378–389. Публикуется с сокращениями.

[2] События относятся к началу февраля 1972 г. – *Прим. ред.*

15 февраля 1972 г. академик П.Н. Федосеев представил меня членам дирекции ИНИОН. Встреча была короткой. Петр Николаевич пожелал успеха в работе и уехал в Президиум АН СССР.

Первые пятнадцать дней я посвятил ознакомлению с работой всех информационных подразделений. В тот период в институте работали, включая и библиотеку, 1 доктор и 80 кандидатов наук. В семи реферативных отделах значилось 112 человек. В ряде из них числилось всего 5–6 научных сотрудников. Из многочисленных бесед с руководителями отделов было выделено наиболее существенное, записано, продумано и дополнительно включено в доклад, с которым я выступил на расширенном заседании ученого совета Института. Наиболее полезные советы я получил от Г.Б. Косова, А.И. Ракитова, С.И. Кузнецовой и Л.К. Шкаренкова. Заседание было продолжительным, доклад произвел впечатление: в нем была развернута панорама развития Института не только в текущем году, но и на ближайший период, сформулирована задача сразу же приступить к подготовке макетов журнала «Общественные науки за рубежом», состоящего из 10 серий. Первые серии предполагалось издать уже осенью. Предстояло их общественное обсуждение в научных учреждениях Москвы, Ленинграда, Казани и других университетских городов. Одновременно необходимо было приступить к подготовке тематических реферативных сборников по наиболее актуальным вопросам социальных и гуманитарных наук.

Для большинства участников заседания оказалась неожиданной постановка вопроса об автоматизации информационных процессов на основе современной электронной техники. Рассказал о тех возможностях, которые открывает планируемая автоматизация. Специально остановился на расширении комплектования Фундаментальной библиотеки зарубежной литературой, исходя из направлений информационной деятельности Института. Подчеркнул необходимость шире использовать в этих целях международный обмен книгами. Обратил также внимание на повышение полиграфического качества всех публикаций, и в первую очередь библиографических указателей литературы, издававшихся тогда самым примитивным способом на третьесортной бумаге.

---

[1] В 1976 г. Е.И. Капустин был избран членом-корреспондентом АН СССР.

В конце доклада подчеркнул, что необходимо приложить все усилия для завершения строительства нового здания Института к концу 1973 г. Только в новом здании перед Институтом могли открыться широкие возможности: он будет в состоянии обеспечить обществоведов комплексной и самой разнообразной информацией, сможет занять надлежащее место среди других институтов Академии наук СССР, оказывать влияние на развертывание информационной работы в академиях наук союзных республик. Заканчивая выступление, указал, что нам предстоит изучить опыт организации информационной деятельности многих стран и взять из него все полезное, проверенное временем, с учетом, конечно, нашей специфики.

Все основные положения доклада получили поддержку. В выступлениях заведующих реферативными отделами были и встречные предложения, звучала просьба о выделении штатных единиц и приглашении на работу квалифицированных научных работников и молодых специалистов. Без такого пополнения новые задачи были невыполнимы, что и было признано мной в заключительном слове. Обещал в ближайшие дни выделить для пополнения реферативных отделов сто штатных единиц, уже полученных из Президиума АН СССР.

После окончания заседания ко мне подошел И.Я. Госин – один из старожилов ФБОН, пользовавшийся большим авторитетом среди библиотечных работников, и порекомендовал быть осторожнее, обещая обеспечить Институт техникой и быстро закончить строительство здания. «Вы можете такими трудновыполнимыми обещаниями подорвать свой авторитет», – сказал он. Такая реакция меня только утвердила в правильности выбранного пути. Прожектерством я никогда не занимался и, давая обещания, опирался на уже обговоренную ранее поддержку в решении широкого круга технических, строительных и других проблем. <…>

Первые итоги обнадеживают

Подходил к концу 1972 г. – настало время оглянуться на пройденный путь и подвести итоги. Сделано действительно было немало – это признавали и в Институте, и за его пределами. Прежде всего отмечу публикацию 37 реферативных сборников по различным актуальным проблемам общественных наук и издание первых макетов нескольких серий реферативного журнала (РЖ) «Общественные науки за рубежом». Тем самым было положено начало созданию системы информационных изданий ИНИОН. В процессе их подготовки пришлось решать немало методических и методологических проблем. В их число входили отбор литературы для реферирования, примерный размер самого реферата и принципы его составления. Главное требование к реферативной информации в области общественных наук состояло в том, чтобы реферат содержал основной ход рассуждения автора статьи или монографии, логику исследования, мировоззренческий элемент и основные выводы. Эти вопросы неоднократно обсуждались в Институте. Правильность разработанного подхода к составлению рефератов проверяли на основе реакции потребителей информации. Именно поэтому при подготовке к изданию РЖ и было решено сначала опубликовать макеты, обсудить их и только после этого приступить к изданию.

Осенью 1972 г. Институт начал избирательное распространение информации на основе зарубежных журналов. Здесь мы воспользовались опытом ВИНИТИ. Институт получил мощный «ксерокс», позволявший ежедневно копировать до десяти тысяч страниц. Было решено предложить членам АН СССР, входящим в состав гуманитарных отделений, отобрать из разосланного им списка журналов до 30 наименований, которые их интересуют. Собрав такие сведения, специально созданный для этих целей сектор приступил к работе. Технология ее состояла в следующем: на второй или третий день после поступления в библиотеку соответствующих журналов с их оглавлений снимались копии и рассылались ученым, которые отмечали заинтересовавшие их статьи и возвращали оглавления в Институт. Через неделю или десять дней они получали копии статей. В результате ведущие ученые и работавшие вместе с ними сотрудники стали знакомиться с зарубежными журналами, не посещая библиотеку, подбирать досье для очередных исследований и т.д. Эта форма информационного обеспечения была воспринята с большим удовлетворением. Институт стал получать много благодарностей. Как-то через год в Президиуме АН СССР ко мне подошел академик-секретарь Отделения литературы и языка М.Б. Храпченко и сказал: «Я продолжаю регулярно получать статьи, что очень хорошо. Поначалу думал, что Институт с этим не справится – ведь поток запросов очень велик». Академик-секретарь другого отделения – исторического – Е.М. Жуков в разговоре со мной подчеркнул, что для него важно не только получение статей, но и просто регулярное ознакомление с оглавлениями журналов, по которым он может судить о направлениях исследований вообще и о научных интересах известных ему зарубежных ученых в частности. «Это очень помогает в работе», – сказал он.

За девять месяцев разительные изменения произошли на стройке: здание оделось в белый камень и выглядело очень нарядно. Внутри были установлены перегородки, велись малярные работы, настилался паркет, монтировались светильники, на третий этаж вела широкая лестница, выложенная мраморными плитами. Особо отмечу, что книгохранилища, как и было обещано, были готовы к расстановке в них книг. Во всем этом была заслуга и коллектива ИНИОН: несколько субботников по уборке помещений от строительного мусора оказались очень результативными. Сотрудники Института осуществили навеску нескольких тысяч полок в книгохранилищах. Утвержденная на 1972 г. смета строительно-монтажных работ в размере двух млн руб. была выполнена, что в пять раз превысило объем работ, осуществленных в 1971 г.

Строительство здания Института опережало приведение в порядок территории, задерживались работы по обеспечению электроснабжения Института по постоянной схеме (прокладка кабелей и др.). Сооружение технического бассейна, необходимого для охлаждения кондиционеров, не было еще начато. Дело это осложнялось тем, что на месте будущего бассейна находился внушительный холм. Требовалось его срезать и вывезти сотни тонн грунта. Приходилось ждать весны.

Не был решен еще один важный вопрос – обеспечение Института и его библиотеки специализированной мебелью (столы, шкафы, полки, стеллажи, каталожные шкафы и т.д.). Было очевидно, что все это оборудование к концу 1973 г. должно уже находиться в Институте. Его сборка и расстановка потребует два-три месяца. Следовательно, форсируя окончание строительных работ, необходимо думать и об этом.

За помощью я обратился к Президенту АН СССР академику М.В. Келдышу. Всю мебель и библиотечное оборудование целесообразно было закупить в Финляндии. Мстислав Всеволодович внимательно выслушал, отметил, что ценит мои усилия, и обещал проблему с мебелью решить. Им было направлено в Госплан СССР мотивированное письмо с просьбой выделить ИНИОН целевым назначением 500 тыс. инвалютных рублей для закупки в Финляндии специализированной мебели.

Такая возможность у Госплана СССР была в связи с мировым энергетическим кризисом и появлением «нефтедолларов». Обращение Мстислава Всеволодовича поддержал секретарь ЦК КПСС П.Н. Демичев. В моем присутствии он позвонил по «вертушке» председателю Госплана Н.К. Байбакову, и тот обещал указанную сумму выделить, что в переводе на доллары составляло более 900 тысяч. Тут же Петр Нилович позвонил председателю Государственного комитета по науке и технике академику В.А. Кириллину, сказал, что у него на приеме В.А. Виноградов, и попросил оказывать ИНИОН содействие в оснащении электронной, множительной и другой техникой. Отметил, что Институт развивается успешно и заслуживает поддержки. Это была двойная удача. Деньги Министерству внешней торговли были переведены, и вскоре соответствующее управление заключило контракт с финской фирмой «Мартелла» на поставку ИНИОН в 1973 г. библиотечной и другой мебели.

Деловые контакты с П.Н. Демичевым продолжались и в 1973 и в 1974 г. Он интересовался развитием Института, просматривал новые информационные издания, высказывал свои рекомендации, которые были весьма полезны. В нескольких случаях Петр Нилович оказал Институту помощь в получении дополнительных валютных средств и различной техники. Я был благодарен Петру Ниловичу за внимание к Институту. Он неоднократно говорил, что следует изучить опыт работы зарубежных информационных центров, использовать все передовое, а с его стороны Институт будет пользоваться неизменной поддержкой.

Осенью 1974 г. Демичева назначили министром культуры. Заменил его в качестве секретаря ЦК КПСС по идеологическим вопросам М.В. Зимянин. С ним установились хорошие отношения, он ценил работу Института, читал его издания, но все мои обращения об оказании помощи оставались тщетными. Обычно он говорил: «В этом году ничего сделать нельзя – валютные средства уйдут на закупку зерна». Ту же фразу повторял и на следующий год. <…>

Книги двинулись в поход

С ноября 1972 г. в Институте началась подготовка к предстоящему переезду в новое здание. Обсуждались многие вопросы. Здание было спроектировано и строилось для библиотеки. Теперь в него въезжали Институт и библиотека. Поэтому правильному распределению помещений придавалось большое значение. Приоритет был отдан библиотечным подразделениям. Часть реферативных отделов оставалась в старом здании на ул. Димитрова. План размещения следовало разработать и утвердить заранее. Это позволяло каждому отделу ИНИОН планировать переезд и организацию работы в новом здании с учетом предусмотренных для него помещений.

Большая подготовительная работа к переезду проводилась отделом научных фондов во главе с его заведующей И.Н. Воскресенской. В отделе были разработаны научно-методические документы, определяющие организацию библиотечного фонда в новом здании. На время переезда обслуживание читателей из основного хранилища было решено не прекращать. Работу по перемещению книжных, журнальных и газетных фондов, которая была произведена в сжатые сроки, можно с полным правом назвать уникальной. Все было задумано так: в специально изготовленные ящики, соответствующие по размеру одной книжной полке в новом хранилище, закладывались книги. В новом хранилище книги из него расставлялись на заранее определенную полку. При этом для старых фондов использовалась существовавшая схема классификации, а новые книжные поступления было решено расставлять по форматно-хронологической порядковой системе. В процессе перевозки фондов проводились их проверка, сортировка, санитарная обработка и т.д. Трудоемкость этих процессов очевидна: сотрудники отдела научных фондов, прямо скажу, осуществили в тот период титаническую работу.

Первоначально планировалось для перевозки книг использовать автотранспорт Академии и пригласить бригаду грузчиков. Однако моему заместителю по общим вопросам Г.Р. Филиппову удалось договориться с командованием дивизии МВД об оказании помощи в перевозке книг на основе взаимных шефских услуг. Это резко упростило и ускорило все дело. В наше распоряжение каждый день выделялись два грузовых автомобиля и взвод солдат. Они грузили ящики в автомашины, перевозили и разгружали в новом хранилище. В обязанности Института входило накормить солдат обедом. Институт оказывал дивизии различные полиграфические и информационные услуги. Известно, что в жизни все абсолютно гладко не бывает. Мы радовались, что перевозка книг осуществляется быстро, сохранность обеспечивается и Институт несет минимальные затраты. Однако в середине 1973 г. командование дивизии, ссылаясь на указание «сверху», прекратило эти работы. Помог мне и на этот раз Петр Нилович Демичев: по его просьбе работы по перевозке возобновились и продолжались до перебазирования всех фондов. Хочу специально отметить, что до мая 1974 г., когда начался общий переезд в новое здание, читальные залы в ФБОН были открыты, читатели могли получать книги и из нового книгохранилища. Знатоки библиотечного дела утверждали, что им неизвестно, чтобы где-либо таким образом перемещались многомиллионные фонды из одного здания в другое. Сказалась хорошо продуманная и четко организованная работа. Этот несомненный успех прежде всего заслуга И.Н. Воскресенской и ее коллектива.

Перебазирование книг, находившихся в «спецхране», было задержано до переезда Института в новое здание. Это было сделано в целях обеспечения сохранности этих фондов – своего рода «перестраховка». Заведующая отделом «спецхрана» О.В. Рожкова, используя уже накопленный опыт, успешно обеспечила перевозку фондов на тех же военных машинах. Следует отметить, что были перевезены книги не только из основного хранилища на ул. Фрунзе, но и из 11 подвалов (к счастью, сухих), где они хранились и не были «законсервированы». Читатели могли получать из этих подвалов книги, но только с задержкой на один день.

Переезд в новое здание

В 1973 г. мои усилия как директора Института были подчинены решению трех основных задач: дальнейшему развитию информационной системы, контролю за завершением отделочных работ в новом здании и подготовке всех подразделений к переезду и размещению в нем. Решением первой задачи были заняты мои заместители М.П. Гапочка и Л.С. Кюзаджян. На их плечи легла большая работа по контролю за качеством информационных изданий, за выполнением плановых сроков, по связям с читателями. В период становления информационной системы требовалось постоянно сверять, насколько наши издания отвечают научным потребностям специалистов. Вслед за журналом «Общественные науки за рубежом» была обеспечена подготовка макетов семи серий журнала «Общественные науки в СССР». Их обсуждение показало, что журнал будет востребован читателями: к нему проявили интерес и научные работники, и преподаватели высшей школы, и другие читатели. Особенно много для становления РЖ сделали заведующие отделами Института С.И. Кузнецова, Г.Б. Косов, А.И. Ракитов, Я.М. Бергер и Ф.М. Березин.

Значительно увеличилась публикация других информационных изданий. Число библиографических указателей литературы было доведено до 29. Качество их резко улучшилось: внешне они стали привлекательными, библиографические описания набирались на пишущих автоматах, появились авторские и предметные указатели, что облегчало поиск необходимой читателям литературы. Вокруг реферативных отделов начал складываться коллектив внештатных авторов, что облегчало подготовку рефератов и обзоров, особенно на основе литературы, публикуемой на редких языках. Этот факт свидетельствовал о росте интереса к деятельности ИНИОН.

В 1972–1973 гг. в реферативные отделы было зачислено почти 200 новых научных сотрудников. Многие из них хорошо владели английским, французским и немецким языками. Было создано несколько новых отделов: государства и права, языкознания, литературоведения, экспресс-информации. Вопреки прогнозам некоторых лиц, из Института не был уволен ни один сотрудник – всем нашлась работа. Происшедшие за два года изменения почувствовал весь коллектив. Резко возрос интерес к работе, радовали достигнутые результаты и их положительная оценка потребителями информации.

В декабре 1973 г. строители были готовы сдать здание в эксплуатацию. Собралась большая комиссия по его приемке, состоящая из представителей многих районных служб (пожарная охрана, санинспекция, энергетики и т.д.). В здании оставались существенные недоделки, но строители клялись, что до марта они будут устранены. На меня оказывалось большое давление – подпись директора была решающей. Однако я выдержал этот напор и акт о приемке здания в эксплуатацию при наличии недоделок подписать отказался. Было ясно – если подпишу акт, то затем придется ходить за строителями и упрашивать их завершить те или иные работы. Предпочтительнее представлялось обратное – пусть строители ходят за мной и доказывают, что все недоделки устранены. В МГК КПСС на имя В.В. Гришина начальник строительного треста А.Г. Науменко написал жалобу. Обвинял меня в срыве выполнения трестом годового плана. Однако это не помогло – нашлись силы, меня поддержавшие. В течение января и февраля 1974 г. строители вынуждены были интенсивно продолжать работы и устранили все недоделки.

Только после приемки здания в эксплуатацию мы получили возможность заняться сборкой финской мебели, которая в упакованном виде уже находилась в здании. Дело это было кропотливое и трудоемкое. Фирма «Мартелла» командировала нам в помощь трех квалифицированных мастеров со специальным оборудованием. Они обучили бригаду сборщиков из числа сотрудников Института, которая в течение трех месяцев занималась этой работой. Бригаду возглавил главный библиотекарь Н.Ф. Арифулов. Пришлось собрать более 100 шкафов, 400 читательских столов, сотни полок, стеллажей и другую специализированную мебель. Общее руководство сборкой и расстановкой мебели, в соответствии с планом, утвержденным дирекцией, осуществлял заведующий сектором комплексной механизации С.А. Пищальников. Это было очень большое и важное дело.

Переезд с ул. Фрунзе в новое здание начался в мае 1974 г. Руководила им заместитель директора И.А. Ходош. В первых числах июня Институт был уже готов к открытию. Большинство помещений получили библиотечные подразделения. Главный читальный зал был рассчитан на 110 читателей. В нем находилась многочисленная справочная литература открытого доступа. Рядом был расположен зал для чтения газет и журналов. В этих залах на специальных стендах демонстрировались журнальные и книжные новинки. Две большие комнаты были отведены справочно-библиографическому кабинету, руководимому Г.Г. Кричевским – признанным знатоком книги. В этом кабинете находились библиографические и справочные издания почти из 100 стран мира. Библиографический отдел был размещен в трех больших помещениях. Наряду с двумя читальными залами было открыто пять читательских кабинетов – по философии, истории, экономике, литературе социалистических стран, государству и праву и материалам ООН, включая ее специализированные организации. Эти кабинеты предназначались для старших научных сотрудников. В каждом кабинете был размещен фонд научной литературы, пользовавшейся наибольшим спросом читателей.

Открытие нового здания ИНИОН произошло 7 июня 1974 г. Все сотрудники пришли празднично одетые. Приехали вице-президент АН СССР академик П.Н. Федосеев, многие ученые, строители, представители организаций Черемушкинского района. К сожалению, не смог присутствовать секретарь МГК КПСС по строительству Н.А. Рожков – какие-то неотложные дела его задержали.

Сотрудники Института и гости собрались в вестибюле перед парадной лестницей, ведущей на третий этаж. Я обратился ко всем собравшимся с кратким приветственным словом. В моих архивах нашел его текст и решил, что будет интересно частично его воспроизвести:

«Мы отмечаем сегодня волнующее событие в жизни коллектива Института научной информации по общественным наукам – открытие нового, большого, светлого здания Института. Остались позади трудные годы ожидания, годы строительства и годы становления Института. Большой, квалифицированный и дружный коллектив ИНИОН входит в это здание не как новичок, который только в будущем станет специалистом в избранной области знания, а как полноправный хозяин, знающий, чем он будет занят и сегодня, и завтра, и в 1975 г., и в 1976… И не только знающим это, но и способным решать и стоящие, и возникающие более сложные новые задачи.

Одна из особенностей Института состоит в том, что в его состав входит Фундаментальная библиотека по общественным наукам, которая издавна пользуется заслуженной известностью, служит своеобразной идеологической лабораторией для большинства специалистов в области общественных наук. Это явилось важным фактором в развитии информационной деятельности Института. Наше новое здание – это общий дом всех ученых, работающих в области общественных наук. Просторные читальные залы и научные кабинеты Института готовы принять своих читателей. Но мы рассчитываем и на углубление обратных связей – на все бóльшее участие ученых-общественников в непосредственной информационной работе Института, в подготовке его изданий. Такое содружество складывается, оно взаимно обогащает, а следовательно, должно развиваться и вширь, и вглубь.

Наш праздник – это праздник и рабочих-строителей, и командиров стройки. От имени коллектива Института горячо благодарю начальника УЖС-1 Владимира Ефимовича Житлевского, архитектора Ефима Петровича Вулыха, управляющего трестом Мосстрой № 6 Алексея Гавриловича Науменко, начальника СУ-169 – нашего генерального подрядчика – Михаила Михайловича Онифатора и в их лице всех строителей».

Далее выступил академик П.Н. Федосеев. Он пожелал коллективу Института успешной работы в новом здании, быстрейшего завершения многогранной информационной системы в области социального и гуманитарного знания, полного выполнения задач, поставленных Президиумом АН СССР перед ИНИОН. С приветствиями выступил представитель строителей начальник треста А.Г. Науменко, а от ученых – академик Б.А. Рыбаков. Он обратил внимание на интересную архитектуру здания и подчеркнул, что ИНИОН готов уже сегодня принять первых читателей, а это означает, что мы присутствуем не на показной парадной церемонии, как это нередко бывает, что очень приятно.

Петр Николаевич разрезал красную ленточку и пригласил всех присутствующих знакомиться с Институтом. Осмотр начали с третьего этажа. Для большинства гостей оказалось сюрпризом, что книжные фонды уже перевезены, а читальные залы действительно открыты для посетителей. Затем все гости спустились на второй этаж в малый конференц-зал, где был накрыт стол, стояли бутылки с шампанским. Поздравления продолжались.

Вечером в конференц-зале Института состоялось праздничное собрание коллектива. Из президиума я глядел в зал и с удовольствием отметил, что среди сотрудников очень много молодежи – это были молодые специалисты, пришедшие на работу в Институт в последние два года. Уже в тот период работа в Институте среди выпускников московских вузов считалась престижной. После официальной части состоялся концерт. Все разошлись с чувством удовлетворения.

Следующий день принес нам определенные неожиданности. Где-то в середине дня я поднялся на третий этаж посмотреть на первых читателей. К моему удивлению, их не оказалось. Причину быстро выяснили. Несмотря на сообщение средств массовой информации, известивших о переезде ИНИОН в новое здание, о прекрасных условиях, созданных в нем для работы читателей, к этой информации отнеслись с недоверием. К сожалению, у нас в стране очень часто сообщали о трудовых подвигах, о завершении строительства, о пуске турбин и т.д. На самом же деле такая информация опережала действительные результаты. К этому привыкли. Так произошло и на сей раз – читатели библиотеки решили, что Институт не готов еще для их приема, книжные фонды в новое здание не перевезены, а следовательно, приходится ждать не юридического, а фактического открытия. Пришлось в тот же день связаться по телефону с большинством институтов Академии и попросить оповестить сотрудников, что ИНИОН действительно открыт и ждет читателей.

Переезд Института в новое здание, формирование материально-технической базы создали условия для развития комплексной информационной системы в области общественных наук, рассчитанной на широкий круг пользователей. Коллектив почувствовал свою силу, оценки потребителей информации радовали, контакты с учеными подсказывали новые направления информационной работы.

Проблема совершенствования информации в те дни приобрела особую остроту из-за стремительного роста масштабов исследований, резкого увеличения потока научной литературы. По гуманитарной тематике в мире ежегодно публиковалось свыше одного миллиона книг, брошюр и журнальных статей. Обществоведение в стране уже не могло успешно развиваться без отбора и избирательного распространения сведений о новых и наиболее ценных исследованиях советских ученых в области социальных и гуманитарных наук, без широкого знакомства с зарубежной общественной мыслью. <…>

Некоторые особенности информации в области общественных наук

В Академии наук СССР уже более 20 лет успешно действовал Всесоюзный институт научной и технической информации. Издаваемые им реферативные журналы широко использовались не только в СССР, но и в зарубежных странах. Развитию Института много внимания уделял лично президент АН СССР академик А.Н. Несмеянов. С ВИНИТИ сотрудничали около 20 000 внештатных референтов. Был выработан стандартный реферат, содержащий краткую информацию об опубликованной журнальной статье. Он выполнял роль сигнала. Ученые, используя рефераты, могли заказать сами статьи или ознакомиться с ними в библиотеках. Изучить опыт ВИНИТИ было необходимо, и с этого я и начал. Однако он отражал специфику естественных и технических наук, и перенести его без корректировки на социальные и гуманитарные науки было невозможно. Предстояла вдумчивая работа по выработке собственного подхода к реферированию с учетом особенностей обществоведческой литературы.

С первых дней работы в Институте мне стало очевидно, что прежде всего необходимо уделить внимание специфике развития общественных наук, методологическим проблемам информационной деятельности. Их анализ показывал, что в процессе познания общества происходит специализация научных исследований. Одновременно действует и противоположная тенденция – к синтезу научных знаний, что проявляется во взаимопроникновении и взаимообогащении отдельных отраслей науки, в развитии новых перспективных направлений, возникших на их «стыках».

Большую роль сыграли читательские конференции, проведенные Институтом. Они показали, что информация по актуальным проблемам социально-экономического развития, духовных процессов, идейной и политической жизни общества должна иметь комплексный характер. Особенно большое значение приобретала полнота информации. Важная задача состояла и в определении критериев организации научно-информационной деятельности, среди которых одним из основных стал принцип выборочности, предполагавший отбор подлежащих информационной обработке научных источников.

Особая проблема – это ретроспективная информация. Ученому-обществоведу, как правило, приходится просматривать литературу, опубликованную в течение многих лет. Для того чтобы понять сущность общественных явлений, проанализировать изменения в политической жизни того или иного общества, выяснить причины возникновения и отмирания различных теорий, нельзя ограничиться только последними публикациями по интересующей или разрабатываемой проблеме. Очень часто обязательно возвращение к истокам явления. Выполнить эту задачу без помощи органов информации сложно, а когда речь идет о литературе на многих языках – просто невозможно.

И наконец, еще одна характерная черта информации по общественным наукам – это соотношение нового в монографических исследованиях и журнальных статьях. В естественных науках новая важная информация содержится, главным образом, в научных статьях. Лаконичность языка естествознания позволяет это сделать. В обществоведении положение иное. В связи с этим если в сигнальных библиографических изданиях содержится информация и о книгах, и о статьях, то в реферативных изданиях преимущество отдается книгам.

Именно с учетом этих особенностей, которые были широко обсуждены в Институте, и создавалась его информационная система, рассчитанная на различные круги потребителей.

Пять лет, преобразившие Институт

В 1974–1978 гг. в Институте сложилась система реферативных и аналитических информационных изданий. В ее создании Институт руководствовался, с одной стороны, особенностями информации по общественным наукам, а с другой – конкретными запросами потребителей информации.

В Институте осуществлялась обработка литературы практически на всех основных современных языках. Полный охват всех отраслей общественных наук и высокое качество информации обеспечивались прежде всего сотрудниками Института. Пополнение Института специалистами стало одной из основных задач. На работу были приняты многие уже сложившиеся научные сотрудники, имевшие ученые степени, и еще больше молодых специалистов с университетским образованием. Дирекция уделяла большое внимание повышению квалификации кадров. В Институте была открыта аспирантура, организовано изучение нескольких иностранных языков, созданы условия для подготовки кандидатских и докторских диссертаций. Растущий авторитет Института способствовал привлечению в него в качестве внештатных референтов квалифицированных специалистов, работающих в различных научно-исследовательских институтах АН СССР и в высших учебных заведениях. Их число достигало трех тысяч. В результате возникла дополнительная возможность увеличения масштабов информационной работы и одновременно повышения качества реферативных и аналитических изданий, а следовательно, и их привлекательности для читателей.

Центральное место в системе информационных изданий заняли реферативные журналы ИНИОН «Общественные науки в СССР» и «Общественные науки за рубежом», издаваемые в 17 сериях. Их создание началось в 1972–1973 гг. Журналы были призваны отражать основные потоки наиболее важной научной литературы. Редколлегия каждой серии стремилась привлечь внимание читателей к самым содержательным работам. Реферат являлся не только сигналом, но и носителем конкретной информации. В силу этого реферативные журналы по своей информативности представляли интерес не только для научных сотрудников и преподавателей. Так, серию «Экономика» использовали руководящие работники и экономисты, занятые в народном хозяйстве; серия «Государство и право» нашла многочисленных читателей среди работников суда, прокуратуры и юридических отделов государственных учреждений; серии «Философские науки» и «Науковедение» содержали полезную информацию для представителей естественных наук, инженерно-технических работников, специалистов, занятых в системе управления; серии «История», «Литературоведение» и «Языкознание» имели несомненное значение для работников культуры и просвещения; серия «Востоковедение и африканистика» давала обширную информацию для всех, кто интересовался сложными процессами, происходящими в странах Азии и Африки.

Уже первые научно-информационные материалы, подготовленные и опубликованные ИНИОН, подтвердили своевременность и актуальность создания в системе Академии наук специализированного информационного центра. Деятельность Института придала импульс развитию общественных и гуманитарных дисциплин в нашей стране. Перед отечественными учеными практически открылись целые пласты нового, прежде недоступного им знания. Публикации ИНИОН помогли многим ученым выйти на наиболее перспективные направления научного поиска, способствовали заметному сокращению образовавшегося разрыва между отечественными и зарубежными исследовательскими центрами в уровне информационного обеспечения. Для многих специалистов стала доступной информация о книгах и журнальных статьях, опубликованных за рубежом. Большое значение имели также информационные материалы различного характера, публиковавшиеся Институтом к предстоящим международным конгрессам. Они во многом способствовали успешному участию в них отечественных ученых.

Поскольку в информационных изданиях Института уже в тот период были представлены все основные направления общественных наук, это позволяло Институту давать информацию концептуального характера по широкому кругу проблем, подмечать новые явления в развитии общественной мысли за рубежом.

Этим целям служили проблемно-тематические реферативные сборники и библиографические указатели. Их подготовка, как правило, происходила при самой тесной кооперации с академическими институтами и другими научными учреждениями. В итоге круг потребителей становился более широким.

Накопленный опыт информационной деятельности позволил Институту приступить к подготовке научно-аналитических обзоров литературы – наиболее сложного, синтетического вида информации. Обзоры имели целью обобщить основные тенденции развития научной мысли в общественных науках. Тем самым Институт не только облегчал специалистам знакомство с новинками отечественной и зарубежной научной литературы, но и постепенно принимал на себя функции и статус самостоятельного исследовательского центра, эффективно использующего находящиеся в его распоряжении информационные массивы.

Сказанное целесообразно проиллюстрировать на примере научно-информационной деятельности ряда реферативных подразделений Института. Так, работа отдела экономических наук, возглавлявшегося кандидатом экономических наук Г.Б. Косовым, систематически велась по нескольким направлениям, среди которых можно выделить, в частности, анализ основных тенденций развития международных экономических отношений, освещение актуальных проблем теории и практики государственного регулирования экономики и управления производством, исследование социально-экономических процессов, состояния современной экономической мысли. Многие издания отдела, выпускавшиеся серийно на протяжении ряда лет, стали важным источником практических знаний для специалистов. Особого внимания здесь заслуживают публикации по проблемам управления и научно-технической революции. Системный подход к освещению соответствующих публикаций позволил познакомить отечественных специалистов с передовыми достижениями зарубежной науки управления, в том числе современными концепциями технологической безопасности и новыми методами оценки и принятия управленческих решений. Коллектив отдела стал отслеживать и освещать новые перспективные направления развития экономической науки.

Следует отметить вклад Института в становление и развитие отечественной политологии. Еще в начале 70-х годов, когда само существование политической науки ставилось в нашей стране под сомнение, специалисты ИНИОН приступили к систематическому реферированию классических трудов крупнейших зарубежных политологов. Но особое, повышенное внимание политологическим исследованиям стало уделяться с приходом в Институт в середине 70-х годов профессора Н.Н. Разумовича. Возглавив отдел государства и права, он объединил в нем людей, «тяготевших» к политологии, работавших как в ИНИОН, так и в других учреждениях Академии наук и высшей школы. Постепенно Институт превратился в один из центров изучения политических наук. Успешная подготовка и проведение в 1979 г. в Москве XI Всемирного конгресса Международной ассоциации политических наук, сыгравшего важную роль как в становлении отечественной политологии, так и в фактическом признании этой научной дисциплины, – во многом заслуга коллектива ИНИОН.

В 1988 г. Н.Н. Разумович оставил должность заведующего отделом государства и права (по возрасту) и был назначен главным научным сотрудником. На возникшую вакансию были выдвинуты в качестве кандидатов два старших научных сотрудника отдела: кандидат юридических наук М.Г. Мойсеенко и кандидат исторических наук Ю.С. Пивоваров. Николай Никанорович наиболее достойным считал Пивоварова, который был его учеником, но Мойсеенко имел (по тем временам) большое преимущество – он был заместителем секретаря парткома Института. На ученом совете предстоял сложный выбор: Пивоваров более соответствовал в научном отношении, но он был беспартийным, а партком поддерживал Мойсеенко. В сложившейся ситуации многое зависело от позиции директора, и я высказался в пользу Пивоварова, сказав, что отдел должен возглавлять прежде всего талантливый специалист. Ученый совет согласился с моим мнением. Юрий Сергеевич стал в ИНИОН первым беспартийным заведующим отделом.

Необходимость развития исследований в области политологии потребовала от Института новых научных подходов и совершенствования организационной структуры. Был создан сектор политологии. Его руководителем ученый совет избрал Ю.С. Пивоварова.

В Институте в отделе стран Западной Европы и США был создан сектор проблем международного социал-демократического движения, который возглавил доктор исторических наук Б.С. Орлов. Помимо регулярного выпуска реферативных сборников, важным вкладом сектора в формирование новой политической оценки роли современной социал-демократии явилась публикация программных документов социал-демократических партий европейских стран, материалов ряда конгрессов Социнтерна, а также очерков, освещающих политическую деятельность и мировоззренческие позиции ведущих деятелей этого движения.

Среди публикаций ИНИОН впервые появилось издание совершенно нового жанра. Речь идет о выпуске серии политических портретов крупных государственных и политических руководителей стран мира. Материалы брошюр, составивших серию, включали краткую биографию таких руководителей, научный анализ их убеждений и политической позиции, оценку результатов, достигнутых ими на высоком государственном или общественном посту.

Популярность информационных изданий ИНИОН состояла еще и в том, что Институт был единственным научным учреждением, освобожденным, как уже упоминалось, от контроля Главлита. Добиться такой «привилегии» было непросто, но удалось доказать, что для ИНИОН необходимо сделать исключение. Это позволило включать в рефераты и аналитические обзоры высказывания зарубежных авторов в виде выдержек, а не пересказа с комментариями. Читателям предоставлялась возможность самостоятельно делать выводы о научных и политических позициях авторов рассматриваемых книг и статей. Правда, на многих публикациях стоял гриф «Для служебного пользования», но это ограничение имело чисто формальный характер – они издавались большими тиражами и направлялись во все научные центры страны. Таким образом, научные работники получали возможность знакомиться с развитием научной мысли в области социального и гуманитарного знания в зарубежных странах, учитывать ее результаты в своих исследованиях. Последнее было особенно важно для специалистов, которые не владели иностранными языками и не могли пользоваться зарубежной литературой, находившейся в «спецхране». Тем самым была разрушена «монополия» на использование книг западных ученых только научными работниками, владевшими иностранными языками. Не случайно некоторые из них открыто выступали против цитирования отдельных высказываний авторов реферируемых работ.

В целях обеспечения необходимой полноты реферативной и библиографической деятельности Институт стал выписывать литературу из 115 стран и получать по разным каналам более четырех тысяч иностранных журналов. В годовом комплекте указателей литературы содержалась информация о примерно 250 тысячах книг и статей, опубликованных в СССР и в других странах, на 35 иностранных языках. Это было самое полное библиографическое издание по общественным наукам в мире. В итоге все действительно интересные работы зарубежных исследователей становились известны советским ученым-обществоведам, что следует рассматривать как несомненное достижение, получившее широкое признание в кругу научных работников.

Помимо издания ежемесячных указателей литературы, Институт осуществлял текущую информационно-библиографическую работу: готовил специальные указатели советской и зарубежной литературы, развернул справочно-библиографическое обслуживание научных учреждений и отдельных ученых по их запросам. Важно отметить, что вскоре Институт получил предложение участвовать в международных библиографических изданиях по историческим наукам, по экономике, философии и социологии, языкознанию и т.д., что свидетельствовало о росте его международного авторитета.

Общее представление о масштабах информационной деятельности Института дают следующие данные: в конце 80-х годов публиковалось свыше 900 отдельных выпусков научно-информационных изданий (реферативных журналов и сборников, аналитических обзоров и отдельных рефератов (голубая и зеленая серии), библиографических бюллетеней и указателей и т.д.), а суммарный объем этой продукции превысил 5 000 печатных листов.

Подобной системы информационных изданий по общественным наукам как по масштабам охвата литературы, так и по видам изданий не было в других странах. Она складывалась в тесном взаимодействии с институтами Секции общественных наук Президиума АН СССР и при постоянной поддержке вице-президента Академии П.Н. Федосеева. Многие информационные материалы были подготовлены совместно с Институтом мировой экономики и международных отношений, Институтом истории СССР, Институтом всеобщей истории, Институтом философии, Институтом социологических исследований.

Разнообразие форм подготовляемой ИНИОН информации с учетом интересов различных ее потребителей, по моему убеждению, оказало влияние на ВИНИТИ, который, наряду с РЖ, стал выпускать различные виды специализированной и обзорной информации. Взаимное влияние двух крупнейших информационных центров страны вполне закономерно. Например, представители естественных и технических наук проявляли интерес к публикациям ИНИОН по науковедению и философии, а академических экономистов весьма интересовали издания ВИНИТИ, посвященные техническим новинкам в странах Запада.

Могла ли описанная система реферативных и библиографических изданий, созданная в ИНИОН, обеспечить с достаточной полнотой интересы всех обществоведов страны? По-видимому, не во всех случаях. Поэтому ее удачно дополняла отраслевая и региональная реферативная и библиографическая информация. Речь идет о серии сборников, публиковавшихся центральными отраслевыми органами и республиканскими информационными центрами по общественным наукам. Главное их отличие и достоинство – информация о литературе, не включенной в общесоюзные информационные издания. Например, публикации по проблемам культуры и искусства, в области высшего образования и педагогики.

В октябре 1974 г. произошло событие, о котором следует упомянуть, – Президиум АН СССР заслушал мой доклад о становлении Института и создании многоплановой системы информации в области социальных и гуманитарных наук. Для доклада было предоставлено 40 минут. Это дало возможность подробно рассказать об организации работы Института в новом здании, об основных информационных публикациях и о планах дальнейшего развития. В частности, я отметил, что «многие реферативные издания в силу их комплексного характера представляют интерес и для ученых, работающих в области естествознания и техники… В сентябре-октябре сего года всем академикам направлены реферативные сборники “Политика в области науки в некоторых капиталистических странах Европы” и “Методологические проблемы развития науки”. До конца 1974 г. выйдут из печати еще несколько сборников, представляющих общеакадемический интерес»[1].

В конце доклада было сказано о существующих трудностях и о необходимости оказания Институту помощи. Прежде всего речь шла о приобретении различной электронной техники и об увеличении валютных средств на закупку зарубежной литературы. Без этого было сложно сократить сроки подготовки информационных изданий, сделать их более привлекательными.

Интересный вопрос был задан мне академиком А.Н. Несмеяновым. Он попросил обозначить принципы, которыми сотрудники Института руководствуются при отборе научной литературы для реферирования. Мой ответ, по-видимому, Александра Николаевича удовлетворил.

Прения открыл академик Б.А. Рыбаков, отметивший, что Институт проводит полезную работу. Информация, получаемая историками, хорошо продумана и охватывает целый комплекс больших исторических тем. «От имени наших историков, – сказал Борис Александрович, – я хотел бы вынести Институту благодарность»[2].

Интересным было выступление Р.А. Сергеева – руководителя группы советников Министра иностранных дел А.А. Громыко. Он отметил, что ИНИОН «находится в ряду тех академических институтов, которые помогают в работе Министерства иностранных дел… Полезными оказались подготовленные Институтом материалы по ФРГ, США и Японии, которые были получены МИДом накануне переговоров с Брандтом[3], Танакой и Никсоном, что придало им особую ценность. Было бы хорошо добавить к задачам Института ориентацию не только на центральный аппарат министерства, но и на посольства. Нам известно, что ряд советских посольств заинтересован в получении изданий Института»[1]. Сергеев выразил пожелание создать в Институте еще одну серию РЖ по проблемам теории и практики международных отношений.

---

[1] Архив РАН. Ф. 2. Оп. 6. Д. 1155. Л. 8.

[2] Там же. Л. 27–28.

[3] По-видимому, речь идет о В. Брандте (1913–1992), в 1969–1974 гг. – федеральном канцлере ФРГ. – *Прим. ред.*

Представитель высшей школы – проректор Института стран Азии и Африки при Московском университете профессор М.Ф. Юрьев – отметил, что издания Института научной информации используются в преподавательской и научной работе. Они особенно полезны востоковедам, испытывающим трудности в ознакомлении с новыми книгами по своей специальности[2].

Академик А.Л. Нарочницкий в своем выступлении поддержал позитивную характеристику, которая содержалась в проекте постановления Президиума АН СССР. Как председатель Научного совета по истории внешней политики СССР и внешних отношений, он, вслед за Р.А. Сергеевым, высказался за создание реферативного журнала специального характера по внешней политике СССР, отражающего важнейшую литературу, как отечественную, так и зарубежную, который оказал бы огромную помощь большому числу специалистов по современным международным вопросам[3].

Всего в прениях выступило восемь ученых. Завершил их академик П.Н. Федосеев, подчеркнувший, что работа Института научной информации «оказывает заметное хорошее воздействие на деятельность гуманитарных институтов и на кафедры общественных наук»[4]. Одновременно он высказал ряд критических замечаний, а также пожеланий. Прежде всего Петр Николаевич обратил внимание на необходимость повышения оперативности при подготовке и публикации информационных изданий. Он поддержал высказанные при обсуждении доклада пожелания о расширении проблематики, о более тщательном отборе книг для реферирования и совершенствовании самих рефератов, о необходимости автоматизации информационных процессов и т.д.

Подводя итоги обсуждения доклада, академик М.В. Келдыш сделал важное замечание: «Здесь высказывались точки зрения, что, скажем, религиозная, теологическая литература или антисоветская литература должны в какой-то мере отсеиваться, хотя, вообще говоря, мы должны знать и то, что направлено против нас»[1]. Институту следует найти линию, каким образом давать такую информацию. Мстислав Всеволодович пожелал Институту дальнейшего развития, дальнейших успехов, поддержал подготовленный проект постановления и поручил П.Н. Федосееву и докладчику его доработку с учетом прений.

---

[1] Там же. Л. 29–30.

[2] Архив РАН. Ф. 2. Оп. 6. Д. 1155. Л. 35.

[3] Там же. Л. 39.

[4] Там же. Л. 49.

Я, возможно, несколько злоупотребил цитированием участников прений, но сделал это сознательно: речь шла об оценке работы Института, и здесь следует быть точным. Обсуждение доклада оставило у меня и присутствующих на заседании сотрудников Института чувство удовлетворения. Поддержка Президиума АН СССР окрылила и способствовала открытию новых направлений в работе. Резонанс от обсуждения был широким и способствовал повышению спроса на издания Института.

Дирекция Института рассмотрела Постановление Президиума и составила план реализации содержащихся в нем поручений, определивших его развитие на ближайшие годы. Было принято решение приступить к публикации серии реферативных сборников под общим заглавием «Проблемы истории и теории международных отношений». Главным редактором этой серии дирекция утвердила Р.А. Сергеева. Одновременно он был избран членом ученого совета Института. В это время Ростислав Александрович перешел в МИДе на другую работу – стал заместителем заведующего отделом планирования дипломатических мероприятий. Сотрудничество с ИНИОН прямо соответствовало его служебным интересам. Он составил перспективный план публикаций в новой серии. Первые восемь сборников рефератов были подготовлены под руководством Сергеева. К этой работе он привлек многих выпускников МГИМО, работавших в МИДе. Сотрудники советских посольств, приезжавшие или возвращавшиеся в Москву, привозили с собой интересные книги по международным вопросам (американские, канадские, английские, французские и т.д.). Ростислав Сергеевич старался не пропустить возможность отразить эти свежие публикации в редактируемых им изданиях. Большой интерес у читателей вызвали сборники: «Внешнеполитические конфликты и политические кризисы» (в 2 ч.), 1979 г.; «Вопросы внешнеполитического прогнозирования», 1980 г.; «Вопросы теории и практики дипломатических переговоров в зарубежных исследованиях», 1981 г. и др.

---

[1] Архив РАН. Ф. 2. Оп. 6. Д. 1155. Л. 52.

В 1980 г. Р.А. Сергеев был назначен Чрезвычайным и Полномочным послом СССР в Мексике. Перед отъездом он рекомендовал в качестве главного редактора серии доктора экономических наук А.В. Сергиева, работавшего в одном с ним отделе МИДа, который активно включился в работу, руководствуясь ранее разработанным перспективным планом. В течение семи лет вышло еще 22 сборника. Среди них появились публикации по международным экономическим вопросам, отражавшие и научные интересы нового главного редактора. Последний сборник в этой серии «Критика буржуазной историографии основных направлений развития международных отношений (1945–1985)» Институт издал в 1987 г. Эти публикации пользовались широким читательским спросом.

Возрастающий интерес к деятельности ИНИОН позволил установить творческие связи между производителями информации и ее потребителями. В 1975–1977 гг. все серии реферативных журналов обсуждались во многих университетах и других вузах. Такие читательские конференции состоялись в Москве, Ленинграде, Казани, Новосибирске, Алма-Ате, Киеве, Минске, Баку, Ереване, Тбилиси, Ташкенте, Фрунзе и других городах. Они принесли несомненную пользу для каждой из сторон, позволили внести ряд полезных корректив в информационную деятельность Института, привлечь ученых вузов к информационной работе. В результате свыше 700 профессоров и преподавателей высшей школы стали выступать в качестве нештатных референтов ИНИОН.

Следует отметить, что коллегия Министерства высшего и среднего специального образования СССР в июле 1975 г. проанализировала результаты взаимодействия вузов с ИНИОН. В принятом решении указывалось, что подготавливаемые специально для вузов информационные материалы способствуют повышению теоретического уровня учебного процесса. Такая же оценка содержалась и в Рекомендациях, принятых Всесоюзным совещанием заведующих кафедрами общественных наук высших учебных заведений страны в сентябре 1976 г. <…>

В информационной деятельности Института была определена роль Фундаментальной библиотеки ИНИОН. Научная библиотека рассматривалась как часть общей системы информационного обеспечения науки. Ее важная задача – максимально облегчить поиск необходимой литературы. В читальных залах и кабинетах были сконцентрированы энциклопедии, справочники, статистические ежегодники, а также научная литература. Для читателей организовывались постоянные выставки новых поступлений литературы. Ежегодно научным учреждениям и читателям выдавалось более 30 тысяч справок. Научный работник мог заказать ксерокопию необходимого ему документа (статьи, статистические таблицы и т.д.). В библиотеке стали действовать межбиблиотечный, междугородный и международный абонементы, через которые удовлетворялись запросы читателей на литературу, отсутствующую в фондах ИНИОН. Читатели библиотеки и ее отделений пользовались также услугами индивидуального абонемента – могли брать книги на дом.

Институт располагал богатейшим фондом литературы. В книгохранилищах ИНИОН и его отделений в академических институтах Москвы в те годы находилось свыше десяти миллионов единиц печатной продукции (книг, брошюр, номеров журналов, газет и т.д.). Более половины этого фонда составляли зарубежные издания. Лучшей в стране являлась коллекция парламентских отчетов и сборников дипломатических документов. Издания Лиги Наций, ООН, МОТ, ЮНЕСКО и других международных организаций имелись в полном комплекте. Институт располагал хорошо подобранным фондом библиографических и справочных изданий.

С каждым годом интерес к деятельности ИНИОН, его информационным ресурсам возрастал не только среди научных работников и преподавателей общественных дисциплин в высших учебных заведениях Москвы, но и других научных центров страны. В читальных залах библиотеки ежегодно работало до 5 000 преподавателей, научных работников и аспирантов, приезжавших в Москву из различных городов. На основе информационных изданий и фондов библиотеки ИНИОН ими было написано много тысяч монографических исследований, а также кандидатских и докторских диссертаций по всем направлениям социального и гуманитарного знания.

В Институт привлекали не только новинки отечественной и зарубежной литературы, богатые научные фонды, многочисленные информационные издания, но и возможность встретиться с коллегами по научной работе. Для многих читателей Институт превратился в своеобразный клуб. Наличие уютных холлов способствовало обмену мнениями как по научным, так и по политическим вопросам (что особенно было характерно для 80-х годов). Нередко в малом конференц-зале по инициативе отделов Института проводились встречи с писателями, известными социологами, политологами, философами. Велись оживленные дискуссии.

Все это способствовало созданию в Институте творческой научной обстановки.

Развитие информационной работы потребовало от Института изменения методов и принципов отбора иностранной литературы. Институт начал комплектовать иностранную литературу по выпускавшимся за рубежом проспектам, анонсам, каталогам. Наряду с сотрудниками библиографического отдела в отборе книг для закупки принимали участие и научные работники реферативных подразделений.

Большое значение приобрел международный обмен научной литературой. ИНИОН установил постоянные контакты, связанные с обменом литературой, с 1557 различными организациями 66 государств. По этим каналам Институт получал в год более 24 тысяч книг и периодических изданий. Естественно, что это делалось на основе взаимности – соответствующее количество книг и журналов направлялось из ИНИОН в зарубежные страны. Наиболее крупными партнерами ИНИОН в Западной Европе в тот период стали Италия, Франция, Великобритания, ФРГ, Бельгия, Финляндия, Швеция и т.д.

Важно отметить, что Институт стал ежегодно получать для пополнения своих фондов официальные материалы (парламентские отчеты и статистические документы) от всех европейских социалистических стран, а также от Австрии, Дании, Италии, Норвегии, Финляндии, Франции, Швеции.

Особенно эффективные контакты сложились у ИНИОН с германской фирмой «Кубон и Загнер» в Мюнхене, которая специализировалась на обеспечении библиотек стран Западной Европы научной литературой, публикуемой в социалистических странах. В СССР ее главным партнером стал ИНИОН. С владельцем фирмы Отто Загнером познакомился вскоре после назначения на должность директора. Он производил впечатление делового и весьма доброжелательного человека. Мы быстро договорились о расширении контактов и заключили соответствующее соглашение. ИНИОН взял на себя обязательство выполнять заказы фирмы Загнера на советские научные книги, включая букинистические, а наш новый партнер – продажу изданий ИНИОН в странах Западной Европы и приобретение для библиотеки Института книг по социальным и гуманитарным наукам. <…>

Я лишь вкратце рассказал здесь о том, какие усилия были предприняты коллективом Института для создания информационной системы в области общественных наук и каких результатов нам удалось добиться за сравнительно короткие сроки. Развитие и формирование Института как крупнейшего не только в СССР, но и в мире информационного центра по общественным и гуманитарным наукам составляли на протяжении более четверти века основное содержание моей работы в качестве директора.

Деятельность Института привлекала внимание как отечественных, так и зарубежных ученых. За пять лет его посетили многие десятки различных делегаций. В 1974 г. дирекция завела «Книгу отзывов» для почетных гостей. В ней содержится более ста записей. Приведу лишь отдельные из них, показавшиеся мне наиболее характерными.

Одним из первых оставил свою запись академик В.А. Трапезников. Она содержит несколько слов, что характерно для представителя точных наук: «Очень интересный, нужный и перспективный Институт. Больших успехов всему коллективу!»

Директор Департамента научно-технической политики ЮНЕСКО Де Чемптин от имени Генерального директора написал: «Посещение Института произвело на меня глубокое впечатление. Здесь проводятся работы, вклад которых в дело мира и взаимопонимания между народами не замедлит сказаться в скором времени».

Впечатляющую запись оставил президент Международной ассоциации по экономической истории профессор П. Матеис: «Посетив Институт, я понял, что в мире это самый крупный и наилучшим образом организованный Институт информации по общественным наукам. Распространение научной информации создает общую основу сотрудничества со всеми странами…»

Весьма эмоциональна запись директора французского Института общественного мнения профессора Жана Стецеля: «К нашей многолетней дружбе с директором и основателем этого Института я присоединяю теперь чувство восхищения».

Листая «Книгу отзывов», я с гордостью читал многочисленные записи, вспоминал друзей, совместные работы в области информации, начало которым положило посещение зарубежными коллегами нашего Института. <…>

Автоматизация информационных процессов – веление времени

В середине 70-х годов одной из перспективных задач, стоявших перед ИНИОН, стала разработка концепции автоматизации информационных процессов и практическое ее осуществление.

Было очевидно, что повышение качества изданий на всех уровнях и координация усилий всех органов информации по общественным наукам должны в современных условиях сочетаться с подготовкой условий для применения автоматизированной системы обработки, хранения, поиска и выдачи информации. Совершенствование существующих и развитие новых форм информационного обслуживания становилось невозможным без широкого использования ЭВМ, средств связи и микроносителей информации. Это подтверждал уже накопленный отечественный и зарубежный опыт применения современных технических средств в крупных библиотеках и органах информации.

На основе этого опыта Институт в 1976 г. приступил к разработке концепции «Интегральной автоматизированной информационной системы ИНИОН» (ИАИС) и технического задания на автоматизированный выпуск информационных изданий Института. В условиях научно-технической революции автоматизация информационных процессов являлась непременным условием дальнейшего успешного развития науки. Автоматизация требовала высокой культуры работы всего коллектива, преодоления психологических барьеров, глубокого понимания стоящих задач. Первостепенное внимание было уделено подготовке и переподготовке кадров специалистов применительно к новым задачам. В Институте вступил в строй вычислительный центр, оборудованный современной техникой.

Весь комплекс работ, связанный с автоматизацией информационных процессов в Институте, возглавил опытный программист кандидат физико-математических наук В.Р. Хисамутдинов, рекомендованный мне академиком А.Н. Тихоновым, крупнейшим специалистом в этой области.

Новые технические средства позволяли Институту улучшить издание реферативных журналов и библиографических указателей, обеспечить выпуск информационных материалов на микрофишах. Все текущие ежемесячные аннотированные указатели литературы стали выпускаться в автоматизированном режиме. Ежегодный ввод документов в ИАИС составлял 200–220 тысяч. В тот период это считалось большим достижением. То, что сегодня очевидно, в 70-е годы рассматривалось как важная и сложная задача. Без ее решения был бы невозможен выход на нынешние информационные просторы.

Появление в 1977 г. первых микропроцессоров ознаменовало новый, очень важный этап развития информационной технологии.

Этот этап получил название «микропроцессорная революция». В настоящее время микропроцессоры – основные или составные компоненты всех производимых в мире ЭВМ и их периферийных устройств. Парк персональных компьютеров, используемых в науке, на производстве и в быту, во всем мире в описываемый период приближался к 20 млн. Современные персональные компьютеры имеют мощные операционные системы и дают возможность писать программы на всех языках программирования, доступных в больших ЭВМ. Использование в ИНИОН персональных компьютеров в информационной работе стало важнейшей задачей.

Персональные компьютеры впервые за всю историю человечества позволили резко повысить производительность труда гуманитариев. Это связано прежде всего с использованием программ, обеспечивающих удобную подготовку, редактирование, корректуру и хранение любых текстов с возможностью их вывода через печатающие устройства при качестве, не уступающем хорошим машинописным оригиналам. А при условии вывода этой информации через устройства электронного фотонабора – на уроне самых высоких полиграфических требований.

В марте 1978 г. на годичном Общем собрании Академии наук СССР было решено продемонстрировать из Дома ученых доступ по телефонному каналу связи в автоматизированную базу данных ИНИОН. Этот эксперимент оказался удачным. Он вызвал большой интерес у ученых. Поиск велся по задаваемым вопросам, и тут же делалась бумажная распечатка полученной информации о книгах и статьях. С работой автоматизированной системы познакомились президент Академии А.П. Александров и другие участники Общего собрания. Вице-президент Академии А.В. Сидоренко сделал запрос о литературе, касающейся нефтяных разработок на Среднем и Ближнем Востоке. Запрос был не совсем по профилю Института, но тем не менее в базе данных оказалось 11 соответствующих книг. Александр Васильевич заинтересовался одной из них на английском языке и попросил срочно прислать ее для ознакомления. Это была первая в Академии наук такого рода демонстрация.

В дальнейшем в автоматизированной сети ИНИОН было зарегистрировано 96 организаций-пользователей, а число выданных паролей для вхождения в базы данных достигло 120. Автоматизированные базы данных ИНИОН привлекли внимание информационных центров зарубежных стран, что способствовало дальнейшему развитию международного информационного сотрудничества. К 1990 г. в 13 базах данных ИНИОН насчитывалось уже около одного миллиона библиографических записей. Особой популярностью пользовалась база данных по экономике.

В новых условиях большое значение имела доступность каналов связи для передачи данных и изображений, широкое распространение персональных компьютеров, оснащенных средствами сопряжения с информационными сетями через телефонные каналы связи. Без этого нельзя было обеспечить качественное совершенствование деятельности информационных центров, их международной кооперации, образования информационных сетей. Развитие информационных центров на базе новейших информационной техники и технологии становилось одним из важнейших факторов научно-технического и социального прогресса.

Задачи создания многоаспектной информационной системы ИНИОН, автоматизированной обработки и выдачи информации, многие другие проблемы, поставленные в моем докладе на ученом совете ИНИОН при вступлении в должность директора Института в марте 1972 г., были успешно выполнены и фактически сделано гораздо больше, чем первоначально планировалось. Не раз мне приходилось принимать новые решения, подсказываемые уже накопленным опытом информационной работы.

Весьма полезным было ознакомление с зарубежным опытом в данной области. В этих целях я специально выезжал во Францию и США, где посетил многие информационные центры, в которых прежде всего изучал передовые методы автоматизации информационных процессов. Широко использовал зарубежный опыт главный конструктор АИС В.Р. Хисамутдинов. Я всячески поощрял его стремление к поддержанию институтской ИАИС на мировом уровне.

На этих страницах не ставилась задача описать всю историю становления ИНИОН, его роль в развитии социального и гуманитарного знания, в организации многочисленных конференций, симпозиумов, летних школ и осуществления различных проектов. По этим вопросам имеются многочисленные публикации, как мои, так и других авторов, посвященные ИНИОН и общим проблемам информационной деятельности, включая компьютеризацию информационных процессов.

Координация информационной деятельности – одна из основных задач Института

ИНИОН был создан не просто как еще один из академических институтов: на него был возложен целый ряд дополнительных функций, выходящих за рамки Академии наук СССР. В их числе: координация и обобщение опыта научно-информационной деятельности в области общественных наук в стране; проверка заказов зарубежной литературы различными ведомствами через «Международную книгу»; депонирование неопубликованных работ по общественным наукам и выдача их копий.

К выполнению этих задач, особенно первой, Институт сразу приступить не мог. Следовало сначала накопить опыт информационной деятельности, разработать концепцию всесоюзной информационной системы и, наконец, что очень важно, завоевать авторитет внутри страны.

Такие условия стали складываться после развертывания деятельности Института в новом здании. Уже в декабре 1974 г. Институт провел Всесоюзное совещание с повесткой дня: «Актуальные проблемы развития и координации информационной работы в области общественных наук». Совещание было весьма представительным по составу участников и полезным по его результатам. На нем обсуждался широкий круг вопросов, охватывавших все стороны развития информационной работы на различных ее уровнях.

Принятые совещанием рекомендации были разосланы всем его участникам. Руководствуясь ими, ИНИОН разработал «Типовое положение об отделе научной информации по общественным наукам при Президиуме Академии наук союзной республики» – республиканском Центре научной информации по общественным наукам.

В ноябре 1975 г. в Ереване состоялось второе совещание представителей информационных центров академий наук союзных республик. В нем приняли участие представители всех республик и отдельных отраслевых центров информации. Большую работу по подготовке совещания осуществил заместитель директора ИНИОН Л.С. Кюзаджян.

В моем докладе «Всесоюзная система информации по общественным наукам» были подведены первые итоги работы, осуществленной после московского совещания, и отмечено, что ИНИОН, опираясь на отраслевые и региональные информационные органы, информационные подразделения отдельных ведомств и учреждений, уже осуществляет сбор, обработку, хранение и распространение информации по основным направлениям общественных наук.

Главными опорными звеньями создаваемой информационной системы в союзных республиках, отмечалось в докладе, должны были стать республиканские центры научной информации по общественным наукам. В РСФСР соответствующие информационные органы регионального характера планировалось прежде всего создать в Ленинграде, Ростове-на-Дону, Казани, Свердловске, Новосибирске, Иркутске, Владивостоке, а также в некоторых городах, где действуют филиалы АН СССР и ее Сибирского отделения.

Речь шла о формировании системы органов информации, имеющей в своем составе 30–35 учреждений. Такая организационно взаимосвязанная система была способна на должном уровне обеспечить потребности в информации всех обществоведов. Она представлялась нам оптимальной. Я исходил из того, что все информационные функции органов научной информации следует строго разграничить. И прежде всего это относится к информационным изданиям, где дублирование особенно неоправданно, связано с крупными материальными потерями. Каждый орган информации должен иметь свой «участок» и делать то, что он способен делать лучше, чем другие.

Наши усилия по координации информационной работы в области общественных наук преследовали цель усиления сотрудничества между органами информации, расширения выпуска совместных с ними информационных изданий. Ведущаяся по единому плану и по единой методике информационная работа облегчила в дальнейшем решение в республиках проблем автоматизации информационных процессов.

В ходе дальнейших координационных совещаний, которые были весьма полезны, стало ясно, что их участники рассматривают ИНИОН как центральный орган научной информации по общественным наукам и готовы принять его руководство, рассчитывают на помощь, на совместное развитие информационной деятельности. <…>

Моя работа в должности директора подходит к концу

В начале 1995 г. Президиум РАН принял постановление об объявлении конкурса во всех институтах, где пятилетний срок работы директоров истек. В ИНИОН конкурс был объявлен в апреле.

Через два месяца коллективу научных работников Института предстояло избрать нового директора. Если конкурс по какой-либо причине не мог состояться, Президиум РАН вправе был назначить меня исполняющим обязанности директора еще на два года. Состоится конкурс или нет, во многом зависело от моей позиции – коллектив Института не хотел смены директора, меня уговаривали остаться еще на два года. В случае моего согласия, заверяли меня научные сотрудники, на собрании они будут голосовать против любого кандидата, подавшего заявление на конкурс. Я колебался: с одной стороны, мне хотелось сосредоточиться на научной работе, а с другой – в тот момент не видел достойного кандидата на должность директора.

Во время очередной встречи с Юрием Сергеевичем Осиповым он дал понять, что хотел бы видеть меня в должности директора еще два года. Я поблагодарил, но ответил, что не принял еще для себя окончательного решения. Вскоре я уехал в санаторий «Барвиха». Там встретился с академиками Н.Г. Басовым, Г.И. Марчуком и К.В. Фроловым. Во время разговора о предстоящем конкурсе они стали мотивированно уговаривать меня, если возникнет возможность, обязательно остаться директором еще на два года. Сказали, что в Академии это происходит довольно часто. Приведенные аргументы были убедительными, и я принял решение последовать их совету. <…>

Получилось так, что дополнительно в должности директора я проработал два с половиной года. Это позволило продолжить развитие начатых при мне новых направлений в информационной деятельности. Кроме того, что очень важно, я, наконец, увидел в составе научных сотрудников возможного моего преемника на посту директора Института. Свой выбор остановил на Юрии Сергеевиче Пивоварове – заведующем отделом государства и права, заканчивавшем подготовку докторской диссертации, которую он успешно защитил в конце 1996 г. За 20 лет работы в Институте он проявил себя как талантливый научный работник, обладающий широкими знаниями в области отечественной и зарубежной истории, а также политологии. В коллективе Института Юрий Сергеевич пользовался устойчивым авторитетом. Он был в расцвете сил – ему исполнилось только 46 лет.

В конце 1996 г. в связи с 75-летием со дня рождения я был награжден орденом «За заслуги перед Отечеством» IV степени. Судя по номеру ордена, он вручался нечасто. Это была действительно высокая награда. Через несколько месяцев – 15 февраля

1997 г. – исполнилось 25 лет со дня моего вступления в должность директора. Это был своеобразный юбилей, и я решил объединить и отметить оба события. Был отпечатан специальный билет, в котором я приглашал коллег и друзей 20 февраля в период с 12 до 17 часов приехать в Институт для товарищеской встречи. Первыми, начиная с 11 часов, начали меня поздравлять представители отделов Института. Позвонил по «вертушке» Юрий Сергеевич Осипов, отметивший, что не часто ученые столько лет успешно возглавляют академические институты.

Гости заходили в кабинет и по одному, и по двое, и целыми группами. За порядком наблюдала моя бессменная помощница Валентина Васильевна Савина. Она же «организовала» и красивый стол. Всех фотографировали. Среди гостей были многие члены Отделения истории, директора институтов, входивших в другие отделения, вице-президент РАН В.Н. Кудрявцев, сотрудники аппарата Президиума РАН, мои товарищи по Институту международных отношений С.К. Романовский, Г.И. Морозов, Ю.В. Зотиков, Г.П. Куропятник и многие другие. Пришли мои сыновья Андрей и Алексей. Марианна испекла очень вкусные пирожки, но сказала, что поздравлять меня будет дома. Произносили тосты. С каждым я чокался и пригубливал «коньяк» (на самом деле это был крепкий чай). Количество подаренных букетов непрерывно росло, и скоро кабинет стал выглядеть как цветочная лавка.

Вечером в кабинете собрались члены дирекции Института и сотрудники, помогавшие в организации моего праздника. Удивительно, но я не чувствовал себя уставшим. Поблагодарил всех за поздравления и помощь и впервые за этот день выпил рюмку настоящего коньяка. <…>

В мае Российская академия наук готовилась к проведению очередных выборов действительных членов и членов-корреспондентов. Особенность данных выборов состояла в том, что часть вакансий предназначалась для ученых не старше 55 лет. Это повышало шансы быть избранными для молодых ученых. В ИНИОН ученый совет выдвинул Ю.С. Пивоварова для избрания членом-корреспондентом РАН по Отделению истории на вакансию «отечественная история». Выборы в отделениях проходили в конце мая. Юрий Сергеевич был избран кандидатом в члены-корреспонденты в отделении и 30 мая утвержден на Общем собрании. Это явилось большим событием в его жизни, но было очень важно и для меня – теперь я не сомневался, что на предстоящем конкурсе с его избранием на должность директора ИНИОН не возникнет никаких трудностей. Кроме того, очень важно, что Институт будет возглавлять член Академии.

Мой дополнительный двухгодичный срок работы на посту директора Института заканчивался 28 июня 1997 г., и я был готов сложить с себя эти полномочия. В период июля-августа конкурс не проводился. Следовательно, его могли объявить только позднее. В сентябре я был приглашен во Францию профессором Морисом Эмаром для научной работы. После моего возвращения Ю.С. Пивоваров был назначен заместителем директора Института. Я считал целесообразным, чтобы Юрий Сергеевич несколько месяцев проработал в этой должности, вплотную ознакомился с деятельностью дирекции. Именно поэтому я попросил академика В.Н. Кудрявцева отложить объявление конкурса до декабря. «Переходный период» от заместителя до директора Института, хотя и был коротким, оказался для Пивоварова полезным. Заявлений об участии в конкурсе от других ученых не поступило. Ю.С. Пивоваров был избран собранием научных сотрудников директором ИНИОН почти единогласно. Это произошло 24 февраля 1998 г.

Никакой ностальгии по оставленной должности директора я не испытывал. Между Юрием Сергеевичем и мной сложились отношения полного взаимопонимания. В текущие дела я, разумеется, не вмешивался, но когда требовались мой совет или помощь, Юрий Сергеевич ко мне обращался, мы вместе обсуждали сложившуюся ситуацию или действия, которые следует предпринять. Я рекомендовал ему оставить Валентину Васильевну Савину в качестве помощника директора, за что он меня потом неоднократно благодарил. Отношение ко мне в коллективе не изменилось. Я всегда во всех вопросах продолжаю находить взаимопонимание, а в случае необходимости и помощь. <…>

Все человеческие потери перечислить на страницах воспоминаний невозможно, но не могу не сказать доброе слово о тех коллегах, с которыми особенно тесно сотрудничал, создавал Институт, делил и радости и горечи.

Более четверти века проработал с Леонидом Константиновичем Шкаренковым. Он был одним из тех сотрудников, на которых я опирался в создании системы информационных изданий. Опыт Леонида Константиновича в области научной журналистики и издательской деятельности был исключительно весом.

Меня и Леонида Константиновича сближало многое, в том числе и переплетение дат и событий автобиографического характера: мы родились в 1921 г.; оба в 1936 г. вступили в комсомол;

в 1939 г. закончили десятилетку и были призваны на действительную военную службу в Красную Армию. В 1940 г. я участвовал в освободительном походе Красной Армии в Бессарабию, а Леонид Константинович находился в войсках, введенных в Прибалтику. Боевое участие в Великой Отечественной войне мы приняли 22 июня 1941 г.; в 1942 г. вступили в партию; оба, несмотря на ранения, остались живы. Нам повезло – большинство наших сверстников, призванных в армию в 1939 г., погибли.

Большие знания, широта взглядов Леонида Константиновича привлекали многих. Я не раз обсуждал с ним самые острые вопросы, связанные с политической и экономической ситуацией в стране и в период горбачевской перестройки и после прихода к власти Б.Н. Ельцина.

В 1990 г. ушел из жизни профессор Николай Никанорович Разумович. Это была тяжелая, трудно восполнимая утрата. Он начал работать в Институте в 1976 г. уже будучи зрелым ученым и много сделал для развития правового и политологического направлений в информационной деятельности, внес свежую струю в работу ученого совета, большое внимание уделял научному росту молодых научных сотрудников. С его именем связано дальнейшее развитие международных научных связей Института. В коллективе Николая Никаноровича уважали, считались с его мнением. Он был очень интересным, вдумчивым собеседником.

В 1999 г. не стало Вильяма Ризатдиновича Хисамутдинова – главного конструктора АИС ИНИОН. Им было очень много сделано для автоматизации информационных процессов в Институте и в центрах информации академий наук союзных республик. Академик А.Н. Тихонов, рекомендуя его на работу в Институт, назвал «звездой первой величины» в вопросах автоматизации. Рекомендацию академика он вполне оправдал, работал самоотверженно и очень эффективно. Уход Вильяма Ризатдиновича из жизни был неожиданным, я его тяжело переживал. Трудно провожать в последний путь человека, с которым связано столько лет совместной работы в Институте, поиски и интересные решения, воплощение в жизнь многих пионерских начинаний в области автоматизации.

В 2001 г. не стало Вадима Александровича Глинского, проработавшего в Институте более 30 лет. Он был крупным специалистом в области каталогизации, очень энергичным человеком, всегда жившим интересами всего коллектива. Им было много сделано в период освоения нового здания Института. Вадим Александрович всегда был безотказен в работе, принимал активное участие в общественной жизни. Его знали, уважали, любили.

В начале 2004 г. внезапно скончался профессор Федор Михайлович Березин, с 1972 г. возглавлявший в Институте отдел языкознания. Он был человек с тяжелой судьбой – его жизнь можно назвать подвигом. В школьные годы в результате несчастного случая он потерял ноги. Эта трагедия не сломила его, он успешно окончил школу и нашел силы уехать в Москву учиться. Федор Михайлович никогда не говорил о своей инвалидности. Шли годы, и он стал доктором филологических наук, известным лингвистом, пользующимся большим уважением среди российских и зарубежных коллег. Публикуемые его отделом информационные издания всегда пользовались большим спросом, широко использовались в учебном процессе в средней и высшей школе. Федор Михайлович навсегда останется в нашей памяти не только как крупный ученый, но и как очень добрый, приятный человек и верный друг.

С именем Лидии Александровны Богдановой в Институте связано очень много. Она была до конца предана библиотечному делу, которому служила почти 50 лет. В ее обязанности входила организация работы двух читальных залов и пяти читательских кабинетов, абонементной службы. При ее активном участии в Институте было проведено более 200 выставок отечественной литературы и многочисленные целевые выставки зарубежных книг. Их значение было очень велико – они открывали многим читателям целые пласты неизвестной ранее литературы по социально-экономическим и гуманитарным проблемам. Читатели знали и уважали Лидию Александровну, обращались к ней с множеством вопросов и всегда находили отклик, получали совет или помощь. Ее характерной чертой была высокая ответственность в работе. Вникая во все тонкости библиотечного дела, она действовала быстро, но без суматохи, всегда сохраняла спокойствие и достоинство.

В памяти всех сотрудников ИНИОН Лидия Александровна останется как человек, безгранично преданный любимому делу. Я ее звал «хозяйкой третьего этажа». Трудно до конца осознать размеры утраты. После ее ухода из жизни третий этаж осиротел.

В истории ИНИОН навсегда сохранятся имена М.П. Гапочки, Г.Г. Кричевского, В.П. Казакевича, И.А. Калоевой, С.К. Виленской и многих других сотрудников, заслуживших своим трудом всеобщее уважение.

С.И. Кузнецова

ИЗ ИСТОРИИ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ В ФБОН – ИНИОН

Кузнецова Софья Иосифовна (1 января 1923, Витебск – 28 октября 2010, Москва). Окончила исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова (1949). Доктор исторических наук (1972). Специалист в области востоковедения и африканистики. Работала в ФБОН – ИНИОН в 1954–2010 гг. В 1970–1988 гг. заведовала отделом стран Азии и Африки. В 1988–2010 гг. – главный научный сотрудник отдела Азии и Африки. В 1972–2010 гг. – главный редактор серии «Востоковедение и африканистика» реферативного журнала «Социальные и гуманитарные науки. Зарубежная литература».

Когда я пришла в 1954 г. работать в ФБОН, директором был Виктор Иванович Шунков – гибкий, умный человек, настоящий русский сибирский интеллигент. Он заложил основы нынешнего коллектива ИНИОН.

Поступив в ФБОН, я вскоре стала заведующей сектором востоковедения, причем вовсе не потому, что к этому стремилась. Просто умер прежний заведующий, пожилой и вполне традиционный человек. До этого у меня был только опыт преподавательской работы.

Защитив кандидатскую диссертацию в МГУ в 1950 г., я даже не пыталась остаться в Москве – это называлось «устроиться». Я не обладала такими возможностями и знакомствами. В МГУ после аспирантуры нас распределяли: вызывали на комиссию и предлагали вакансии. Мне предложили несколько городов, в том числе Баку.

И вот я четыре года прожила в Баку, преподавала в Азербайджанском государственном университете. От того, чтобы остаться в Баку на всю жизнь, меня спасло то, что там закрыли русское отделение, состав которого был интернациональным. После этого я на законном основании вернулась в Москву.

Нам следует помнить, что национализм возник не в 1991 г. Сейчас в этом отношении все стало резко меняться, но, например, в Азербайджане это началось еще при Гейдаре Алиеве. Тогда было строгое деление: ректор – азербайджанец, проректор – армянин или еврей, чаще армянин. Так, А.А. Арзуманян, первый директор ИМЭМО, был у нас проректором. В Баку в то время была большая армянская диаспора.

Национализм начался в СССР после 1924 г. вместе с размежеванием республик и приоритетом так называемых «титульных» наций. И по мере того как с помощью русских ученых постепенно выращивали национальные кадры, они становились начальниками, а дальше все зависело от личных качеств, понимали ли эти люди необходимость интернационального коллектива или начинали вытеснять инонационалов.

Так сложилось, что в ФБОН оказалось много людей, которые или не хотели, или по каким-то своим анкетным данным не могли «пробиваться» в более престижные институты. Так создался коллектив ученых – не библиотекарей, а действительно ученых. Мы были тогда молодыми, и я помню, что у нас в секторе даже висел лозунг: «В библиотеке надо быть человеком, а не библиотечной крысой».

В большой степени это относилось к востоковедению. Тогда еще важность взаимоотношений с Китаем, с Востоком в целом как-то не очень понималась в верхах. И вот в секторе востоковедения, который был тогда библиографическим, сложился коллектив из очень талантливых в научном плане людей. В том числе у нас работали будущие доктора наук, крупные специалисты, например, по Китаю – Виталий Рубин, по Индии – Клара Ашрафян.

Как-то в конце 1955 г. в ФБОН пришел профессор И.М. Рейснер из университета[1]. Он был из плеяды знаменитостей Московского университета. Очень интересный яркий человек, брат Ларисы Рейснер. Он хорошо и увлекательно читал лекции по Индии, на которые все с удовольствием ходили. И вот именно он попросил меня взять на работу своего молодого ученика, который работал «где-то корректором» (или что-то в этом духе). В общем, не по специальности. Разве можно было не взять того, за кого просил сам Рейснер?

---

[1] Рейснер Игорь Михайлович (1898/99–1958) – д-р ист. наук, профессор, один из основоположников отечественной индологии и афганистики. – *Прим. ред.*

Это был Леня (позже – Леонид Абрамович) Гордон, известный в будущем социолог[1]. Его очень ценили в ИМЭМО, где он работал последнее время. Он был одним из нескольких ведущих социологов, которые занимались у нас рабочим классом. Начал с бомбейского пролетариата, а потом стал одним из организаторов знаменитых обследований по Таганрогу и многое сделал для развития советской социологии.

Каков был состав сотрудников ФБОН? Когда я пришла в ФБОН, в ней были библиографические секторы по всем направлениям. Это наталкивало на мысль о том, что будущий институт может стать таким сосредоточием реферативной работы по многим направлениям. ФБОН при В.И. Шункове была единственной возможностью быть «при науке» для тех, кто не сумел попасть в профильные институты АН.

Шункову предложения нашего сектора об изменении библиографической работы (написание аннотаций, разметка статей в журналах для аннотаций, объединение в один бюллетень иностранной и русскоязычной литературы) понравились, хотя у других секторов на ученом совете были возражения. Такая активность востоковедов объясняется тем, что в нашей области всегда можно было более свободно высказываться. Ведь одно дело – высказать нестандартную «крамольную» мысль по истории России, а другое – сделать это в востоковедческой работе. Можно было многое написать, ссылаясь на специфику Востока, а потом «присадить» для прикрытия какую-нибудь марксистскую цитату…

Вообще, многие из востоковедов уходили в более широкую, а не чисто востоковедческую проблематику. Каковы были для этого предпосылки? Востоковедение – наука комплексная. Можно специализироваться по какой-то узкой тематике, по одной стране, но всегда была традиция комплексного изучения стран Востока. Поэтому здесь переходы в сферу более широких размышлений были более органичны, чем, допустим, для филолога стать историком. Это сказывалось и в востоковедческом образовании. Нас обучали в большом объеме экономическим реалиям, культуре, религии – все это у нас преподавалось, хотя в довоенном востоковедении, наверное, более четко соблюдались грани. В 1960-е годы атмосфера стала более свободной и такие переходы были не столько часты, сколько осуществимы. Так, Л. Гордон, будучи учеником востоковеда

---

[1] Гордон Леонид Абрамович (1930–2001) – д-р ист. наук, в 1955–1961 гг. работал в секторе востоковедения ФБОН. – *Прим. ред.*

Рейснера, стал писать по проблемам рабочего класса. Для него в научном отношении это был радикальный переход. Заниматься рабочим классом Индии, не проводя обследования в стране, – это ведь не настоящая социология. Именно подобная ситуация привела его постепенно к уходу из востоковедения в социологию.

В научном плане у нас в секторе общение строилось по принципу: я вычитал то-то у того-то, и по этому поводу у меня другое мнение; тут же высказывались дополнительные взгляды. Представьте себе, ты сидишь в читальном зале в рабочее время, читаешь зарубежную литературу и вольно или невольно обдумываешь ее. Многое было вычитано из западной литературы и обсуждено в нашем коллективе.

Тогда ходили на работу каждый день и работали «от» и «до». Даже бросали какую-то жестянку в ящик, когда приходили. Поэтому было время не только работать, но и общаться. В нашем отделе это были не «бабские разговоры» про шляпки и прочее, а дискуссии о судьбах науки. Были разговоры и о будущем нашей Библиотеки, в том числе и об использовании опыта ВИНИТИ, который к тому времени уже существовал. ВИНИТИ ведь возник оттого, что наши власти решили, что нам нельзя отставать в области технических наук, чтобы люди знали над чем работают на Западе и могли почерпнуть эти знания. А мы решили, что общественные науки тоже очень важны.

Помню, Леня Гордон как-то сказал: «Смотрите, какой у нас здесь коллектив и как нам здесь хорошо. Так вместо того, чтобы пытаться бежать в институты, давайте здесь создадим Институт». Он подал идею, а я понесла эту идею Виктору Ивановичу. Он без большого энтузиазма сказал, что, очевидно, это возможно, я мешать не буду, но и особенной помощи от меня не ждите. Но ведь главное – чтобы начальство не мешало. Это важная функция начальства – не мешать, а Шунков был достаточно умен для этого. Кроме того, он в это время уже был сильно болен. В 1967 г. он умер.

Несколько лет мы вместе с Софьей Константиновной Виленской и Клавдией Павловной Алексеевой вели предварительную работу по методическому обоснованию идеи института. Мне пришлось отложить свою докторскую защиту, потому что я писала огромное количество всех этих, как теперь понятно, псевдометодических обоснований. Они выглядели тем не менее очень солидно. Когда все это кончилось, я весь архив с наслаждением вынесла на помойку. Собралось много-много папок. Я писала общие бумаги, С.К. Виленская – методические обоснования применительно к работе Библиотеки. После смерти Виктора Ивановича Шункова нас стала организационно поддерживать и Инесса Александровна Ходош, которая тогда была и.о. директора.

Я писала в бесконечных «обоснованиях», что создание предлагаемого нами научного центра даст возможность выпуска реферативных журналов по различным общественным дисциплинам. Мы сразу ставили так вопрос и даже силами сектора выпустили пробный реферативный журнал по Индии[1].

В это время ВИНИТИ уже выпускал журналы, но там были небольшие аннотации, а у нас речь шла о настоящих рефератах. Мы доказывали, что по общественным наукам нужно обязательно писать развернутые рефераты.

Идея была благородная. По опыту своей работы в Баку я хорошо знала про отсутствие новейшей научной литературы на периферии. Баку вроде бы большой город, столица Азербайджана, но нужной, особенно иностранной научной литературы все равно не было. На территории Советского Союза это было проблемой. Все, что получали из-за рубежа, существовало всего в двух-трех экземплярах: что-то оседало во Всесоюзной библиотеке им. Ленина, что-то в ФБОН – вот и все.

В самой идее рефератов не было ничего нового, новое состояло в том, что они должны быть такими развернутыми. Мы хотели делать такие рефераты, чтобы они могли заменить людям книгу, и не надо было бы тратить свой отпуск на то, чтобы ехать в Москву и там что-то срочно «начитывать».

Как на периферии преподаватели читали лекции? Брали брошюрки Высшей партийной школы и по ним готовились. Они же не были виноваты, что отсутствовала литература. А мы хотели дать им представление о первоисточниках. Чтобы заменить книгу, в реферате должны быть развернутые цитаты, которые преподаватель мог бы воспроизвести. Многие защитили диссертации, списывая с наших рефератов и не ссылаясь на нас. Ссылаться было необходимо, ведь именно так и было задумано – дать людям замену первоисточника. Тогда ведь Интернета не было, получали два комплекта журналов на всю страну. Настоящие труды по научным проблемам, когда требуется знать широкий круг научной литературы, могли писать только люди, которые выезжали за границу и могли купить там что-то или посидеть в библиотеке. Для простых смертных, тем более не в Москве, а даже и в Ленинграде, это было невозможно. Поэтому идея была такой – «понесем свет науки в массы», заменим первоисточники для всей армии советских ученых. И то, что ФБОН имел отделы по всем наукам, должно было способствовать такому эффекту. Ведь, в общем-то, общественные науки нуждаются в комплексности.

---

[1] Индия: реферативный журнал / ФБОН АН СССР, Институт народов Азии АН СССР. – Москва, 1961. – 240 с.

Идея наша была также и в том, что в будущем институте соберется особый коллектив, объединяющий подлинных ученых. И первые годы, пока у нас были деньги, действительно к нам приходили специалисты из разных институтов и за сравнительно небольшой гонорар, а больше из-за того, что мы давали им оттиск статьи или книгу, которые они иначе увидели бы не раньше чем через год, писали нам рефераты. В реферировании принимали участие видные специалисты. Так что для того времени идея была очень хорошая. Я понимаю значение новых СМИ, но дело в том, что должно смениться, наверное, два-три поколения, чтобы все научились не просто «рыскать» по Интернету, а действительно получать необходимую информацию по интересующей человека тематике и, самое главное, находить там новые идеи.

Итак, восемь лет я писала бесконечные обоснования о необходимости создания научного центра. Это был очень долгий бюрократический процесс. Все надо было согласовывать не в Президиуме АН СССР, а получить разрешение ЦК. Информация была идеологическим делом!

Пока шли эти бесконечные согласования, даже я при моей нелюбви к общению с сильными мира сего неоднократно ездила в ЦК к разным начальникам. Как только я собиралась ехать на Старую площадь, все в секторе снабжали меня финансами. Там ведь буфет был роскошный и дешевый. С едой тогда было плохо, главное, что и достать ничего было нельзя. А буфетчицы были очень рады появлению таких, как я. Они все понимали, потому что сами жили в городе. Заевшиеся цековские начальники брали еду в буфете по малости, поэтому я своими покупками помогала выполнить этим буфетчицам план.

Потом мы обращались и к академикам, которые могли своим весом поддержать нас в Президиуме, потому что там тоже надо было все доказывать.

В общем, это был долгий процесс. К моменту его завершения возникла проблема. Определяясь с выбором будущего директора института, мы остановились на Льве Петровиче Делюсине. Мы хотели, чтобы его назначили нашим директором. Этот выбор был нашим низовым решением – поехали к нему и предложили. Ведь, я повторяю, институт задумывался как своего рода маяк для провинции и вообще для обществоведов. Делюсин для этого очень подходил. Он был известным ученым-китаистом и одновременно работником партаппарата либеральной ориентации. Если бы он остался в Институте, он стал бы членом-корреспондентом и, возможно, академиком. Но он оказался слишком свободомыслящим для начальства, которое победило в Президиуме АН. Я не помню, сколько он у нас пробыл директором, примерно год[1]. За это время он привел в Институт много интересных людей. Для нас было особенно важно, что пришли новые китаисты.

Тогда вице-президентом Академии наук был А.М. Румянцев. В то время в Праге издавался журнал, считавшийся рассадником свободомыслия, – «Проблемы мира и социализма»[2]. В нем печатались статьи, которые в газете «Правда» не прошли бы. Румянцев одно время был там то ли куратором, то ли редактором этого журнала и знал Делюсина по этому пражскому неортодоксальному изданию. Так вот, Делюсин считал, что и мы должны были внушать ЦК, правительству прогрессивные мысли под видом обзоров зарубежной литературы. Первое, что он сделал, это попросил каждый сектор написать обзор литературы по какой-либо общей проблеме. Потом, я помню, наш текст он принял, что было неудивительно, поскольку мы давно этим занимались, а другие сам переписал. Он был широко образованным человеком, но, к сожалению, не прижился в «верхах» ЦК и АН, тогда как для Института, конечно, было важно, чтобы во главе его стоял человек, который может обеспечить покровительство «верхов», и, главное, нужно было достраивать наше здание, которое в то время представляло собой типичный советский долгострой.

Тогда и пришел наш многолетний директор В.А. Виноградов, с именем которого теперь во многом связывают создание Института. Он сделал очень многое и прежде всего сохранил квалифицированные кадры прошлых лет.

Когда он увидел, как мы ютимся на ул. Фрунзе, где район чудесный и здание у нас красивое, хоть и очень тесное, он сумел добиться денег для того, чтобы достроить наше здание в районе станции метро «Профсоюзная». Он все это сдвинул, и строительство пошло намного быстрее. Благодаря Виноградову ФБОН окончательно превратился в ИНИОН.

---

[1] Делюсин Лев Петрович – д-р ист. наук, директор ИНИБОН в 1970–1972 гг. – *Прим. ред.*

[2] «Проблемы мира и социализма» – ежемесячный теоретический и информационный журнал коммунистических и рабочих партий, выходил в Праге в 1958–1990 гг. – *Прим. ред.*

При нем мы переехали в новое здание, вышли первые три наших реферативных журнала – «Научный коммунизм», «Экономика», «Востоковедение и африканистика». Владимир Алексеевич сказал, что для того, чтобы оправдать получение денег, надо показать результат. К этому моменту были готовы востоковеды, экономисты и сектор научного коммунизма. Поэтому макеты первых трех журналов были изданы, и мы поехали их обсуждать, конечно же, в Ленинград. При всем том, что Москва – столица, мы всегда оглядывались на Ленинград, на ленинградских ученых. В Ленинграде было объединенное заседание представителей Ленинградского университета и Ленинградского филиала Академии наук. Все были безумно счастливы, что, наконец, мы будем знать, о чем пишут за рубежом. Тогда еще никто не мог представить, что наступит время Интернета.

Несмотря на то, что главной нашей задачей было освещение происходящего за рубежом, мы должны были представлять в наших журналах и советскую науку. Поэтому начали издавать и зарубежную, и советскую серии.

При организации Института к нам пришло много людей широко подготовленных и свободно мыслящих. Все это было связано с ситуацией в стране. Задумывалось, что ИНИОН станет сосредоточием творческой мысли. Этот счастливый период продолжался так же, как и в стране в целом: это были 1960-е годы, «оттепель». Такой была «весна», начало ИНИОН.

Р.Р. Мдивани

40 ЛЕТ РАБОТЫ В ИНИОН

Мдивани Роберт Робертович (30 июля 1933, Тбилиси – 4 января 2019, Москва). Окончил филологический факультет Тбилисского государственного университета (1956). Кандидат филологических наук (1966). Специалист в области информатики, прикладной лингвистики и библиографоведения. В ИНИОН с 1970 г. Ведущий научный сотрудник отдела электронных информационных технологий Центра информатизации, руководитель группы разработки и ведения тезаурусов.

> *Просто делайте то, что любите,*
> *а что будет потом – никому не ведомо.*
> Линч Д. Поймать большую рыбу

Я пишу о событиях моей долгой жизни в Институте так, как они отложились в памяти. Рассказ одного человека не может не быть субъективным. Поэтому я прошу прощения у тех, чье мнение не совпадает с моим.

Моя работа в ИНИОН началась в 1970 г. и связана с развитием системы информации по общественным наукам. Рекомендовал меня на работу Алексей Алексеевич Леонтьев – известный лингвист, сотрудник Института языкознания АН СССР. После встречи с заместителем директора Инессой Александровной Ходош, исполнявшей в то время обязанности директора Института, я был зачислен в штат. Рабочее место мне было определено в помещении библиотеки Института русского языка, где тонкости библиографической работы мне помогли освоить Надежда Петровна Дебец, Белла Александровна Малинская и Марианна Цезаревна Шабат. За это я навсегда сохраняю к ним чувство благодарности.

Наступил февраль 1972 г., когда Институт обрел нового директора – В.А. Виноградова. В своей книге воспоминаний Владимир Алексеевич пишет о том, что его назначение было воспринято не очень благожелательно членами дирекции и некоторыми близко связанными с ними сотрудниками[1]. Вспоминаю об этом, поскольку оказался невольно втянутым в эту ситуацию. Дело в том, что Владимир Алексеевич занялся решением кадровых вопросов, связанных с отставанием в развитии системы реферативных журналов. В числе новых отделов надо было организовать и отдел языкознания. Я находился в отпуске, когда получил от М.Ц. Шабат тревожную телеграмму с просьбой срочно вернуться. Надо сказать, что при приеме на работу я был зачислен на должность заведующего еще не укомплектованного реферативного отдела, однако сознательно или нет, занятую мною должность заведующего отделом И.А. Ходош представила директору как вакантную, и Владимир Алексеевич (по совету академика Ф.П. Филина) пригласил на эту должность Федора Михайловича Березина. Возмущенная «общественность» требовала от меня борьбы за справедливость в Президиуме: при живом-то человеке приглашать на занятую должность другого! Я понимал: здесь что-то не так.

Владимир Алексеевич принял меня в своем кабинете на ул. Фрунзе и объяснил, как обстояло дело. Не верить ему не было никаких оснований. К директору у меня был главный вопрос: уверен ли он в перспективах создания автоматизированной информационной системы? Ответом было твердое «да». Я объяснил, что мне это очень интересно и я напишу заявление о переводе в библиографический сектор в составе отдела языкознания.

Я никогда не жалел об этом. Должен сказать, что отношения с Ф.М. Березиным сложились самые дружеские. Несколько лет я был членом редколлегии реферативного журнала серии «Языкознание», а в первое время немного помог ему в организации журнального дела, используя свой давний опыт работы в редакции журнала «Русский язык за рубежом».

Задача создания Автоматизированной информационной системы по общественным наукам (АИСОН) была для нашего директора В.А. Виноградова в числе первоочередных. Он приступил к ней сразу после того, как были решены проблемы долгостроя нового здания у метро «Профсоюзная» и размещения в нем библиотечных фондов и штатов новых информационных подразделений. В тот момент структура реферативных отделов не имела в своем составе сектора библиографической информации. Однако понимание В.А. Виноградовым специфики процессов содержательной обработки библиографических материалов в условиях разработки и внедрения автоматизированной системы информации привело к изменению этой структуры. В 1974 г. директор принял решение создать непосредственно подчиненный ему отдел научно-библиографической информации (ОНБИ), состоящий из семи отраслевых, двух страноведческих секторов и выставки новых поступлений. Возглавить отдел поручили мне. Думаю, что это решение было обусловлено опытом моей работы в отделе информационных языков Центрального научно-исследовательского института патентной информации, а до этого – в отделе терминологии Всесоюзного научно-исследовательского института классификации и кодирования.

---

[1] *Виноградов В.А.* Мой XX век: воспоминания. – М.: Издательский дом «Калан», 2003. – С. 281.

Довольно быстро сектор научно-библиографической информации по языкознанию, руководство которым осталось за мной, пополнили новые сотрудники: Галина Антонюк, Александр Белугин, Нонна Бунимович, Майя Голант, Галина Жаркова, Татьяна Корнилова, Сергей Красногорский, Раиса Розина, Полина Стрельченко. У этих разных по характеру людей было общее: хорошее образование, ответственное отношение к работе и интеллигентность. Такой состав в сочетании со «старожилами» позволил сектору не только качественно обрабатывать текущую литературу на самых разных языках, но и вести работу над ретроспективными библиографическими указателями.

Еще при первой встрече с коллективом ИНИОН на расширенном заседании ученого совета в 1972 г. В.А. Виноградов подробно рассказал о перспективах развития Института. Затем он выслушал предложения новых сотрудников. С одним из таких предложений выступила заведующая сектором философии Елена Ильинична Серебряная, обосновавшая необходимость выпуска библиографических ежегодников по различным направлениям философской мысли. Полезность такого вида информации, промежуточного между ретроспекцией и ежемесячным указателем, состояла в том, что в ежегоднике аккумулировалась литература по одному конкретному направлению, а более детальная, чем в рубриках ежемесячного указателя, систематизация материала лучше раскрывала содержание публикаций. Идея была поддержана. Сектор философии созданного в 1974 г. ОНБИ подготовил (начиная с 1975 г.) несколько тематических ежегодных выпусков библиографии по зарубежной философии и социологии, по историческому материализму и др. Помимо ежегодников издавались и библиографические указатели литературы, охватывающие более длительные периоды, например, «История русской философии»[1]. Известно, что чем шире хронологический охват включаемой в библиографический указатель литературы, тем больше его ценность для ученых-обществоведов. Уже десятилетний охват литературы можно назвать солидной ретроспекцией.

В ФБОН – ИНИОН в определенный период времени готовились библиографические указатели и с большей глубиной ретроспекции. Например, с 1963 по 1988 г. в сотрудничестве с Институтом русского языка было издано шесть выпусков библиографического указателя «Славянское языкознание», охвативших советские публикации с 1918 по 1981 г. Существенный вклад в эту большую и требующую скрупулезности работу внесла незабываемая Н.П. Дебец. Врожденное благородство, сдержанность и такт в сочетании с требовательностью к себе и сотрудникам – такой осталась Надежда Петровна в моей памяти. К сожалению, последние два выпуска «Славянского языкознания» готовились нашим сектором научно-библиографической информации уже без ее участия. Я уверен: если бы сотрудницы сектора Нонна Бунимович и Галина Жаркова не прошли выучку у Надежды Петровны при подготовке под ее руководством очередного (четвертого) выпуска «Славянского языкознания», последующие выпуски вряд ли увидели бы свет. Последний (шестой) выпуск, включающий литературу с 1979 по 1981 г., был издан в 1988 г.[2]

В секторе наряду с выпуском ежемесячного библиографического указателя велась подготовка ретроспекции «Общее и прикладное языкознание», включавшей литературу, изданную в СССР в 1963–1967 гг.[3] Это было продолжением изданных «Наукой» в 1965 г. библиографических указателей «Общее языкознание» и «Структурное и прикладное языкознание», охватывающих публикации 1918–1962 гг.[1]

---

[1] История русской философии : указатель литературы, изданной в СССР на русском языке за 1968–1977 гг. / сост. Беленький И.Л ; отв. ред. Серебряная Е.И. – М.: АН СССР. ИНИОН, 1981, 1982. – Ч. 1. – 1981. – 205 с.; Ч. 2. – 1982. – 198 с.

[2] Славянское языкознание : указатель литературы, изданной с 1979 по 1981 г. / сост.: Бунимович Н.Т, Жаркова Г.Г ; ред.: Мдивани Р.Р., Широков Е.Н – М.: АН СССР. ИНИОН, 1988. – Ч. 1. – 277 с.; Ч. 2. – 299 с.; Ч. 3. – 285 с.

[3] Общее и прикладное языкознание : указатель литературы, изданной в СССР с 1963 по 1967 г. / сост.: Малинская Б.А, Шабат М.Ц ; отв. ред.: Мдивани Р.Р., Реформатский А.А. – М.: Наука, 1972. – 295 с.

В ФБОН, как и в большинстве других библиотек, средством описания тематики включенных в библиографии работ было их распределение по рубрикам классификации. Однако мы в секторе сочли этот метод недостаточным для раскрытия содержания 5,8 тыс. публикаций, представленных в нашем указателе. Классификация – одномерная иерархическая система, позволяющая с достаточной глубиной раскрыть аспекты конкретной публикации только при условии большой дробности и дублирования каждой отдельной работы в рубриках, соответствующих тематике. Но этого обычно избегают, так как работа сильно осложняется, объем издания увеличивается, а дробность классификации делает ее неудобной для читателя. Поэтому было решено в дополнение к классификации включить предметный указатель, состоящий из тысячи терминов, не связанных логикой «сквозной» иерархической структуры. При утверждении издания в печать состоялось довольно бурное обсуждение: против этого «библиографического новшества» был авторитетный и уважаемый человек – Дмитрий Дмитриевич Иванов. Мне удалось убедить участников обсуждения в целесообразности нашего подхода, в частности – благодаря поддержке Григория Григорьевича Кричевского, который в кулуарах сказал, что по накалу страстей обсуждение походило на религиозный диспут.

Продолжение этой библиографии (литература за 1968–1977 гг.) также имело подробный предметный указатель[2]. Таким образом, языковедческие библиографии имеют полувековую глубину ретроспекции.

Такую же глубину имеют двухтомная «Библиография стран Африки и Арабского Востока»[3], включающая 17 тыс. публикаций на русском языке за 1917–1967 гг., и «Библиография Индии»[1], включающая 11,3 тыс. публикаций за период с начала XVIII в. до 1967 г. Работа над ними велась в ФБОН совместно с институтами востоковедения и Африки.

---

[1] Общее языкознание : указатель литературы, изданной в СССР с 1918 по 1962 г. / АН СССР. Ин-т русского языка; Ин-т языкознания; Фунд. б-ка по общественным наукам; сост.: Ашанин Ф.Д, Дебец Н.П., Ижевская М.Г. и др. – М.: Наука, 1965. – 276 с. ; Структурное и прикладное языкознание : указатель литературы, изданной в СССР с 1918 по 1962 г. / АН СССР. Ин-т русского языка; Ин-т языкознания; Фунд. б-ка по общественным наукам ; сост.: Ашанин Ф.Д., Дебец Н.П., Ижевская М.Г. и др. – М.: Наука, 1965. – 194 с.

[2] Общее и прикладное языкознание : указатель литературы, изданной в СССР в 1968–1977 гг.: в 13 т. / сост.: Малинская Б.А., Шабат М.Ц. ; отв. ред. Мдивани Р.Р. – М.: ИНИОН АН СССР, 1981.

[3] Библиография стран Африки и Арабского Востока. Т. 1. Общие работы. Африка / сост. Милявская С.Л. ; отв. ред.: Громыко Ан. А., Солодовников В.Г. –

Интересно отметить, что «Библиография стран Африки и Арабского Востока» была практически готова еще до образования в 1974 г. ОНБИ, в структуру которого вошли отраслевые и страноведческие сектора. Однако необходимость провести общую редакцию текста и унификацию библиографических описаний приостановила работу. Ко мне как к заведующему отделом с этой проблемой обратились составители библиографии – Софья Львовна Милявская из библиотеки Института Африки и Элла Марковна Винокур – сотрудница сектора востоковедения. Меня, недавно прошедшего школу библиографирования в секторе языкознания, наличие такой проблемы у сотрудников Фундаментальной библиотеки несколько удивило: я думал, что библиографическое описание редактируется при включении материала в указатель. Но положение обязывало. По договору был привлечен к работе П.К. Колмаков, который, несмотря на весьма преклонный возраст, достаточно быстро и качественно отредактировал библиографические описания обоих томов, после чего была проведена общая редакция текста. Мне приятно было получить это издание с дарственной надписью от Софьи Львовны: «…без Вашего оперативного вмешательства эта книга вряд ли увидела бы свет».

По иной причине задержалось издание «Библиографии Индии». Как и любое научное издание, она нуждалась в редакторе. Эту работу (также по договору) выполнил по моей просьбе известный индолог Г.Г. Котовский.

К сожалению, эти большие библиографии по разным причинам не получили продолжения. Конечно, оптимальным процессом является целенаправленная работа над ретроспективными указателями, ориентированными на полное поэтапное закрытие хронологических лакун. Уникальным примером могут служить четыре выпуска библиографии по истории зарубежной домарксистской философии, имеющие хронологический охват с 1917 по 1982 г. и

М.: Наука, 1979. – 723 с. ; Т. 2. Арабские страны / сост.: Винокур Э.М., Милоградова Л.П. ; отв. ред.: Лебедев Е.А., Мдивани Р.Р. – М.: Наука, 1980. – 373 с.

[1] Библиография Индии: дореволюционная и советская литература на русском языке и языках народов СССР / сост.: Бирман Д.А., Котовский Г.Г., Сошно Н.Н. ; отв. ред. Котовский Г.Г. – М.: Наука, 1976. – 683 с.

подготовленные заведующей сектором библиографической информации по философии Е.И. Серебряной. Первый выпуск был издан в 1972 г.[1], а последующие три выпуска, опубликованные в 1975, 1980 и 1984 г., довели хронологию включенной в них литературы до 1982 г. С учетом хронологии библиографии по философии, представленной в автоматизированной системе, ИНИОН располагает информацией практически обо всей русской литературе по теме с 1917 г. по настоящее время.

Нужна ли ретроспективная библиография? Достаточно ли этого для ученых, работающих в области социальных или гуманитарных наук? При ответе на этот вопрос следует учесть специфику этих наук.

В противоположность естественным наукам, обладающим синхронно движущимся исследовательским фронтом и кумулятивным подходом к исследуемым фактам, в социальных и гуманитарных науках множество различных школ существуют достаточно независимо друг от друга, имея дело с одними и теми же социальными проблемами и не приходя при этом к единому решению. Темы, которые уже обсуждались веками, могут возникнуть вновь, и даже при рассмотрении новых проблем обществовед гораздо чаще, чем специалист по естественным наукам, должен ссылаться на старые материалы и идеи, ибо историзм – один из основополагающих принципов исследований. Эта специфика социальных и гуманитарных наук обусловливает необходимость создания больших ретроспективных баз данных, поскольку не существует определенных объективных критериев, в соответствии с которыми можно сказать, что документ устарел и может быть исключен из базы знаний социальных наук[2]. Поэтому ценность информации в общественных науках связана с проблемой полноты информационного фонда, одним из аспектов которой является глубина ретроспекции представленной в нем литературы. В далеком 1989 г. заместитель директора ИНИОН Марлен Павлович Гапочка писал о том, что при развитии Автоматизированной системы по общественным наукам важно предусмотреть возможность ввода в автоматизированную систему библиографических описаний документов, ценных в научном отношении, но изданных 10 и более лет назад (т.е. до начала эксплуатации системы)[1]. ИНИОН располагает многолетним фондом аналитически обработанной библиографической информации не только о книгах, но и о статьях из журналов и сборников, представленных в его периодических библиографических указателях. Послужат ли эти «полезные ископаемые» вспомогательным материалом для создания какой-либо отраслевой или тематической ретроспективной библиографии?.. Не уверен: отсутствие необходимых квалифицированных кадров и соответствующего финансирования не внушают оптимизма.

---

[1] История зарубежной домарксистской философии : указатель литературы с 1917 по 1967 г. / сост. Серебряная Е.И.; ред. Давыдов Ю.Н. – М.: АН СССР. ИНИОН ; Фундаментальная б-ка, 1972. – 535 с.

[2] *Хобом Х.-К.* Информация и документация по социальным наукам // Теория и практика общественно-научной информации. – М.: ИНИОН, 2002. – Вып. 17. – С. 262–280.

Вернемся к созданию Автоматизированной системы информации.

В периодических библиографических изданиях ОНБИ для раскрытия содержания традиционно использовались только разделы рубрикатора. Перспектива развития системы, накапливающей большие объемы библиографической информации, требовала глубокого раскрытия содержания публикаций с помощью ключевых слов, отражающих конкретные предметы и методы исследования. Учитывая это обстоятельство, нами было решено аннотировать все зарубежные материалы в библиографических указателях. Это позволило заранее выработать у библиографов навыки перевода иностранных терминов и более глубокого анализа содержания материала.

Должен сказать, что так называемого «психологического барьера», в смысле страха перед новым, не было. Мы работали в тесном контакте с руководителями секторов, а при необходимости – и с другими сотрудниками. Уровень сотрудников отдела в целом очень высок: это люди со специальным факультетским образованием в соответствующей отрасли общественных наук. Их интерес к новому был очень большим. Мне помогали в работе такие коллеги, как Валентина Андреевна Архангельская, Елена Ильинична Серебряная, Ирина Александровна Калоева, Галина Марковна Марковская, Юрий Давыдович Рыскин, Алена Алексеевна Волохова, Василий Ильич Савельев, Ольга Антоновна Барыкина, Галина Львовна Маньковская. Этот настрой сохранялся долго, каждый новый этап работы был интересен. Очень четко была организована работа на выставке новых поступлений, где отбирались книги и статьи и велась содержательная обработка литературы. Тактично, но жестко порядок работы сотрудников с материалами выставки обеспечивали вначале И.А. Гиршова, затем Н.А. Чагай. Естественно, что сказанное об интересе к новой работе касается не только сотрудников отдела научно-библиографической информации.

---

[1] *Гапочка М.П.* Интеграция информации и развитие международного сотрудничества // Теория и практика общественно-научной информации / АН СССР. ИНИОН ; ред. кол.: Виноградов В.А. (гл. ред.) и др. – М., 1989. – Вып. 1. – С. 217–232.

Для оперативной разработки и внедрения АИС был создан Совет главного конструктора под председательством Вильяма Ризатдиновича Хисамутдинова. Я был заместителем главного конструктора по вопросам содержательной обработки библиографической информации, а Игорь Яковлевич Госин – по вопросам библиографического описания информационных материалов.

Надо сказать, что при разработке проекта Автоматизированной системы информации ИНИОН Совет главного конструктора опирался на имеющийся мировой опыт создания таких систем. К этому времени в отечественной и зарубежной специальной литературе были изучены и теоретически обобщены основные положения информатики – науки о теории и практике функционирования информационных систем, определены основные параметры, характеризующие их эффективность. Естественно, что разработчики системы опирались не только на знание информатики и действующие стандарты, но и на личный опыт работы в реальных системах. Правильность принятых технических и методических решений, представленных в документации системы, была проверена в процессе ее эксплуатации. Кроме того, наша система получила высокую оценку зарубежных коллег в ходе научных и информационных контактов с такими организациями, как, например, Research Libraries Group (Информационная система Группы научных библиотек, США), Библиотека Конгресса США, Библиотека Иллинойского университета, ICSSID (Международный комитет по информации и документации), InformationsZentrum Sozialwissenschaften (ФРГ), Centre national de la recherche scientifique (Париж).

Основная тяжесть разработки и поэтапного внедрения ложилась на головной отдел исследования и разработки информационных систем, который с 1976 г. возглавлял В.Р. Хисамутдинов, а также на ОНБИ и отдел научного описания информационных материалов (ОНОИМ) под руководством И.Я. Госина. Этот отдел отвечал за обработку входного документопотока книг, аналитическую роспись периодических и продолжающихся изданий, ведение всех каталогов и отраслевых библиографических картотек и представление библиографических данных в машиночитаемой форме[1]. Надо отметить, что И.Я. Госин – один из главных разработчиков государственных стандартов по библиотековедению, библиографии и редакционно-издательскому делу (СИБИД).

Проблема библиографического описания информационных материалов является весьма сложной, если речь идет о таком многофункциональном организме, как Фундаментальная библиотека нашего Института. Система была задумана (и реализовалась!) как интегральная динамическая библиотечная система. Она охватывает практически весь цикл обработки: от заказа литературы до ведения алфавитного и предметного каталогов, каталога сериальных изданий, других каталогов и отраслевых библиографических картотек, выпуска периодических изданий научно-библиографической информации и унификации библиографических сведений в реферативных и аналитических изданиях. Для технологии обработки входного документопотока было разработано базовое библиографическое описание документа, на основе которого генерировались записи для нужд конкретного информационного массива и подразделения.

В 1976 г. в Институте вступил в строй вычислительный центр, оснащенный современной техникой. В это же время Совет главного конструктора под руководством В.Р. Хисамутдинова приступил к разработке технического задания – конкретного описания процессов работы подразделений, реализующих задачи, предусмотренные проектом системы. При этом одной из задач было проектирование логистики обработки информационных материалов, т.е. последовательности операций подразделений Института, участвующих в системе. Эта работа была поручена комиссии под руководством заместителя директора И.А. Ходош. Активное участие И.Я. Госина, И.Н. Воскресенской, С.К. Виленской и других членов комиссии, четко понимавших структуру и функции библиотечных подразделений и ОНБИ, позволило в кратчайший срок решить эту задачу, тем более что за многие годы было отлажено взаимодействие подразделений. Все предложения комиссии находили полное понимание у В.Р. Хисамутдинова и его сотрудников, на плечи которых ложилось решение программных, технических и технологических задач, обеспечивающих функционирование автоматизированной системы. Это стало возможным благодаря тому, что в Институте сформировался коллектив высококвалифицированных программистов, инженеров и технологов – таких, как Л.В. Алексеева, А.Л. Горин, В.М. Гусев, Н.И. Косиченко, Л.Б. Косова, Р.Н. Лабузина, И.Л. Михалько, Л.Н. Тарасов, а также заместители директора ИНИОН В.А. Глухов и М.Б. Шнайдерман.

---

[1] *Госин И.Я., Смирнова М.Н., Тарасов Л.Н.* Унификация библиографического описания: принципы и реализация в ИАИС ИНИОН АН СССР // Всесоюзное совещание по проблемам автоматизации информационных процессов в области общественных наук (Методические материалы) / АН СССР. ИНИОН. – М., 1979. – С. 132–141.

В 1976 г. Совет Международной информационной системы по общественным наукам (МИСОН) определил создание автоматизированной системы информации как одно из основных направлений совместной информационной деятельности академий социалистических стран. Головным органом системы был признан ИНИОН, а страны-участницы были представлены Выделенными национальными органами (ВНО). Согласованием взаимодействия с каждым ВНО руководил В.Р. Хисамутдинов. Естественно, что конкретные вопросы решались и согласовывались с ВНО членами его Совета. В частности, форматы библиографического описания в странах-участницах сильно различались, поэтому И.Я. Госин провел работу, обеспечившую представление библиографической информации в коммуникативном формате. Кроме того, была создана единая электронная картотека сериальных изданий, включавшая, наряду с другими, издания стран – участниц МИСОН. Предстояло также согласовать с ВНО лингвистические средства обработки информационных материалов системы. Работа по согласованию с ВНО рубрикатора МИСОН велась под руководством В.А. Глинского при участии руководителей секторов ОНБИ. Это было необходимо, но недостаточно для эффективного поиска с помощью ЭВМ больших объемов информации, включающих, в частности, статьи из журналов и сборников, посвященные достаточно узким проблемам. Разработка словарей дескрипторного типа – лингвистического обеспечения, отвечающего потребностям современной системы, отставала от плановых сроков. До сдачи первой очереди АИС МИСОН, намеченной на 1980 г., оставалось мало времени. На совещании у В.А. Виноградова этот вопрос был поставлен со всей остротой. Никто не жаждал крови, надо было срочно решить проблему. Я предложил начать обработку документов в ОНБИ со свободного индексирования, т.е. с использования терминологии, отражающей содержание конкретной публикации. Обработанная таким образом литература должна была обеспечить пользователям системы поиск библиографической информация по ключевым словам. Накопленную за определенный период терминологическую лексику я предполагал передавать Софье Константиновне Виленской в ее отдел лингвистического обеспечения информационных систем (ОЛОИС) для последующей нормализации и использования в работе над информационно-поисковыми тезаурусами, отражающими реальное содержание формируемых баз данных. Это предложение активно поддержал В.Р. Хисамутдинов. К сожалению, Софья Константиновна отказалась. В.А. Виноградов со свойственным ему тактом предложил ей еще раз обдумать это предложение. На следующем совещании позиция С.К. Виленской осталась без изменений. В результате подразделение С.К. Виленской было переименовано в отдел (затем – сектор) предметного анализа информационных материалов, а часть сотрудников была переведена в состав ОНБИ, где Вадим Александрович Глинский возглавил новый сектор теории и методики информационно-поисковых языков. В нашей беседе с В.А. Виноградовым при обсуждении задач нового сектора В.А. Глинский попросил оставить за ним только совершенствование рубрикатора системы, считая, что новую для библиографов терминологическую работу лучше организовать мне. В.А. Глинский, помимо разработки рубрикатора, активно участвовал в создании проектной документации системы в совещаниях специалистов АИС МИСОН.

Задача обеспечения системы языками дескрипторного типа была решена таким образом: к каждому сектору ОНБИ был прикреплен лингвист, ответственный за сбор и нормализацию терминологической лексики, используемой библиографами при обработке литературы. Промышленная эксплуатация системы еще не началась, что позволило сотрудникам заняться индексированием литературы как бы в «игровом режиме». Это решало две задачи. Во-первых, библиографы обрабатывали литературу, как говорится, «в стол», овладевая навыками предстоящей работы и не боясь ввести в систему ошибки, причем обязательное аннотирование иностранной литературы облегчало работу. Во-вторых, в секторах накапливался массив терминологической лексики для ее последующей нормализации и использования при обработке и вводе документов в систему. Кроме того, этот опыт учитывался при разработке методики индексирования применительно к специфике социальных и гуманитарных наук.

Численность переведенных в ОНБИ сотрудников позволяла решить еще одну задачу – создать справочное подразделение, способное помочь читателям в удовлетворении их информационных запросов. Директор одобрил эту мысль. Я попросил Владимира Леонидовича Бирзовича возглавить новое подразделение, обеспечивающее автоматизированный поиск информации[1]. Новым сотрудникам было предложено самостоятельно сделать выбор.

К сожалению, ветеран войны В.Л. Бирзович, высокообразованный и деликатнейший человек, рано покинул нас: тяжелое ранение сократило его жизнь. Сектор обеспечения библиографической информацией возглавила Людмила Винцентовна Шемберко – классный специалист, в свое время пришедшая в ИНИОН с прекрасным опытом работы с автоматизированным банком данных. Вместе с ней в новое подразделение перешли Марина Алексеевна Боровик и Алла Менделеевна Непомнящая, отлично освоившие специфику поиска по любым отраслям общественных наук.

Наступил 1980 год – срок сдачи первой очереди промышленной эксплуатации системы. Было решено начать с сектора экономики и демографии, руководимого Валентиной Андреевной Архангельской. Затем наступила очередь сектора философии. Поэтапное развитие библиографической базы данных завершил сектор литературоведения. Таким образом, в 1985 г. система была сдана в промышленную эксплуатацию в полном объеме в соответствии с Государственной программой 0818 ГАСНТИ.

Основанные на результатах свободного индексирования отраслевые списки нормализованной лексики оказались простым и эффективным средством обработки и поиска информации на начальных этапах развития системы.

В соответствии с техно-рабочим проектом комплекс программ системы обеспечил существенное повышение информативности периодических выпусков библиографических изданий. Дело не только и не столько в высоком полиграфическом качестве каждого номера, новым было наличие автоматически формируемых вспомогательных указателей – авторского, названий журналов и предметного. Первые два указателя программа строила на основе стандартных элементов полей библиографического описания, а структура предметного указателя, разработанная по предложению Л.В. Шемберко, строилась на основе указателей роли и связи ключевых слов, использованных библиографами при обработке документов[1].

---

[1] *Бирзович В.Л., Мдивани Р.Р., Шемберко Л.В.* Совершенствование справочно-информационного обслуживания на основе баз данных по общественным наукам // Вопросы информационной теории и практики. – М.: ВИНИТИ, 1985. – № 52. – С. 64–81.

Повышение качества содержательной обработки информации, включаемой в библиографические указатели и накапливаемой в базе данных, существенно расширило возможности тематического поиска информации, в первую очередь за счет использования ключевых слов, влияющих на точность и полноту выдачи информации.

Процессы подготовки и выпуска серий библиографических указателей и накопления информации в поисковой базе данных были налажены. В перспективе следовало приступить к нормализации терминологической лексики, накопленной в режиме свободного индексирования. Отметим, что нормализованные списки согласовывались с ВНО МИСОН, причем в ряде случаев они переводились на национальные языки, поскольку понятийный состав этих списков вполне соответствовал тематике отечественной и зарубежной литературы, поступающей в базу данных. Именно нормализованная лексика, отражающая реальное содержание документов в поисковой базе данных, является гарантией качества при разработке отраслевых тезаурусов – наиболее эффективного средства обработки и поиска информации конкретной системы[2].

В сентябре 1986 г. по предложению главного конструктора дирекция и партком приняли решение об упорядочении структуры подразделений Института, связанных с эксплуатацией и развитием автоматизированной системы. Меня освободили от руководства ОНБИ, а сектор теории и методики информационно-поисковых языков был преобразован в отдел лингвистического обеспечения информационных систем (ОЛОИС). Руководство отделом, а также сектором разработки лингвистических средств в его составе было поручено мне, а сектор ведения лингвистических баз данных возглавил В.А. Глинский. Этот сектор просуществовал недолго. В 1988 г. для укрепления предметного каталога сектор В.А. Глинского и бóльшую часть других сотрудников отдела вернули в родные пенаты, в лабораторию предметного анализа информационных материалов.

---

[1] *Косова Л.Б., Мдивани Р.Р., Шемберко Л.В.* Автоматизированная подготовка предметных указателей с управляемой структурой // Вопросы информационной теории и практики. – М.: ВИНИТИ, 1985. – № 50. – С. 62–77.

[2] *Мдивани Р.Р., Глинский В.А.* Лингвистическое обеспечение Автоматизированной системы научной информации по общественным наукам: состав и структура // Вопросы информационной теории и практики. – М.: ВИНИТИ, 1985. – № 52. – С. 37–55.

Эти последовавшие друг за другом организационные мероприятия по совершенствованию структуры подразделений, связанные с функционированием АИС, не обсуждались на Совете главного конструктора. В обоих случаях я был поставлен перед фактом. На мой взгляд, время показало, что столь резкое сокращение лингвистов и, главное, их административное отделение от процесса содержательной обработки библиографических материалов было не лучшим решением главного конструктора.

Вернемся к развитию лингвистических средств. В 1989 г. сектором лингвистического обеспечения совместно с ОНБИ было подготовлено три списка нормализованной лексики: по экономике и демографии, по философии и социологии, по языкознанию. Каждый список включал, помимо основного алфавитного, различные вспомогательные указатели терминов[1]. Списки по остальным отраслям также были подготовлены и использовались в секторах ОНБИ, однако, несмотря на обращения республиканских центров информации и других внешних пользователей, издать их не удалось, что было объяснено идеей «перехода на современную безбумажную технологию».

Наличие списков нормализованной лексики позволило реализовать в системе функцию терминологического контроля: отраслевые списки были сведены в единый генеральный словник (ГС), встроенный в систему. В ОНБИ старшим научным сотрудником сектора философии Борисом Петровичем Гинзбургом была проведена работа по межотраслевой унификации терминологии, а Марк Борисович Шнайдерман реализовал возможность автоматического контроля лексики. Это облегчило работу редакторов библиографических указателей: при подготовке указателя к изданию использованные в нем ключевые слова автоматически сверяются с лексикой ГС. Несовпадающая лексика выдается библиографам для проверки. Исправления вносятся в буферную базу, где формируется очередной выпуск указателя. Важно отметить, что после выпуска указателя информация из буферной базы загружается в поисковую базу данных, где исправления невозможны. При несоблюдении этой процедуры в системе накапливаются ошибки: опечатки и так называемый «информационный мусор» ненормализованных слов (в том числе и синонимов). Это снижает качество поиска и ведет со временем к существенным потерям информации.

---

[1] *Архангельская В.А., Базарнова С.В.* Список нормализованной лексики по экономике и демографии : в 4 ч. / АН СССР. ИНИОН. – М., 1989. – Ч. 1: Структура списка и индексирование. – 146 с.; Ч. 2: Лексико-семантический указатель. – Вып. 1: Алфавитный ряд. – 279 с.; Вып. 2: Вспомогательные фасеты. – 207 с.; Ч. 3: Систематический указатель. – Вып. 1. – 368 с.; Вып. 2. – 237 с.; Ч. 4: Пермутационный указатель / сост. Дорохина О.А., Магай Е.В. – 319 с.; Гинзбург Б.П., Беленький И.Л., Гирко Л.В. и др. Список нормализованной лексики по философии и социологии: Ч. 1–3. – М.: ИНИОН АН СССР, 1989. – Ч. 1. – 160 с.; Ч. 2. – 153 с.; Ч. 3. – 110 с. ; *Смиренский В.Б.* Список нормализованной лексики по языкознанию. – М.: ИНИОН АН СССР, 1989. – 203 с.

Чем больше объемы информации, в которых осуществляется поиск, чем шире круг пользователей системы, тем выше требования к ее лингвистическим средствам. Если в начальный год функционирования первой очереди системы в поисковую базу данных было введено 30 тыс. документов по экономике и демографии, то после сдачи системы в промышленную эксплуатацию объем информации стал резко возрастать. Таким образом, вопрос о переходе от списков лексики к тезаурусам назрел. Однако время шло, а отсутствие необходимого программного и технического обеспечения тормозило разработку отраслевых тезаурусов – наиболее эффективного семантического средства обработки и поиска информации. В определенном смысле делу помог визит в 1993 г. в ИНИОН профессора Карла Штрётманна – директора Информационного центра по социальным наукам в Бонне (Informations Zentrum Sozialwissenschaften – IZ Bonn). В.А. Виноградов предложил мне обсудить с г-ном Штрётманном возможность сотрудничества в области обмена информацией. В то время IZ пользовался немецко-английским тезаурусом, и К. Штрётманн предложил дополнить этот тезаурус русским переводом. Кроме того, он выразил заинтересованность в том, чтобы мы включили в трехъязычную статью тезауруса близкую или совпадающую по смыслу лексику, использованную в наших базах данных по экономике, истории, философии и государству и праву. Таким образом, получался трехъязычный тезаурус – словарь переводов с немецких дескрипторов на английский и русский, дополненный ключевыми словами информационного языка АИСОН. По словам К. Штрётманна, это существенно облегчило бы его сотрудникам поиск в системе ИНИОН. Поэтому Владимир Алексеевич идею одобрил. Надо было действовать и при этом попытаться решить главные, т.е. внутренние институтские проблемы: нормально работать над тезаурусами без автоматизированной лингвистической базы данных было невозможно. Иногда именно ограничения стимулируют мозг работать активнее. Пришлось применить то, что называют «солдатской смекалкой» и в очередной раз обратиться к В.Р. Хисамутдинову, который часто сетовал на отсутствие тезаурусов. Я сказал ему, что без компьютеризации лингвистической работы сотрудничество с Боннским центром не получится, а международный проект двух директоров мне хотелось бы выполнить. Главный конструктор объяснил, что помочь мог бы отличный программист Николай Иванович Косиченко, недавно уволившийся по состоянию здоровья, но работу надо делать по договору, однако денег в Институте, к сожалению, нет. Последнее утверждение вызвало у меня некоторые сомнения. Я, как всегда в трудных случаях, обратился к Владимиру Алексеевичу, информировав его о необходимости заключить договор. Финансовый вопрос был решен в считаные минуты. Н.И. Косиченко взялся за работу, поставив условие, чтобы с ним в паре работала наша сотрудница – программист Римма Николаевна Лабузина, поскольку в Институте должен быть человек, который будет обслуживать программу и обучит лингвистов пользоваться ею.

Дело было за малым – подготовить для программистов техническое задание, описывающее в определенных формулах базовую структуру элементов, некоторые операции над ними и требуемые варианты выходных форм лингвистических данных. Обычно техзадания для программистов разрабатываются технологами совместно с «заказчиком». Но – «любишь кататься, люби и саночки возить». Пришлось мне самому взяться за написание технического задания. Н.И. Косиченко и Р.Н. Лабузина подготовили программное обеспечение, и после его отладки началась работа над трехъязычным тезаурусом Боннского центра. Работу по переводу с немецкого 10,1 тыс. терминов и подбору эквивалентов из базы данных ИНИОН провела С.В. Базарнова, часть материала перевели В.В. Соловьева, Е.С. Прытков, В.А. Архангельская и О.А. Дорохина. При этом использовались специально подготовленные рабочие листы, которые я редактировал. Лингвистическую базу данных вела Е.В. Магай, овладевшая необходимыми операциями. Структурированный текст трехъязычного тезауруса по социальным наукам был передан немецкой стороне в 1996 г. и опубликован в Бонне[1].

---

[1] Thesaurus Sozialwissenschaften: Deutsch – Englisch – Russisch. Bd. 1–3 / Hrsg.: Informationszentrum Sozialwissenschaften der Arbeitsgemeinschaft Sozialwissenschaftlicher Institute e.V., Bonn, Institut für Wissenschaftliche Information in den Gesellschaftswissenschaften, Russische Akademie der Wissenschaften (INION RAdW), Moskau. Projektleitung: Annemarie Nase; Robert Mdivani. Bearb.: Swetlana Basarnova, Helen Magaj, Robert Mdivani, Hannelore Schott, Dagmar Sucker; unter Mitarbeit von Walentina Archangelskaya, Olga Dorohina, Nikolaj Kositschenko, Rimma Labuzina,

Так была решена главная задача – получена полноценная программа для лингвистической базы данных ИНИОН, способная вести проверку семантических связей, формировать алфавитный, классификационный и пермутационный указатели, работать с несколькими языками и формировать оригинал-макет.

Имея эффективное программное обеспечение, можно было приступить, наконец, к созданию отраслевых информационно-поисковых тезаурусов для нашей АИС. До этого, по моему мнению, их своевременной разработке скорее всего мешал обычный контрпродуктивный «человеческий фактор». Но – «дорогу осилит идущий». Институт начал готовить и издавать серию отраслевых информационно-поисковых тезаурусов по социальным и гуманитарным наукам.

Общее для всей Академии недофинансирование и сокращение штатов заставило заняться совершенствованием организации работы и оптимальным использованием ресурсов. С этой целью директор Института Ю.С. Пивоваров создал в отделе электронных информационных технологий группу разработки и ведения тезаурусов. В соответствии с приказом директора мне как руководителю группы было разрешено, по согласованию с руководителями центров, привлекать к участию в работах группы сотрудников других подразделений Института без отрыва от их основной информационной деятельности. При этом руководитель группы обеспечивает организацию работы, единство методических подходов в рамках серии, редактирует словарные статьи отраслевого тезауруса, а также готовит классификационный указатель терминов по таблицам библиотечно-библиографической классификации, что повышает спрос на издание со стороны библиотек.

Ввод и обработка информации на компьютере, проверка связей и формирование основного и вспомогательных разделов тезаурусов, корректура и подготовка к изданию велись в группе менеджером лингвистической базы Е.В. Магай. На группе лежала также трудоемкая редакционная работа по проверке соответствия терминологии тезауруса ключевым словам, накопленным в результате многолетней эксплуатации в поисковой базе данных автоматизированной системы. Этот принцип смыслового соответствия терминологии тезауруса и терминологии индексирования, общепризнанный в информатике, является одним из основных факторов,

---

Ewgenij Prytkov, Walentina Solovjewa. – Bonn, 1997. – Bd. 1: Deutsch – Russisch – Englisch. – 769 S.; Bd. 2: Russisch – Deutsch – Englisch. – 563 S.; Bd. 3: Register. – 420 S.

определяющих качество системы: отход от этого принципа приводит к неэффективному поиску и разочарованию потребителя. Как говорилось в эпоху советского дефицита, «обозначено в меню, а в натуре – нету».

Новая организация работ по созданию серии отраслевых тезаурусов автоматизированной системы информации ИНИОН оказалась плодотворной[1]. Изданы тезаурусы по экономике и демографии, философии, социологии, правоведению, политологии, языкознанию, религиоведению и литературоведению. В числе авторов этих изданий: В.А. Архангельская, С.В. Базарнова, Б.П. Гинзбург, А.А. Денискин, М.Я. Курашова, Е.Ю. Матвеева, Р.Р. Мдивани, А.И. Слива, В.Б. Смиренский, Г.Г. Хадиаров, Г.П. Швырева, С.О. Шевцова, О.В. Этова. В процессе подготовки изданий в решении спорных или сложных вопросов нам помогали члены редколлегий: Г.С. Антонюк, Л.Н. Верченов, Л.В. Гирко, М.В. Ильин, Ю.А. Кимелев, А.М. Кулькин, О.С. Ли, Е.В. Магай, Е.Ю. Мелешкина, Ю.С. Пивоваров, Е.И. Серебряная, А.И. Слива, П.Я. Стрельченко.

Терминология отраслевых тезаурусов дает возможность выбрать определенный массив лексики, отражающий межотраслевую и/или проблемно-ориентированную тему. Полученный таким образом лингвистический инструмент позволяет, используя программные средства, формировать на основе выборки из библиографических баз данных нужный массив документов. Например, ИНИОН в 2003 г. получил грант от Института «Открытое общество», в результате чего Л.В. Алексеевой, И.Л. Беленьким, М.А. Боровик, Б.П. Гинзбургом, В.А. Глуховым, Е.В. Магай, Р.Р. Мдивани и Л.В. Шемберко были созданы: Тезаурус по гендерным исследованиям (3,5 тыс. терминов), соответствующая программа выборки из отраслевых баз данных и проблемно-ориентированная база данных, доступная на сайте Института.

Признание ИНИОН как крупнейшего в мире информационного центра по социальным и гуманитарным наукам позволило внести определенный вклад в международное сотрудничество. Например, в начале 2007 г. руководство информационного подразделения Немецкого института международных отношений и безопасности (входящего в состав учреждения науки и политики –

---

[1] *Мдивани Р.Р.* О разработке серии тезаурусов по социальным и гуманитарным наукам // Научно-техническая информация. Сер. 2. Информационные продукты и системы. – М.: ВИНИТИ РАН, 2004. – № 7. – С. 1–9.

Stiftung Wissenschaft und Politik, Berlin) обратилось с просьбой провести работу по переводу и редактированию русской версии многоязычного «Европейского тезауруса по международным отношениям и региональным исследованиям». Тезаурус разрабатывался на девяти языках по проекту Совета Европы под общим руководством и на технической базе Немецкого института. Работа над русской версией шла без участия ИНИОН в течение нескольких лет в двух других институтах РАН. За годы работы из примерно 13 тыс. терминов было переведено на русский язык 4 тыс., в то время как работа в других странах – участницах проекта была практически завершена к 2007 г. Немецкие коллеги попросили ИНИОН взять на себя непосредственное руководство работой. Присутствовавшие на встрече сотрудники ИМЭМО согласились осуществить перевод 20% терминов, а Институт Европы от участия в проекте отказался. Старший научный сотрудник нашего Института М.С. Пальников взялся перевести раздел «Экономика». Остальную работу – перевод, добавление синонимов, редактирование всего массива и ввод в базу данных – взяла на себя группа разработки тезаурусов. Проект русской версии был завершен в начале 2008 г. и включен в состав многоязычного Европейского тезауруса[1]. По оценке зарубежных коллег, ИНИОН подтвердил свою репутацию серьезного информационного центра.

За время работы в Институте мне довелось участвовать и в некоторых других международных проектах. Интерес западных научных кругов к развитию общественных наук в социалистических странах был высок. По инициативе Венского центра европейского сотрудничества в области информации и документации по социальным наукам (European Cooperation in Social Science Information and Documentation – ECSSID) наш Институт совместно с национальными органами МИСОН подготовил библиографию избранных работ обществоведов европейских социалистических стран в трех томах[2]. Включенные в библиографию публикации снабжены краткими, но информативными рефератами на английском языке. Редколлегия, куда входили и западные ученые

---

[1] Mode of access: http://www.ireon-portal.eu/index.php?id=91&js=no&L=1. Публикацию о проекте см.: http://www.einiras.org

[2] Social sciences in socialist countries: Selected literature. Vol. 1: Literature, 1978–1979. – M., 1981 – 265 p.; Vol. 2: Literature, 1980–1985 / Ed. by R. Mdivani et al. – M., 1986. – 343 p.; Vol. 3: Literature, 1986–1988 / Ed. by L.Verchenov et al. – M., 1988. – 226 p.

(В. Филиас – Национальный центр социальных исследований, Афины; М. Херфурт – Информационный центр по социальным наукам, Бонн; Ж. Мейриа – Национальный фонд политических наук, Париж), высоко оценила качество представленных ИНИОН материалов.

Приведу еще один пример сотрудничества в области библиографии. В июне 1977 г. по инициативе В.А. Виноградова в ИНИОН проходило первое в Европе совещание по вопросам информации в области общественных наук. В совещании приняли участие представители информационных центров 20 европейских стран, Канады и шести международных организаций. В перерыве одного из заседаний генеральный секретарь редакции ежегодника «Международная библиография по общественным наукам»[1] (основана в 1952 г. ЮНЕСКО совместно с Международным комитетом по информации и документации в области общественных наук – ICSSID) Ж. Мейриа обратился к нашему директору с просьбой присылать материалы для этого издания. Владимир Алексеевич рекомендовал меня в состав редакции. Библиографическая информация о работах советских ученых стала регулярно (с 1978 по 1986 г.) публиковаться в этой международной библиографии.

Интерес Запада к нашим социальным и гуманитарным наукам не ограничивался библиографией. (Речь идет только о тех проектах обмена информацией, в подготовке которых я участвовал вместе со своими коллегами.) Так, например, в рамках совместных проектов Американского Совета научных обществ и Комиссии по социальным и гуманитарным наукам Академии наук наш Институт подготовил для издания в США два справочника: один – об институтах АН СССР, а второй – об институтах академий наук бывших советских республик, включая Россию[2]. Справочники содержат краткую историю академических учреждений, подробное описание структуры, количество научных сотрудников (академиков, докторов и кандидатов наук), имена руководителей, темы приоритетных научных направлений и т.п. Кроме того, в справочники включены предметные указатели и указатели имен.

---

[1] International bibliography of the social sciences / Prep. by the International commity for social science information and documentation. – London: Tavistock publications; Chicago: Aldine publishing company, 1952 –...

[2] A Scholar’s guide to humanities and social sciences in the Soviet Union / Project supervisors: V. Vinogradov, B. Ruble; Ed.: M. Teeter, R. Mdivani, V. Pliushchev, L. Skvortsov, W. Fisher; Working group: V. Osinov, V. Cherviakov, G. Levina, O. Dorokhina, E. Magaj. – N.-Y.: M.E. Sharpe, 1985. – 310 p. ; A scholar’s guide to humanities and social sciences in the Soviet successor state / Project supervisors: V. Vinogradov, B. Ruble; Ed.: M. Teeter, R. Mdivani, V. Pliushchev, L. Skvortsov, W. Fisher; Working group: V. Osinov, V. Cherviakov, G. Levina, O. Dorokhina, E. Magaj. – N.-Y.: M.E. Sharpe, 1993. – 228 p.

В ином ключе был подготовлен Справочник российских ученых-славистов, работающих в Российской академии наук[1]. Он содержит сведения о месте работы и должности 830 ученых, их образовании, ученой степени, круге основных научных интересов, адреса и телефоны. Подробный предметный указатель издания систематизирован по основным темам и ареалам исследований. Этот справочник оказал большую помощь в установлении научных контактов между российскими учеными и членами Американской ассоциации по развитию исследований в области славистики. Руководителем всех трех проектов с нашей стороны был академик В.А. Виноградов.

Работа над этими тремя справочниками, на мой взгляд, была образцом сотрудничества разных подразделений ИНИОН: Виктор Иванович Плющев и его сотрудники провели тщательную и объемную работу по сбору материалов; переводы делала Галина Левина; я и мои сотрудники провели редактирование материалов, предметизацию, транслитерацию русских слов и подготовку английских оригинал-макетов к изданию.

Я постарался рассказать о своей работе в ИНИОН, которая началась 40 лет назад. Это было время, когда слова о том, что работаешь в Академии наук, вызывали уважение окружающих. Сегодня у большей части нового поколения это вызывает в лучшем случае сочувствие, а в противном – мысль, что «работа дураков любит». Но Академия, слава Богу, жива, и приходит на ум, что не так уж плохо работать во имя любви к своему делу и приносить пользу науке.

---

[1] Directory of Scholars in Slavic studies in institutes of the Russian academy of sciences / Project Directors: Dorothy Atkinson, Vladimir A.Vinogradov; Ed.: Robert Mdivani, Matt F. Oja, Victor Pliushchev, Mark H. Teeter; Compiled by: I. Bondarenko, O. Dorokhina, G. Levina, O. Lushnikova, E. Magaii, R. Mdivani, V. Pliushchev, M. Pozd-niakova. – Stanford, California: American association for the advancement of Slavic studies (AAASS); Moscow: Institute of scientific information in the social sciences (INION) of the Russian academy of sciences, 1993. – 110 p.

Л.Н. Тарасов

МЫ СДЕЛАЛИ ЭТО!
(О СОЗДАНИИ ИНТЕГРАЛЬНОЙ АВТОМАТИЗИРОВАННОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ В ИНИОН АН СССР, 1976–1982 гг.)

Тарасов Лев Николаевич (1 марта 1936, Свердловск). Окончил факультет самолетостроения Московского авиационного технологического института (1965). Кандидат экономических наук (1982). Специалист в области проектирования и внедрения технологического обеспечения автоматизированных систем. В 1976–1984 гг. заведующий сектором исследований и разработки информационной технологии отдела исследований и разработки информационных систем, заместитель главного конструктора Автоматизированной информационной системы по общественным наукам (АИСОН).

«В последние годы, бывая в крупнейших западных библиотеках, можно услышать: “А у вас, в ИНИОН, Виноградов сделал это раньше и лучше, чем мы”. Увы, речь идет о наших победах 70–80-х; ныне же мы практически “вне игры”. Но это, как говорится, уже другая история», – писал Ю.С. Пивоваров в рецензии на мемуары В.А. Виноградова «Мой XX век: воспоминания»[1].

Так что же было сделано такое значительное в ИНИОН в те годы? Раньше и лучше, чем в библиотеках западных стран, была создана, а не заимствована автоматизированная система научно-технической информации по общественным наукам – ИАИС ИНИОН. Для этого были весьма убедительные основания. Во-первых, информационная деятельность ИНИОН имела особенности, отличающие ее от других информационных центров. Во-вторых, методика обработки входного документопотока (литературы) и информационная деятельность ИНИОН не вписывались в возможности в то время доступных автоматизированных информационных систем (АИС) (речь идет об АИС ВИНИТИ и ГПНТБ). Правда, опыт разработки и эксплуатации этих АИС для нас был, безусловно, полезен.

---

[1] См.: *Виноградов В.А.* Мой XX век: воспоминания. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Наука, 2005. – 405 с. ; *Пивоваров Ю.С.* [Рец. на кн.]: Виноградов В.А. Мой XX век: воспоминания. – М.: Калан, 2003. – 416 с. // Новая и новейшая история. – М., 2004. – № 5. – URL: http://vivovoco.rsl.ru/VV/JOURNAL/NEWHIST/INION.HTM

Итак, в ИНИОН в 1980 г. на базе технических средств – ЭВМ М-4030, ЭВМ НР-3000, фотонаборного автомата «Дигисет» и аппаратуры передачи данных и коммуникации приступили к эксплуатации в рабочем режиме пускового комплекса ИАИС ИНИОН.

В протоколе о приемке в эксплуатацию системы Межведомственная комиссия, возглавляемая вице-президентом АН СССР академиком А.Н. Тихоновым, особо отметила, что «работы по созданию пускового комплекса ИАИС ИНИОН выполнены в сжатые сроки небольшим числом разработчиков в соответствии с требованиями “Единого порядка и технических условий разработки и внедрения автоматизированных подсистем обработки, поиска, хранения, выдачи и передачи информации”»[1].

После столь обширного введения в историю создания ИАИС ИНИОН мне хочется приступить к рассказу о том, как это происходило, и, главное, вспомнить тех, кто участвовал в создании системы, начинал этот проект и успешно реализовал первую очередь ИАИС ИНИОН – пусковой комплекс.

Многих нет уже с нами, многие на пенсии, но кое-кто до сих пор трудится в стенах ИНИОН. Иногда встречаясь с ними и беседуя о тех годах, вижу, как они оживают, светлеют их лица, и просыпается в каждом из них гордость за созданную ими в те годы автоматизированную информационную систему.

На работу в ИНИОН я был принят в апреле 1976 г. Дело случая, что я оказался в коллективе разработчиков АИС ИНИОН. Как-то, выйдя из метро «Профсоюзная», я увидел сверкающее огромными окнами громадное здание и вход в него по арочному мосту через невероятно большой бассейн, орошаемый многочисленными фонтанами. Долго любовался этой картиной. Заметил возле троллейбусной остановки что-то вроде доски объявлений. Вчитался в текст наклеенной бумажки – «Приглашаются специалисты: инженеры ЭВМ, программисты…» и телефон. Вроде мне ни к чему, но телефон запомнил. А на другой день позвонил, просто из любопытства.

---

[1] Протокол приемо-сдаточных испытаний пускового комплекса Автоматизированной системы научно-технической информации по опубликованным отечественным и зарубежным источникам информации в области общественных наук (АСНИТИ ОН) // Акт и протоколы Межведомственной комиссии по приемке в промышленную эксплуатацию Автоматизированной системы научно-технической информации по опубликованным отечественным и зарубежным источникам информации в области общественных наук, Москва. 1980 г. – М., 1980. – С. 6.

У входа в здание встретил меня молодой человек, который назвался Андреем Родионовым. Он провел меня по узким длинным коридорам первого этажа в небольшую комнату, где и состоялась моя первая беседа с Вильямом Ризатдиновичем Хисамутдиновым, представившимся заведующим сектором.

В.Р. Хисамутдинов интересовался местом моей работы – чем я занимаюсь, в какой должности, и, узнав, что я имею некоторую практику работы на ЭВМ и кое-что смыслю в стандартном программном обеспечении ЭВМ серии ЕС, особого интереса ко мне как специалисту не проявил. Но когда я рассказал о своем участии в разработках сложных систем, об опыте обработки на ЭВМ телеметрической информации, о некоторых связях, как оказалось, в известных и ему организациях, он сообщил, что в ИНИОН планируется создать ИАИС и что на концептуальном уровне уже обсуждается этот проект. Рассказал, что ИАИС будет функционировать не только в рамках Института, но распространит свои возможности на республиканские информационные центры и на центры стран Варшавского договора, и, более того, может быть, будет функционировать в системах международного обмена информацией.

В общем, наша беседа затянулась и превратилась в обсуждение проблем создания АИС. Мы оба увлеклись разговором на эту тему и в конце концов В.Р. Хисамутдинов предложил мне работу в своем секторе. Практически он уговорил меня – и я дал согласие, но предупредил его, что в моем лице он получит специалиста, но не человека «белого и пушистого». Оставив ему телефон отдела кадров с моего места работы, посоветовал позвонить и узнать обо мне все, что ему захочется. Я был уверен, что после звонка он не захочет увидеть меня в своем коллективе. Однако недели через три В.Р. Хисамутдинов позвонил мне и сообщил, что подписан приказ о моем зачислении на должность и.о. старшего научного сотрудника в сектор теоретических проблем использования электронной вычислительной техники. Так я оказался в числе сотрудников ИНИОН.

В.Р. Хисамутдинов познакомил меня с коллективом сектора – программистами Н.И. Косиченко, С.Н. Ласуновым, Л.Б. Косовой, Н.П. Жаровой, Е.Д. Чепкасовой – и охарактеризовал их как опытных специалистов, но пока «безлошадных» (собственной ЭВМ в ИНИОН в тот момент не было, и программистам приходилось практиковаться на ЭВМ в других организациях). По поведению А.Б. Родионова мне стала понятна его роль в этом коллективе – роль руководителя группы программистов. За эксплуатацию ЭВМ, которую планировалось установить в ИНИОН, отвечали кандидаты технических наук М.А. Цибров и В.И. Довгий.

Познакомился с Е.П. Положихиной, Н.С. Суровой, Л.А. Дорониной, Н.С. Малявиной, О.М. Ливеровской, Н.А. Тимофеевой, Л.В. Ужинской. Роль их как специалистов мне была непонятна – и не программисты, и не разработчики, вроде все заняты, но чем? Конечно, к программистам это не относилось: они были заняты – адаптировали заимствованные из других организаций программы под задачи ИАИС ИНИОН.

В.Р. Хисамутдинов предложил мне, прежде чем приниматься за проектирование АИС, ознакомиться с наработками, которые уже были сделаны в ИНИОН. Кроме того, дал понять, что возлагает на меня большие надежды и в помощи по эксплуатации ЭВМ, а главное – в привлечении части женского коллектива сектора к проектированию системы.

Из бесед с В.Р. Хисамутдиновым стало ясно, что Институт «кровно» заинтересован в успешности создаваемой системы и со стороны директора ИНИОН В.А. Виноградова сектор получает всяческую поддержку. Последнему я особенно порадовался, так как, имея опыт разработки сложных технических систем, знал, что без энергичной поддержки руководителя организации ни одна «система» никогда не будет реализована.

Вчитываясь в концепцию ИАИС ИНИОН, в тексты отчетов о проделанной работе в части проектирования системы, я понял, что волею судьбы вовлечен в интересное предприятие, совершенно новое для меня как специалиста. Появился азарт в работе, которым мне удалось несколько позднее «заразить» женский коллектив, оказавшийся под моим началом. Для реализации проекта была необходима своя ЭВМ, надежно работающая и доступная программистам в любое время.

Несколько удивляло прохладное отношение к вводу в эксплуатацию ЭВМ со стороны М.А. Циброва и В.И. Довгия. На мой взгляд, М.А. Цибров больше занимался «политикой» (борьбой за главенство в разработке ИАИС ИНИОН), а В.И. Довгий, не имея опыта эксплуатации ЭВМ, просто не представлял, что делать с ЭВМ, стоявшей около полугода в здании Института в заводской упаковке.

В.Р. Хисамутдинов отлично понимал сложившуюся ситуацию и находился в поиске эксплуатационников ЭВМ. Опытные специалисты не шли к нам работать – их не устраивала заработная плата. Другие, менее опытные, не устраивали нас. Пришлось прибегнуть к известной традиции: сам устроился – веди за собой специалистов. Так в Институте появились А.Н. Новиков и А.Н. Тарасов, имевшие опыт эксплуатации ЭВМ серии ЕС. Переходя на работу в ИНИОН, они значительно повышали свой статус как специалисты.

Вскоре была сформирована группа эксплуатации ЭВМ в составе: В.И. Довгий – начальник ЭВМ, А.Н. Новиков и А.Н. Тарасов – инженеры-электронщики, Д.С. Шлыков – механик ЭВМ. Группа срочно отбыла в Киев постигать науку эксплуатации ЭВМ М-4030. Обогатившись знаниями, через три месяца они вернулись в Институт и приступили к вводу в эксплуатацию ЭВМ. Отказавшись от «законного способа» проведения работ по подготовке машинного зала, группа эксплуатации ЭВМ за очень короткое время подготовила помещение для ее монтажа.

Необходимо, конечно, рассказать, что же это был за незаконный способ, позволивший в ускоренном темпе выполнить строительные работы. Читателю небезынтересно будет узнать в какое время это происходило – время, когда хозяйственникам в решении подобных задач свойственна была нерасторопность, каждое их действие согласовывалось на разных уровнях, обрастало ворохом разрешительных бумажек. Поэтому и появился так называемый незаконный способ, позволявший ускоренно решать любые проблемы при помощи извечного на Руси «катализатора» – водки.

Нашему Институту в какой-то мере повезло в том, что рядом с нашим зданием строился корпус медицинской библиотеки. Имея в своем распоряжении спирт, наши специалисты заполучили не только рабочую силу, но и необходимые материалы от строителей медицинской библиотеки. Таким образом за короткий срок удалось превратить три смежные комнаты, лишив их перегородок, в сверкавший новыми полами и заново окрашенными стенами машинный зал для ЭВМ.

Усилиями М.А. Циброва (опять же за спирт!) на АЗЛК был добыт комплект фальшпола для машинного зала (около 400 алюминиевых литых плит). Если вспоминать, на какие ухищрения при запуске ЭВМ нам приходилось идти, то станет ясно, как часто мы нарушали закон.

Но дело было сделано: машинный зал подготовлен. Мужской коллектив сектора объединился в дружную команду, и за два дня практически на руках тяжеленные агрегаты ЭВМ по узким длинным коридорам были перенесены в машинный зал.

Из Киева прибыла пуско-наладочная бригада в количестве десяти человек для ввода в эксплуатацию ЭВМ М-4030. И когда приступили к монтажу ЭВМ, то обнаружилось, что требуется расходный материал: провода, припои различной температуры плавления. Для пайки «глубокого минуса» необходимо было иметь 0,5 кг серебряного припоя. Требовалось пробурить 30-метровую скважину под закладку «глубокого минуса». Со скважиной проблему решили: вечером на стройке «отловили» бурового мастера, и он за спирт выполнил наш заказ – пробурил скважину. А вот расходные материалы, да еще в том объеме, что нам требовались, ни за какой спирт приобрести было невозможно. «Академснаб» на просьбу обеспечить нас всем необходимым потребовал заявку и обещал в течение месяца ее удовлетворить. Специалисты-снабженцы еще попеняли нам, что побеспокоиться надо было загодя.

Как быть? Бригада наладчиков простаивала и собиралась вернуться в Киев, сроки нас поджимали. И я решил использовать старые связи. Позвонил в НИИАП[1], прежнее место моей работы, заместителю директора по науке В.Л. Лапыгину, обрисовал ему ситуацию, в которую мы попали. К вечеру того же дня из стен закрытой организации на машине привезли нам все, что требовалось, притом без всякой оплаты.

На этом мое участие в пуско-наладочных работах ЭВМ закончилось.

Наверное, утомительно читать такие подробности. Но я специально хочу обратить внимание читателя на то, как сложно было не только организовать разработку системы (о чем речь пойдет ниже), но и какие возникали трудности, казалось бы, в таком простом деле, как запуск в работу ЭВМ.

Параллельно с выполнением работ по вводу в эксплуатацию ЭВМ М-4030 в ИНИОН интенсивно разворачивалась работа по проектированию системы. Формулировались задачи, решение которых должна была обеспечивать АИС:

– обработка источников информации и ввод данных о них в ЭВМ;

– формирование баз данных (БД);

---

[1] НИИАП – Научно-исследовательский институт автоматики и приборостроения. Сейчас Научно-производственный центр автоматики и приборостроения им. академика Н.А. Пилюгина. – *Прим. ред.*

– выпуск печатных изданий с использованием средств вычислительной техники;

– поиск информации по накопленным данным в БД;

– взаимодействие с другими АИС;

– дистанционный доступ к БД ИАИС ИНИОН;

– объединение в единый комплекс создаваемых подсистем ИАИС ИНИОН, обеспечение их взаимосвязи и ритмичного функционирования.

Для решения подобных задач, а также возникающих новых в процессе проектирования требовались специалисты, имеющие опыт в их реализации. Надо отдать должное умению В.Р. Хисамутдинова разглядеть среди кандидатов в сотрудники сектора таких специалистов. В числе сотрудников появился В.Г. Зайцев и сразу возглавил работы по проектированию справочно-информационного обслуживания абонентов с использованием вычислительной техники. Был принят на работу В.Е. Дашко, специалист по решению задач удаленного доступа к базам данных. Новые сотрудники сектора пришли в Институт, имея при себе готовое программное обеспечение для решения своих задач. Были приняты на работу опытные специалисты: С.А. Горбань (1976), В.М. Гусев, И.Л. Михалько, А.Л. Горин, Н.П. Арванцова (1978). Так образовался вполне работоспособный коллектив специалистов.

После неоднократных обсуждений необходимости реорганизации сектора с руководителями организовавшихся групп специалистов по направлениям их деятельности В.Р. Хисамутдинов предложил дирекции Института структуру уже не сектора, а отдела. Впоследствии, исходя из решаемых им задач, он получил наименование отдела исследования и разработки информационных систем (ОИРИС). В 1979 г. в рамках отдела статус самостоятельных подразделений получили три сектора:

– эксплуатации вычислительных систем;

– программного обеспечения;

– исследования и разработки информационных технологий.

Дирекция согласилась с такой структурой и спустя какое-то время были назначены руководители секторов. Заведующим сектором эксплуатации вычислительных систем и программного обеспечения был назначен В.Г. Зайцев, руководителем группы программного обеспечения – А.Б. Родионов, заведующим сектором исследования и разработки информационных технологий – Л.Н. Тарасов.

Итак, в ОИРИС сложился работоспособный коллектив, объединенный необходимостью реализовать проект, – разработать автоматизированную информационную систему. И потекли день за днем часы рутинной работы над проектом. Вот тут-то одна за другой и стали возникать проблемы. В частности выяснилось, что для разработки сложной системы, отвечающей тем задачам, которые ставились перед ИНИОН как головным информационным центром в области общественных наук, в ОИРИС недостаточно специалистов. Руководство Института нашло выход из этой ситуации: разрешило на время проектирования привлекать специалистов из других подразделений. Таким образом технологи заполучили необходимых специалистов, некоторые из них впоследствии оказались в коллективе сектора (например, руководитель группы старший научный сотрудник М.Н. Смирнова).

Готовность программистов к созданию рабочих программ, а также к адаптации заимствованных под задачи ИАИС ИНИОН была неоспорима, но не было грамотных технических заданий на программирование, а те, что предлагались, не были четко формализованы. Однако выход был найден. К программисту, реализующему техническое задание, прикрепляли специалиста, который должен был сопровождать весь процесс программирования, объясняя, что же, в конце концов, он хочет от программы.

В общем, уже имелось все для успешной реализации проекта: ЭВМ М-4030 – в рабочем состоянии, у программистов машинного времени с избытком, достаточно специалистов, как со стороны «заказчика», так и исполнителя заказа. Но реализация системы начала буксовать, время уходило. Проблемы нарастали как снежный ком. Технологи не всегда могли добиться понимания от заказчика, что мешало объединить в единое целое, в слаженный механизм людей и технику.

В.Р. Хисамутдинов принимал происходящее близко к сердцу. Да и мы, рядовые сотрудники отдела, понимали, что невыполнение в срок задачи – создания работоспособной ИАИС ИНИОН – это крах для нас как специалистов, взявшихся разработать свою автоматизированную систему.

Сотрудники Института проявляли живой интерес к тому, как реализуется проект и что происходит при этом в ОИРИС. Некоторые не верили в успех создания своей АИС, но большинство искренне переживали за начатое дело и помогали нам и советом, и делом. Однако были и предложения, шедшие вразрез с нашими устремлениями.

Так, М.А. Цибров и С.А. Пищальников, имея опыт наблюдения за функционированием работавших в то время АИС, считали, что в ИНИОН не может быть за короткое время спроектирована и запущена в работу своя система, и потому настаивали на заимствовании технологии обработки входного документопотока и программного обеспечения в ВИНИТИ и ГПНТБ.

Следует отметить: свою ИАИС ИНИОН мы создавали, изучив опыт проектирования и эксплуатации АИС в других организациях. Группами и поодиночке мы посещали ВИНИТИ и ГПНТБ, знакомились с проектами и рабочей документацией работающих в этих организациях АИС. Что же мы, как разработчики системы, вынесли для себя из этих организаций?

Да, эти организации обрабатывают огромное количество документов с целью занесения информации о них в БД своих АИС. Да, эти организации обслуживают абонентов систем, рассылая им информацию по запрашиваемой тематике, как в бумажном виде (распечатки), так и на магнитных лентах. Но взаимодействие между этими АИС затруднялось из-за носителей информации (магнитных лент), из-за кодирования информации по различным стандартам. Кроме того, нас удивило огромное количество специалистов, обслуживающих эти АИС.

Мы наглядно убедились в том, что взаимодействие АИС возможно только при стандартизации представления информации в БД, стандартизации описания источников информации, так называемого библиографического описания (БО). Кроме того, мы пришли к выводу, что при создании своей АИС для ее успешного функционирования в автоматизированных информационных сетях необходимо учитывать особенности обработки литературы и в международных АИС.

Но вернемся к тому, как проходил процесс проектирования и реализации ИАИС ИНИОН. Сроки проектирования и тем более реализации срывались из-за некоторого недопонимания между заказчиками и исполнителем заказа. Надо было что-то предпринимать, вырабатывать организационное решение, которое способствовало бы успешной реализации проекта.

В.Р. Хисамутдинов, выступая в роли главного конструктора (ГК) ИАИС ИНИОН, предложил создать институт заместителей главного конструктора, который, по его мнению, мог бы успешно координировать работу специалистов, участвующих в проекте. Заместителями ГК были назначены: заведующий отделом научного описания информационных материалов (ОНОИМ) И.Я. Госин, заведующий отделом научно-библиографической информации (ОНБИ) Р.Р. Мдивани, заведующий сектором ОИРИС В.Г. Зайцев, заведующий сектором ОИРИС Л.Н. Тарасов.

Так, И.Я. Госину вменялось в обязанность направлять усилия своих сотрудников на адаптацию структуры БО источников информации к возможности ввода его в ЭВМ, а также обеспечить достаточность элементов описания для решения задач ИАИС ИНИОН.

Р.Р. Мдивани со своими специалистами отвечал не только за качественный отбор источников информации по различной тематике и за содержательную сторону выпускаемых автоматизированным способом информационных печатных изданий. Ему предстояло создать ряд информационных тезаурусов по общественным наукам, которые обеспечивали бы качественный многоаспектный поиск сведений по заданной тематике в БД. В.Г. Зайцев отвечал за внедрение в практику справочно-информационного обслуживания (СИО) абонентов системы средствами вычислительной техники, а также – за их дистанционный доступ к БД ИАИС ИНИОН.

Мне как заместителю главного конструктора предстояло связать информационные процессы в единое целое, т.е. организовать технологию функционирования ИАИС ИНИОН, что, конечно, было сделать непросто. Трудность заключалась в том, что ИАИС ИНИОН – это не просто набор вычислительных средств, с помощью которых решаются те или иные задачи. Это человеко-машинная система, в которой человек взаимодействует с техническими устройствами в процессе обработки информации.

Практика разработки и эксплуатации человеко-машинных систем наглядно показала, что не все так просто. ЭВМ «безразлично» что делать – просто стоять или находиться в рабочем состоянии. Человеку же не безразлично – он привык к определенному ритму работы, к окружающей обстановке, общению с коллегами и т.п., а тут вдруг появляется ЭВМ – этакий монстр, и выполняет то, что прежде делал человек (например, сортировку, кодировку, распечатку текстов и т.п.). В такой ситуации человек начинает чувствовать себя слугой ЭВМ. Не сразу, постепенно человек учится не отторгать ЭВМ, и тогда человеко-машинная система начинает работать без сбоя.

Сегодня все обстоит иначе. За десятилетия, минувшие с той поры, когда в ИНИОН создавалась ИАИС, вычислительная техника прочно внедрилась не только на производстве, но и в быту, так что на психологическом уровне проблем с ее использованием практически не существует. Но в то время, когда мы создавали свою АИС, эта проблема стучалась в двери всех организаций, внедрявших ЭВМ в производственные процессы. Так что в этом плане ИНИОН не был исключением.

При обсуждении со специалистами Института очередных проблем, возникавших при разработке новой технологии обработки документопотока, приходилось разбираться не только в затруднениях проектирования, но и показывать, каковы будут роли ЭВМ и человека при новой организации работы. Почти все такие обсуждения проходили в спорах и в отрицании специалистами Института необходимости что-то менять в устоявшихся и привычных методах работы.

После таких горячих встреч голова шла кругом. При обоюдном согласии заказчика и исполнителя заказа, т.е. специалистов Института и технологов, в том, что проект должен быть реализован, дело продвигалось медленно, как говорится, со скрипом. Необходимо было что-то предпринять, чтобы мы смогли, наконец, понять друг друга.

В один из дней, разгоряченный очередной «баталией», я зашел к И.Я. Госину. Разговорились. Игорь Яковлевич поинтересовался, чем я занимался до прихода в ИНИОН. В рамках дозволенного (все, кто в то время работал в закрытых организациях, давали подписку о неразглашении и несли уголовную ответственность за ее нарушение) я рассказал о своей работе на заводе им. М.В. Хруничева в КИС – контрольно-испытательной станции по отработке и испытанию сложных систем управления и в фирме Н.А. Пилюгина в НИИАП (системы управления ракетами). Рассказал о методах, которые использовались в этих фирмах для стимуляции активности специалистов при реализации проектов – о так называемых мозговых штурмах. Последнее особенно заинтересовало Игоря Яковлевича, и он предложил организовать обследование документооборота, поступающего на обработку. Правда, в таком предложении не было ничего нового. В практике проектирования сложных систем применялось обследование объекта автоматизации, но, по мнению Игоря Яковлевича, оно будет весьма полезным и в нашей ситуации. Так родилось предложение об обследовании системы обработки документооборота Института как объекта автоматизации информационных процессов.

Это предложение не сразу нашло поддержку у В.Р. Хисамутдинова. Да и мы с Игорем Яковлевичем без всякого «обследования» понимали, какие задачи необходимо решить при реализации ИАИС ИНИОН. Но мы также видели и то, что такой этап в проектировании позволит вовлечь в работу над проектом многих специалистов Института и, в конце концов, создаст благоприятную атмосферу сотрудничества. Последнее, очевидно, убедило главного конструктора в необходимости «обследования», в результате чего и появился разрешительный приказ директора ИНИОН В.А. Виноградова.

В работу по «обследованию» были вовлечены практически все подразделения Института. Руководители отделов выделили сотрудников, которых мы в рабочем порядке могли привлекать к беседам по любому возникающему вопросу.

В течение месяца по согласованному с руководителями отделов графику технологи совместно со специалистами Института исследовали традиционную методику обработки документопотока и выявили «слабые места», которые необходимо было модернизировать, используя возможности вычислительной техники. Следует отметить, что специалисты Института не сразу положительно отнеслись к участию в «обследовании» и рассматривали это мероприятие как возможность еще раз поговорить «за жизнь». Но когда они поняли, что из их повседневного, утомительного труда исчезнут рутинные операции и их возьмет на себя ЭВМ, увлеклись работой. Практически из всех отделов Института к технологам стали стекаться предложения не только по оптимизации традиционной технологии обработки документопотока, но и требования к новой, с использованием ЭВМ.

В нашу технологическую группу практически на постоянной основе вошли многие специалисты из других отделов. Завсегдатаями обсуждений стали М.Н. Смирнова (ОНОИМ), В.А. Архангельская (ОНБИ), Ю.Д. Рыскин (ОНБИ), В.А. Глинский (ОНБИ), Г.З. Головков (ОНОИМ), Л.В. Шемберко (ОЛОИС – отдел лингвистического обеспечения информационных систем), Р.Я. Межеборская (ОНОИМ) и многие другие. К сожалению, я помню не всех!

В «обследовании» принимали участие более 60 человек. Совместными усилиями участники этого мероприятия выпустили отчет, в котором любой сотрудник Института мог увидеть свое место в традиционной системе обработки документопотока и предположить, где оно окажется при внедрении новой технологии.

Результаты обследования подробно обсуждались на ученом совете Института. Заместитель директора И.А. Ходош в своем выступлении высоко оценила этот труд специалистов, который показал все стороны деятельности Института при обработке документопотока и, главное, выявил слабые места в традиционной технологии создания информации. В заключение Ходош отметила, что результаты обследования будут весьма полезны при создании ИАИС ИНИОН. В результате совместной работы обе стороны – гуманитарии и инженеры – взаимно обогатились знаниями. Гуманитарии поняли, что такое ЭВМ, а инженеры приобрели знания по библиотечному делу. Все стали, наконец, понимать язык друг друга. Такую оценку проделанной работы поддержали В.Р. Хисамутдинов, Р.Р. Мдивани, С.К. Виленская и, конечно же, И.Я. Госин.

Важно отметить, что обследование документопотока позволило также получить статистические данные о количестве и ритмичности поступления в ИНИОН литературы по различным каналам комплектования фондов. Эти данные позволили математически описать входной документопоток и разработать соответствующую модель, экспериментируя с которой на ЭВМ, мы смогли представить в виде графиков ритмичность поступления литературы, определить узкие места при обработке документопотока. Работу по моделированию выполнил научный сотрудник нашего сектора А.С. Косов, который впоследствии приступил к разработке подсистемы управления технологическими процессами в ИАИС ИНИОН. Мы задумались над тем, как организовать технологические процессы в ИАИС ИНИОН, чтобы увеличить пропускную способность узких мест[1].

Систематизировав результаты «обследования», мы выяснили, что литература, поступающая на вход традиционной системы, подвергается обработке под каждую отдельно решаемую задачу, якобы отличающуюся от других специфичностью. Очевидна была необходимость однократной обработки литературы, результаты которой были бы достаточны для любых задач, решаемых в ИАИС ИНИОН.

Стало понятно, что в БД ИАИС ИНИОН должна вводиться так называемая библиографическая запись (БЗ), которая включала бы в себя как формальные элементы, идентифицирующие источник информации, так и содержательную часть, раскрывающую суть источника. Было над чем подумать!

---

[1] Интерпретация результатов анализа статистических данных документопотока, поступающего в ИНИОН АН СССР (промежуточный отчет). Тема № 0.80.18(СЭВ)03.01. Утв. 1979 / АН СССР. ИНИОН ; научный руководитель В.А. Виноградов, главный конструктор системы В.Р. Хисамутдинов. – М., 1979.

Специфика информационной деятельности ИНИОН выдвигала ряд требований к структуре и наполнению данными БЗ. Принимая во внимание эти требования, специалистами ОНБИ, ОНОИМ, ОЛОИС и технологами ОИРИС были сформированы структура и наполнение данными БЗ, представляющая собой набор отдельных блоков: БО документа, содержательного описания документа, поискового образа документа (рубрик, ключевых слов), служебной информации, идентифицирующей каждый блок БЗ и его элементы.

Деление БЗ на самостоятельные блоки позволяло реализовать в соответствии с принятой технологией обработки поэтапное наполнение рабочего листа (РЛ) предмашинного формата (ПФ) данными о документе.

Специалистам ОНОИМ предстояло модернизировать описание литературы таким образом, чтобы, с одной стороны, его содержание было достаточным для решения задач в ИАИС ИНИОН, а с другой – чтобы оно отвечало требованиям принятых стандартов.

Специалисты ОНБИ работали над проблемами содержательной обработки литературы, результаты которой не только раскрывали бы суть источника информации, но и позволяли формировать средствами вычислительной техники информационные издания, отвечающие требованиям издательских стандартов, и, кроме того, реализовать автоматизированный поиск источников информации в БД ИАИС ИНИОН по заданной тематике.

На долю технологов выпала проблема представления сведений об источнике информации в структуре «понятной» ЭВМ – разработать ПФ и его представить в виде РЛ.

Итогом работы подразделений над этими проблемами явился набор ТЗ для программирования задач, решаемых ИАИС ИНИОН.

Программистам ОИРИС предстояло реализовать в виде программ для ЭВМ все то, что названные выше специалисты сформулируют в виде технического задания (ТЗ) на программирование.

Разработкой РЛ и ПФ занимались Е.П. Положихина, А.В. Шершова (ОИРИС), И.Я. Госин, Н.К. Костоньян, М.Н. Смирнова (ОНОИМ). В процессе разработки ПФ и РЛ использовались материалы ГПНТБ, а также ВКП, Библиотеки им. Ленина и ВГБИЛ.

Программисты, получив от технологов ТЗ на ввод данных БЗ в ЭВМ с РЛ, реализовали программу ввода через мониторы в БД ИАИС ИНИОН и приступили на достаточно большом объеме информации, введенной в систему, к окончательной отладке программ написанных по ТЗ, полученных от ОНБИ, ОНОИМ.

Было организовано несколько экспериментальных прогонов новой технологии обработки, опробованы программы формирования БД, а также на реальном массиве данных – программы получения печатного издания и поиск по ключевым словам в накопленном в БД массиве информации.

Экспериментальная работа выявила ряд недостатков как в проектных решениях, так и в использовании ЭВМ М-4030 при обработке информации. Выяснилось, что человек в систему вполне встраивается, свои функции выполняет успешно, а вот техника, ЭВМ – это головная боль для всех. В критические моменты из-за скачков электроэнергии ЭВМ зависает, т.е. перестает работать. Из-за таких сбоев невозможно было получить положительный результат при решении информационных задач. Кроме того, процесс выдачи результатов затягивался во времени.

Мы понимали, что наша система по надежности не лучше работающих систем в известных нам организациях. Мы также понимали, что трудозатраты в этом случае будут выше трудозатрат при решении тех же задач в традиционной технологии.

Перед главным конструктором возникла ожидаемая из нашего опыта использования ЭВМ проблема повышения надежности ИАИС ИНИОН, в которую были встроены люди и весьма ненадежная ЭВМ, к тому же обладающая скудной оперативной памятью и небольшой памятью внешних накопителей информации.

В.Р. Хисамутдинов имел опыт работы на зарубежных ЭВМ и поэтому приложил немало усилий, чтобы убедить руководство Института в том, что на ненадежных ЭВМ невозможно реализовать успешную АИС. Его выбор пал на ЭВМ НР-3000. Он настоял также на приобретении фотонабора «Дигисет 40Т2», убедительно доказав, что в этом случае выпуск печатных изданий, сформированных на ЭВМ, будет гораздо дешевле, чем на арендованном фотонаборе. У нас уже был такой печальный опыт: фотогранки мы получали с задержкой в несколько дней, пользуясь фотонабором в других организациях.

Директор ИНИОН В.А. Виноградов лучше нас, разработчиков ИАИС ИНИОН, представлял, что такое ненадежная АИС и, как говорится, нажал на все мыслимые и немыслимые рычаги в АН СССР, и не только. ИНИОН были обещаны и НР-3000, и «Дигисет 40Т2».

Убедившись в том, что система «задышала» (исходя из возможностей ЭВМ М-4030 и перспективы получения в скором времени НР-3000 – надежной ЭВМ с колоссальной на тот период времени памятью, а также фотонабора «Дигисет 40Т2»), руководство Института определило очередность создания подсистем ИАИС ИНИОН и состав подсистем первой очереди реализации так называемого пускового комплекса.

Было принято решение реализовать следующие подсистемы:

– обработки;

– издания;

– справочно-информационного обслуживания, включая задачу удаленного доступа потребителей к БД ИАИС ИНИОН.

Для реализации этих подсистем мы должны были разработать технологию, объединяющую в единое целое пусковой комплекс АИС, а также совместимость ИАИС ИНИОН с другими АИС, функционирующими в рамках ГСНТИ и Международной информационной системы по общественным наукам (МИСОН).

Математическое обеспечение должно было быть представлено следующим пакетом программ:

– формирования БД;

– подготовки информационных изданий;

– информационного поиска;

– создания и поддержания рубрикаторов.

В рамках лингвистического обеспечения требовалось подготовить рубрикатор, тезаурус нормализованной лексики, а также методические материалы, обеспечивающие применение лингвистических средств при содержательной обработке документов и запросов.

Работа по реализации пускового комплекса ИАИС ИНИОН проходила с большим напряжением сил – основного состава разработчиков, а это были не только специалисты ОИРИС, но и сотрудники ОЛОИС, ОНБИ, ОНОИМ. Они не считались со временем и работали не только сверхурочно вечерами, но и в выходные дни.

Казалось бы, и вздохнуть-то нет сил, но В.Р. Хисамутдинов буквально вытаскивал сотрудников ОИРИС на выставки японской и американской вычислительной техники, которые неоднократно устраивались в то время в выставочном павильоне в Сокольниках.

Не знаю, какими ухищрениями, но В.Р. Хисамутдинову удалось заполучить на одной из выставок японское устройство ввода информации с перфокарт в ЭВМ. Японские специалисты, разобравшись в схемах ЭВМ М-4030, доработали устройство и подключили его к нашей машине. При этом, вежливо улыбаясь, произнесли такую фразу: «Мы думали, что вы отстали от нас на годы, но оказывается – навсегда».

Для меня это не было новостью. Я хорошо знал причину нашего отставания в области создания вычислительной техники. За это надо было сказать «спасибо» нашим «мудрецам» – чиновникам из высшего эшелона управленцев промышленностью. Исходя из политических соображений, они перенаправили человеческие и финансовые ресурсы страны на адаптацию американской вычислительной техники фирмы IBM. Тем самым они перечеркнули разработки в области проектирования и математического обеспечения отечественных ЭВМ.

Программисты ОИРИС в первом приближении отладили весь пакет программ для решения задач пускового комплекса ИАИС ИНИОН и были в ожидании ЭВМ HP-3000, фотонаборного автомата «Дигисет 40T2», аппаратуры удаленного доступа к БД системы, чтобы адаптировать программы для HP-3000. И наконец, усилия директора ИНИОН В.А. Виноградова увенчались успехом – Институт заполучил обещанную вычислительную технику.

За короткое время в ОИРИС смонтировали поступившую технику. При запуске ее в работу еще раз пришлось посетовать на наше отставание в области создания отечественных средств вычислительной техники.

За несколько дней два немецких специалиста смонтировали и оттестировали на исправность агрегаты «Дигисет 40T2». Обнаружив неисправность лентопротяжного устройства, тут же заменили его. Надо сказать, что не обошлось без осложнений при эксплуатации «Дигисет 40T2». Фотонаборный автомат – это не только электронное устройство, реализующее набор текста по программе (кстати, фирма ограничивалась тестовыми программами), но и проявочная машина. Предстояло разработать программы набора текстов. Для получения результата набора – фотогранок – требовались фотобумага и химреактивы, причем в достаточно больших количествах. Поставщик «Дигисет 40T2» был крайне заинтересован в регулярной поставке расходных материалов для фотонабора. Однако, оценив их стоимость, мы пришли к выводу, что выпуск печатной продукции на этом агрегате обойдется «в копеечку».

В.Р. Хисамутдинов «озадачил» специалиста по обработке фотоматериалов научного сотрудника Н.П. Арванцову необходимостью адаптировать отечественные фотоматериалы к особенностям «Дигисет 40T2». Она совместно с инженером В.С. Горшанниковым после многочисленных экспериментов справилась с этой задачей. Фотонабор успешно «заработал» на отечественных фотоматериалах. Надо отдать должное и начальнику «Дигисет 40T2»

А.Л. Горину. Он сумел добиться от ленинградских производителей фотобумаги поставок в ИНИОН качественной продукции.

Монтаж и наладка ЭВМ HP-3000 американскими специалистами привели нас в изумление после опыта многомесячного запуска в работу ЭВМ М-4030. И было чему удивляться. Американские специалисты в количестве двух человек (против наших десяти) установили в небольшом помещении агрегаты ЭВМ, соединили их между собой (без всякой пайки) ленточными кабелями, подали напряжение в ЭВМ – и она заработала. По тестовым программам проверили ее работоспособность. В общем, в полдень включили ЭВМ, а к концу рабочего дня оттестированная на исправность HP-3000 была нам передана в эксплуатацию.

Я специально подробно пишу обо всем этом, чтобы еще раз подчеркнуть, насколько наше отечество отставало в то время от мировых разработок в области создания вычислительной техники, несмотря на то, что в нашей стране было достаточно талантливых электронщиков и программистов.

Итак, в ИНИОН заработал надежный вычислительный комплекс: ЭВМ HP-3000, «Дигисет 40Т2» и ЭВМ М-4030. Слабым звеном в этом комплексе была только М-4030, но благодаря усилиям наших специалистов она работала неплохо.

Программисты отдела приступили к перезагрузке части программ на HP-3000, для чего требовалось достаточно много машинного времени, и в ОИРИС пришлось организовывать двухсменную работу вычислительной техники. С февраля 1979 г. вплоть до осени 1980 г. ОИРИС практически работал в две смены. За это время все запланированные разработки были завершены. Более того, семейная пара Чепкасовых, программистов высокого класса, отладила для фотонабора программу двухколонкового вывода текста на фотобумагу. Надо отдать должное специалистам ОНБИ и ОНОИМ, которые безотказно сопровождали все работы по доводке и технологического, и программного обеспечения, что велись в ОИРИС в те дни.

Приближалось время сдачи в промышленную эксплуатацию пускового комплекса ИАИС ИНИОН, намеченное на конец 1980 г. От успеха этого мероприятия зависело признание ИАИС ИНИОН другими организациями – оно открывало возможность ее дальнейшего совершенствования и развития.

Правда, меня как технолога системы смущало отсутствие описания, разработанного математического обеспечения (программ), инструкций по его использованию операторами ЭВМ. В ОНБИ и

ОНОИМ было полное понимание необходимости рабочей документации по задачам, решаемым в этих подразделениях. А вот в собственном отделе считали, что такая документация не нужна, объясняя это тем, что в затруднительных случаях оператор ЭВМ всегда получит консультацию у программиста. От В.Р. Хисамутдинова я не мог добиться понимания необходимости рабочих инструкций. Но у меня был печальный опыт запуска в работу сложных систем без соответствующей рабочей документации. Поэтому я настаивал на необходимости ее создания.

В конце концов, между нами на этой почве возник конфликт. Дошло до того, что я подал заявление в дирекцию об освобождении меня от работы как технолога. Я настаивал, чтобы было проведено совещание по вопросу необходимости создания комплекта рабочей документации ИАИС ИНИОН.

Совещание провел заместитель директора ИНИОН Л.С. Кюзаджян. На этом совещании было отмечено, что такая документация в соответствии с требованиями единой системы конструкторской документации (ЕСКД) и единой системы программной документации (ЕСПД) должна быть готова к моменту сдачи пускового комплекса ИАИС ИНИОН Межведомственной комиссии.

К осени 1980 г. пусковой комплекс ИАИС ИНИОН заработал в промышленном режиме и показал надежность в работе. С помощью вычислительной техники было подготовлено к печати несколько библиографических указателей литературы по экономике, опробованы ретроспективный поиск в базах данных и обмен информацией на магнитных лентах с другими АИС.

Специалист по удаленному доступу с БД ИАИС ИНИОН В.Е. Дашко отработал технологию доступа к ним с удаленных терминалов, что и было продемонстрировано на одном из собраний Академии наук СССР в Доме ученых в Москве. По телефонной коммутированной сети также был реализован доступ в БД системы из Болгарского информационного центра. К моменту сдачи системы в промышленную эксплуатацию была подготовлена в полном объеме рабочая документация для сопровождения функционирования всех подсистем ИАИС ИНИОН.

Для того чтобы окончательно убедиться в работоспособности пускового комплекса ИАИС ИНИОН перед предъявлением его Межведомственной комиссии в ноябре 1980 г., было проведено комплексное испытание системы в рамках Внутриведомственной комиссии ИНИОН, и оно прошло успешно[1].

2 декабря 1980 г. пусковой комплекс ИАИС ИНИОН был принят Межведомственной комиссией в промышленную эксплуатацию. Межведомственная комиссия особо отметила следующее:

– технологическое, информационное, программное и лингвистическое обеспечение пускового комплекса ИАИС ИНИОН выполнены на высоком научно-техническом уровне и служат основой для дальнейшего развития системы;

– технические средства достаточны для промышленной эксплуатации ИАИС ИНИОН в объеме пускового комплекса, но не обеспечивают дальнейшего расширения и развития системы;

– техническая документация достаточна для обеспечения промышленной эксплуатации пускового комплекса ИАИС ИНИОН, согласована и утверждена в установленном порядке;

– в режиме опытно-промышленной эксплуатации функционирует система удаленного доступа потребителей к базе данных ИАИС ИНИОН с использованием коммутируемых и некоммутируемых телефонных каналов связи, в том числе международных (София – Москва), междугородных (Минск – Москва), городских (МФТИ – ИНИОН, ВДНХ – ИНИОН, МГУ – ИНИОН);

– прогрессивность принятых проектных решений, в частности ввод, корректура и редактирование информации проводятся с клавиатур дисплеев. При этом используются «маски» формальных элементов, что существенно сокращает объем работы операторов ввода;

– при создании и поддержании программного обеспечения применяются средства автоматизации документирования. Разработаны диалоговые средства создания и ведения лингвистического обеспечения системы[2].

Решение межведомственной комиссии было однозначно: принять в промышленную эксплуатацию пусковой комплекс ИАИС ИНИОН в составе подсистем:

– обработки;

– изданий;

---

[1] Акт внутриведомственной комиссии о приемке в промышленную эксплуатацию пускового комплекса Автоматизированной системы научно-технической информации по опубликованным отечественным и зарубежным источникам в области общественных наук (АСНТИОН). – М.: ИНИОН АН СССР, 1980.

[2] Там же.

– справочно-информационного обслуживания, включая задачу удаленного доступа потребителей к БД ИАИС ИНИОН, и решения задачи магнитно-ленточной службы, а также технологических процессов, технических, лингвистических и программных средств.

Как говорится, успех был полный и налицо: человеко-машинная система, которой и была ИАИС ИНИОН, несмотря на возникавшие трудности в ее реализации, заработала без сбоев. За время проектирования системы сложился и окреп коллектив разработчиков, что, на мой взгляд, было залогом успеха в ее дальнейшем развитии.

Надо отметить, что усилия директора ИНИОН академика В.А. Виноградова в стимулировании проекта и пропаганде возможностей ИАИС ИНИОН, созданной в ИНИОН АН СССР, заставили обратить внимание на нашу систему не только в нашей стране, но и за рубежом. Наша ИАИС ИНИОН была признана одной из лучших среди АИС.

Конечно, этому способствовала не только демонстрация возможностей системы, но и участие разработчиков в многочисленных конференциях по проблемам создания АИС, проходивших довольно регулярно как в нашей стране, так и за рубежом, а также целая серия публикаций специалистов ИНИОН. Было защищено несколько диссертаций по проблемам разработки ИАИС ИНИОН.

Все это вдохновляло нас на совершенствование своей АИС и разработку новых подходов к автоматизации информационных процессов в ИНИОН с использованием более совершенных средств вычислительной техники. Планировалось разработать (с учетом анализа результатов работы пускового комплекса) технологию обработки входного документопотока, на принципе слияния однократно введенного фрагмента БО с различными фрагментами содержательной обработки для формирования БЗ[1].

В дальнейшем в рамках этой технологии также предполагалось разработать так называемые «сценарии ввода данных» для каждого рабочего места. Специалисты ОИРИС (А.В. Шершова, Н.А. Сироткина (Тимофеева), Т.Д. Рычкова, М.Н. Смирнова) и ОНОИМ (И.Я. Госин, Н.К. Костоньян) приступили к этой работе. Перед сотрудниками ОНБИ, ОНОИМ и ОЛОИС встали грандиозные задачи, о которых подробно было написано В.А. Глуховым и Л.В. Шемберко в сборнике «90 лет служения науке»[1].

---

[1] Технический проект на дальнейшее развитие и совершенствование АИС ИНИОН по опубликованным отечественным и зарубежным источникам информации в области общественных наук на 1981–1985 гг. / ИНИОН АН СССР. – М., 1983. – Т. 2, Ч. 1: Информационно-технологическое обеспечение.

Мне остается в заключение сказать, что все мы были готовы приступить к новым разработкам. Но, увы, жизнь не так проста, как хотелось бы! Ушли из жизни замечательные люди и специалисты, положившие начало созданию ИАИС ИНИОН, – В.Р. Хисамутдинов (главный конструктор системы), И.Я. Госин, С.К. Виленская, В.А. Глинский, В.Г. Зайцев, А.С. Косов (великолепные профессионалы), С.Н. Ласунов, Н.И. Косиченко, Л.В. Алексеева (талантливые программисты).

Новым, молодым сотрудникам, пришедшим на смену специалистам, покинувшим стены ИНИОН, но проторившим путь к созданию более совершенной ИАИС ИНИОН, предстоит развить систему на современном уровне. Желаю им успеха в этом предприятии и желаю, чтобы когда-нибудь заметили и оценили их работу как очередное достижение ИНИОН РАН.

---

[1] 90 лет служения науке: к 90-летию Фундаментальной библиотеки общественных наук и 40-летию Института научной информации по общественным наукам РАН: сб. ст. / РАН ИНИОН; сост. Ю.Ю. Черный, Н.Ю. Соколова, Л.В. Юрченкова. – М., 2009. – 296 с.

Раздел III.
ФБОН – ИНИОН КАК УНИКАЛЬНЫЙ ОРГАНИЗМ В ВОСПОМИНАНИЯХ УШЕДШИХ КОЛЛЕГ

Б.Н. Бачалдин

УНИКАЛЬНАЯ ШКОЛА ПРОФЕССИОНАЛИЗМА И ЭТИКИ[1]

Бачалдин Борис Николаевич (1 октября 1923, Чита – 9 февраля 2014, Москва). Окончил Московский государственный библиотечный институт им. В.М. Молотова (1948) и аспирантуру при ФБОН АН СССР. Кандидат педагогических наук (1969 г.), библиотековед, организатор библиотечного дела, журналист. Заслуженный работник культуры РСФСР (1973), в 1965–1969 – начальник отдела научных библиотек Управления библиотек, в 1974–1985 – начальник Управления библиотек. В 1969–1974 – главный редактор журнала «Библиотекарь».

Тому, что из всего многообразия существующих аббревиатур для меня с 1948 г. самой значимой, благозвучной на всю оставшуюся жизнь стала ФБОН, предшествовали некоторые события.

Все началось с того момента, когда дирекция библиотеки доверила мне во время производственной практики на четвертом курсе составление серьезной аннотированной библиографии о событиях на военно-морской базе США Пёрл-Харбор в декабре 1941 г., послуживших началом войны на Тихом океане.

Конечно, по газетам я знал в общих чертах, что такое Пёрл-Харбор. Но по крохам накапливая материал для картотеки, я заинтересовался темой всерьез, обследовал массу источников – предметный каталог ФБОН, ее ретроспективные картотеки и бюллетени, но главным образом зарубежные библиографические труды, периодику, преимущественно на английском языке.

Наши ученые тогда еще мало писали о Пёрл-Харборе. Поэтому русская часть картотеки оказалась слабенькой. Однако в послевоенный период специалисты начали активно исследовать эту проблему, чем и был вызван интерес к соответствующей информации.

---

[1] Текст представляет собой одноименную главу из книги: *Бачалдин Б.Н.* Фрагменты памяти / Рос. гос. б-ка. – М.: Пашков дом, 2006. – С. 76–106.

Группу студентов-практикантов возглавлял тогда профессор, старший научный сотрудник ФБОН АН СССР К.Р. Симон. Он сам, атмосфера библиотеки, впервые проведенное серьезное библиографическое исследование настолько захватили меня, что я воспылал желанием работать только в этом научном центре. Но не тут-то было. Согласно институтскому распределению, я обязан был с 1 сентября работать в Государственной библиотеке СССР им. В.И. Ленина. Здесь, а также в Государственной центральной научной медицинской библиотеке я проходил практику на третьем курсе.

Две недели обивал порог кабинета заведующей отделом кадров Ленинки (помнится, фамилия той женщины – Потапова). Безуспешно. Она не отпускала меня, повторяя: «Вы получили назначение в нашу библиотеку и по закону обязаны отработать три года!»

Ездил я и в управление кадров Министерства культуры РСФСР. Отказали, да еще пообещали подать на меня в суд. Я так раскипятился, что даже пытался попасть на прием к министру, но мне, как говорится, дали от ворот поворот.

Наконец Потапова чуть-чуть сдалась и сообщила мне, что договорилась о встрече с директором ГБЛ В.Г. Олишевым, о котором я был наслышан, что он строг и тверд характером. Вопреки моим опасениям Василий Георгиевич встретил нас приветливо и, прочитав вслух письмо коллеги – директора ФБОН Д.Д. Иванова, в котором тот обстоятельно обосновывал свою просьбу о перенаправлении выпускника МГБИ Бачалдина из ГБЛ в ФБОН, резюмировал: «Ну что же, надо удовлетворить просьбу нашего соседа! Пусть молодой специалист работает там, где он может сделать больше и лучше. Оформляйте документы».

6 октября 1948 г. я был зачислен на должность старшего библиографа ФБОН. Радость моя была безмерна. Я вытянул счастливый билет, предопределивший профессиональную удачу. ФБОН – лучший библиотечный храм, удивительное научно-фундаментальное, структурно разумно выстроенное, аристократическое и одновременно уютно-демократическое информационно-библиотечное учреждение – такое впечатление сложилось у меня о Библиотеке с первых же дней работы там.

Разместившись в красивом, гармонично спроектированном дореволюционном особняке на ул. Фрунзе, 11 (ныне вновь

Знаменка)[1], Библиотека счастливо вписалась в ансамбль главных сокровищниц страны, образовав вместе с ними единый комплекс культурно-научных центров. От ФБОН рукой подать до Кремля, Манежа, Румянцевского музея и Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина, Музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина, МГУ им. М.В. Ломоносова, ряда академических институтов гуманитарного профиля (права, истории, философии, языкознания), Дома ученых Академии наук СССР.

Но особенно большое впечатление на меня, провинциала, выросшего среди образцов сибирского одноэтажного деревянного зодчества, производил интерьер ФБОН. Умели умно проектировать и строить в Москве на рубеже XIX–XX вв. Как было не залюбоваться изумительной перспективой холла, завершающегося мраморной лестницей, увенчанной классическими скульптурками купидонов? Великолепен знаменитый Белый зал с его лепниной, мрамором, огромным зеркалом. Этот зал десятилетиями исполнял роль справочно-библиографической доминанты библиотеки, концентрировал библиографические раритеты[2]. Здесь согревались души библиографов, укреплялись и расширялись эвристические познания и навыки.

В дневные часы зал функционировал как рабочий кабинет, где библиографы отделов ФБОН и институтских академических библиотек вели библиографическую обработку новых поступлений отечественной и зарубежной литературы, расписывали ее для будущих информационных, реферативных и ретроспективных биобиблиографических указателей, профессионально общались, консультировали читателей.

В более поздние часы, из-за отсутствия необходимого помещения, Белый зал трансформировался в своеобразный клуб, в котором происходили интересные и злободневные политические, профессиональные, эстетические рауты. В них участвовали различные приглашенные специалисты, общественные деятели, писатели, артисты, музыканты, художники. До сих пор свежи впечатления от встреч в Белом зале с такими библиотечными деятелями, как З.Н. Амбарцумян, И.М. Фрумин, с академиками В.П. Волгиным, Д.В. Наливкиным, писателями И.Г. Эренбургом, И.Л. Андрониковым, композитором

---

[1] В настоящее время Институт научной информации по общественным наукам РАН находится на Нахимовском проспекте, рядом с метро «Профсоюзная».

[2] Так, в 1945 г. в Белом зале экспонировалась выставка редких изданий из фондов ФБОН, приуроченная к юбилею Академии наук СССР. – *Прим. сост.*

Л.А. Лядовой, маршалом А.И. Ерёменко и многими-многими другими незаурядными личностями. В память врезалось немало эпизодов «белозального» периода. В качестве иллюстрации приведу такой.

Всеми чтимый в те годы романист и публицист Илья Григорьевич Эренбург обстоятельно, увлеченно рассказывал о Франции, ее людях, культуре, литературе, искусстве, о французском Сопротивлении. Когда утихли аплодисменты и Эренбург ответил на несколько безобидных дежурных вопросов типа «Ваши творческие планы?», поднялся научный сотрудник отдела иностранного комплектования библиотеки, питомец Сорбонны, русский реэмигрант, участник французского Сопротивления Михаил Михайлович Штранге и позволил себе высказать собственное мнение и собственные оценки исторических фактов. И тут разыгралась шокирующая сцена. И.Г. Эренбург – один из любимых мною авторов, роман которого «Падение Парижа» был моей настольной книгой, на глазах у всех обрел черты злого, брюзжащего, обиженного мальчика. Он саркастически отчитал М.М. Штранге, сказав, что тот ничего не знает, ничего не понял, да, наверное, и не воевал, не был французским партизаном. Сцена была тягостная. Все разбрелись молча. В те годы обмен мнениями на околополитические темы был запретной зоной, дозировался.

В Белом зале сотрудницы ФБОН, освободив с помощью коллег-мужчин от столов середину зала, обучались сами и обучали своих детей и внуков бальным танцам, увлеченно отплясывали по праздникам и пятницам после трудовой недели или торжественной части официальных вечеров.

Белый зал был местом многочисленных остроумнейших, обращенных непосредственно к фэбэоновской проблематике, капустников. Среди авторов и исполнителей особенно выделялись своим артистизмом и талантливостью Нина Визильтер, Игорь Добронравов, Генрих Рудяков. Столь остроумных, связанных с внутренней жизнью коллектива капустников, я больше нигде не видел, даже в Доме актера на улице Горького.

Кому-то мои очень личные, эмоциональные впечатления и ощущения могут показаться сентиментальными, поверхностными. Но для меня они – органическая часть оценки ФБОН, они лишь свидетельствуют о том, что подлинно серьезному научному учреждению не противопоказано одновременно быть необычным духовно-просветительским и эстетическим центром. Именно подобный синтез черт ФБОН оказал решающее влияние на меня в пору профессионального созревания. Именно поэтому ФБОН для меня – библиотека номер один, любимая на всю жизнь. Она и символ профессионального взросления, и родник обретенного личного счастья. Где бы я ни работал, ее аура, атмосфера, запах всегда во мне. Здесь в 1940–1950-е годы все было необычным, оригинальным.

Прежде всего необычным оказалось вхождение в должность. Началось оно с обстоятельнейшей и донельзя лестной для меня, библиографического младенца, беседы с глыбой в нашем профессиональном цехе – Дмитрием Дмитриевичем Ивановым, директором ФБОН. Он мне казался, нет, это так и было, недосягаемой величиной мирового масштаба. Я думал: ну что ему встреча со вчерашним студентом? Робел, готовился к формальному пятиминутному разговору. Но когда мы встретились – дистанция, даже возрастная, куда-то улетучилась. Покорила меня его подбадривающая улыбка. Никакой казенщины, никакого формализма, никакой поспешности и снисходительности. Шел спокойный разговор понимающих друг друга специалистов.

В те дни и сам Иванов, и ведомая им библиотека были в зените славы, пользовались вниманием и поддержкой руководящего органа Академии – ее Президиума. Более того, президенты Академии – Владимир Леонтьевич Комаров (1869–1946), а затем Сергей Иванович Вавилов (1891–1951), глубоко понимали библиотечные проблемы, уважали библиотечный труд. Об интеллигентности Дмитрия Дмитриевича, его оригинальном мышлении, энциклопедических знаниях в Академии ходили легенды, им пытались подражать, но они не поддавались тиражированию.

По свидетельству ветеранов ФБОН, с которыми мне посчастливилось пообщаться, особенно памятными для них остались частые приезды президентов АН в 1945 г. Тогда еще только-только завершалась Великая Отечественная война, а ФБОН и сектор сети развернули небывалую работу по подготовке беспрецедентной выставки изданий и трудов Академии за 220 лет: она, насколько позволяло суровое время, отмечала этот юбилей.

В подготовку выставки включились все библиотекари, выполнили огромные и сложные библиографические разыскания, систематизацию и организацию литературы на полках, оказали неоценимые консультации художникам при разработке ими экспозиции выставки. Благодаря Президиуму АН впервые после 1917 г. был осуществлен капитальный ремонт второго этажа, раскрыта анфилада 16 великолепных выставочных залов, в которых экспонировалось около 6 тыс. книг.

В дни проведения юбилея группа сотрудников ФБОН и сектора сети вместе с другими работниками Академии была награждена орденами и медалями, многие получили почетные грамоты. Открытие и ведение торжеств, вручение наград взял на себя академик В.Л. Комаров. Он выразил благодарность Д.Д. Иванову и коллективу за большой результативный труд. Юбилей прошел как большой праздник отечественной науки, обрел характер международной встречи ученых.

С неподдельным уважением и вниманием относился к ФБОН, ее коллективу и директору новый президент – С.И. Вавилов, великий книголюб. Он приезжал к Дмитрию Дмитриевичу, когда ему удавалось выкроить время, и увлеченно просматривал самые ценные и интересные издания, поступившие в библиотеку.

В связи с 50-летием со дня рождения и 25-летием научно-организационной работы Д.Д. Иванова в ноябре 1946 г. С.И. Вавилов участвовал в его чествовании, по поручению правительства вручил орден. А в целом большие заслуги Дмитрия Дмитриевича в области библиотековедения и библиографии были отмечены орденами Ленина, Дружбы народов, дважды – Трудового Красного Знамени, многими медалями, в том числе медалью Н.К. Крупской. Я счастлив, что мне довелось общаться с Д.Д. Ивановым, опираться на безграничную интеллектуальную и духовную щедрость этого незаурядного библиотечного деятеля.

Уже в первой беседе Дмитрий Дмитриевич обстоятельно обосновал сущность работы научной библиотеки. Она собирает и передает исследователю материал, который тот перерабатывает в своей творческой деятельности. Не утрачивая цельности особой *научно-вспомогательной системы*, постоянно дифференцируя свою информационную функцию, библиотека все глубже и глубже внедряется в исследовательский процесс, все теснее и теснее смыкается с ним, но никогда не переступает границы, отделяющие ее от сферы творчества ученого. Таким был лейтмотив первой беседы, да и всей теоретической и практической деятельности Д.Д. Иванова в ФБОН. Ей он отдал 54 года, в том числе с 1940 по 1949 г. в должности директора[1].

Необычны, оригинальны название, статус, структура ФБОН. Это единственная научная библиотека, зародившаяся в 1918 г., в смутную революционную пору, как небольшая учрежденческая коллекция литературы Социалистической (затем Коммунистической) академии, включенная в состав Академии наук СССР в 1936 г. и выросшая в крупнейшую всемирно известную библиотеку. По существу в стране тогда впервые появилась фундаментальная библиотека, которая свою деятельность направила не на классические гуманитарные науки (археология, лингвистика, древнейшая история и т.п.), а, как потребовало революционное время, на информационное обеспечение проблем политики, политэкономии, мировой экономики, международных отношений, рабочего и коммунистического движения, новой и новейшей истории. Разумеется, комплекс наук и проблем, которые входили в поле зрения ФБОН, исторически постоянно изменялся и уточнялся в течение всего XX в. Характерно, что названная ориентация в подборе фондов литературы и документов, формировании справочно-библиографического аппарата, выпуске библиографических и реферативных материалов, в организации обслуживания читателей явилась прочной предпосылкой для консолидации специальных библиотек, созданных каждым научным учреждением АН по общественным наукам.

---

[1] Испытывая естественное чувство признательности к О.А. Барыкиной, я отсылаю к ее очерку «Д.Д. Иванов и его труды» // *Иванов Д.Д.* Избранное. – М.: Книга, 1986. – С. 6–18.

Прародители первенца информационной системы в области общественных наук не случайно назвали его фундаментальной библиотекой: в этом емком определении просматриваются, как мне кажется, глубокий перспективный смысл, еще одна грань необычности, оригинальности. В этом явное нарушение советской традиции, при которой действовали стандартные формальные определения: всесоюзная, советская, всероссийская, российская, государственная, республиканская, публичная, центральная.

Огорчительно, но в 1970-е годы, вопреки логике и букве закона, в нарушение партийно-правительственного постановления[1], статус ФБОН был радикально изменен, что низвело фундаментальную библиотеку до положения ординарного структурного звена. Была перечеркнута вся ее славная история, огромный научно-информационный и библиотековедческий опыт[2]. Конечно, это не единственный повод огорчаться, видя, с каким равнодушием нынешние лидеры относятся к изучению, сохранению и развитию интеллектуального, в том числе и библиотечно-информационного, потенциала Родины.

---

[1] Постановлением ЦК КПСС и Совмина СССР от 22 окт. 1968 г. № 828 «О мерах по улучшению научной информации в области общественных наук» утверждалось как единое развитие Института научной информации и Фундаментальной библиотеки по общественным наукам Академии наук СССР.

[2] Конечно, старшее поколение специалистов ФБОН – К.П. Алексеева, О.А. Барыкина, В.Н. Видман, Т.И. Волкова, Г.И. Иванов, Д.Д. Иванов, Г.Г. Кричевский, В.Н. Львова, И.Л. Маяк, К.Р. Симон, Л.В. Трофимов, М.И. Фурсова, В.И. Шунков – внесло немалый вклад в пропаганду многообразной деятельности библиотеки.

Формируя концепцию развития библиотеки, ее руководители (Г.К. Дерман, Д.Д. Иванов, Д.Б. Рязанов, Т.И. Райнов, Л.В. Трофимов[1] и др.) и коллектив отказались от традиционной для научных библиотек мира функциональной структуры. В основе построения библиотеки был заложен успешно реализованный принцип сочетания трех признаков: отрасль, проблема, функция. В 1940–1950-е годы ФБОН располагала комплексом отраслевых структурных единиц, адекватных задачам информационного обеспечения академических НИИ. Это библиографические отделы[2] экономики, философии, истории, востоковедения, славяноведения и европейских социалистических стран, литературоведения, языкознания, науки, библиографии ученых, реферативной информации. Их назначение: изучение специальной литературы и ее аналитическая обработка, включая выявление, описание, аннотирование, рефе-

---

Особенно существен вклад О.А. Барыкиной, подытожившей в ряде публикаций научно-библиографическую и издательскую деятельность ФБОН. См., напр., опубликованные работы ФБОН (1923–1959): I. Библиографическая информация о новой литературе. II. Рестроспективная библиография. III. Прочие труды Библиотеки; Литература о библиотеке // Фундаментальная библиотека общественных наук АН СССР. Сб. ст. – М., 1960. – С. 288–318.

[1] Дерман Генриетта Карловна (1882–1954). Директор библиотеки Коммунистической академии в 1923–1934 гг. В 1937 г. репрессирована.

Рязанов (Гольдендах) Давид Борисович (1870–1938), академик АН СССР (1929), директор Института К. Маркса и Ф. Энгельса в 1921–1930 гг. В 1918–1923 гг. как член Президиума Социалистической академии курировал деятельность Библиотеки.

Райнов Тимофей Иванович (1888–1958), библиографовед, библиограф, науковед. Д-р ист. наук (1940). С 1923 г. – в Библиотеке Коммунистической академии – ФБОН: в 1924–1935 гг. – завотделом библиографической консультации, в 1943–1956 гг. – заведующий библиографическим сектором востоковедения. Основная область научных интересов – история науки, философия науки, психология научного творчества.

Трофимов Лев Владимирович (1884–1958), библиотековед. В 1925–1934 гг. – ученый секретарь Библиотеки Комакадемии. В 1940–1958 гг. – завсектором (отделом) научной систематизации литературы ФБОН. В годы Великой Отечественной войны возглавлял филиал Библиотеки в Ташкенте. – *Прим. сост.*

[2] Реферативная группа была создана в 1964 г. и в 1966 г. преобразована в отдел. – *Прим. сост.*

рирование; библиографическая информация и непосредственное отраслевое обслуживание читателей библиографической справкой.

К 1950-м годам ФБОН по составу своих многоотраслевых, многоязычных, многовидовых фондов, по характеру и эффективности деятельности прочно заняла положение главного информационного центра страны по общественным наукам, ориентированного на углубленное обслуживание ученых соответствующих академических институтов, на учет и удовлетворение их самых тонких и специализированных запросов. Можно с полным основанием утверждать, что библиографическая продукция ФБОН, ее количество и качество не только удовлетворяли запросы общественных наук, но и одновременно поднимали их авторитет, содействовали их прогрессу, зрелости. Ряд монументальных работ ФБОН получил заслуженно высокую оценку и в отечественной, и в зарубежной печати.

Однако, как мне представляется, ныне богатый и разносторонний опыт библиографирования, накопленный ФБОН, слабо используется и в теории общей библиографии, и в выработке оригинальных методических решений.

С первых месяцев работы в ФБОН я понял, что научно-информационное направление не является для нее единственно генеральным, что ФБОН – центр галактики, именуемой Сетью специальных библиотек. Последовательно, динамично ее коллектив на деле осуществлял принцип централизации руководства подведомственными ФБОН библиотеками академических институтов гуманитарного профиля. В те годы 18 из них в буквальном смысле были филиалами ФБОН (единый штат, финансирование и т.п.) и четыре – самостоятельными. ФБОН осуществляла централизованное комплектование и обработку для этих 22 библиотек. Но главное в другом. В сложной комплексной системе, когда каждая библиотека исторически претендовала на свою исключительность и независимость, ФБОН сумела, опираясь на классические законы дипломатии, достичь договоренностей с администрациями НИИ и реализовать *принцип единства научно-методического руководства.* Оно было ключевым, приоритетным в деятельности ФБОН.

Не будет преувеличением признать, что самым ценным капиталом ФБОН, притом прирастающим, был ее коллектив. Именно ему на всех исторических этапах выпала честь сыграть исключительную роль в становлении, развитии библиотеки, преодолении многочисленных невзгод, обусловленных общественно-политической и экономической ситуацией в стране.

В конце 1940-х – начале 1950-х годов судьба одарила меня радостью встречи с живыми классиками информационно-библиотечного дела, блестящими мастерами отечественного библиотековедения, подлинными интеллигентами, яркими личностями – Н.А. Баумштейн, В.Н. Видман, Д.Д. Ивановым, И.Н. Кобленцем, Т.И. Райновым, К.Р. Симоном, Л.В. Трофимовым. Сердечно, по-отечески отнеслись ко мне – «зеленому» библиографу – их более молодые соратники, возглавлявшие самые сложные и ответственные участки ФБОН, – К.П. Алексеева, Е.В. Бажанова, О.А. Барыкина, Т.И. Волкова, Э.Б. Гвиниева, Л.И. Герман, О.А. Емельянова, Н.К. Каратаев, Г.Г. Кричевский, В.Н. Львова, В.Г. Орлова, М.И. Фурсова, И.А. Ходош, А.И. Широкова, В.Л. Чолганская и др.

Отлично помню всю нашу фэбэоновскую комсомолию, сотрудников вспомогательных служб (типографии, ротапринтной, фотолаборатории, переплетной) и административных звеньев (бухгалтерии, секретариата, охраны), хотя здесь действует скорее зрительная, визуальная память, имена многих коллег по ФБОН, к сожалению, за десятилетия подзабылись.

В ФБОН господствовали законы профессиональной этики, которая органично диктуется истинной интеллигентностью, а не модой. Постоянно поддерживалась феноменальная атмосфера трудолюбия, доброжелательности, взаимопомощи. Не припомню примеров «сачкования», попыток переложить свою работу на плечи другого. Фэбэоновцы умели библиотечное дело, все разновидности библиографической деятельности выводить на уровень творчества. В той атмосфере все неурядицы и неудачи (а в большом коллективе, взаимодействующем с множеством партнеров, читателей, учреждений, размолвки неизбежны) преодолевались деликатно.

Молодой сотрудник, новичок не чувствовал себя заброшенным, одиноким. Более того, молодым специалистам, поступавшим на службу в ФБОН, было здесь интересно, комфортно, уютно. При этом специалисты старшего поколения общались с молодыми как с коллегами, величали по имени и отчеству. Старшее поколение, очевидно, не видело в молодых сотрудниках соперников, по-товарищески щедро помогало, делилось с ними знаниями, мастерством.

Сначала я попал в отдел истории[1], которым много лет руководил выдающийся ученый в области всеобщей истории, книговедения, библиографии, профессор, доктор наук Константин Романович Симон[1]. Я знал его по МГБИ, где мне посчастливилось слушать лекции Симона по исторической и иностранной библиографии. Он по праву пользовался репутацией авторитетнейшего знатока мировой библиографии, внес неоценимый вклад в популяризацию книговедческой культуры, подготовку кадров для научных библиотек и органов информации.

---

[1] Сектор истории. – *Прим. сост.*

От природы обладая неугомонным аналитическим умом, Симон был широк и многогранен и как исследователь, и как личность. Многим в библиотечном мире было известно, что он остроумен, афористичен, мастер экспромта, шутки, тоста («поднимаю чашу я за академика Джанашия!»). И еще Константин Романович писал стихи. Как же мне было приятно услышать от Евгения Евтушенко похвалу поэтическому дару К.Р. Симона. Она прозвучала в 1990-е годы в одной из серий его телепередач об антологии русской поэзии. Я, как и большинство фэбэоновцев, восторгался, слушая нередкие выступления Симона в различных аудиториях.

Никогда не видел у него каких-то конспектов, планов, тезисов выступлений. Поражало обилие фактов, дат, наименований, хранившихся в его феноменальной памяти. Когда он слушал, сидя в первом ряду, чьи-либо доклады и сообщения, казалось, что он безучастен, дремлет, а то и спит (глаза закрыты, а рот приоткрыт). Но стоило докладчику закончить речь, первым на нее реагировал Константин Романович. «Вот вы говорили, – обращаясь к молодой ученой, – о едином мировом языке – синтезе всех языков мира, отмирании отдельных языков. А что же будет с Пушкиным? Как он будет звучать на таком синтетическом языке? Кто поймет, кто полюбит нашего гения?»

Дело в том, что докладчица пришла в ФБОН, чтобы рассказать коллективу о значении только что вышедшего в свет труда новоиспеченного теоретика в области языкознания – И.В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». В 1950 г. в стране развернулся всеобщий психоз, связанный с пропагандой и штудированием этих вопросов. ФБОН, естественно, не могла остаться в стороне от новой политической конъюнктуры. Например, в отделе систематизации был подготовлен словник более чем в 90 предметных рубрик по небольшому тексту указанного «гениального» труда. Сталинская брошюра всеми в библиотеке усердно изучалась, конспектировалась. Кто всерьез, а кто с долей иронии уверял, что ему удалось постичь закономерности взаимосвязей марксизма и языкознания.

---

[1] Симон Константин Романович (1887–1956), историк, библиограф, д-р ист. наук (1956). В 1939–1966 г. – завсектором истории ФБОН АН СССР. – *Прим. сост.*

Интеллектуальное наследие К.Р. Симона – особая страница в нашем библиотековедении. Оно заслуживает глубокого и внимательного изучения и в XXI в., тем более что Константин Романович многое предвосхитил[1].

«Конфирмацию» – обряд приема в фэбэоновскую общину и профессиональное пестование меня К.Р. Симон поручил немолодой мудрой женщине – Нине Александровне Баумштейн. Казалось, все догмы библиографической науки и практики, тайны бесконфликтных отношений в большом коллективе она постигла еще на рубеже XIX–XX вв. В огромной комнате было множество столов, за каждым из них сидели работающие библиографы, лишь изредка перебрасывавшиеся лаконичными служебными репликами. Царила деловая академическая тишина. Своей выдержкой, тактом, мягкостью в общении с собеседником Нина Александровна способна была очаровать любого. И при этих качествах она была строга. Ее главный метод обучения – предельная загрузка подчиненного.

В первые же дни пребывания в ФБОН я по поручению Нины Александровны проторил тропы во все принципиально важные уголки библиотеки: в предметный каталог, в кабинет истории, в отдел библиографической консультации, в книгохранилище, в машбюро, на склад, чтобы получать на весь отдел каталожные карточки, разделители, бумагу, канцтовары. Задавала она мне и другие, куда более сложные «уроки» эвристического характера. Выполнять их я начинал, как правило, с зоны каталогов. Более углубленные поиски приводили в другие точки библиотеки: книгохранилища, функциональные отделы, сектора, кабинеты. Нередко, уже выполнив задание Нины Александровны, я еще задерживался в некоторых подразделениях, чтобы полнее постичь суть их деятельности. И это было особенно увлекательно. Так, примостившись на табуретке, подоконнике, стопке переплетов в газетном или журнальном отделах, я готов был часами перелистывать периодику 1920–1930-х годов, да и зачитывался ею. Какое же это интересное занятие! Какую богатую информацию оно давало! Кроме того, порой старые газеты и журналы подкидывали мне идеи оформления стенгазеты: я перерисовывал какие-то художественные находки или под их впечатлением выходил на собственные авторские рисунки, шаржи, карикатуры. И как-то доигрался.

---

[1] Особо выделяю в творческом наследии ученого: *Симон К.Р.* История иностранной библиографии. – М.: Изд-во Всесоюз. кн. палаты, 1963. – 736 с.; *Симон К.Р.* Избранное. – М.: Книга, 1984. – 239 с.

Райком партии, планомерно проводивший конкурсы стенгазет, контролировавший их содержание, неоднократно отмечавший нашу газету «На службе науке» благодарностями и почетными грамотами, кажется, году в пятидесятом сделал нам партийный «втык», запретив помещать мои карикатуры международной тематики и рекомендовав сосредоточиться на внутренних сюжетах ФБОН. Тогда я подготовил два-три дружеских шаржа, но, боясь обидеть кого-либо из коллег, добровольно отказался от подобной затеи. Что касается персон международного класса (конечно же – империалистов), то часть карикатур на них, выполненных с юношеским сарказмом, до сих пор сохраняются в моем личном архиве, я и ныне ставлю себе за них приличный балл.

Каждый раз, возвращаясь из похода по разным точкам ФБОН на рабочее место, я полагал, что получу замечание, разнос от Нины Александровны за долгое отсутствие, но этого никогда не было. Спокойно, деловито, улыбаясь, она просматривала очередную порцию карточек, вносила уточнения, поправки, говорила «спасибо» и давала новое, более сложное задание. Я проникся уважением к ней, стремился точнее запомнить ее советы – профессиональные, ибо она категорически обходила, исключала из разговоров мотивы новейшей истории, современные проблемы общественной жизни. Тогда все понимали – чем меньше знаешь, меньше говоришь, тем целее будешь.

Следующими моими библиографическими учителями в том же сорок восьмом стали ветераны ФБОН Ольга Антоновна Барыкина и Эрнестина Борисовна Гвиниева. Первая руководила сектором науки, штатным сотрудником которого я проработал до осени 1950 г. Вторая отвечала за информацию ученых по проблемам науки за рубежом.

Чем объяснить резкую и неожиданную для меня смену амплуа? Тогда не задумывался, ибо в ФБОН я готов был работать на любом участке. Что касается администрации, то у нее, очевидно, были свои резоны.

Прежде всего надо иметь в виду, что в библиотеке четко действовал принцип: в подборе кадров ориентироваться преимущественно на отраслевиков: историков, философов, экономистов и т.д. Считалось, что они скорее овладеют методологией и методикой библиотечно-библиографического труда, чем выпускник МГБИ – той или иной сферой общественных наук. Опыт со всей очевидностью подтвердил правомерность данной концепции. Выпускники университетов и отраслевых институтов становились отличными библиографами и составляли костяк коллектива библиотеки. Но она не гнушалась, разумеется, и специалистами с библиотечным образованием на соответствующих функциональных или проблемных участках (комплектование и обработка литературы, организация фондов и каталогов, методическая работа и т.д.).

В контексте сказанного естественным представляется мой перевод из отдела истории в сектор науки. Он обеспечивал выпуск бюллетеней, информирующих об общих тенденциях науки, важнейших научно-организационных проблемах, о деятельности советских и зарубежных научных учреждений. Весь комплекс работ, связанных с учетом, отбором, описанием, аннотированием, классификацией материалов, осуществлялся двумя потоками. Сначала библиографы ФБОН, библиотек академических институтов изучали обязательный экземпляр произведений печати СССР и на его базе отбирали соответствующие материалы для бюллетеня «Новая советская литература о науке и научно-исследовательской работе в СССР». Затем они эту работу выполняли на базе обширных текущих иностранных поступлений, чтобы подготовить выпуск бюллетеня «Новая литература о науке и научно-исследовательской работе за рубежом». Какое это было библиографическое пиршество! Обрабатывать ежедневно текущие отечественные и иностранные поступления в натуре, de visu! Это не повторилось более никогда, ни в какой другой библиотеке.

Именно тогда, используя огромный массив отечественных и зарубежных источников, я продолжил выявлять все новые и новые сведения о событиях, связанных с Пёрл-Харбором. В январе 1950 г. мне была объявлена благодарность начальника иностранного отдела Министерства высшего образования СССР «за большую помощь, оказанную работникам иностранного отдела в подборе литературы».

Подготовку, выпуск в свет и популяризацию бюллетеня по отечественным изданиям обеспечивала О.А. Барыкина, по иностранным – Э.Б. Гвиниева, владевшая многими языками и на моих глазах еще упорно овладевавшая грузинским и польским. Работать под их руководством было чрезвычайно интересно, полезно и прибыльно. Кроме того, подчиняясь двум, совершенно разным по характеру, манере общения начальницам, я, пожалуй, впервые в жизни постигал азы дипломатии, благодаря чему при расставании в 1950 г. сумел остаться на добром счету у обеих. Каждая из них запомнилась как оригинальная личность.

О.А. Барыкина – стройная, прямая, строго одетая и причесанная, подвижная, улыбчивая, казалось, все знающая и все умеющая. Глубокий специалист, щедрый наставник. Ее главная страсть – библиографическое обеспечение науки. Главная, но далеко не единственная. Она – фэбэоновский ветеран, хранитель, защитник, летописец, пропагандист традиций ФБОН, автор многих публикаций о ней, ее людях, ее библиотечно-информационном наследии. В этом ключе она традиционно слыла правой рукой Д.Д. Иванова. Поклоняясь ему как ученому, организатору, яркой личности, разделяя его идеи, помыслы, дела, Барыкина считала себя единственным законным наследником творчества ученого, ревниво относилась к тем, кто, кроме нее, прикасался к этому творчеству, пытался изучать, разделять и развивать научные критерии директора.

Два года, что мне посчастливилось работать под руководством Ольги Антоновны, я оцениваю как счастливейшие и поучительные, поскольку мне удалось позаимствовать какую-то часть ее богатых знаний и опыта. Это было непросто. Будучи по природе ригористом, чрезмерно строго и прямолинейно соблюдающим избранные нравственные принципы и установленные многочисленными инструкциями правила, она дозированно и избирательно делилась своими знаниями, а уж тем более сокровенными мыслями.

В возглавляемом Ольгой Антоновной секторе неукоснительно действовали жесткая библиографическая модель и твердая дисциплина. Никакой самодеятельности, никаких отступлений от официальных норм. Я все это принял как должное, мне это импонировало. Более того, многое из уроков О.А. Барыкиной, по-своему переосмыслив, я экстраполировал на собственную профессиональную жизнь.

Вторая моя начальница – Э.Б. Гвиниева – была полной противоположностью Барыкиной. В облике этой интересной, чуть полнеющей женщины доминировали яркость, добродушие. У нее был легкий, с оттенками богемности характер. Зная множество театральных историй и баек, вывезенных из Грузии (ее муж Гвиниашвили был тбилисским режиссером), Гвиниева умела рассказать их сочным языком, склонна была к шутке, иронии, да и к авантюре.

И в библиографической сфере она исповедовала иную, чем барыкинская, модель – более демократичную, гибкую, допускающую кое-какие отступления от непререкаемой инструкции. Тогда, в эпоху многослойной цензуры, осуществлявшейся заведующим отделом, дирекцией, внутренним цензором в штате библиотеки, цензурой Главлита, библиографические вольности Эрнестины Борисовны нельзя было отнести к безобидным. И тем не менее, стремясь как можно полнее информировать советских ученых о генеральных направлениях развития мировой науки, она, вопреки запретам цензуры, отбирала (и ориентировала на это меня) «сомнительные» материалы «нежелательных» авторов. Она, например, тонко, завуалированно аннотируя отобранные материалы по кибернетике, упорно добивалась, чтобы хотя бы часть их попадала в бюллетень «Новая литература о науке и научно-исследовательской работе за рубежом». Многие фэбэоновские специалисты, особенно заведующий отделом философии Л.И. Герман, недоумевали, как можно «разоблачать» зарубежных оппонентов, не читая их работ, не имея полной информации о них. Цензорам он говорил: «Не зная языка ирокезского, как можно судить о нем?»

Царивший в дни моей профессиональной молодости идеологический диктат был многолик и изощрен. Его последствия, как правило, имели печальный характер. Под его воздействием, как в песок, уходили благородство, профессиональная этика, интеллигентность, дружба, доброта. В критические моменты и в библиотечной среде наблюдались безнравственность, бездуховность, отступления от норм профессиональной этики, граничащие с хамством. На памяти моего поколения, например, громкий спектакль, который разыгрывали в 1949 г. администрация, руководители парторганизаций ряда крупнейших библиотечных учреждений (ГБЛ, МГБИ, Книжной палаты). И дело не только в том, что они включились в общеполитическую кампанию «разоблачения» отечественных космополитов (попробовали бы не включиться!), сколько в готовности и азарте, с которыми травили ведущих ученых, цвет отечественного библиотековедения, своих коллег. Одним из них абсолютно непредсказуемо оказался ученый-библиотековед, патриот, сохранивший сокровища и кадры ФБОН во время Великой Отечественной войны, ее директор Д.Д. Иванов. В чем же этот выдающийся деятель и человек провинился?

Дело в том, что на основе глубокого и систематического изучения отечественного и зарубежного опыта он в фундаментальной теоретической статье «Пропаганда науки и специальные залы публичных библиотек (В порядке предварительной постановки вопроса)»[1] обосновал оригинальную для того времени концепцию информационного обеспечения советской науки через систему читальных залов. Обильного использования им зарубежных библиотековедческих источников оказалось достаточно, чтобы зачислить его в стан «космополитов», «низкопоклонников». Перечеркнув все его заслуги перед Отечеством, его безукоризненный опыт служения науке и библиотечному делу, развязная группа конъюнктурщиков и политических дельцов предъявила ему, энциклопедически эрудированному специалисту, обвинения в незнании и игнорировании передового опыта советских библиотек, объявила его труды клеветническими, доводы – словесной шелухой, надуманной схемой, методологию исследователя – порочной, фальшивой, схоластической, псевдонаучной, немарксистской, непартийной. Все эти ярлыки были позаимствованы из текущих политических газетных и журнальных статей, а два последних ярлыка для тех лет были просто убойными.

Д.Д. Иванова освободили от занимаемой должности, но благодаря покровительству большого, умного и смелого друга библиотеки, президента АН СССР С.И. Вавилова оставили в ее штате в качестве старшего научного сотрудника.

Перехлестывавшие через край идеологические бури нанесли удар и по ФБОН в целом, расколов профессиональные и дружеские узы ее коллектива и ГБЛ. А ведь они вызревали десятилетиями, цементировались совместным трудом, особенно в холодное и голодное военное время, когда работать приходилось не только в кабинетах, но и на лесозаготовках. Дело дошло до того, что ФБОН, целенаправленно работавшую с иностранной литературой (70% фонда), объявили учреждением-космополитом.

И вот в такой сложной пропагандистской ситуации традиционная для ФБОН интеллигентная, доброжелательная аура дала первые трещины. У небольшой группы, буквально единиц эмоциональных сотрудников появился в глазах баррикадный блеск, проклюнулось желание поделить коллектив на чистых и нечистых, избавиться от инакомыслящих «космополитов», да еще неславянского происхождения.

К чести выпестованного Д.Д. Ивановым монолитного, дружного коллектива, в целом его морально-этический облик оказался прочным. В нем не разгулялись паника, интриги, сплетни. Коллектив сохранил свое единство, вопреки рекомендациям официальных органов сумел избежать увольнения отдельных специалистов.

---

[1] Труды БАН СССР. 1948. – Т. 1. – С. 5–53; *Иванов Д.Д.* Избранное. – М.: Книга, 1986. – С. 69–139.

Мне довелось присутствовать на двух собраниях по так называемому «обсуждению» статьи Д.Д. Иванова в ФБОН и ГБЛ. Особенно памятно второе, которое я покидал совершенно ошеломленным. Шумный, визгливый президиум собрания уподобился разбушевавшейся толпе футбольных фанатов или базарных теток. Любое не понравившееся выступление захлопывали и затопывали сотрудники Ленинки, в те годы мнившие себя единственно правоверными теоретиками и проводниками генеральной линии партии, подогревали в зале гул и шум, поощряли выкрики. Специалисты, приглашенные из некоторых научных библиотек, отмолчались, не решились взять слово. Председательствующий (фамилию опускаю) любого сотрудника ФБОН, пытавшегося объективно и профессионально раскрыть суть проблем, замолвить словечко за Иванова, забивал бестактными репликами, грубо обрывал, буквально сгонял с трибуны.

Это зрелище не отпускает меня более полувека. «Суд» («а судьи кто?»), учиненный над Д.Д. Ивановым, безусловно, был его личной трагедией, укоротившей годы жизни, оттолкнувшей Дмитрия Дмитриевича в 53 года от активной общественной деятельности. Но это и трагедия всего отечественного библиотечного дела, утратившего незаурядную личность, мудрого мастера, учителя, достойного самого бережного отношения коллег.

В той «космополитической» истории вспоминается и один светлый эпизод – гражданственность недавнего фронтовика, преподавателя МГБИ Исидора Марковича Фрумина. Своим отчаянно смелым выступлением в защиту идей Д.Д. Иванова, которое по тем временам могло завершиться для него драматично (потерей партбилета, полученного на фронте, смещением с должности и т.д.), Фрумин, во-первых, изрядно потрепал сценарий спектакля, а во-вторых, опроверг расхожее мнение, что интеллигентный человек полон колебаний и сомнений, непременно хлюпик и слабак, что личное спокойствие и благополучие он ставит выше истины. И.М. Фрумин не только не разделил позицию тех руководящих товарищей, которые готовили спектакль, но и убедительно обосновал перспективность ивановской концепции. Она действительно нашла свое реальное воплощение в 1960–1970-е годы в структурах таких публичных библиотек, как республиканские (АССР), краевые, областные библиотеки России; они были построены по проблемно-отраслевому принципу.

Инициаторы разгрома библиотечных «космополитов» не ограничились двумя собраниями. Они коллективно сочиняли по случаю соответствующие политические, а не профессиональные материалы, пристраивали их в печати и тем самым настраивали всю библиотечную рать Советского Союза на свою «единственно» верную волну. В качестве примера можно привести, видимо коллективную, статью Е. Герр «Лженаучные измышления по поводу пропаганды науки библиотекарями»[1]. Лишенная профессиональных достоинств, эта статья как политический манифест сыграла свою роль в формировании мировоззрения библиотекарей, попортила многим из них кровь, лишив творческой активности, настроив на догматизм и унылое однообразие.

Минули десятилетия, много воды утекло. Однако ощущения тех событий не выветрились и понынe. Более того, возникают реминисценции с более поздними временами и с сегодняшним днем. Перманентная топорная борьба против «ошибок и извращений» в библиотечной теории и практике, против «объективизма, культурничества и надклассовости», то затухая, то разгораясь вновь, продолжалась более 70 лет. Не успевало государство начать очередную политическую кампанию, которых было на памяти выпускников МГБИ 1948 г. не счесть (и «морганисты-вейсманисты», и «космополиты-низкопоклонники», и «врачи-отравители», и т.д. и т.д.), как от библиотекарей тут же требовали ревизовать свое хозяйство, снять с полок по общегосударственным спискам Главлита «вредные» книги, изъять карточки из каталогов и картотек, вычеркнуть сомнительные имена из указателей. Подобная борьба за чистоту идеологии была запрограммирована советской системой.

Можно было надеяться, что с началом перестройки, а затем провозглашением идей демократии и свободы библиотечное дело избавится от оков идеологии и начнет развиваться независимо от политических взглядов многочисленных начальников, сосредоточиваясь на сугубо профессиональных проблемах, своей внутренней технологической сути. Ничуть не бывало – вновь «пошла писать губерния»… Сотни теоретиков, практиков, библиотечных начальников всех мастей вслед за политиками и легковесными журналистами-дилетантами ринулись без оглядки ниспровергать наше профессиональное прошлое как полностью скомпрометированное тоталитаризмом и административно-бюрократической системой. И симптоматично, что делается это уже по собственной инициативе, без оглядки на власти. С готовностью отказываются от вековых библиотечных традиций, забывают о вкладе в отечественную культуру пионеров библиотечного дела России…

---

[1] Библиотекарь. – М., 1949. – № 4. – С. 34–39.

Однако вернемся к 1940-м.

В цепочке событий ключевым, бесспорно, оказался приход в ФБОН в 1949 г. нового директора Виктора Ивановича Шункова. Молодежи библиотеки его имя и скупые биографические данные мало что говорили. Кандидат исторических наук, в молодости библиограф, сотрудник Института всеобщей истории Академии наук[1], участник Великой Отечественной войны, орденоносец. Это уже проработав много лет в ФБОН, он сделал себе имя и в исторической науке, и в библиотековедении, и на международной библиотечной стезе. Как исследователь истории Сибири XVI–XVII вв., защитил докторскую диссертацию, получил звание члена-корреспондента Академии наук СССР, удостоен Государственной премии.

Все мы, фэбэоновцы, еще вчера испытывавшие искреннее чувство уважения, даже обожания, к Д.Д. Иванову, тем не менее уже при первой встрече с Виктором Ивановичем испытали влияние его сильной личности. И подспудно это ощущалось (мною, во всяком случае) как своего рода предательство. Но постепенно в моем представлении об этих уникальных и непохожих личностях выкристаллизовалось своеобразное золотое сечение: ведь их объединяли преданность делу, ФБОН, ее коллективу, искусство тонкого руководства им.

В.И. Шунков принадлежал к той немногочисленной разновидности начальников, которые умеют умно, деликатно, дипломатично входить в руководящую должность. Они сначала обретают авторитет, союзников в новом для них коллективе, а потом уж, ничего не ломая, не отрицая и не порицая содеянное предшественником, эволюционно умножают и наращивают сложившийся в прошлые годы интеллектуально-духовный, материально-технический и кадровый потенциал. А ведь бывает, что, придя в то или иное учреждение, руководитель начинает все рушить, добиваясь, чтобы и духа не оставалось от деяний предшественников. Он перечеркивает всю историю учреждения, искореняет его истоки, исподволь возвеличивая собственное имя, утверждая в общении с коллегами и даже в печати, что история организации зародилась с его приходом к руководству. Пышно отмечает круглые даты своего прихода, нимало не заботясь об исторической объективности фактов, событий.

---

[1] В те годы институт назывался Институтом истории АН СССР. Его разделение на Институт всеобщей истории АН СССР и Институт истории СССР АН СССР произошло в 1968 г. – *Прим. ред.*

И нужно благодарить судьбу за то, что она, отняв у ФБОН одного яркого руководителя, вверила ее другому, тоже яркому; что в ФБОН не «сослали» на ее «укрепление» далекого от библиотечных дел случайного партийного функционера, военного отставника, кадровика из Президиума Академии наук и т.п.

В.И. Шунков оставил в коллективе Д.Д. Иванова, тесно с ним сотрудничал, доверил круг самостоятельных творческих работ, вывел на активные контакты с большим числом крупных библиотечных специалистов, в том числе зарубежных.

Не стану рассказывать о библиотечно-информационной, исследовательской, научно-методической деятельности ФБОН под руководством Виктора Ивановича. Она многогранна, результативна и в силу своей неисчерпаемости требует специального анализа. К тому же эта деятельность довольно обстоятельно рассмотрена и оценена в печати[1]. Подчеркну лишь, что библиотека в те годы сделала ощутимый рывок вперед.

Отчетливо сознавая, что уникальность библиотеки обеспечивается в значительной степени фэбэоновскими ветеранами, новый директор в то же время заботился о преемственности поколений. При Шункове в библиотеке появилось немало выпускников МГУ и других вузов, занявших те участки, где требовалось прежде всего глубокое знание той или иной отрасли общественных наук.

Сложнее всего было с библиотековедением, да еще сориентированным на специальную научную библиотеку. Аспирантура МГБИ уходила от подготовки таких кадров. И Шунков, заручившись поддержкой своей инициативы в Президиуме АН СССР, сделал ставку на собственную академическую аспирантуру. Среди четырех молодых сотрудников библиотеки в ноябре 1950 г. в аспирантуру был зачислен и я по специальности «Библиотековедение». Доктор исторических наук Т.И. Райнов был утвержден моим руководителем.

---

[1] Фундаментальная библиотека общественных наук. (Из опыта работы за 40 лет): сб. ст. – М.: Изд. АН СССР, 1960. – 318 с.; *Симон К.Р.* История иностранной библиографии. – М.: Всес. кн. палата, 1963. – 736 с.; Научная библиография. Из опыта ФБОН. – М.: Наука, 1967. – 239 с.; Теория и история библиографии: сб. ст. в память К.Р. Симона. – М., 1969. – 241 с.; *Симон К.Р.* Избранное. – М.: Книга, 1984. – 238 с.; *Иванов Д.Д.* Избранное. – М.: Книга, 1986. – 334 с.

Потребовалось срочно сочинять реферат «Издание и публикация произведений Г.В. Плеханова в СССР. 1917–1950». Судьбой этой интереснейшей личности я интересовался еще в институтские годы. Кое-что прочитал из сочинений Плеханова, был знаком с историей их публикации. Но все это на уровне любительства, любопытства. Здесь же, в ФБОН, надо было на суд приемной комиссии сдать серьезную работу. И как же я был польщен, когда в отзыве на мой реферат, подписанном В.И. Шунковым и блистательным Г.Г. Кричевским, прочитал: «Работа, проделанная автором, имеет актуальное значение и может быть использована для планирования издания сочинений Плеханова в ближайшем будущем».

Значительно труднее, чем в МГБИ, оказалось сдать экзамен по библиотековедению. В институте и в ФБОН господствовали разные библиотековедческие школы, а их апологеты охраняли и продвигали свои личные библиотековедческие доктрины. Тем не менее кандидатский экзамен по общему библиотековедению, как и по теории предметного каталога, я сдал на «отлично». На «хорошо» сдал организацию библиотечной сети в комплексном научном учреждении (системе библиотек АН СССР). Последнюю дисциплину мне, новичку, было нереально сдать на «отлично»: экзамен принимали основоположники системы библиотек АН СССР, каждый из которых знал, как все происходило, по-своему оценивал свой личный вклад в теорию и практику формирования комплексного научного учреждения. Любое мое высказывание, любой ответ шли вразрез с личными пристрастиями кого-то из экзаменаторов. Можно сказать, что это был не экзамен для аспиранта, а событие для экзаменаторов, возвращавшее их в боевую молодость. По библиотечным дисциплинам экзаменовали меня популярные в книжном мире специалисты – Д.Д. Иванов, Г.Г. Кричевский, В.Г. Орлова, Т.И. Райнов, К.Р. Симон, Л.В. Трофимов, В.И. Шунков, З.К. Эггерт.

Один экзаменационный казус я подстроил себе сам. Вместо того чтобы вступительный экзамен сдавать по английскому языку, которым успешно пользовался в работе, я вдруг вопреки логике решил экзаменоваться по французскому. Дело в том, что этот красивейший язык я начал изучать в языковой группе библиотеки. За несколько месяцев мы постигли в основном грамматику, коллективно разбирали и читали адаптированные тексты, а библиотечная французская терминология была еще за семью печатями, личный словарный запас был скудный. К тому же вместо политического текста (как делали все абитуриенты), например, из известной коммунистической газеты *L'Humanité*, я прихватил на экзамен несколько французских библиотечных изданий. А они, как я со временем усвоил, особенно трудны в переводе. То была полнейшая авантюра, чистейшей воды мальчишество с предрешенным результатом. Времени, отведенного на перевод, мне не хватило. Я с треском провалился…

С дурными мыслями я возвращался с улицы Куйбышева, где размещалась кафедра иностранных языков Академии наук, в ФБОН. Но тяжелых объяснений не было. Меня пригласила к себе в отдел спецхрана бессменный партийный секретарь Вера Георгиевна Орлова, обладавшая практическим гибким умом, не ведавшая, что такое растерянность, уныние. И еще – у нее было доброе материнское сердце. Вера Георгиевна поручила мне устроить ей свидание с преподавательницей французского, у которой училась наша группа. О чем они говорили, мне неизвестно. Затем Орлова пригласила Сюзанну, успокоила ее и поручила: «Кормите мужа!» Вызвав через день-два меня, Вера Георгиевна была лаконична: «Вас зачислят в аспирантуру. Я дала слово заведующей кафедрой, что через полгода вы сдадите экзамен по французскому языку на пятерку!»

Честное имя Веры Георгиевны я не посрамил, хотя это стоило мне жестокой самодисциплины и едва ли не круглосуточного штудирования, иногда в совсем неподходящей обстановке (транспорт, совещания и т.д.). 28 июня 1951 г. приемная комиссия кафедры иностранных языков АН СССР оценила мои знания на «хорошо».

Что касается темы будущей диссертации, то все считали, что она должна быть сориентирована на нужды академических библиотек, а еще лучше – самой ФБОН. Предполагались две темы: «Предметный каталог ФБОН» и «Построение единой библиотечной сети комплексного научного учреждения». Решение затянулось, и какое-то время мне пришлось выявлять и собирать материал, штудировать литературу и документы по обеим темам. Решение подсказали последующие события.

Руководство Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина развернуло очередную политическую кампанию. На этот раз – по ликвидации в библиотеках предметных каталогов как «буржуазных». Коллектив ФБОН еще не оправился от последствий космополитической кампании, которую ГБЛ так жестоко и «результативно» провела в 1949-м. ФБОН свой предметный каталог не ликвидировала, но признала за благо диссертацию о предметном каталоге из планов исключить: береженого Бог бережет…

Чтобы расширить исследовательскую базу моей диссертации (архивные и оперативные документы, общение со специалистами), руководство ФБОН в 1952 г. направило меня в Ленинград для сбора материалов в Архиве АН, БАН и специальных библиотеках при академических учреждениях. Для меня это было особенно важно при почти полном отсутствии печатных источников по теме.

Вся командировка – удивительный калейдоскоп, который и ныне во мне и со мной. Уникальность информации в грудах просмотренных архивных дел, оперативных библиотечных документах, робкое знакомство с ленинградскими академическими библиотеками, старшими коллегами, посещение галопом Эрмитажа, Русского музея, Пушкинского театра, ошеломившее исполнение великим актером Николаем Симоновым роли Протасова в спектакле «Живой труп». Атмосфера легендарной ленинградской интеллигентности, хотя уже тогда ленинградцы были разными и всякими. Скажем, пришел в Пушкинский театр, подаю гардеробщику пальто и шапку и слышу: «У нас гардероб платный». – «Сколько с меня?» В ответ молчание. Я протягиваю трешку – стоимость аспирантского обеда. Направляюсь в сторону зрительного зала и обнаруживаю табличку – «Оплата гардероба – 20 коп.». Но такие нюансы были не в счет.

Всё воспринималось мною восторженно, как подарок судьбы, тем более что с сотрудниками БАН отношения сложились не только деловые – сердечные (они оставались в силе десятилетиями, уже после того как я расстался с Академией наук и мало кто трудился в БАН из моих знакомых). Огорчало лишь одно: ежевечерне, когда я покидал архив, его служащая стопку моих выписок уполовинивала, а в оставшихся записях делала купюры. Но и после этих операций, как мне казалось, я возвращался в ФБОН с большим и ценным материалом.

Увы! От радужного настроения, от сознания значительности выполненного долга не осталось и следа, едва на ученом совете ФБОН началось обсуждение итогов вояжа. Мои научные руководители и согласованно действующие «мучители» Т.И. Райнов и Л.В. Трофимов так аргументированно показали членам совета, мне, другим аспирантам, как не надо и, главное, как надо работать с архивными и оперативными служебными материалами, как выявлять факты, извлекать из них самое существенное, отсекать второстепенное, беллетристику, пропагандистский «шум», как анализировать и систематизировать источники, что я четко осознал свой явный провал, приуныл, подумав, что взялся не за свое дело.

Предоставили слово мне. Я, впервые попав на заседание ученого совета, от волнения запутался в деталях, частностях, да еще заявил, что мой рабочий день в командировке продолжался с девяти утра до одиннадцати ночи. В ответ В.И. Шунков приземлил меня: «Молодому человеку, решившему заниматься наукой, непозволительно подсчитывать минуты, подаренные ей. Науке принадлежит вся его жизнь!» Слова Виктора Ивановича навсегда стали моим кредо.

Покидая заседание ученого совета, я полагал, что буду отчислен из аспирантуры, что научная карьера бесславно завершилась. Но я ошибся. Меня вновь направили в Ленинград, дав понять, что верят в молодого специалиста. Строгость моих учителей удивительным образом сочеталась с их естественной и глубокой интеллигентностью, доброжелательностью. Они научили нас – аспирантов – трезво, не обижаясь, воспринимать умную деловую критику; учили вести предметный диалог без навешивания на оппонента ярлыков.

Отдавая должное Льву Владимировичу Трофимову как одному из своих наставников, я попытался проанализировать его роль в становлении отечественного библиотековедения, формировании теории научной библиотеки[1].

Постепенно отшлифовался четкий порядок. Подготовив очередную главу диссертации, я передавал ее Т.И. Райнову. Он, написав краткое методологическое резюме и сделав многочисленные сердитые замечания на полях, передавал все научному консультанту Л.В. Трофимову. Тот с позиций мирового библиотековедения и прогнозируя развитие теории построения единой библиотечной системы Академии наук, добавлял множество своих не менее сердитых замечаний.

Стиль научных работ самого Льва Владимировича, стиль вышедших из-под его пера многочисленных документов, стиль публичных выступлений выпускника физико-математического факультета МГУ всегда был четок, ясен и ярок, высвечивал авторскую позицию.

И Лев Владимирович, и Тимофей Иванович слыли в коллективе самыми строгими и требовательными специалистами. Однако справедливыми и себя не щадящими. Они были максималистами, уверенными, что средненький уровень в любом деле не может быть нормой. Норма – отменно выполненная работа. Впрочем, они не были трудоголиками в «экстремистском» понимании этого слова, в чем я мог неоднократно убедиться в редкие, очень редкие минуты отдыха, на встречах в неофициальной обстановке. Здесь они были заботливы, приветливы, остроумны, ироничны, улыбчивы. А это в сочетании с уже упомянутыми качествами – черты сильных, ярких натур. Таким людям хочется подражать, хочется на них равняться. Ничто человеческое им не было чуждо. Вспоминаются, скажем, те немногие минуты в обеденный перерыв, когда под ласковым весенним солнцем у дверей библиотеки собиралась мужская компания покурить. В ее эпицентре нередко оказывался Л.В. Трофимов – умелый, остроумный, увлеченный рассказчик множества оригинальных баек, реже – анекдотов, знаток историко-литературных фактов. Всех нас, особенно молодых, тянуло на следующий перекур с участием Льва Владимировича.

---

[1] *Бачалдин Б.Н.* Разносторонний библиотековед (К 90-летию со дня рождения Л.В. Трофимова) // Библиотекарь. – 1974. – № 12. – С. 46–49.

Многие в библиотеке робели, зная, что им предстоит общение с Т.И. Райновым. Он все видел, все знал, мгновенно схватывал суть проблемы и никогда не пускался в утомительные рассуждения, а принимал конкретное решение. Не только слыл, но и был строг, требователен, внимателен к делу до педантизма. Поэтому и наша аспирантская группа страшно робела, когда однажды знойным летом решилась навестить заболевшего Тимофея Ивановича. В дверях нас встретила седая немолодая и приветливая женщина – супруга нашего руководителя. Провела в комнату, где он лежал, помогла разместиться вокруг его постели так, чтобы он мог видеть каждого, и удалилась по своим делам. Мы готовились к строгому официальному аспирантскому отчету, а завязалась интересная, непринужденная беседа о разных разностях. Тимофей Иванович интересовался буквально всем: какие спектакли мы посетили, какие концерты в консерватории, что экспонируется в музеях, какие новинки вышли из печати.

Боясь утомить больного, мы все время порывались уйти, особенно когда его супруга стала накрывать стол к обеду. Но Тимофей Иванович, обычно такой деловой, даже суховатый, находил одну причину за другой, чтобы нас задержать, был оживлен, шутил. Поглаживая голый веснушчатый локоть огненно-рыжей грузинки Нелли Менагеришвили, он заметил: «Вот вы жалуетесь на жару, духоту, говорите, что вам трудно и дышать, и работать. При современной моде грешно так говорить. (На Нелли легкое, свободное, открытое, короткое без рукавов платье). А каково было какой-нибудь подмосковной купчихе, облаченной в длинное платье, застегнутое под горло, да еще перед кипящим самоваром? Единственно, что она могла себе позволить – это просунуть палец между глухим воротничком и полной шеей и оттянуть несколько раз воротничок». Долго мы еще вспоминали тот визит…

Заботясь о нашем профессиональном мужании, и Т.И. Райнов, и Л.В. Трофимов, кажется, готовы были использовать любой повод, чтобы обучить нас научному труду. Они приглашали аспирантов на общебиблиотечные совещания, семинары, конференции, партийно-комсомольские активы, если на них дебатировались проблемы науки. Особенно поучительны были заседания ученого совета. От нас там было мало проку, мы только занимали четыре дефицитных стула. Но мы дышали воздухом серьезных научных диспутов, осваивали их методологию и методику. А в те годы заседания ученого совета ФБОН – это битва гигантов библиотековедческой мысли, демонстрация эрудиции, логики, оригинальнейшей аргументации, словесного блеска. Было чему и у кого поучиться! Например, после выступления самого эмоционального члена совета Е.В. Бажановой, умевшей спровоцировать любую дискуссию, атмосфера раскалялась, летели пух, перо. Такие люди, как Елена Васильевна, нужны каждому уважающему себя научному коллективу, поскольку не дают застояться теоретической мысли, покрыться плесенью, остановиться в развитии. Она была отчаянным возмутителем спокойствия, имела свою точку зрения на серьезные научные проблемы и смело ее обосновывала. Ради научной истины она готова была вступить в дискуссию с любым авторитетом. После ее выступления начиналось самое интересное и полезное. Один за другим свою позицию высказывали ведущие специалисты: Л.И. Герман, Т.И. Райнов, блистательный острослов Г.Г. Кричевский, Н.К. Каратаев… И, как казалось нам – аспирантам, искомое решение готово было захлебнуться в дебатах. Но мы заблуждались. Дипломат Виктор Иванович, венчая споры, произносил свою сакраментальную формулу: «Как будто бы в итоге мы пришли к единому мнению» – и выстраивал пункты логичного конкретного решения.

В эпоху В.И. Шункова на заседаниях ученого совета шло столкновение взглядов, идей, точек зрения, а не личностей с их амбициями, выпадами друг против друга. С подобной интеллигентностью я больше нигде не встречался.

Летели неделя за неделей, месяц за месяцем. К концу 1953 г., т.е. к окончанию учебы в аспирантуре, диссертация в основном была написана, по замечаниям учителей неоднократно переписана. Несмотря на то, что я, как неопытный автор, цеплялся за каждый факт, каждую деталь, добытую в архивах, пришлось поступиться большим их числом. При этом я был во власти юношеских иллюзий, полагал, что когда-нибудь вернусь к изъятым материалам. Увы!..

К моему большому огорчению плавно развивавшиеся диссертационные дела к концу 1953 г. заметно притормозились. Тому были две причины. Во-первых, оказалось чрезвычайно сложно организовать публикацию статей по теме диссертации. Проблематично было аспиранту пробиться в единственный профессиональный журнал – «Библиотекарь». Брезжила надежда опубликоваться в «Трудах Библиотеки Академии наук СССР и Фундаментальной библиотеки общественных наук АН СССР» (далее «Труды БАН и ФБОН»), но после выхода в 1948 г. первого тома, в котором была опубликована та самая статья Д.Д. Иванова, установилась затянувшаяся пауза.

Вторая причина, по которой несколько поугас аспирантский энтузиазм в библиотеке, – это состояние здоровья моих учителей. Как-то синхронно сдало их здоровье. Они и из жизни ушли синхронно, в 1958 г.

Лишившись активной повседневной поддержки, контроля руководителей, я остался один на один со своими проблемами, но расслабляться себе не позволил, подготовил для второго тома «Трудов БАН и ФБОН» статью об оптимизации системы библиотек АН СССР. Статью в редакции приняли, и я ждал положительного результата от ее публикации.

Ожидание оказалось долгим, результат – абсолютно непредсказуемым, более того – драматичным. Впервые я осознал, что и в моем любимом фэбэоновском коллективе, как и на солнце, есть темные пятна. Ведь я весь коллектив воспринимал исключительно в характеристиках превосходной степени, но столкнулся с загадочностью его персон, которым свойственно улыбаться, говорить комплименты, называть тебя Боречкой, а за спиной развертывать кампанию по дискредитации твоего труда. Тогда я был ошеломлен, поскольку столкнулся с этим впервые. Малоприятно было сталкиваться с подобным и в последующей жизни. Однако уже спасал иммунитет.

Итак, одна дама, как выяснилось позже, страстно не желавшая видеть меня разработчиком проблемы «Библиотечная система

Академии наук», считавшая себя монополистом в данной теме, нашла двух кандидатов наук – одного из ГБЛ, другого из МГБИ, которые не очень-то ценили и оберегали свое авторское реноме. Иначе чем можно объяснить, что не читая мою статью, не владея ее предметом, они передали нашей даме за своей подписью две несуразные, легковесные писульки, которым и суждено было сыграть темную роль. Как говорится, клевета, что сажа – не обожжет, так замарает. Реакция «Трудов БАН и ФБОН», не извещая меня, сняла мою статью, и тем самым защита диссертации была отодвинута на несколько лет. Однако только отодвинута. Решающую роль здесь вновь сыграл Л.В. Трофимов. Преодолевая недуги, он напоследок написал глубоко аргументированный развернутый отзыв на мою статью, который не только посрамил хилые тезисы тех двух рецензентов, но, главное, повлиял на решение редакции. Под трафаретным для той эпохи заглавием «Из истории организации и развития сети библиотек Академии наук СССР после Великой Октябрьской социалистической революции» статья была напечатана в 1958 г. в третьем томе «Трудов БАН и ФБОН». Но я опережаю события.

…Приближался 1954 год. Уже несколько месяцев Лев Владимирович (Трофимов) вводил меня в курс дел своего отдела систематизации, поручал выполнение небольших заданий, приглашал на производственные совещания, впрочем, никак не объясняя, зачем это делает. Некоторые все знающие молодые сотрудницы намекали, что их начальник имеет намерение включить меня в штат отдела, якобы ждет вакансию. Но предопределил мое будущее Шунков. Пригласив к себе для беседы, он сначала поинтересовался диссертационными делами, осведомился, какую роль в будущем я отвожу в диссертации ФБОН, БАН, Сектору сети специальных библиотек Академии наук СССР, Библиотечной комиссии при Президиуме АН СССР. При этом особенно детально мы обсуждали статус и фактическое состояние двух последних учреждений. И вдруг Виктор Иванович ошеломил меня предложением перейти на работу в качестве главного библиотекаря в Библиотечную комиссию. С января 1954 г. я занял эту должность.

Как я впоследствии понял, Виктор Иванович, будучи опытнейшим администратором, считал нужным иметь своего человека в общеакадемическом органе, координировавшем деятельность академических библиотечных центров.

Р.М. Фрумкина

БИБЛИОТЕКА
(ИЗ КНИГИ «О НАС – НАИСКОСОК»)[1]

Фрумкина Ревекка Марковна (28 декабря 1931, Москва), лингвист, психолог, эссеист. Доктор филологических наук, профессор. По окончании филологического факультета МГУ (1955) работала библиографом ФБОН АН СССР в группе по изданию библиографического бюллетеня «Иностранная литература по языкознанию» до 1958 г. Сотрудник Института языкознания РАН (с 1958 г).

Весной 1956 г. меня взяли библиографом в библиотеку Института языкознания АН СССР[2]. Могла ли я думать, что именно этот период, когда я была занята вовсе не лингвистикой, а освоением библиотечного дела, предопределит столь многое в моей жизни…

Библиотека Института языкознания в 1956 г. заслуживает того, чтобы рассказать о ней подробнее.

Помещалась она в полуподвальном этаже того самого особняка на углу Волхонки и бульвара, где много лет по очереди обретались Институт языка и мышления имени Марра, Институт языкознания вместе с Институтом русского языка, а теперь – только Институт русского языка. Полуподвал и сейчас занят библиотекой – правда, сильно разоренной разными реорганизациями.

Административно библиотека была подчинена двум учреждениям – ФБОН, т.е. основной гуманитарной академической библиотеке, и институту, в здании которого наша библиотека помещалась. Заведовала библиотекой Надежда Петровна Дебец – несомненно значительная личность и глубоко преданный своему делу человек. Надежда Петровна, или «ЭнПэ», как за глаза звали ее сотрудники, считалась работающей в Институте языкознания. Я и другие библиографы были в ведении ФБОН. Это немаловажная деталь, потому что меня – с согласия Н.П., конечно, – на работу взял В.И. Шунков, директор ФБОН. Виктор Иванович Борковский[1], тогдашний директор Института языкознания, этого бы ни за что не сделал. И еще неизвестно, как в этом случае могла бы сложиться моя дальнейшая судьба.

---

[1] Текст публикуется по изданию: *Фрумкина Р.М.* О нас – наискосок. – М.: Русские словари, 1997. – С. 87–93.

[2] Библиотека Института языкознания АН СССР в то время была отделением ФБОН АН СССР. Сейчас она входит в структуру Библиотеки ИНИОН РАН.

В.И. Борковский, у которого я все-таки позже работала и, более того, сохранила о нем самые добрые воспоминания, был антисемитом. О своей первой встрече с Борковским любила рассказывать Надежда Петровна. Ко времени, к которому относится мой рассказ, она разошлась с мужем, крупным ученым-антропологом Г.Ф. Дебецем. Это обстоятельство побудило ее покинуть библиотеку Института этнографии. Когда она пришла представиться Борковскому, тот посмотрел ее анкету и, просияв, воскликнул: «Как приятно познакомиться с истинно русским человеком!» Надежда Петровна едва не расхохоталась ему в лицо. Дело в том, что отец ее был священником, в терминах анкеты – «служителем культа». Для его дочерей это означало ни более ни менее, как «лишенство», т.е. определенное поражение в правах. В частности, они не могли поступать в высшие учебные заведения непосредственно после завершения среднего образования. И вдруг – на шестом десятке лет жизни – кто-то счел это происхождение преимуществом.

Эта история выглядела особенно гротескной для всех, кто знал ее героев. Надежда Петровна была высокая крупная женщина, коротко стриженная, с грубоватым обветренным лицом и низким голосом. За годы замужества она перебывала с Дебецем в дальних экспедициях, в самой что ни на есть глуши, и ничего и никого не боялась. Виктор Иванович был стройным, моложавым, начинающим седеть брюнетом, с темными глазами и угольно-черными бровями – тип скорее южный, нежели русский. Он был обладателем красивого оперного баритона и кончил консерваторию – кажется, в Киеве. Женат он был на дочери белорусского словесника Карского, что само по себе мало кого могло тогда заинтересовать. Но в первом же разговоре с новым человеком Виктор Иванович непременно сообщал: «Я, знаете ли, женат на дочери академика Карского[1]».

---

[1] Борковский Виктор Иванович (1900–1982), академик АН СССР (1972). В 1954–1960 гг. – директор Института языкознания АН СССР. – *Прим. сост.*

По поводу этого родства добродушно сплетничали, объясняя антисемитские склонности Борковского тем, что в свое время академик не хотел отдавать за него дочь, сказав якобы при этом: «Мало того, что яврей, так еще и поет!» В бытность Борковского моим директором я сама сподобилась услышать от Виктора Ивановича о дочери академика Е.Ф. Карского. Что до пения, то он и в самом деле пел, и притом превосходно. Сейчас очень трудно представить себе, что в конце 50-х – начале 60-х годов директор такого консервативного института, как наш, охотно пел русские романсы на институтских вечерах.

Антисемитом Борковский был уж очень на всякий случай, потому что, взявши еврея на работу, он в дальнейшем как бы забывал о том, что в свое время сделал это под большим давлением. По моим наблюдениям, на его отношении к человеку его «исходный» антисемитизм никак не сказывался.

Научная библиотека Института языкознания для того времени была образцовой. У нас любили не только книгу, но и читателей, а это не так часто случается. Опыт общения с сотрудниками Ленинки впервые открыл мне, что среди библиотечных работников страсть к книге часто обратно пропорциональна приязни к читателю. Когда я приходила в Ленинку со служебного входа, я была желанным гостем. Старушки, донашивавшие пожелтевшие кружевные жабо, радушно открывали для меня каталожные ящики и справочники. Если же я приходила туда как читатель, то за несомненным профессионализмом тогдашних консультантов все равно угадывалось нечто вроде «ходят тут всякие».

Замечательным в нашей библиотеке был и подбор сотрудников. Главный библиотекарь – Роза Гутмановна Шварцман – была одной из тех, по ее словам, о ком в стихотворении Пастернака «Ирпень – это память о людях и лете…» сказано: «В дни съезда шесть женщин топтали луга». Благодаря ей я стала понимать, что многие невнятности у Пастернака – это просто отсылки к бытовым деталям, а не какие-то метафизические шифры. Из ровесниц я подружилась с Кирой Филоновой, дочерью известной актрисы немого кино Людмилы Николаевны Семёновой. Людмила Николаевна училась еще у Фореггера, снималась у Эрмлера в знаменитом фильме «Обломок империи». Кира успела поработать в одной из наиболее культурных тогдашних библиотек – в Государственной театральной, Театралке, как ее все называли. Она свободно владела французским и хорошо знала историю театра и кино.

---

[1] Карский Евфимий Фёдорович (1860–1931), академик Петербургской АН (1916), филолог-славист, этнограф, фольклорист, палеограф. Ему принадлежит классический труд «Белорусы» (1903–1922). – *Прим. сост.*

У нас работала Марианна Цезаревна Шабат[1], бывшая студентка знаменитого ИФЛИ, героиня автобиографического романа одного из первых писателей-диссидентов Аркадия Белинкова. В 60-е годы книга Белинкова о Тынянове оказала немалое влияние на умы.

Моим ближайшим коллегой был Генрих Соломонович Цвейг – человек совсем уж немыслимой, хотя и типичной для того времени судьбы. Генрих доводился близкой родней знаменитому австрийскому писателю Стефану Цвейгу. Цвейга после войны почти не переиздавали, но в любой библиотеке его книги были измусолены несколькими поколениями читателей – так он был популярен. Война застала Генриха Цвейга студентом Краковского университета по факультету истории. Он успел уйти пешком на восток – это спасло его от гибели в каком-нибудь из немецких крематориев, но не спасло от советской тюрьмы и лагеря особого режима. В лагерь Генрих попал уже не с воли, а после ссылки в Барнаул. В Барнауле он познакомился с другой ссыльной – совсем еще юной Зорей Серебряковой, дочерью советского государственного деятеля, расстрелянного по одному из процессов. (Не помню уже, где отбывала свой срок мать Зори – писательница Галина Серебрякова.) Они с Зорей то ли обручились, то ли поженились. С чьей-то помощью удалось добиться того, что Зоре разрешили уехать в Москву учиться, и она кончила истфак МГУ. Сам же Генрих был арестован как шпион, а их отношения с Зорей как с дочерью врага народа шли в обвинении отдельным пунктом.

В библиотеку Г.С. Цвейг пришел в 1956 г. – кажется, осенью. У них с Зорей был маленький сын, о котором Генрих говорил много и с нежностью. Именно от Генриха я впервые услышала рассказы о жизни в тюрьмах и лагерях. О своем прошлом он говорил достаточно подробно, но отстраненно, без всяких эмоций. Позже я неоднократно задумывалась над тем, почему таким потрясением стал для меня вышедший в 1963 г. «Один день Ивана Денисовича». Казалось бы, за полтора года, что мы с Генрихом просидели вместе между стеллажами в полуподвальной комнате, набежало немало рассказов о подобных же днях…

---

[1] См. ее воспоминания: *Шабат М.Ц.* От ФБОН к ИНИОН (взгляд снизу) // Тыняновский сборник. – М., 2002. – Вып. 11. – С. 849–879. – *Прим. сост.*

Время от времени в библиотеку приходили девочки на временную работу. Среди них была только что кончившая школу хохотушка Светка, с отчимом которой – писателем А.М. Борщаговским – я тогда познакомилась. Через много лет Светка стала известна как Светлана Кармалита, сценарист и режиссер, жена Алексея Германа.

Работа моя в библиотеке по напряженности напоминала конвейер. Каждое утро на мой стол попадала стопка новых иностранных книг и журналов. Из них я должна была отобрать все, что касалось лингвистики. Далее отобранные книги, статьи, рецензии и прочее следовало распределить по рубрикам. Если из заглавия неясно было, о чем идет речь, то я должна была написать краткую аннотацию.

Здесь и обнаружилось, что диплом филфака образца 1955 г. не дал мне *профессиональной* лингвистической подготовки.

Начать с того, что я имела весьма смутные представления о том, из каких разделов вообще состоит лингвистика. Ведь одно дело – понимать, что есть сравнительно-историческое языкознание, и совсем другое – сообразить, куда конкретно отнести поток статей об особенностях кумранских свитков.

Я ничего не знала и об источниках, с которыми мне приходилось иметь дело, поскольку нам не читали источниковедения (замечу, что будущим лингвистам его и сейчас не читают). Поэтому для меня все специальные журналы долго были как бы на одно лицо. И, разумеется, я была в полной растерянности, когда нужно было уточнить имя, дату или термин: я не знала, куда в каждом отдельном случае следует смотреть. Я помнила, что Ираклий Андроников во всех затруднительных случаях обращался к знаменитой «Картотеке Модзалевского», но, увы, ко мне это не имело отношения.

Два года в библиотеке, по существу, и были настоящим приобщением к профессии лингвиста. Во многом – из-за разнообразия конкретных задач, которые надо было решать безотлагательно. В неменьшей мере – благодаря общению с нашими читателями, которые и стали моими подлинными учителями.

А.М. Кулькин

НАУКОВЕДЕНИЕ В ИНИОН

Кулькин Анатолий Михайлович (15 декабря 1928, пос. Фабричный Джамбульского р-на Алма-Атинской обл. – 3 декабря 2014, Москва). Окончил философский факультет МГУ им. М.В. Ломоносова (1953). Кандидат философских наук (1969), доктор философских наук (1988). Специалист по науковедению. В ИНИОН работал с 1970 г. С 1970 г. по 2014 г. руководил отделом науковедения, затем преобразованным в Центр научно-информационных исследований по науке, образованию и технологиям.

Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) Российской академии наук – мое третье место работы. До него я работал на закрытом объекте – преподавателем в отделении Московского инженерно-физического института, а затем в Издательстве Академии наук СССР (далее – «Наука»). Издательской деятельности посвятил 12 лет. Нашими авторами были, как правило, научные сотрудники академических институтов. Издательство обладало удивительной особенностью. Оно располагало полной информацией о внутренней жизни академических институтов: поступавшие в издательство рукописи сотрудников служили исчерпывающими индикаторами их интеллекта, в процессе работы над текстом рукописи авторы, как бы между прочим, сообщали о важнейших событиях в своих институтах, давали характеристики коллегам и руководителям, а также сведения о враждующих группировках.

Меня приглашали на работу, особенно после защиты кандидатской диссертации, несколько академических институтов. Но избыток информации, которой я располагал о них, затруднял выбор. Тем более что в те годы происходило формирование новой отрасли знания, получившей в нашей стране название «науковедение».

А мои научные интересы соответствовали этому научному направлению. Друзья, работавшие в аппарате ЦК КПСС, посоветовали не спешить с переходом на другую работу, так как в самых высоких инстанциях готовилось постановление о создании в системе Академии наук СССР нового института. Действительно, вскоре такое решение было принято.

В сентябре 1970 г. я был зачислен в штат Института научной информации по общественным наукам, который был создан на базе Фундаментальной библиотеки общественных наук (ФБОН). На меня были возложены обязанности заведующего отделом науковедения и истории науки. К этой роли я был подготовлен. Дело в том, что, работая в издательстве, я взял на себя шефство по изданию книг в серии «Науковедение: Проблемы и исследования», энтузиастом которой был директор Института истории естествознания и техники С.Р. Микулинский. При мне в этой серии вышли книги «Организация научной деятельности» (1968), «Научное творчество» (1969), «Очерки истории и теории развития науки» (1969)[1].

Кстати, попытка С.Р. Микулинского наладить выпуск информационных сборников на базе своего института не увенчалась успехом. Он не верил, что я смогу осуществить его мечту: организовать и запустить в поточное производство науковедческую информацию. Об этом он сказал мне, когда стали выходить по подписке серии «Науковедение» реферативные журналы (РЖ) и многочисленные информационные сборники по проблемам науковедения, которые рассылались по всей стране.

Наука как социальный институт – явление чрезвычайно сложное, имеющее экономические, социологические, социально-психологические, структурно-организационные аспекты. Могут ли все ее грани быть охвачены одной отраслью знания? Возможно ли вообще существование такой области исследований? В каком соотношении находится науковедение с историей науки и техники? От решения этих вопросов во многом зависит выяснение, кому и как разрабатывать проблемы науковедения, если мы хотим, чтобы результаты исследований способствовали формированию общей теории развития науки и теоретической основы научной политики.

---

[1] Организация научной деятельности. Науковедение, проблемы и исследования / ред. кол.: Беляев Е.А. и др. – М.: Наука, 1968. – 444 с. ; Научное творчество: (перераб. тексты докл. и выступлений на Первом всесоюз. симпозиуме по психологии науч.-техн. творчества) / подгот. Алексеев Н.Г., Пономарев Я.А., Фролов Б.А. ; под ред. С.Р. Микулинского, М.Г. Ярошевского. – М.: Наука, 1969. – 446 с. ; Очерки истории и теории развития науки / под ред. С.Р. Микулинского (отв. ред.) и др. – М.: Наука, 1969. – 423 с.

Первоочередная задача – создание рубрикатора по науковедению

Прежде всего мы (я и сотрудники библиографического сектора по науке во главе с Ольгой Антоновной Барыкиной) начали кропотливую работу с разработки науковедческого рубрикатора. Особо следует сказать о библиографическом секторе. Нам повезло, что он изначально входил в состав отдела. Сектор был основан в 1934 г. Тогда термина «науковедение» не было, но был его синоним «наука». В картотеках сектора нашла отображение вся научная жизнь СССР. О.А. Барыкина кроме внутрисекторского каталога по науке располагала адресами научных учреждений и вузов страны. Все это находилось в великолепном состоянии: систематически вносились все происходившие изменения, т.е. постоянно проводился своеобразный мониторинг. Надо сказать, что библиографическая служба ФБОН была одной из лучших в стране, если не самая лучшая.

Одновременно с этим я приглашал в отдел будущих коллег: Л.М. Косареву, проявившую себя спустя десять лет как незаурядная личность; А.Б. Гецелевич, Л.О. Чичиканову и Т.В. Горбунову (теперь уже на пенсии), ставших специалистами высшей квалификации, заслуживающих самого глубокого уважения за верность отделу; А.Н. Лука, весьма талантливую личность и любимца коллектива. Я назвал только тех, кто принадлежит к славной когорте основателей отдела науковедения.

Создание рубрикатора началось с составления проспекта анкеты, основой которого послужила картотека-каталог библиографического сектора. 200 или 300 экземпляров этой анкеты было разослано в научные учреждения и вузы страны с сопроводительным письмом, в котором содержалась просьба сделать замечания и дополнения. Вернулось 70 анкет с замечаниями. Это было неплохо. Первоначально был сделан временный вариант рубрикатора, необходимый для поиска и отбора из мирового потока литературы тех книг и журнальных статей, которые годились для подготовки рефератов и обзоров. Одновременно я и В.А. Глинский работали над рубрикатором по науковедению и истории науки как составной части общеинститутского рубрикатора. Эта работа продолжалась с перерывами около года. С перерывами, потому что в 1972 г.

дирекция Института приняла решение о создании реферативных журналов. Это решение было обязательным для большинства отделов. В порядке выполнения этого решения руководство Института составило график обсуждения пробных номеров РЖ. Поэтому работа над вариантом общеинститутского рубрикатора, который являлся частью всесоюзного, совмещалась с подготовкой макета пробного номера РЖ. В 1972 г. завершилась работа над рубрикатором и успешно прошло обсуждение пробного номера.

В 1973 г. в Москве состоялся XIII Международный конгресс по истории науки. Сотрудники отдела науковедения ИНИОН обеспечивали членов советской делегации необходимой информацией.

Обсуждение информационных изданий ИНИОН АН СССР

Первую половину 70-х годов прошлого века можно назвать этапом обсуждения информационных изданий ИНИОН как внутри Института, так и за его пределами. Сотрудники всех отделов Института обсуждали тип реферата и проблему свертываемости информации. В связи с этим возник вопрос, можем ли мы использовать опыт всемирно известного Всесоюзного института научной и технической информации (ВИНИТИ) Государственного комитета СССР по науке и технике и АН СССР. Будучи членом ученого совета этого института, я познакомился с его работой изнутри и пришел к выводу, что можно и нужно использовать результаты исследований сотрудников ВИНИТИ по информатике, но нельзя использовать созданный ими тип реферата. Это не только мое мнение, его разделяют и большинство сотрудников ВИНИТИ. Так что сотрудникам ИНИОН решать возникшие перед ними задачи пришлось самостоятельно. В результате многочисленных дискуссий в конечном итоге договорились, что реферат должен быть лаконичным, точным (адекватно отражать содержание статьи и книги), а объем его должен быть гораздо большим, чем у реферата ВИНИТИ. Увеличение размера реферата повлекло за собой утрату его документальности. На это обстоятельство обратили внимание при обсуждении наших информационных изданий вне Института, которые проводились во многих городах Советского Союза. Отмечу одно выступление, которое врезалось в память. По моей просьбе было организовано обсуждение среди слушателей курсов повышения квалификации Высшей партийной школы (ВПШ) в Москве.

Один из слушателей – заведующий отделом Павлодарского обкома – заявил: «Почему мы, читатели, должны верить текстам ваших реферативных журналов и реферативных сборников? Иными словами, насколько они адекватны оригиналам?» Обращаясь к нам, представителям ИНИОН, он сказал: «Подумайте, каким образом реферату придать документальный характер. Нам, живущим и работающим на периферии, это очень важно. У нас нет таких библиотек, какими вы здесь, в Москве, располагаете, мы не имеем возможности установить достоверность ваших реферативных текстов. Сделайте это вы сами. Подумайте над тем, что я сказал».

Подводя итоги обсуждения в отделе, мы задумались над этой просьбой. Она преследовала меня несколько недель. Оказалось, чтобы придать реферату документальный характер, нужно цитировать фактические данные, цифровой материал и основные положения статьи, а тем более книги, что я и сделал, потребовав от штатных и внештатных сотрудников использовать цитаты как фактор документальности.

Приблизительно месяц спустя после обсуждения РЖ серии «Науковедение» слушателями курсов повышения квалификации ВПШ идея использовать цитаты как фактор документальности реферата была высказана директором ИНИОН АН СССР В.А. Виноградовым в заключительном слове на заседании ученого совета Института. «То, что представляет, – сказал он, – фактический интерес, то, что может быть использовано при написании статей, монографий и аналитических обзоров, это, видимо, нужно брать в кавычки, нужно давать ссылку на страницы. Таким образом, это сделает выпуски нашего журнала практически полезными для научных работников, потому что за пределами Москвы многие книги нельзя получить. Здесь мы должны обращать особое внимание на достоверность, точность передачи фактического материала, с тем чтобы наш журнал не послужил делу распространения дезинформации. Любая ошибка, повторенная нами, может десятки раз быть повторена. Этих ошибок не должно быть»[1].

Я был доволен выступлением директора. Теперь цитирование авторов статей и книг в реферате стало для меня не только личной инициативой, но и указанием руководства к исполнению.

Официальное обсуждение серии «Науковедение» РЖ «Общественные науки за рубежом» состоялось 25 октября 1972 г. на заседании ученого совета ИНИОН АН СССР. Выступило 16 человек, которые представляли девять научных учреждений. Плюс девять письменных положительных отзывов, поступивших на имя директора ИНИОН, члена-корреспондента АН СССР В.А. Виноградова, в том числе от академиков П.Л. Капицы и Б.М. Кедрова. Вскоре по моему предложению Б.М. Кедров был назначен главным редактором РЖ серии «Науковедение». Выступления, зафиксированные в стенограмме, содержали большой фактический материал, предложения, пожелания, замечания, большинство которых было учтено при подготовке первого номера РЖ.

---

[1] См. стенограмму заседания ученого совета ИНИОН АН СССР от 25.10.1972 г.

Следует особо отметить, что обсуждение РЖ серии «Науковедение» продолжалось и после ученого совета еще два года включительно, до 1974 г. Чтобы передать интеллектуально-духовную атмосферу вокруг науковедения того времени, целесообразно сделать краткий ретроспективный обзор.

В марте 1974 г. было проведено обсуждение серии «Науковедение» РЖ «Общественные науки за рубежом» научной общественностью Ленинграда и Киева. 11 марта состоялось обсуждение в Ленинградском отделении Института истории, естествознания и техники АН СССР с участием представителей вузов и отраслевых НИИ Ленинграда, 12 марта – в ЛГУ. В обсуждении принимал участие старший научный сотрудник отдела науковедения и истории науки, член редколлегии серии «Науковедение» РЖ А.Н. Лук. 15 марта состоялось обсуждение в Киеве в рамках Пятого всесоюзного симпозиума по проблемам науковедения, организованного Сектором комплексных проблем Института кибернетики АН УССР. В обсуждении приняли участие представители отдела О.А. Барыкина и А.Н. Лук.

Все выступившие на обсуждениях подробно остановились на следующих вопросах: 1) полнота охвата реферативным журналом потока науковедческой литературы; 2) структура РЖ серии «Науковедение»; 3) качество отдельных рефератов; 4) оперативность реферативной информации; 5) наиболее рациональный способ распространения журнала.

Все высказанные замечания и пожелания можно разделить на три группы:

1) пожелания, которые, в случае если редколлегия РЖ серии «Науковедение» согласится с ними, могут быть выполнены сотрудниками отдела науковедения;

2) пожелания, выполнение которых потребует усилий в масштабах всего Института;

3) наконец, пожелания, исполнение которых требует усилий, выходящих за рамки ИНИОН АН СССР.

К последней группе относятся следующие замечания.

I. Все без исключения выступавшие решительно высказались за изменение способа распространения журнала и предлагали распространять РЖ серии «Науковедение» по свободной подписке через «Союзпечать».

II. Большинство выступавших настаивали на изменении периодичности журнала: вместо четырех – шесть раз в год. При этом указывалось, что даже если его объем ограничен, все равно лучше выпускать шесть номеров журнала по 10 печатных листов, чем четыре номера по 15 листов. Более частый выход не только повысит оперативность информации, но и приведет к тому, что получение журнала войдет в «научный обиход», скорее станет привычным инструментом науковедов.

В идеале, как отмечали многие, следует перейти на ежемесячный выпуск.

III. Большинство выступавших выразили полное понимание того факта, что оперативность во многом зависит от комплектования, от того, когда материалы поступают в Институт. Выступавшие предлагали не путать **оперативность** информации с ее **актуальностью**. Порою работы, изданные несколько лет назад, настолько важны и интересны, что не следует руководствоваться формальным признаком – годом издания. В качестве примера приводили книгу Т. Куна «Структура научных революций». Она вышла вторым изданием в 1969 г. и реферат на нее был помещен в РЖ № 1 за 1973 г. Но даже если бы и не было второго издания, то следовало дать реферат на первое издание 1962 г., ибо эта книга – веха в истории науковедческой мысли. Русского перевода не было, а подлинник труднодоступен, особенно для научных работников, живущих на периферии.

Поэтому выступавшие рекомендовали редколлегии наряду с текущей информацией в отдельных случаях давать и ретроспективную, т.е. помещать в РЖ рефераты отдельных работ, вышедших в 60-е и даже 50-е годы, руководствуясь актуальностью информации, отсутствием перевода на русский язык и труднодоступностью той или другой статьи или книги.

IV. Обсуждение качества отдельных рефератов привело к признанию того факта, что реферат высокого качества может быть выполнен лишь квалифицированным научным работником. Таких работников и следует привлекать для внештатного реферирования, для чего им нужно гарантировать приличный гонорар.

V. Выступавшие сожалели о том, что в журнале нет японских и венгерских материалов. Не высказав никаких предложений в отношении японских науковедческих работ, предлагалось установить прямые контакты с науковедческими учреждениями Венгерской академии наук – там работает, по-видимому, немало людей, получивших образование в СССР и знающих русский язык. В порядке обмена научной информацией они могли бы присылать рефераты венгерских науковедческих работ. Можно попытаться установить связи с венгерскими коллегами через соответствующие организации АН СССР, но личные контакты предпочтительнее.

VI. Участники дискуссии предлагали редколлегии помещать в РЖ рефераты препринтов и оттисков, получаемых некоторыми учеными непосредственно от своих зарубежных коллег. Однако отдел науковедения счел такое предложение неприемлемым.

VII. Ряд выступавших говорили о необходимости непременно командировать на каждую конференцию, на каждый симпозиум по науковедению, которые проводятся в нашей стране, по крайней мере одного из членов редколлегии РЖ серии «Науковедение» и давать потом на страницах журнала информацию о состоявшемся мероприятии.

VIII. Были внесены предложения об издании реферативных тематических сборников и обзоров по науковедческой литературе.

Науковедение: информационный прорыв

С сентября 1970 по 1974 г. была создана инфраструктура информационного обеспечения фундаментальных науковедческих исследований: рубрикатор по науковедению, который вошел составной частью в общеинститутский, ставший в свою очередь частью всесоюзного (ныне российского) рубрикатора; во многих городах страны проведено обсуждение информационных изданий, в том числе РЖ серии «Науковедение».

Комплектование литературы по проблемам науковедения в Фундаментальной библиотеке на основе разработанного рубрикатора увеличило долю книг и журналов науковедческого профиля в общем потоке научной литературы, поступающей в фонды ИНИОН. Это обстоятельство позволило увеличить выпуск реферативной и аналитической информации по проблемам науковедения и истории науки.

Основные направления деятельности отдела

1. С 1975 по 1988 г. РЖ серии «Науковедение» из номера в номер содержал раздел «Экономика науки и эффективность научных исследований». За 14 лет, вплоть до перестройки, был опубликован огромный массив информации по становлению (в основном в США) инновационной экономики, формированию в этой стране национальной инновационной системы. Для нас, сотрудников отдела, все было новым. Информация этого раздела содержала факты и процессы, происходившие в экономике, которые были несовместимы с идеологией советской системы. Спрос в экономике на научные знания и физических лиц – носителей этих знаний был настолько велик, что вынудил работодателей строить свои отношения с наемными работниками скорее на партнерской, нежели «эксплуататорской» основе, т.е. брать на себя в отношении работников серьезные обязательства по их социальной защите. Данное обстоятельство умаляло роль профсоюзов **как традиционных** правозащитных организаций в сфере трудовых отношений. Это отчетливо продемонстрировала в 1980–1990-е годы практика реформирования социально-трудовой сферы в развитых странах, где между правительством, открывшим путь к партнерским отношениям в сфере труда, и профсоюзами возник серьезный конфликт.

К сожалению, весьма актуальная информация раздела «Экономика науки и эффективность научных исследований» РЖ серии «Науковедение» своевременно не была востребована. Только спустя 20–25 лет российские эксперты-исследователи, вслед за зарубежными коллегами, заговорили о «новой экономике», «информационном секторе экономики». Показательно одно из определений «новой экономики» – «информационная экономика», т.е. органическая часть «информационного общества». Информационная экономика – это наукоемкая и высокотехнологичная экономика, где основной упор делается на знания, технологии, инновации, и потому в ее центре оказывается то, что специалисты называют «интеллектуальным и человеческим капиталом». Ее формирование в США в основном происходило в 1975–1990 гг.

2. Представляет большой интерес научная направленность информации РЖ. Об этом свидетельствует тематическая структура серии «Науковедение» РЖ первого этапа становления. В качестве примера приведем название разделов в содержании одного из номеров (Науковедение, 1976, № 4, рефераты 76.04.001–76.04.096).

I. Наука и общество. Социология науки
II. Методология и теория развития науки
III. Научное творчество
IV. Организация научной деятельности. Управление наукой
1. Научная политика
2. Управление исследованиями в научных учреждениях
V. Научные кадры
VI. Экономика науки и эффективность научных исследований.

Тематическая структура науковедения как научного направления, в отличие от РЖ, гораздо шире, она фактически не имеет границ. Науковеды идут вслед за наукой. Она врывается в сферу экономики и диктует свои довольно жесткие правила поведения всем участникам данной сферы: политикам, экономистам, бизнесменам. От политиков она требует законов, устраняющих барьеры на ее пути; от экономистов – резкого снижения зависимости экономического роста от естественных ресурсов (земли, рабочей силы, полезных ископаемых и т.д.) и использования в первую очередь «интеллектуального и человеческого капитала»; от бизнесменов – кардинального изменения отношения к системе управления производством. «Нужна организационная структура, способная изменяться ежегодно, еженедельно, ежедневно и даже ежечасно применительно к новым обстоятельствам. Жесткие системы стали динозаврами»[1]. Наука становится стратегическим фактором формирования современной системы управления государством. Поэтому политики вынуждены обращаться к опыту бизнесменов. Необходимо помнить, что наука проникает во все сферы человеческой деятельности, и там, куда она еще не проникла, нужно быть готовыми принять «госпожу науку» с распростертыми руками.

В эти же годы сотрудники отдела науковедения уделяют большое внимание истории науки: выпуск реферативных сборников и обзоров по истории науки по общему объему печатной продукции не уступал общему объему РЖ.

С подачи отдела науковедения появился термин «историко-научные исследования». Под этим названием вышли в свет реферативные сборники и обзоры по многим странам мира. Особую роль в становлении информации по истории науки сыграла **Людмила Михайловна Косарева**. Она была весьма одаренной личностью. После защиты кандидатской диссертации, работая в отделе науковедения, она с увлечением изучала историю науки разных эпох. Ей принадлежит множество историко-научных рефератов и обзоров, на основе которых она одна из первых издала книги: «Предмет науки: философский аспект проблемы» (1977)[1] и «Социокультурный генезис науки Нового времени» (1989)[2]. Ее научные интересы были весьма широкими и масштабными и вызывали изумление. Об этом свидетельствует ее монография «Рождение науки Нового времени из духа культуры» (1997)[3], изданная посмертно. Назовем некоторые научно разработанные Л.М. Косаревой проблемы: социокультурные истоки экспериментального метода в науке; этические идеалы и познание природы; проблема герметизма в западных исследованиях генезиса науки; вероятностная концепция естественно-научного знания в гносеологии XVII в.; эволюция концепции времени в науке; социокультурные истоки коперниканской революции; методологические проблемы исследования развития науки; Галилей и становление экспериментального естествознания.

---

[1] Цит. по: *Авдулов А.Н.* Информационное общество: эволюция, современный этап, уроки для России // Россия и современный мир. – М., 2005. – № 4. – С. 11.

Новые задачи

В 1986 г. я был намерен защитить докторскую диссертацию. Но после встречи с директором ИНИОН РАН В.А. Виноградовым защиту пришлось отложить на год. Директор поставил задачу: основать общеинститутскую серию по актуальным проблемам информации. Предстояло придумать название серии, а затем составить проспект с кратким изложением содержания входящих в нее изданий. Было предложено три названия серии. Все они были «зациклены» на общественные науки. Во время обсуждения я заявил, что ни одно из них не годится. Дело в том, что у нас, сотрудников отдела, в процессе подготовки рефератов и обзоров по проблемам науковедения сформировалась мировоззренческая позиция по данному вопросу.

Мы исходили из того, что реальная действительность, объект научной деятельности, едина по своей природе, и все в ней взаимосвязано и взаимозависимо. Разбиение науки на отдельные дисциплины – лишь вынужденный методологический прием, обусловленный ограниченностью познавательных возможностей человека. И чем глубже проникает наше знание в конкретную область, тем отчетливее единство мироздания проступает и ощущается самими учеными. Не случаен и тот факт, что за последние полвека постоянно меняется дисциплинарный спектр науки. С одной стороны, он все больше дробится, внутри традиционных отраслей выделяются все новые узкие подотрасли. На стыках, прежде обособленных, возникает много новых дисциплин переходного типа вроде химической физики или физической химии. С другой стороны, уже прочно вошло в жизнь укрупненно-предметное деление на новые комплексные области – такие, как науки о Земле, науки о жизни, науки о человеке. Здесь грани межу традиционными дисциплинами стираются, в том числе и между естественными и общественными науками. Отметим также, что в последние десятилетия благодаря бурному прогрессу информатики и информационных технологий значительно сблизились аппаратное и математическое обеспечение естественных и общественных наук. В обществоведении все шире используются математические методы, различные формы моделирования и т.п.

---

[1] *Косарева Л.М.* Предмет науки: социально-философский аспект проблемы. – М.: Наука, 1977. – 159 с.

[2] *Косарева Л.М.* Социокультурный генезис науки Нового времени: философский аспект проблемы / АН СССР. ИНИОН ; отв. ред. Л.А. Микешина – М.: Наука, 1989. – 159 с.

[3] *Косарева Л.М.* Рождение науки Нового времени из духа культуры. – М.: Ин-т психологии РАН, 1997. – 358 с.

Директор института В.А. Виноградов утвердил предложенное отделом науковедения название серии «Информация, наука, общество». Одновременно была сформирована редакционная коллегия серии во главе с директором. Координация деятельности по запуску серии с привлечением по возможности всех отделов ИНИОН РАН была возложена на наш отдел. Выпуск информационных материалов в новой серии означал для отдела выход за рамки науковедческих проблем, хотя многие из них были очень близки или пересекались с науковедческими исследованиями. Об этом свидетельствуют первые реферативные сборники и обзоры, сданные в производство в 1987 г., не говоря о последующих. Назовем некоторые из них, чтобы получить представление о тематическом диапазоне серии: «Компьютеризация общества и человеческий фактор» (1988), «Концепции интеллектуальных систем» (1988), «Гуманитарные основы информационной технологии» (1988), «Информационная технология и наука» (1989), «Государственные программы развития техники и технологии (США, страны Западной Европы)» (1989), «Перспективы информатизации общества» (1990), «Информационная технология и проблемы информатизации современного общества» (1991), «Когнитивная психология и искусственный интеллект» (1992), «Информационная революция: наука, экономика, технология» (1993), «Информационные технологии и образование» (1996), «Современные информационные технологии и общество» (2002).

Замысел сделать серию общеинститутской фактически не был осуществлен. Как-то незаметно все заботы по изданию серии в целом сосредоточились на отделе науковедения. Для сотрудников отдела тематика серии, которую мы сами формировали, представляла большой интерес. Объем работы резко возрос, это естественно вызвало озабоченность, но она была умеренной и легко снималась. Президиум РАН дважды выделял для отдела вакансии с целевым назначением. Всего их было выделено около 40. В отдел было зачислено 26 человек – число вполне достаточное для выполнения возросшего объема работ. Все это свидетельствовало о том, что наша информационная продукция была востребована.

Странна, необычна судьба серии «Информация, наука, общество». Она прекратила свое существование одновременно со своим идейным антиподом – ежегодником «Теория и практика общественно-научной информации». Название серии исходит из того, что информация обладает единой субстанцией, она едина для всех отраслей и направлений научного знания, в том числе и общественных наук. Название ежегодника определяется тем, что существует особая общественно-научная информация. На самом деле такой информации нет. В начале 2000-х годов дирекция ИНИОН РАН, наконец, осознала, что использование термина «общественно-научная информация» в ежегоднике Института ведет его в тупик. Была предпринята попытка основать общеинститутский ежегодник, используя для этого название серии. В итоге серия, которая могла служить еще многие годы, прекратила свое существование, а ежегодник под ее названием так и не был создан.

Реферативные сборники и обзоры серии «Информация, наука, общество», а точнее, их содержание, заставили задуматься о том, каким образом сохранить это информационное направление. Вписать его в структуру отдела науковедения с разработанным для него рубрикатором было невозможно. Оставался один путь: преобразовать отдел науковедения в Центр научно-информационных исследований по науке, образованию и технологиям, в который на равных основаниях входили бы три отдела: отдел науковедения, отдел проблем образования и отдел современных информационных технологий. Надо было выбрать время, чтобы начать реализацию этой идеи. И оно вскоре как по заказу наступило: в 1998 г.

уходил с поста директора Института академик В.А. Виноградов, которому Президиум РАН при поддержке нашего ученого совета дважды пролонгировал полномочия директора ИНИОН РАН. Весьма редкий случай в истории РАН. Могу засвидетельствовать, что отношение коллектива Института к своему директору было в этот момент очень теплым. Многие сожалели о его уходе.

Незадолго до этого события я пришел к нему на прием с одним вопросом: нужна ли ему помощь в поисках нового директора ИНИОН? Тут же последовал ответ: искать никого не нужно. Мы выберем его из наших сотрудников. Но имя своего преемника не назвал. А я и не спросил его, кого «мы выберем», потому что, не выходя из его кабинета, вычислил, кого он избрал своим преемником. Вскоре мой расчет, предположение подтвердились. Им оказался Ю.С. Пивоваров.

Избрание на должность директора ИНИОН РАН Ю.С. Пивоварова сопровождалось преобразованием структуры управления Институтом, была проведена его структуризация, в результате которой в Институте появились Центры. Такая реорганизация была направлена на повышение эффективности управления Институтом. Но спустя полгода, в августе 1998 г., в России произошел дефолт. Финансирование РАН и без того было скудным, а теперь в результате дефолта она была обречена на нищету. Все надежды на создание Центра научно-информационных исследований по науке, образованию и технологиям с тремя активно работающими отделами рухнули. Центр был сформирован фактически на общественных началах, без кадрового и бюджетного обеспечения его деятельности. К этому вопросу целесообразно вернуться. Такой Центр необходим Академии.

Преобразования в Институте происходили на политическом фоне десятилетия великого ограбления страны, в результате которого появились олигархи-грабители. Теперь под лозунгом реформы – перестройки РАН – скрывалось активное стремление «приватизировать» ее собственность, т.е. провести очередное ограбление, в результате которого наука в России в качестве социального института могла исчезнуть навсегда. Защитить ее было некому, потому что фрагментация верховной власти, борьба институтов политической системы друг с другом в этот исторический момент привела к управленческому хаосу. Зарплата в академических институтах была настолько низкой, что их сотрудники не могли содержать семьи и даже прокормить себя. При таких условиях приток молодых кадров в науку прекратился. Это обстоятельство породило массовую миграцию научных и инженерно-технических работников в другие сферы деятельности.

Так что избрание Ю.С. Пивоварова директором имело принципиальное значение. Весь коллектив Института был озабочен одним: сможет ли новый директор сохранить институт в тяжелейших условиях, в которых оказалась Российская академия наук? Следует отдать ему должное: согласившись стать директором, он тем самым взвалил на себя бремя ответственности, меру которой невозможно измерить.

«Кадры решают все»

Основной обязанностью сотрудников Института были подготовка и выпуск фундаментально ориентированной информации по социальным и гуманитарным наукам. В течение десятилетия, в 70-е годы прошлого века, Институт в основном решил эту задачу. В 1980-е годы на первый план выдвинулась довольно актуальная проблема: каким образом сохранить достигнутый профессиональный уровень информации и каковы пути дальнейшего повышения ее качества. Единственно верный путь, который сам собой напрашивался, – органично соединить информационную деятельность с научными исследованиями. Здесь возникает деликатная ситуация: не все сотрудники могут выполнять научно-исследовательскую работу. А в этом и нет необходимости. Зато они обладают определенными профессиональными навыками, которые позволяют им сделать реферат лаконичным, точным и адекватным оригиналу статьи или книги. Исследования должны выполнять те, кто на это способен. Научные сотрудники, освоившие технологию подготовки (поиск и отбор литературы) и написания рефератов и не претендующие на исследования, являются по своей значимости человеческим капиталом, золотым фондом института. Но свою значимость они смогут сохранить и приумножить только при одном условии – если с ними рядом будут их коллеги-исследователи. Поэтому каждый сектор, отдел, центр должны иметь группу, ядро научных сотрудников, способных выполнять, наряду с информационной, научно-исследовательскую работу. Реализация результатов их исследований будет способствовать повышению эффективности деятельности как отделов, так и Института в целом. Создание такого творческого коллектива – это обязанность его руководителя. Процесс его формирования происходит в течение многих лет. Творческий коллектив представляет собой хрупкий и легко ранимый организм, уход из него одного сотрудника сказывается на деятельности всего коллектива, а принудительное сокращение, которое проводилось в РАН в 2006–2008 гг. под административным давлением Минобрнауки РФ при молчаливом согласии Президиума Академии, было чрезвычайно разрушительным. Фактически в РАН были уничтожены сотни творческих коллективов. В настоящий момент приобрела чрезвычайную актуальность проблема защиты их институционального статуса от административных посягательств.

70–80-е годы прошлого века были временем не только активной работы отдела, но и формирования единого коллектива сотрудников. Каждый отдел Института имел фонд финансовых средств на оплату услуг «внештатников», численность которых, например, при отделе науковедения составляла около 30 человек. Их количество постоянно менялось: иногда возрастало почти до 40 человек или сокращалось до 20. Мы, находясь в штате Института, рассматривали «внештатников» в качестве резерва для зачисления наиболее достойных на постоянную работу в отдел. Но не все так просто, как кажется на первый взгляд. Дело в том, что в те, теперь далекие, времена существовали вездесущие партийные органы (райкомы, горкомы КПСС), которые в лице своих партийных комиссий осуществляли контроль за подбором (качеством) кадров во всех организациях, в том числе и в научно-исследовательских институтах. Партийные органы рассматривали отъезд на постоянное местожительство в другие страны как акт предательства. Поэтому на всех, кто покидал свое родное отечество, парткомиссии требовали от руководителей организации характеристики, а также какие меры по отношению к ним были приняты (имелись в виду собрания, клеймившие своего бывшего коллегу самыми неприличными словами, унижающими его человеческое достоинство).

«Внештатники» по своему составу делились на две части. В первую входили доктора и кандидаты наук. Их материальное обеспечение и престиж в обществе были достаточно высокими. Сотрудничая внештатно с ИНИОН, они руководствовались своими научными интересами: получить доступ к научной информации по своему профилю. Впрочем, они ее получали, даже не сотрудничая с Институтом. Информационные издания ИНИОН (реферативные журналы, реферативные тематические сборники, аналитические обзоры, специнформация) в советские времена рассылались в партийные учреждения, академические институты и на кафедры вузов бесплатно, за счет бюджета. Во вторую группу входили энергичные молодые люди, избравшие научную деятельность в качестве будущей профессии. Фонд финансирования внештатного сотрудничества, которым располагал ИНИОН, кроме его прямого назначения выполнял функцию организатора своеобразной неформальной школы. Дело в том, что автор реферата должен изложить содержание статьи или книги лаконично, точно, документально. А это уже мастерство, которое приобретается в течение ряда лет. Не случайно люди, освоившие технологию творения реферативных текстов, преуспели в качестве научных сотрудников в своих «родных» институтах. Они успешно защитили диссертации, стали известными учеными в своих областях.

Необходимо, к сожалению, отметить такой факт, имевший место в нашей истории. Среди внештатных сотрудников была особая категория людей. По своему социальному положению они являлись изгоями советского образца. Это были люди, получившие высшее образование и свободно владевшие иностранными языками, но отвергнутые обществом по непонятным причинам. Общение с ними у меня всегда вызывало чувство глубокого сострадания к ним и стыда за их судьбу. Некоторым из них я пытался оказать помощь. Мои обращения к высокопоставленным партийным чиновникам в ЦК КПСС оставались безуспешными.

Я как мог, помогал им: заключал с ними договора на подготовку и издание рефератов и обзоров. Наиболее способных зачислял в штат отдела. При этом ставил одно условие: примешь решение сменить страну проживания – подашь заявление за два-три месяца до отъезда. Все, как показало время, выполняли достигнутую договоренность. Вот так мы жили и работали.

А между тем коллектив сотрудников отдела науковедения продолжал расти и крепнуть. Почти у каждого из них появились творческие планы, реализация которых делала их жизнь более содержательной и интересной. Отделу повезло: появились сотрудники, проявившие себя в процессе работы на редкость творчески одаренными личностями.

Одним их них был **Анатолий Наумович Лук**. С 1971 г. – сотрудник отдела, принадлежит к когорте его основателей, с 1973 г. – руководитель раздела «Научное творчество» РЖ серии «Науковедение». С 1971 по 1982 г. (год его внезапной смерти) опубликовал шесть книг, около десятка блестящих по форме и содержанию обзоров. Раздел по научному творчеству в РЖ наполнял рефератами один, не привлекая внештатников. Члены редколлегии РЖ неоднократно отмечали, что рефераты А.Н. Лука по своему содержанию превосходят оригиналы многих статей, авторы которых не смогли изложить результаты своих исследований в доступной для читателей форме.

После кончины А.Н. Лука возникла проблема с разделом РЖ серии «Науковедение». Были разные предложения. Одно из них – изменить название раздела. Возобладало мнение большинства сотрудников: уточнить название раздела можно, а кардинально менять нельзя. Пока обсуждались разные варианты, я искал психолога – человека, окончившего психологический факультет МГУ. Не исключено, что мое решение было обусловлено рефератами и обзорами А.Н. Лука по психологии научного творчества. Поиск длился больше года. Наконец, по рекомендации заведующего отделом философии А.И. Ракитова в отделе появилась кандидат психологических наук **Татьяна Вячеславовна Виноградова**. Кандидатура подходила по всем нашим параметрам. Вопрос о руководителе раздела РЖ был закрыт. Чтобы она не передумала, мы (я и ученый секретарь Института), получив одобрение директора, быстренько провели ее через ученый совет. С тех пор прошло 25 лет, теперь Т.В. Виноградова ветеран отдела науковедения.

Немного раньше Т.В. Виноградовой в отдел пришел **Андрей Николаевич Авдулов**. Будучи в зрелом возрасте, он решил сменить довольно успешную административную деятельность на научно-информационную и исследовательскую работу. У него было для этого основание. На прежней работе он защитил кандидатскую диссертацию по техническим наукам. А за участие в разработке станка новейшего типа и запуск его в серийное производство он стал лауреатом Государственной премии. В течение короткого времени он превратился в ведущего специалиста по сложнейшим проблемам науковедения. На этот факт я обратил внимание. И вскоре после своей защиты в 1987 г. докторской диссертации я предложил ему последовать моему примеру. Он согласился. Я предложил тему. В 1992 г. по теме диссертации вышла его монография «Наука и производство: век интеграции (США, Западная Европа, Япония)»[1]. В 1995 г. он успешно защитил докторскую диссертацию по философии. Хотя я и выступал в роли неофициального научного консультанта, нас сблизила не диссертация, а совместные командировки в 1989–1991 гг. в США и Англию, во время которых выяснилось, что мы принадлежим к одному поколению, сразу вступившему из детства в жизнь зрелых людей. В суровые годы войны мы были лишены отрочества и юности. По всей вероятности это обстоятельство и другие факторы подобного рода послужили основой нашего сближения. Мы стали понимать друг друга, как говорится, с полуслова, а иногда было достаточно и одного взгляда.

---

[1] *Авдулов А.Н.* Наука и производство: век интеграции (США, Западная Европа, Япония) / РАН. ИНИОН. – М.: Наука, 1992. – 168 с.

А.Н. Авдулов обладал особой природной одаренностью, был необычайно талантливым и энциклопедически образованным человеком. Он опубликовал более десяти книг и множество статей по проблемам науковедения. В течение 25 лет работы в ИНИОН РАН им написано для РЖ серии «Науковедение» и издано несколько сотен великолепных по форме и содержанию рефератов.

В 1986 г. в Институте произошло, на мой взгляд, неординарное событие. В масштабе нашего учреждения оно было почти не замечено коллегами из других отделов. В отдел науковедения в качестве главного научного сотрудника перешел **Анатолий Ильич Ракитов**. Я воспринял этот акт как дар судьбы. Как известно, он основал отдел философии, отработал технологии подготовки реферативной и аналитической информации, запустил все виды информационных изданий по философии. Что же дальше? А дальше он принял мудрое решение: расстаться с административной деятельностью, постоянно порождающей напряженность и стрессовые ситуации в работе, и заняться подготовкой аналитической информации по проблемам науковедения, где уже сформировалось широкое поле для такого рода деятельности.

С научными трудами А.И. Ракитова я был знаком, а также со статьями иностранных журналистов о нем и его научной деятельности, которую они рассматривали как феноменальное явление. Сравнивали его с английским ученым-астрофизиком Стивеном Хокингом. Однажды, когда мы познакомились (это было давно), он рассказал мне, по моей просьбе, свою жизненную драму, граничащую с трагедией. Его рассказ вызвал у меня чувство благодарности за то, что он выдержал выпавшее на его долю тяжелейшее испытание, психологически не сломался. Я невольно сопоставил две судьбы: Ракитова с его многочисленными научными публикациями и Н. Островского с книгой «Как закалялась сталь», на которой было воспитано целое поколение советских людей. От такого сопоставления у меня возникло чувство неловкости перед Ракитовым за несправедливое отношение к нему отечественных журналистов. О нем надо писать книги за проявленное мужество в научной деятельности и на их основе воспитывать молодое поколение. Меру природной одаренности А.И. Ракитова определить трудно. Бесспорно, он обладает редким талантом. Об этом свидетельствуют результаты его научных исследований, опубликованных в многочисленных статьях, сборниках научных трудов и книгах.

Только за время работы в отделе науковедения с 1986 по 2008 г. А.И. Ракитовым издано 186 работ, в том числе 19 монографий; четыре книги переизданы и переведены на иностранные языки. Всего им опубликовано свыше 300 работ, в том числе 38 монографий. Переизданы на русском языке и переведены на иностранные языки 24 монографии.

Особо следует отметить раздел «Методология и теория развития науки» РЖ серии «Науковедение». Он является одним из самых сложных. Систематически отслеживать литературу по данной проблеме, реферировать ее, обобщать и писать на этой основе обзоры и статьи методологического содержания – наиболее надежный, верный способ развивать свои творческие способности. **Александр Алиевич Али-заде**, занимаясь названной тематикой, упорно и настойчиво работал, тем самым развивая их. Сначала его рефераты появлялись в РЖ эпизодически, затем все чаще и чаще. Наконец, он возглавил этот раздел.

А.А. Али-заде появился в отделе после окончания аспирантуры по рекомендации известного психоаналитика Арона Белкина, который сказал мне всего два слова: «Возьмешь – не ошибешься». Прогноз был кратким, но, как показало время, очень точным. Особенность формирования Али-заде как творческой личности состояла в том, что этот процесс происходил незаметно. В течение 30 лет он очень вырос в научном отношении, стал специалистом высшей квалификации по методологическим проблемам развития науки, а затем и по методологическим аспектам инновационных процессов, происходящих в обществе. Сфера его научных интересов требовала особой одаренности. Али-заде упорным трудом пробудил, развил и утвердил ее в себе.

В подготовке и в издании РЖ серии «Науковедение» ключевая роль принадлежит ответственному секретарю. Он производит унификацию всех разделов номера РЖ, его литературную обработку, учитывает все замечания членов редколлегии по тексту обсуждаемого номера. По совокупности прав и обязанностей ответственный секретарь является непременным членом редколлегии. Более двух лет я искал на эту должность подходящего человека. Обращался к своим бывшим коллегам в издательство «Наука». Приходили специалисты экстра-класса по литературной обработке текстов, знакомились с условиями работы и вежливо отказывались. Я их понимал. Это были 1972–1974 гг., когда Институт не имел своего здания. Мы ютились на ул. Димитрова: один подъезд жилого корпуса был набит столами и людьми. Многие, в том числе приглашенные мной литературные редакторы, не верили в то, что из моей затеи что-либо получится. Сам термин «науковедение» еще не утвердился, а его содержание было загадкой. Не исключаю, что некоторые люди со стороны воспринимали меня как авантюриста. Вопрос с поиском ответственного секретаря с опытом редакторской работы решился неожиданно. Как-то А.Н. Лук, тогда старший научный сотрудник, приехал в отдел из издательства Агентства печати «Новости», где он вел переговоры об издании очередной своей книги, и заявил: «Нашел редактора-профессионала, могу познакомить». Это была **Долорес Александровна Семенова**. Через несколько дней состоялось собеседование с ней по редакторской тематике, которой она владела свободно. Взяв два-три дня на размышления, она дала согласие и была зачислена в штат отдела. С ее приходом я снял с себя обязанность читать номера РЖ в качестве редактора текста. У меня было ощущение, как будто гора с плеч свалилась.

Особо следует сказать о деятельности **Наташи Черняк**. Она сотворила в отделе маленькое чудо – организовала делопроизводство. Негласным консультантом в этой кропотливой и повседневной деятельности была **Анна Борисовна Гецелевич** – старейшая сотрудница ФБОН. Она перешла в отдел науковедения с момента его основания и щедро делилась с нами своим опытом, повышая тем самым наш уровень библиографической культуры.

Конкретное проявление делопроизводства состояло в том, что появилось около десятка справочных картотек, ведь тогда еще не было компьютеров. Они нам здорово помогали в информационной работе. Постепенно формировался уникальный архив ксерокопий оригиналов статей, рефераты на которые были опубликованы в РЖ, реферативных сборниках и обзорах. Документы, входящие и исходящие, находились в идеальном порядке. Были установлены деловые контакты с общеинститутскими подразделениями: бухгалтерией, производственно-плановым отделом, с отделами снабжения и распространения информационных изданий. Последний обеспечивал нас готовой научной продукцией (РЖ, реферативными сборниками, обзорами, специальной информацией) наших коллег из других научно-информационных отделов.

Наташа вышла замуж и вскоре уволилась с работы по семейным обстоятельствам. В ее жизни наступил новый этап. После ее ухода я как руководитель отдела в полной мере оценил значимость ее работы. Заменить ее кем-то я не смог. Все мои попытки найти вместо нее достойного человека не увенчались успехом. Весь объем работы, связанный с делопроизводством, теперь, в условиях институционального коллапса, приходилось выполнять руководителю отдела.

Рассматривая вопрос о подборе кадров, нельзя обойти дирекцию Института, ее роль в решении этой проблемы. Обычно, как и положено, она выполняет контрольную функцию в подборе кадров. Взаимоотношения с директором по этому вопросу у меня были нормальными. Как правило, директор утверждал предлагаемые мной кандидатуры, соблюдая при этом все академические нормы. Как-то раз не директор, а дирекция приняла неожиданное решение по кадровому вопросу. Здесь надо сделать небольшое отступление от нашей темы.

При основании Института был предусмотрен отдел для высокопоставленного чиновника Д.М. Гвишиани (зятя А.Н. Косыгина, Председателя Совета министров СССР). Он ни одного раза не был в Институте. Подбором кадров в этот отдел занимался его заместитель Гавриил Попов, впоследствии первый мэр Москвы после распада СССР, предшественник Ю.М. Лужкова. Чем сотрудники этого отдела занимались, по моему мнению, никому не известно. С некоторыми из них мне пришлось познакомиться в связи с плагиатом. В приемной директора я случайно обнаружил реферативный сборник по тематике отдела науковедения. Естественно, я обратил на него внимание. Оказалось, что сборник составлен из рефератов РЖ серии «Науковедение» и тематических сборников нашего отдела. Ни одной ссылки на то, что в сборнике использовали информационные материалы отдела науковедения, не было. Я предупредил «организаторов-плагиаторов» о том, что в следующий раз, если это повторится, я устрою большой скандал. С тех пор мое отношение к этому отделу стало резко отрицательным.

Итак, дирекция приняла решение расформировать этот странный, несостоявшийся отдел. Процесс реализации этого решения продолжался долго. К нам в отдел без какого-либо согласования, в соответствии с приказом, был «спущен сверху вниз десант» в составе четырех человек в качестве старших научных сотрудников (все они были заведующими секторами). Мы их в шутку называли «парашютистами». Только один из них, Г.Д. Данилин, прижился и работал до кончины. А.А. Горбовский был способным человеком, но, не видя перспективы научного роста, через три-четыре года уволился, а затем эмигрировал в Англию. Остальным я предложил в течение года самим трудоустроиться в других организациях.

Несколько слов о женщинах отдела науковедения. Все они, как и мужчины, принимались на работу по их деловым качествам. Большинство из них – толковые, умные, предприимчивые в работе. За всю продолжительную работу в отделе, а затем в Центре, было три исключения: я принял на работу трех жен известных людей без вопросов и проверки, на что они способны. Все они работали, как могли, без претензий и обид. Две из них, не проработав и года, уволились по собственному желанию. Выразили благодарность за оказанное доверие, расстались друзьями. Третья, жена известного профсоюзного деятеля международного масштаба, Л.Г. Можаева, успешно вписалась в коллектив отдела, стала автором ряда обзоров по актуальным проблемам образования и подготовке научных кадров за рубежом. Она была вынуждена покинуть отдел в связи с длительной служебной командировкой мужа за рубеж. Спустя два-три года, после завершения командировки, она вернулась в наш коллектив.

В заключение раздела о кадрах следует сказать и о тех проблемах, с которыми я столкнулся как руководитель. С момента основания отдела в течение нескольких лет я пытался обрести заместителя. Но из этого ничего не получилось. А когда появились такие сотрудники, как А.Н. Авдулов (1984) и А.И. Ракитов (1986), как-то незаметно все вопросы о судьбе отдела стали решаться коллегиально заведующим и двумя главными научными сотрудниками. Острая потребность в заместителе со временем совсем исчезла.

А.И. Ракитов

О МОЕЙ РАБОТЕ В ИНИОН

Ракитов Анатолий Ильич (26 августа 1928, Москва – 5 мая 2019, Москва). Окончил философский факультет МГУ им. М.В. Ломоносова (1952). Кандидат философских наук (1956), доктор философских наук (1966), профессор (1968). Заслуженный деятель науки Российской Федерации (1995). Специалист в области философии и науковедения. В ИНИОН с 1971 г. В 1971–1986 гг. был заведующим отделом философских наук.

В ИНИОН меня пригласил руководить отделом директор Лев Петрович Делюсин. Первый раз я к нему пришел в конце мая 1971 г. вместе со своей лаборанткой Тамарой Владимировной Андриановой (сейчас она давно уже не лаборантка, а моя жена). Кабинет его находился тогда на бывшей ул. Фрунзе, теперь это Знаменка. Там сейчас находится Библиотека по естественным наукам Российской академии наук.

Здание было старое, дореволюционное. Фундаментальная библиотека общественных наук (или как ее еще называли – «Фундаменталка») там располагалась давно, и при входе был такой знаменательный признак: пахло книгами. Когда впоследствии на базе «Фундаменталки» создавался ИНИОН, то первоначальное его название по постановлению Президиума Академии было ИНИБОН – Институт научной информации и Фундаментальная библиотека общественных наук Академии наук СССР. Я был читателем этой библиотеки еще с незапамятных времен своего обучения в аспирантуре.

Кабинет, в котором нас принял Лев Петрович, также был старым. До него в этом кабинете работали другие крупные ученые – любители книг. Непосредственно перед Львом Петровичем директорствовал Виктор Иванович Шунков[1]. Лев Петрович спросил, почему я ухожу из Института народного хозяйства, где я окончил аспирантуру, защитил кандидатскую и докторскую диссертации, был профессором и вообще чувствовал себя замечательно, и где у нас была очень дружная кафедра. Но в 1970 г. наш прежний ректор Афанасий Иванович Фефилов ушел на пенсию и из МГУ пришел новый ректор, оказавшийся человеком самым что ни на есть отвратительным.

Перед тем как я ушел из Института, у нас было партийное собрание. Ведь тогда партийные организации правили всеми учреждениями. На этом собрании я выступил с резкой критикой деятельности нового ректора. В зале было 700 человек, и никто из них меня не опроверг. На этом же собрании меня выбрали членом парткома, и я вместе с моими друзьями пытался защитить тех, кого преследовал новый ректор. Среди них было много крупных ученых, участвовавших в подготовке проекта косыгинских реформ, которые, к сожалению, так и не были осуществлены. Впоследствии новый ректор за 15 лет несколько раз обновил весь состав Института, изгоняя оттуда всех мало-мальски самостоятельных людей, пока его самого, уже при Ельцине, не сняли с работы. Но тогда, в начале 1970-х годов, предвидя, что произойдет, я, не дожидаясь дальнейшего, ушел и сказал, что заберу с собой всех, кто мне активно помогал бороться с гонителями науки.

В это время меня и позвал к себе Лев Петрович. У нас с ним был знаменательный разговор. Он сказал, что Института еще нет, есть только постановление о его создании и нужно Институт делать. Как делать – было еще не очень понятно. Поскольку я всегда интересовался информационным обеспечением науки, то решил внести ряд предложений. Мы с Тамарой Владимировной сели и два дня составляли план работы. Наши предложения касались прежде всего реферативных журналов.

Реферативных стандартов для общественных наук в нашей стране тогда просто не существовало. Не выходили такие издания и в социалистических странах, где впоследствии стали пользоваться нашими стандартами. Мы в ИНИОН многое сделали для их разработки, и все наши заведующие отделами и многие сотрудники принимали участие в обсуждении того, какими должны быть рефераты книг, сборников и журнальных статей. Участвовали в этом и Глеб Борисович Косов, Анатолий Михайлович Кулькин, Юрий Антонович Борко, Софья Иосифовна Кузнецова и Леонид Константинович Шкаренков. Впоследствии мы много лет строго придерживались этих стандартов.

---

[1] После смерти д-ра ист. наук В.И. Шункова 10 ноября 1967 г. до 19 февраля 1970 г., когда директором ИНИБОН АН СССР был назначен канд. ист. наук Л.П. Делюсин, временно обязанности директора ФБОН и ИНИБОН АН СССР исполняла канд. ист. наук И.А. Ходош. – *Прим. ред.*

И до этого в «Фундаменталке» была небольшая реферативно-аналитическая группа очень квалифицированных людей. Там, в частности, работала Лидия Фридмановна Вольфсон. Я ее запомнил потому, что она была замужем за моим университетским преподавателем М.Я. Ковальзоном. Они издавали сборники рефератов и очень ценных переводов. Для того времени это была удивительная вещь, потому что все мало-мальски интересные работы находились в спецхране. Например, сотрудники этой группы перевели известные работы Макса Вебера, Карла Ясперса и Карла Мангейма. Это сейчас его работы есть в типографском варианте, а тогда их печатали только на ротапринте малыми тиражами.

Было переведено и еще много интересных работ. Но когда я говорю «много» – это десяток-полтора, может быть, два. А нужно было обеспечить потоком научной информации все высшие учебные заведения страны (их было около 900), а также научно-исследовательские институты и директивные органы (ЦК партии, Московский и другие крупные областные и городские комитеты партии, которые были тогда полными хозяевами страны). Не было также у нас и научных работников, которые бы профессионально занимались написанием рефератов.

Наши предложения по реферативным журналам обсудили на ученом совете института. Это было, если мне не изменяет память, в сентябре 1971 г. Один из тогдашних сотрудников – заведующий отделом социалистических стран Л.К. Шкаренков даже назвал это целым революционным переворотом в жизни Института, хотя, по моему мнению, оценка была несколько преувеличенной.

Но дело это почти не двигалось вперед, в том числе и по причине того, что у Льва Петровича Делюсина не было больших связей в Академии. В Академии директор Института должен быть обязательно академиком или членом-корреспондентом. На худой конец – доктором наук[1]. Л.П. Делюсин был хорошим китаеведом, но ни одной из этих позиций не обладал. И к тому же, насколько я могу судить, не смог добиться взаимопонимания и поддержки вице-президента АН СССР П.Н. Федосеева. После ухода Делюсина с должности директора его заменил Владимир Алексеевич Виноградов, у которого были довольно прочные позиции в Президиуме Академии наук. Член-корреспондент АН СССР, свой человек в Президиуме, авторитетный, влиятельный – все эти качества оказались очень полезными для процесса создания Института.

---

[1] В 1971 г. Л.П. Делюсин защитил диссертацию на соискание ученой степени д-ра ист. наук. – *Прим. ред.*

Владимир Алексеевич хорошо разбирался в кадрах, умел ценить людей, так сказать, по себестоимости. Он сразу выбил ставки для реферативных отделов и начался процесс подбора кадров. Тогда это было относительно просто. Хотя хороших специалистов, способных реферировать, еще не было, но к нам пришли просто образованные молодые люди с хорошим знанием языка. Работать в ИНИОН в то время было выгодно, потому что в науке, в Академии ставки были достаточно высокими по сравнению с другими сферами. Заведующий отделом получал 500 руб., так же, как и заведующий кафедрой в вузе, доктор наук. Ставка молодого специалиста, младшего научного сотрудника тогда была рублей 105–120. А в то время врачи в поликлиниках получали по 90–95 рублей, учителя несколько меньше. И на это тогда можно было жить. К тому же нам доплачивали за знание языков. Экзамены принимали наши сотрудники, которые прекрасно знали языки. Я сам сдал два экзамена. Можно было получать за два языка около 50 рублей.

Работа у нас началась, как только появились первые сотрудники. Я взял на работу к себе в отдел, как и обещал, своих сотрудников из Плехановского института. Это были очень квалифицированные люди. Оттуда в ИНИОН пришли Владимир Ульянович Бабушкин, который впоследствии стал профессором, работал на кафедре философии РАН, Искра Степановна Выхрыстюк-Андреева (сейчас она – главный научный сотрудник нашего Института), Марьяна Кирилловна Соседова. Некоторое время спустя к ним присоединилась Ирина Львовна Галинская, с которой меня познакомил в Киеве в 1965 г. ее муж, известный журналист и спортивный комментатор Аркадий Романович Галинский. Она была филологом, очень образованным человеком, быстро и хорошо работала.

Затем у нас появились новые молодые сотрудники. Пришел Александр Иванович Панченко, который закончил аспирантуру, и уже работая в ИНИОН, защитил кандидатскую и докторскую диссертации. С 1986 по 2008 г. он заведовал отделом философии. Мне его рекомендовал его научный руководитель профессор Э.М. Чудинов. Потом пришли уже «самотеком» Юрий Анатольевич Кимелев (теперь главный научный сотрудник ИНИОН, доктор философских наук, профессор), Тамара Егоровна Васильева, ставшая женой А.И. Панченко. Вскоре появилась Наталья Львовна Полякова. Потом уже народ пошел валом и где-то к концу 1972 г. у нас уже было вместе с библиографами, которые влились в наш отдел, свыше 40 человек, и при этом отдел был молодежным. В те годы проблемы молодых ученых просто не было.

Библиографическим сектором руководила очень квалифицированный библиограф Елена Ильинична Серебряная, которую я знал с 1947 г. В сентябре 1947 мы с ней сели на первом курсе за одну парту.

Владимиру Алексеевичу Виноградову удалось «пробить» не только кадры, но и значительно увеличить финансирование института. Мы стали получать гораздо больше литературы. В этом смысле ИНИОН был самым передовым институтом в стране в области общественных наук.

У Владимира Алексеевича также была хорошая ориентация на осуществление информатизации Института, т.е. на перевод с обычных стандартных бумажных носителей на компьютерные и создание компьютерной службы Института. В 1975 г. он пригласил заведовать информационной службой Вильяма Ризатдиновича Хисамутдинова.

В 1973 г. Институт так разросся, что срочно понадобилось новое помещение. Первоначально мы переехали в старое, но хорошо подготовленное здание на ул. Димитрова (ныне Якиманка). Там долгое время располагались реферативные отделы: востоковедения; государства и права; науковедения; философии и др., т.е. большинство реферативных отделов.

Потом Владимир Алексеевич сделал еще один рывок. Он совершил своего рода административный подвиг. Для Фундаментальной библиотеки, а потом и ИНИОН уже давно строилось новое здание, но это был типичный советский долгострой. Он форсировал это строительство, и в 1974 г. мы переехали в новое здание, в котором ИНИОН размещается и по сей день.

Правда, нам сначала пришлось вынести из здания много строительного мусора. Но коллектив у нас тогда был молодой, я был там самым пожилым сотрудником (40 с чем-то лет), а так у меня в основном работали ребята по 24–25 лет, и мы с большим энтузиазмом выносили обломки кирпичей, бетонные блоки, известку. Участвовал в этом и Владимир Алексеевич Виноградов. Он приехал в элегантном спортивном костюме, впрягся в носилки и тоже выносил мусор. Все руководство работало вместе с сотрудниками. У нас вообще не было какого-то разделения или чванства. Атмосфера была очень дружелюбная, что содействовало работе.

Тогда для очень многих людей открылся доступ к литературе, которую вообще нельзя было получить. Выбор литературы, не только политической, которая вся была в спецхране, но и чисто научной, например социологической, был очень ограниченным. Многие социологические течения, с которыми сейчас можно познакомиться в книге, купленной в любом книжном киоске, считались запрещенными, враждебными. Нельзя было получить работы аналитических философов, позитивистов, да и представителей многих других западных направлений. Все находилось в спецхране, этом могильнике человеческой мысли. А всем нашим сотрудникам сразу открыли доступ в спецхран.

Способствовало этому то, что наши руководители были людьми заинтересованными в том, чем занимались и мы. Директор Владимир Алексеевич Виноградов сам занимался наукой. Его заместителем был Липарит Саркисович Кюзаджян. Библиотечной частью заведовала Инесса Александровна Ходош. Вот в таком составе ИНИОН и ринулся в новую информационную деятельность.

Я считаю очень важным то, что нам удалось сделать нашу литературную информационную продукцию как можно более доступной для широкого читателя. Голод на интеллектуальную продукцию тогда был колоссальный.

В то время приходилось читать лекции по философии и рассказывать о западных философах только в чисто идеологическом плане, т.е. говорить, что это антимарксисты, антидиалектики, метафизики. Но чтобы говорить хотя бы это, нужно было, чтобы не только преподаватели, но и студенты и аспиранты знали их имена и прочитали сами тексты первоисточников. На периферию и даже в университетские библиотеки такие первоисточники не попадали. Поступали они только в Государственную библиотеку имени Ленина и к нам в ИНИОН, причем сразу в спецхран, а также в небольшом количестве в Библиотеку иностранной литературы.

И вот тут, по инициативе нашего директора, был сделан очень важный шаг: вскоре мы ввели «цветные» реферативные серии. «Белая» серия с крайне небольшим тиражом предназначалась для секретарей, членов Президиума и заведующих отделами ЦК КПСС – фактических хозяев страны, в лице которых персонифицировалось общенародное государство. Когда меня приглашали как консультанта в Отдел науки ЦК КПСС (а чаще всего это делал помощник секретаря по идеологии Всеволод Петрович Кузьмин, с которым у нас были приятельские отношения), я видел в его кабинете громоздившиеся горой на столике наши реферативные журналы.

Была также «синяя» серия, которую получали инструкторы ЦК и руководители больших университетских кафедр, и «зеленая» серия для более широкого круга читателей. Существовал утвержденный список что, куда и кому рассылать.

Самое главное, что Институту удалось организовать широкую подписку на наши реферативные журналы, в которых широко реферировалась научная зарубежная и отечественная литература. У нас было два основных журнала, разбитых на серии: «Общественные науки в СССР» и «Общественные науки за рубежом». И так как даже советскую литературу не все могли прочитать, то эти журналы как бы подавали на «блюдечке с голубой каемочкой» всю наиболее ценную информацию. Образно выражаясь, они освобождали читателя от «раскалывания скорлупы ореха» и давали прямо «ядрышко» (как у Пушкина «ядра – чистый изумруд»). А журнал «Общественные науки за рубежом» был интересен в особенности потому, что огромного количества имен зарубежных авторов просто никто не знал. В интеллектуальном плане это было хоть и не «окно», но все же «форточка» в Европу и в Америку.

Мы проводили широкие обсуждения нашей работы с общественностью. В связи с этим мне пришлось побывать во многих городах и столицах союзных республик. Проходили, например, обсуждения на Урале, где люди говорили, что им было интересно и какую информацию они хотели бы получить.

Побывали мы и в Закарпатье в университете Ужгорода. Поскольку меня там знали по моим публикациям, то очень радушно принимали. Один из заведующих кафедрой показал мне такую вещь. Он сделал что-то вроде фотоальбома, когда фотокарточки вставляют в прозрачные конверты. У него все рефераты были разрезаны на цитаты. И поскольку разрешалось цитировать, ссылаясь прямо на источник, а не на наш журнал, то буквально через несколько месяцев этот человек стал считаться чрезвычайным эрудитом, так как в его статьях были ссылки на источники на всех европейских языках. Вот так без всякой драки можно было тогда попасть в большие забияки.

С одной стороны, это было очень хорошо. С другой – плохо, потому что освобождало людей от чтения литературы. Тем более что мы выбирали цитаты крайне осторожно, помня, что существует цензура – Главлит, который может «завернуть» наши материалы, если что не так, и многое важное из реферируемых изданий в наши рефераты не попадало. Таких обсуждений за несколько лет наш отдел провел достаточно много, иногда вместе с отделом экономики, которым тогда заведовал Г.Б. Косов.

Побывали мы и в Мурманске, Тбилиси, Ереване, Киеве, Минске, Баку, Фрунзе, Самарканде, Ташкенте, Улан-Удэ. И везде нас встречали замечательно. Я не помню такой республики, где были бы какие-то напряженности. Мы все были заинтересованы в одном и том же: в получении знания, в передаче его студентам.

Это все было до перестройки, а после перестройки, когда спецхраны сняли, новая литература хлынула потоком и подписка на наши издания резко упала. Крупные издательства стали пачками издавать труды зарубежных ученых. Стало возможно без особых проблем найти работы и Мангейма, и постмодернистов, и вообще кого хотите.

Сейчас у нас появился конкурент большой мощности – это Интернет. Например, популярная поисковая система Яндекс ежегодно пополняется тремя млн новых документов, а Google – около шести-семи млн, и, конечно, наши конкурентные возможности на этом фоне невелики. У нас ведь цикл обработки информации остался старым. Это было терпимым в прежних условиях, когда книга приходила после издания через три-четыре месяца, каталогизаторов и библиографов было много. Они успевали быстро обработать литературу, и она тут же попадала в руки специалистов реферативных отделов. Сейчас же обработка занимает гораздо больше времени. Поэтому информация приходит к нашим читателям с большим опозданием, тем более что сейчас мало референтов и рефератов. И за то время, пока это все приходит к нам, обрабатывается, потом реферируется, можно зайти на сайты соответствующих журналов и получить там доступ к первоисточнику. А в Интернете сейчас имеются сотни журналов на разные темы. Правда, есть журналы, которые предоставляют свои информационные ресурсы только за деньги. Но через полгода ты получаешь возможность посмотреть нужные тексты. Тем более что среди студентов, преподавателей и научных работников огромное число людей, хорошо работающих в Интернете.

Раньше, когда я заведовал отделом философских наук (до 1986), мы могли потратить на оплату труда внешних референтов большой гонорарный фонд. В одном номере журнала могло быть до сотни рефератов. Тогда я мог найти для каждой темы самых квалифицированных референтов, специалистов высшего класса. Работа над текстами шла очень интенсивная. Мы вычитывали тексты до малейшей ошибочки – и текстовой, и смысловой.

Сейчас в нашем Центре[1] реферированием занимаются шесть человек. Есть очень грамотные специалисты. Но каждый выбирает ту тематику, с которой он знаком. Сама тематика очень ограничена интересами референтов. Раньше же главной задачей было аккумулировать опытных референтов, выбрать литературу, раздать и представить на редколлегию. И мы за участие в редколлегии платили очень квалифицированным ученым. У нас работали профессора из Академии общественных наук, Института философии, МГУ, члены Академии наук. Поэтому я считаю, что вся эта реферативная система устарела. Научно-информационную деятельность Института нужно модернизировать, превратив ее из чисто реферативной в аналитическую. В одном из стихотворений Н. Коржавина есть такие слова: «В жизни, работе, борьбе, где тебя победили, самое страшное – это инерция стиля». Нас никто не победил, но с инерцией стиля нужно, конечно, расстаться.

Наш Институт, который очень много сделал, нужно модернизировать и технологически, и в кадровом отношении, создавать новые модели работы, интенсифицировать интерес к нашим изданиям. Сейчас молодым людям неинтересно писать рефераты. Для них это дело скучное и малопродуктивное. Другое дело для молодого человека – заниматься аналитической работой. Аналитические обзоры, которые в гораздо большей степени дают возможность проявиться исследовательской мысли, будут уже гораздо более востребованы среди молодых людей.

Старая наша идеология была привычной – сиди себе в теплом киселе. Сейчас Институт должен выработать новую идеологию, новую миссию, посмотреть по-новому на, казалось бы, привычные вещи.

---

[1] Центр научно-информационных исследований по науке, образованию и технологиям ИНИОН РАН. – *Прим. ред.*

Л.В. Скворцов

ИНИОН: ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ПОРОГЕ XXI ВЕКА

Скворцов Лев Владимирович (30 марта 1931, пос. Молочное Вологодской обл. – 8 августа 2023, Москва). Окончил философский факультет МГУ им. М.В. Ломоносова (1954). Доктор философских наук (1968), профессор (1974). Специалист по истории философии, социальной философии, культурологии. В 1988–2013 гг. – заместитель директора ИНИОН по научной работе. Руководитель Центра гуманитарных научно-информационных исследований (до 2021 г.). Главный научный сотрудник отдела культурологии. Главный редактор научного журнала «Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты», председатель редколлегии серий «Лики культуры», «Книга света», «Российские пропилеи», «Humanitas», «Summa culturologiae», «Зерно вечности».

Мои самые ранние воспоминания о работе в ИНИОН во многом связаны с драматическим периодом его жизни. Это был конец 1988-го и начало 1989 г., когда коллектив Института, как и вся Академия, отражая массовые настроения, находился в состоянии эйфории, с одной стороны, и тревожных ожиданий крутых перемен с непредсказуемыми последствиями – с другой. Я пришел на работу в ИНИОН из аппарата Президиума Верховного Совета СССР, где практические последствия начавшейся перестройки, психологически необходимой, но вместе с тем не имевшей под собой основы достаточно теоретически проработанной и определенной с точки зрения ее стратегических целей, стали проявляться в далеко неоднозначных, экономических, социальных, кадровых, культурных и иных последствиях. Так, мне пришлось быть непосредственным свидетелем известных событий в Сумгаите, оказавших драматическое влияние на армянскую часть населения города, ставшую жертвой наглой активизации уголовных элементов, изменивших всю атмосферу межнациональных отношений. Перестройка, провозгласившая создание общества с «человеческим лицом», оказалась во власти иллюзорных абстракций. Реальные человеческие лица не были тождественными: как оказалось, они образовывали ряд – от «святого» и законопослушного гражданина до уголовного элемента, коррупционера и бандита. Такое «человеческое лицо», получая в свои руки рычаги власти, таило в себе потенциал общественного хаоса и цивилизационного самораспада.

Конечно, ИНИОН, как и Академия наук в целом, – это интеллектуальная элита нашего общества, обладающая высоким уровнем образования. Но, как оказалось, феномен массового поведения определяется не только уровнем образования. Здесь начинает действовать так называемый *дух времени*, как говорят немецкие философы, Zeitgeist. Дух времени меняет знаки отношения к действительности: то, что воспринималось как положительное, теперь воспринимается как отрицательное и наоборот.

Феномен Zeitgeist находился вне нашей науки, поскольку рассматривался как «отрыжка» антинаучного идеализма. Но это не мешало ему действовать в полную силу.

Естественно, что своеобразным «концентратом» отрицательного теперь полагалось руководство. Оно было тем носителем «застоя» и всех «грехов», от которых можно было избавиться лишь общим «революционным» путем. Как говорил поэт В. Сидоров, «революция не кончается, революция продолжается».

В этой ситуации принципиальное значение приобретал вопрос: как следует трактовать сущность «перестройки» применительно к перспективе ИНИОН?

Академик В.А. Виноградов, директор ИНИОН, оказавшийся под обстрелом наиболее активных знаменосцев бескомпромиссной перестройки, поручил мне сделать доклад на собрании коллектива о задачах ИНИОН в условиях перестройки. Решение этой задачи чем-то напоминало прохождение команды Одиссея между Сциллой и Харибдой. Последствия этого прохождения зависели от доминирующего настроения коллектива.

Могу сказать, что зрелость коллектива ИНИОН наглядно проявилась в заботе о судьбе ИНИОН как академического, информационно-аналитического центра, в понимании его новой ответственной роли при глубокой ломке сложившихся условий развития общественных наук и гуманитарного знания.

Коллектив серьезно взялся за дело, сверяя новые научные разработки с практическими шагами по обновлению содержания и форм информационной деятельности.

Были созданы новые периодические и продолжающиеся издания, такие как «Теория и практика общественно-научной информации», ежегодник «Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты», журнал «Россия и современный мир», ежемесячный бюллетень «Россия и мусульманский мир» на русском и английском языках, дайджест «Культурология», такие периодические издания, как «Политическая наука», «Актуальные проблемы Европы», «Экономические и социальные проблемы России» и др.

ИНИОН в полной мере использовал потенциал свободных информационно-аналитических исследований, что позволило ему выйти по ряду направлений на качественно новый уровень научно-информационной деятельности. ИНИОН – это не только библиотека, хотя и одна из лучших и крупнейших в области общественных наук. ИНИОН – это научный институт, т.е. учреждение, осуществляющее научные исследования.

И в этом отношении 90-е годы и начало XXI в. для ИНИОН в полной мере совпали с реализацией классической формулы: не тотальная деструкция всего ранее созданного во имя утверждения утопического будущего, а сохранение выработанных опытом и научным знанием лучших традиций через их постоянное обновление.

Можно много говорить о практических результатах применения этой формулы в разных областях деятельности ИНИОН. Мне хотелось бы остановиться лишь на *культурологии*.

Как известно, начало 1990-х годов ознаменовалось сменой **идеологических вех**. Деструкция научного коммунизма как обязательной дисциплины требовала «мягкого перехода» к новым формам идеологических ориентаций, и культурология казалась подходящим средством такого перехода.

Практическая функция ИНИОН в этом контексте казалась тривиальной – дать информационное подкрепление решения идеологической задачи.

В ИНИОНе, однако, сформировался **иной**, **не конъюнктурный взгляд** на эту проблему. Тот объем научной информации, которым мы к этому времени уже располагали, подталкивал к выводу о том, что, развертывая информационно-аналитическую работу в области культурологии, мы выходим на фундаментальные теоретические проблемы, которые имеют важное практическое значение для формирования современной цивилизации. В 1990 г.

было принято решение о создании лаборатории теории и истории культуры, которая в 1995 г. была преобразована в отдел. При этом ИНИОН одновременно решал две задачи: во-первых, необходимо было наладить продуманную систему информации по широкому спектру проблем культурологии и тем самым дать толчок для проведения культурологических исследований в системе РАН и в системе высшего образования; во-вторых, требовалось обеспечить быстрый подъем этих исследований на уровень современной мировой культурологической мысли.

Эти большие и ответственные задачи были с пониманием восприняты сотрудниками ИНИОН.

Естественно, однако, что само по себе понимание важности задачи мало что давало без продуманной стратегии, нацеленной на конечный позитивный результат. Нужна была также настойчивая организационная деятельность, направленная на привлечение большого отряда заинтересованных сотрудников академических институтов, и прежде всего Института всеобщей истории, Института философии, Института мировой литературы и др., к этой работе.

Первым шагом в верном направлении был перелом инерции. Речь шла о новом масштабе информационной деятельности, выходящей за традиционные рамки. Такой выход далеко не всегда воспринимался с энтузиазмом. Кое-кому казалось, что культурологи начинают заниматься не своим делом, брать на себя слишком обременительные задачи. Руководство Института, однако, не дало остановить начавшийся процесс.

Задача с самого начала была действительно сложной. Необходимо было соединить оперативную информацию в области культурологии, остро необходимую для системы высшего образования (для чего был создан дайджест «Культурология»), с полнотекстовой информацией, публикацией с научным комментированием трудов выдающихся теоретиков, признанных классиками культурологической мысли. Имена этих классиков были достаточно хорошо известны в среде гуманитариев. Однако их работы были зачастую недоступны, особенно для тех, кто не владел иностранными языками.

Для решения этой задачи в 1992 г. создается серия «Лики культуры», которая и определила начальный этап программы деятельности, предложенной Министерству культуры Российской Федерации. Академик В.А. Виноградов предложил эту программу министру культуры Евгению Юрьевичу Сидорову, который в принципе ее одобрил. Детали были обсуждены с заместителем министра Вадимом Петровичем Деминым, который принял с этой целью меня и ведущего научного сотрудника С.Я. Левит. Ученым советом ИНИОН была разработана и утверждена перспективная научно-информационная программа этой серии.

Достоинство одобренной программы состояло в том, что она содержала в себе наряду с четкой стратегией широкий диапазон возможностей развития, конкретизации и совершенствования по мере реализации первоначального этапа.

Этот подход полностью себя оправдал. Первоначальное представление о задачах программы и «списке» классиков культурологии «первого ряда» шаг за шагом подвергалось определенной коррекции. Те культурологи, которые составляли «второй ряд», в конечном итоге стали выходить на авансцену концептуального анализа методологических проблем и информационно-аналитической работы. «Первый ряд» теоретиков составил первую серию «Лики культуры», которая вышла в издательстве «Юрист».

При всей важности этой серии, значительно расширившей представления о проблематике культурологии и ее содержании, обнаружились и информационные лакуны.

В серии не хватало:

а) исторического измерения: в ней в основном сосредоточились теоретики конца XIX – первой половины XX в. Между тем вторая половина XX в. встретилась с вызовом постмодернизма;

б) не было отражения тех прорывов, которые были осуществлены в области этнографических, антропологических, лингвистических исследований и были крайне важны для формирования современного состояния культурологии как науки;

в) слабо была представлена отечественная традиция, без которой было трудно дать оценку духовных вызовов набирающего силу нигилизма;

г) материалы серии не были адаптированы применительно к студенческой аудитории, к менталитету не только профессионалов, но и широкого круга интересующихся культурологической проблематикой. Для преодоления этих информационных лакун создавались серии, которые как бы естественно рождались из серии «Лики культуры». Это – «Книга света», «Российские пропилеи», «Культурология. XX век», «Summa culturologiae», «Humanitas», «Зерно вечности», «Письмена времени».

В общей сложности в этих сериях было выпущено около 200 томов изданий произведений отечественных и зарубежных классиков культурологии.

Были выпущены справочные издания по культурологии – справочники и антологии. Увидели свет такие издания, как «Литературная энциклопедия русского зарубежья» в четырех томах (главный редактор А.Н. Николюкин)[1], энциклопедия «Западное литературоведение XX века» (главный научный редактор Е.А. Цурганова)[2], «Лексикон нонклассики» (под общей редакцией В.В. Бычкова)[3], «Словарь средневековой культуры» (под общей редакцией А.Я. Гуревича)[4] и др. Выдающимся событием в этой области стало издание энциклопедии «Культурология. XX век»[5]. В 2007 г. вышло новое двухтомное издание «Культурология. Энциклопедия» (главный редактор и автор проекта С.Я. Левит)[6]. Объем издания – более 400 уч.-изд. листов. Энциклопедия подводила итоги работы отечественной культурологии и создавала предпосылки для глубоких теоретических обобщений в этой области гуманитарного знания. Была подготовлена и выпущена в свет «Литературная энциклопедия терминов и понятий» (главный редактор А.Н. Николюкин)[7], а также энциклопедический путеводитель «Европейская поэтика от Античности до эпохи Просвещения» (под общей редакцией А.Е. Махова и Е.А. Цургановой)[1].

---

[1] Литературная энциклопедия русского зарубежья, (1918–1940): в 4 т. / РАН. ИНИОН ; гл. ред. А.Н. Николюкин. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997–2006. – Т. 1: Писатели русского зарубежья. – 512 с.; Т. 2: Периодика и литературные центры. – 640 с.; Т. 3: Книги. – 712 с.; Т. 4: Всемирная литература и русское зарубежье. – 514 с.

[2] Западное литературоведение XX века: энциклопедия / РАН. ИНИОН ; гл. науч. ред. Е.А. Цурганова. – М.: Intrada, 2004. – 560 с.

[3] Лексикон нонклассики. Художественно-эстетическая культура XX века / под ред. В.В. Бычкова. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. – 607 с.

[4] Словарь средневековой культуры / под ред. А.Я. Гуревича. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. – 624 с.

[5] Культурология. XX век: энциклопедия: в 2 т. / гл. ред., сост. и автор проекта С.Я. Левит. – СПб.: Университетская книга; ООО «Алетейя», 1998. – Т. 1: А–Л. – 447 с.; Т. 2: М–Я. – 447 с.

[6] Культурология: энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. и автор проекта С.Я. Левит. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. – Т. 1: А–М. – 1392 с.; Т. 2: Н–Я. – 1184 с.

[7] Литературная энциклопедия терминов и понятий / РАН. ИНИОН ; гл. ред. А.Н. Николюкин. – М.: НПК «Интелвак», 2001. – 133 уч.-изд. л.

Ключевым событием 2007 г. стало обсуждение в Президиуме РАН результатов культурологических исследований в ИНИОН. С докладом выступил директор ИНИОН академик Ю.С. Пивоваров[2], который обосновал важность осуществления культурологических исследований и раскрыл основные направления информационно-аналитической работы ИНИОН РАН в этой области.

В обсуждении доклада приняли участие академики А.О. Чубарьян, Г.М. Бонгард-Левин, С.Л. Тихвинский, А.Д. Некипелов, Е.П. Челышев, А.П. Деревянко. Подводя итоги дискуссии, президент РАН академик Ю.С. Осипов отметил, что в ИНИОН проделана информационно-аналитическая работа, которая имеет не только общеакадемическое, но и общероссийское значение. Он подчеркнул необходимость в дальнейшем поддерживать это направление.

Мы отдавали себе отчет в том, что проведенная работа – это основа для теоретической разработки ключевых проблем культурологии как науки. Дело в том, что многие сложившиеся в культурологии категории носили проблематичный характер.

Как известно, принятым представлением о сущности культуры стало ее концептуальное «расщепление» на противоположности: «материальную культуру» и «культуру духовную». Возникал вопрос: так что же такое культура как таковая? И существует ли она вообще? Возникли также трудности в истолковании общности и различий в понимании культуры и цивилизации.

Получило распространение известное представление, согласно которому культура характеризует внутренний духовный мир человека, его сложную диалектику, тогда как цивилизация – это внешняя, материализованная, опредмеченная форма жизни общества. И в этом смысле цивилизация может рассматриваться с точки зрения законов материальной природы, которые определяют стадии жизни – рождения, расцвета и распада. В этом контексте возникают серьезные проблемы в интерпретации исторического смысла цивилизации. С одной стороны, историческая эволюция цивилизации – это видимая очевидность. Соответственно выделяют первобытное общество, античную цивилизацию, средневековую цивилизацию, цивилизацию эпохи Возрождения и Нового времени, наконец, современную цивилизацию. С другой стороны, существуют устойчивые представления, согласно которым сущность цивилизации заключается в ее константах, которые сохраняются в динамике исторического времени. Стержень цивилизации – это *philosophia perennis*, которая отчетливо проявляет себя в христианской цивилизации, как, впрочем, и в мусульманской, и в буддийской.

---

[1] Европейская поэтика от Античности до эпохи Просвещения: энциклопедический путеводитель / РАН. ИНИОН ; под общ. ред. А.Е. Махова и Е.А. Цургановой. – М.: Изд. Кулагиной – Intrada, 2010. – 512 с.

[2] См.: *Пивоваров Ю.С.* О результатах информационно-аналитических и теоретических исследований проблем культурологии в ИНИОН РАН: (тезисы выступления на заседании Президиума РАН 10 апреля 2007 года) [Электронный ресурс] // ИНИОН РАН. Новости. – 10.04.2007. – Режим доступа: http://www.inion.ru/news/podrob.php?31.txt

Нельзя не видеть, что за философскими дискуссиями о сущности цивилизации стояли и острые проблемы внутренней и глобальной политики. Понятия «культура» и «цивилизация» стали не только постоянными операционными понятиями общественных наук, но и обрели очевидные как бытовые, так и политические смыслы. Между тем теория не давала ясных ответов на многие возникающие в этом контексте вопросы.

Так, Э.Б. Тэйлор, отождествляя культуру и цивилизацию, говорил о нецивилизованных расах – это готтентоты или папуасы, а также об «опасных» в культурном отношении классах общества. Получило также распространение деление народов на *Naturvölker* и *Kulturvölker*. При этом цивилизация рассматривалась как субкатегория культуры. Парадигмой цивилизации в обыденном сознании оказывалась страна, имеющая города, государство и письменность, определенную упорядоченность общественной жизни.

Коль скоро прогресс рассматривался как процесс распространения цивилизации, то территориальная экспансия становилась фактором прогресса. Уже Наполеон осуществляет свою операцию в Египте, родине древнейшей цивилизации, под флагом «распространения цивилизации». «Распространение» цивилизации понимается не только как достаточное основание для экспансии, но и как мотив таких форм бытового поведения за пределами собственной страны, которые в ней считаются неприемлемыми и даже преступными.

Все это обусловило распространение негативного отношения к экспансии цивилизации, проявлением которого стало известное определение Марком Твеном цивилизации как «сифилизации».

В этом контексте рождение волны постмодернизма не кажется абсурдным. Некоторые теоретики видят в его концепциях основание предложения выбросить за борт понятие «цивилизация», как утратившее позитивный смысл. Брюс Мэзлиш, например, в своей работе «Цивилизация и ее основной смысл» утверждает, что цивилизация – это одна из тех великих фигур Стоунхенджа, которая наложила свою печать на наш ментальный ландшафт. И как близкая ей фигура – культура, это одна из основных концепций, изобретенная и сконструированная в XVIII в. и последовательно детализированная в ходе развития общественных наук. В новом тысячелетии она превратилась в фетиш. «В Новом времени пространство, в которое мы вошли, – утверждает Брюс Мэзлиш, – должно быть не только подвергнуто деконструкции, но вообще отброшено»[1].

Чтобы дать адекватную оценку таких взглядов, необходимо решение ключевых теоретических проблем гуманитарного знания. А для этого необходимо представить итоговую картину, панораму культурологических идей, концепций, основных понятий в их сопоставлении, как, впрочем, и основных фигур, персоналий культурологического знания.

Но это лишь одна сторона вопроса. Другая, не менее важная, сторона заключается в том, что решение такого рода методологических проблем требует теоретического синтеза дисциплин, профессионально разделенных в ходе прогресса гуманитарного знания. Цивилизационные проблемы – это проблемы социального организма как целого, и их анализ и решение требуют специфического мышления, которое можно охарактеризовать как синтетическое. Синтетический тип мышления характеризует творчество выдающихся гуманитариев как Запада, так и России. Характерно, что в связи со 100-летием Д.С. Лихачёва отмечалось, что в его исследованиях сочетались литературоведческий, искусствоведческий, исторический и философский подходы. В этом контексте и следует оценивать создание в ИНИОН Центра гуманитарных научно-информационных исследований, что позволило обеспечить систематическое взаимодействие четырех отделов – культурологии, философии, литературоведения и языкознания. Вместе с тем это позволило обеспечить взаимодействие ведущих специалистов и талантливых организаторов научных исследований. Сложилась устойчивая группа лидеров, которые обеспечили и необходимый масштаб и высокое профессиональное качество информационно-аналитической и исследовательской работы. Это – А.Н. Николюкин, С.Я. Левит, Е.А. Цурганова, С.А. Ромашко, Г.В. Хлебников, И.Л. Галинская, А.Г. Бельский и др. Тем самым были созданы условия для перехода к новым формам информационно-аналитической деятельности, основанным на более глубоком понимании сущности культуры. Культура в нашем понимании есть реальный механизм или совокупность механизмов, формирующих, сохраняющих и совершенствующих цивилизацию как единство субъекта и артефактов жизни, отношений, обеспечивающих гармонию жизни человека с другим человеком, гармонию человека и природы.

---

[1] Цит. по: Johan Goudsblom on Bruce Mazlish. Civilization and its contents // History and theory. Studies in philosophy of history. – 2006. – Vol. 45, № 2, May. – P. 60–161.

Что касается теоретических парадоксов культурологии, то они имеют идентичный характер альтернатив.

Так, в соответствии с формальной логикой, нужно делать однозначный выбор:

– признать культуру духовным либо материальным явлением;

– признать, что цивилизация – это **процесс**, в котором все постоянно изменяется, так что, перефразируя Гераклита, нельзя дважды войти в одну и ту же цивилизационную реку либо принять тезис, согласно которому цивилизация содержит в себе такие **константы**, лишившись которых, она теряет и свое качество, исчезает сама;

– признать, что в мире существуют цивилизации, которые следуют **универсальным принципам**, реализованным в их образе жизни, который должны принять все народы, либо принять ту истину, что человечество состоит из несводимых друг к другу цивилизационных **образцов**, несущих в себе уникальную ценность, утрата которой является невосполнимой потерей для всего человечества.

Эти альтернативы не могут найти своего последовательного логического разрешения без прояснения сущности цивилизационной субстанции как реальности, которая и образует особенность предмета культурологии как науки.

В действительности предмет культурологии не совпадает ни с «чистой» объективностью, ни с «чистой» субъективностью, взятыми по отдельности. Он находится «между ними», соединяясь, но не отождествляясь. Это – специфический «третий мир», мир смыслов. Эта идея была сформулирована в докладе на совещании в ИНИОН 10 февраля 2000 г., в котором приняли участие ведущие теоретики-культурологи. Дальнейшие информационно-аналитические исследования показали, что эта идея находит свое подтверждение в этнографических исследованиях американских ученых. Так, Клиффорд Гирц, изучая внутренний мир и культуру яванцев, обнаружил, что они заимствовали из Индии ключевое цивилизационное понятие «раса», придав ему собственное толкование. Это понятие имеет два основных значения: «чувство» и «смысл». Чувство фиксирует свойства реальности, смысл дает оценку этим свойствам. Таким образом, «раса» – это специфическое цивилизационное представление, в котором сливаются воедино объективность и субъективность. Рассматривая культуру в качестве сложного семиотического текста, К. Гирц находит в каждом конкретном случае механизмы, позволяющие распутать паутину смыслов[1].

Какой смысл такого «распутывания»? Смысл слияния – нахождение **соответствия**, играющего фундаментальную роль в рождении и сохранении цивилизации.

Сохранение цивилизации определяет общий позитивный смысл субъект-объектного бытия людей. Разрушение цивилизации означает деструкцию этого общего смысла. Специфическая логика духовной культуры общества формирует полярные категории гуманитарного знания, находящие свое оформление в философской традиции, – это Абсолют и Ничто. Позитивистская философия трактовала эти категории как беспредметный продукт метафизики, воображения, не имеющий реального смысла.

Между тем в контексте цивилизационного смысла эти категории имеют свое очевидное реальное основание. Эта реальность исторически, в силу своей специфики, получает метафорическое и символическое выражение. Это позволяет с новых позиций оценивать метафоры, фиксирующие реальность цивилизационной гармонии. Но вместе с тем это диктует необходимость выявлять рациональный смысл мифологических представлений и ключевых понятий религиозного сознания, таких, например, как Троица.

Исторически содержание гармоничных отношений человека с человеком и человека с природой может меняться, но сама цивилизационная форма удерживается как священный символ, сохраняющийся из поколения в поколение. Отсюда вытекало и понимание смысла категорий гуманитарного знания, которые в позитивистской философии считались проявлением бессодержательной метафизики. Становились понятными и причины такого отношения. Позитивизм опирался на грандиозные успехи естествознания XIX и XX вв. А в естественно-научном знании содержание категорий гуманитарного знания действительно не имело реального смысла.

Так, например, для естествоиспытателя «ничто» не может быть предметом исследования, поскольку означает беспредметность, которая не может стать причиной события. С другой стороны, Абсолют в структуре естественно-научного знания – это спекуляция, за которой нет эмпирически определенного явления. Все явления физического мира так или иначе относительны.

---

[1] См.: *Гирц К.* Интерпретация культур. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. – 560 с.

В гуманитарном же знании Абсолют как высший смысл цивилизационного бытия и Ничто как деструкция этого смысла – это категории, которые могут и не иметь видимого чувственного эквивалента, однако существовать в виртуальной реальности. Каким образом возможно видение этой реальности? В восточной философии считалось, что эту реальность можно видеть «третьим глазом», позволяющим человеку видеть мир через самого себя, через глубину внутреннего бытия. Однако, видимо, правомерно говорить о гнозисе как знании условий гармонии реальности, которая не имеет чувственной видимости. Это – открытие мудрости как ви́дения правильного пути и тех угроз для цивилизации, которые стоят на этом пути.

Выявляя специфику цивилизационной гносеологии и гнозиса как формы непосредственного знания цивилизационной субстанции мы вместе с тем получаем ключ к расшифровке истока противоречий в понимании культуры как материальной, с одной стороны, и духовной – с другой, как процесса, с одной стороны, и как константы – с другой, и как универсального явления, и как уникального образца.

Идея субъект-объектного соответствия получает свое подтверждение и при конкретном анализе таких развитых цивилизаций, как, например, японская. Она интересна тем, что в ней наиболее рельефно проявляется идея соответствия как системы цивилизационных обязанностей и долгов человека: убедительный анализ этой системы был дан Рут Бенедикт в ее ставшей классической работе «Хризантема и меч»[1].

Культурологическая методология оказывается важной при исследовании и интерпретации современного информационного общества. Без такой интерпретации невозможно выявить те скрытые угрозы, которые несет с собой очевидный информационный прогресс.

Как показывает опыт, стихийные процессы в этой сфере могут порождать такие негативные последствия, с которыми все труднее справляться. Это прежде всего затрагивает вопросы интеллектуального, творческого потенциала общества, нравственные проблемы, проблемы заключения человека в виртуальной реальности, утраты способности адекватной коммуникации с реальным миром.

---

[1] См.: *Бенедикт Р.* Хризантема и меч. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. – 256 с.

Речь должна идти о вполне осмысленном формировании информационной культуры, позволяющей сочетать информационный прогресс с совершенствованием духовной жизни общества. А для этого необходимо расшифровать само понятие информационной культуры.

В этом отношении полезной является концепция символатов, выдвинутая Лесли Уайтом. Символат – это созданная человеком культурная реальность, продукт его субъективной практической активности, которая, однако, превращается в объективность и становится детерминирующим фактором определенных типов массового поведения. Характер массового поведения в информационном обществе во многом определяется внутренним содержанием его символатов.

Выявляются три символата информационной культуры. Это – информационная инфраструктура, видеоряд и метаобразование. Осмысленное влияние на характер цивилизационой эволюции современного общества уже невозможно без целенаправленного влияния на формирование основных символатов информационной культуры. Формирование информационного общества – это не только техническая проблема, проблема программного обеспечения компьютеров и массового подключения к Интернету, но и огромная культурологическая проблема.

И здесь возникают непростые методологические вопросы. Для систематического их освещения в дайджесте «Культурология» был создан раздел «Методология гуманитарного знания». Методологические проблемы стали систематически освещаться на страницах ежегодника «Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты», бюллетеня «Россия и мусульманский мир», в продолжающемся издании «ЭОН. Альманах старой и новой культуры». Одна из наиболее сложных проблем в этом контексте – понимание содержания и сохранения духовности как удержание высших смыслов бытия в условиях многообразного и крайне противоречивого океана информации, которая обрушивается на сознание современного человека. И вполне естественно, что рассмотрение этих проблем оказалось неразрывно связанным с интерпретацией теории истины в цивилизационном контексте. С этой точки зрения был предпринят анализ сложившихся в современных философских течениях радикальных теорий истины. К ним относятся концепции:

– аналитической философии, последовательно проводившей представление об истине как отражении эмпирически данного факта;

– континентальной философии, которая исходит из доктрины, согласно которой действительная истина совпадает с истиной того высшего принципа жизни, который выявляется лишь в контексте развитого цивилизационного целого;

– и наконец, философии информации, которая рассматривает реальное значение истинного знания в практическом контексте, в котором знание может быть представлено от 0 (нет знания) до 1 (знание). Истина исчерпывается получением определенного результата, если к нему двигаться определенным программой компьютера путем.

Рождается тип мышления свободный от философской метафизики и идеологии, сориентированный на решение конкретных задач здесь и сейчас.

Противоречия, вытекающие из радикальных теорий истины, находят свое разрешение в феномене «осцилляции истины» и понятии «поля истины». Понятие «поле истины» в цивилизационном контексте означает возврат к исторической реальности прошлого и будущего, равновесие, сочетание, казалось бы, взаимоисключающих истин: истины факта, истины принципа и истины успеха творчества.

Таким образом, реализация истины зависит от объективности истории и субъекта, от его совокупных качеств, которые позволяют в его деятельности достигать равновесия этих трех истин. Это, конечно, некий идеальный тип, но это и критерий оценки героев истории, в том числе и тех, которые представляются воплощенным противоречием. Теория позволяет видеть реальность свободы исторической личности, которая открывает для себя свое понимание сочетания ипостасей истины. Это дело выбора, и такой выбор в конечном счете выносится на суд истории.

С этой проблемой нам пришлось столкнуться при оценке жизни и творчества выдающегося русского мыслителя В.В. Розанова. Розанов в известном смысле – это идеальный пример кажущихся противоречий в позициях при решении им реальных цивилизационных проблем. Выход в свет в 2008 г. «Розановской энциклопедии» (гл. редактор А.Н. Николюкин)[1] стал важной вехой на пути освещения не только сущности розановского наследия, но и ключевых проблем гуманитарного знания.

В 2009 г. были опубликованы «Материалы Международной научной конференции «Наследие В.В. Розанова и современность»[2]. В них подведены итоги исследования литературного и философского творчества выдающегося русского мыслителя.

В 2010 г. были опубликованы два тома собрания сочинений В.В. Розанова – «Литературные изгнанники – П.А. Флоренский, С.А. Рачинский, Ю.Н. Говоруха-Отрок, В.А. Мордвинова»[3] и «Листва. Уединенное. Опавшие листья»[4], которые завершали работу по выпуску 30-томного собрания сочинений писателя. Таким образом, теоретическая и информационная работа Центра нацелена на понимание сущности цельного знания как подлинной цивилизационной истины. Это позволяет восстановить всю историческую правду и о дореволюционном периоде русской истории, и о ее послереволюционном периоде. А это – ключевое условие восстановления самоуважения нации, а значит, и обретения исторической перспективы.

---

[1] Розановская энциклопедия / сост. и гл. ред. А.Н. Николюкин. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. – 1216 с.

[2] Наследие В.В. Розанова и современность: материалы Международной научной конференции, Москва, 29–31 мая 2006 г. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. – 639 с.

[3] *Розанов В.В.* Литературные изгнанники. П.А. Флоренский. С.А. Рачинский. Ю.Н. Говоруха-Отрок. В.А. Мордвинова. – М.: Республика; СПб.: Росток, 2010. – 956 с.

[4] *Розанов В.В.* Листва. Уединенное. Опавшие листья. – М.: Республика; СПб.: Росток, 2010. – 551 с.

Р.А. Гальцева

В СТРОЮ И ВНЕ СТРОЯ[1]

Гальцева Рената Александровна (4 октября 1929, Москва – 3 декабря 2021, Москва). Окончила философский факультет МГУ им. М.В. Ломоносова (1953). Специалист по научно-информационным исследованиям в области философии и культурологии. В ИНИОНе работала с 1970 г.

> *Но боюсь: среди сражений*
> *Ты утратишь навсегда*
> *Скромность робкую движений,*
> *Прелесть неги и стыда!*
> А.С. Пушкин

Благословенный ИНИОН! «Первый в мире, второй в Союзе» (как острили в советское время) гуманитарный институт, приют униженных и оскорбленных, гонимых и неприкаянных (подчас претенциозных) творцов из поколения дворников и сторожей, но и нашедших малозаметные ниши в истеблишменте юношей бледных со взором горящим, жадных до идейно-политических вестей из-за бугра, и просто – для отсидевших сроки. Задуманный как флагман зарубежной информации для высших инстанций и пропаганды передовой идеологии для рядовых научных и учебных кругов, он, Институт научной информации по общественным наукам АН СССР, представлял собой издательский симбиоз, выпускающий для узкого читательского круга, «для служебного пользования», политико-философские заблуждения врагов и на широкие просторы –

---

[1] Впервые опубликовано в журнале «Новый мир». См.: *Гальцева Р.* В строю и вне строя: к 90-летию Фундаментальной библиотеки общественных наук АН СССР и 40-летию Института научной информации по общественным наукам РАН // Новый мир. – М., 2013. – № 7. – С. 153–164.

«краснознаменные сборники»: так именовалась у нас информация для второго, учебного эшелона читателей.

Между тем жизнь тут била ключом, палуба флагманского корабля (как место встречи работодателей, т.е. штатных сотрудников реферативных отделов и работающих по трудовому договору референтов, а также их встречи между собой и с читателями) являла собой живое, бурлящее пространство, где шла стихийная, нерегламентированная жизнь; где на каждом шагу встречались группы разгоряченных диспутантов, захваченных каким-то крайне насущным и безотлагательным предметом: под большой парадной лестницей, около книжного прилавка, у каталогов или в холле и прямо посреди коридоров – в общем, там, где люди заставали друг друга. Быть может, после курилки Ленинской библиотеки это был второй (а то и первый?) дискуссионный клуб.

А как же протекала под этими сводами деловая жизнь? Начнем с показательного для ее уяснения начала. Дело было в отделе научного коммунизма… Да простят мне читатели этого текста: я буду говорить о себе (не совсем о себе, а в конечном счете совсем не о себе) не только потому, что, как признавался герой «Записок из подполья», «порядочный человек» с наибольшим удовольствием говорит о себе, но и по совершенно банальной причине – потому что происходящее вблизи и при твоем участии помнится более ярко и выпукло, чем общезначимое, но отдаленное. Итак, дело было в отделе научного коммунизма, который одним своим названием, казалось бы, служил охранной грамотой в глазах начальства. Совсем недавно получил он это гордое имя, будучи раньше безликим «реферативным отделом», куда я пришла с заранее согласованным с тогдашней дирекцией проектом «Достоевский за рубежом» (в связи с юбилеем писателя): издавать рефераты (и переводы) знаменитых работ о нем – Р. Джексона, М. Бубера, А. Камю, Р. Веллека, Э. Васиолека, Вяч. Иванова и др., – не публиковавшихся на русском языке. Сборник был подготовлен и двинулся в путь, но… внезапно был остановлен на первой же станции: обсуждения в отделе. А обсуждение проходило так. Вслед за первым взявшим слово и заявившим, что сборник скучен, что нет единой концепции, что «под нашим грифом такое не выходит», началась цепная реакция в том же духе, а именно – в духе «превращенной формы» объяснений, когда для камуфляжа подлинной (идеологической) мотивировки используется другая (мнимонаучная). Но «политика» все же прорывалась: «Заказчик будет недоволен». И хотя мнения присутствующих разделились, завотделом поблагодарил чутких и ответственных, проявивших бдительность коллег, выступивших под девизом «надо беречь отдел», а нам с И.Б. Роднянской (она в это время тоже была научным референтом ИНИОНа[1]) он предложил подумать над переформатированием содержания выпуска. После долгого согласования с руководством было решено предпослать сомнительной зарубежной когорте бесспорный продукт, который служил бы паровозом для малоподвижного состава, – иначе говоря, подготовить выпуск «Достоевский в социалистических странах» с предисловием («крепким врезом») какого-либо политически надежного знатока русского писателя. Задание было выполнено. Однако в конечном итоге паровоз двинулся один, без состава, чьи пассажиры так и остались не въездными – до тех пор, пока позднее они не вышли в широкой или специальной российской печати. Но, увы, уже не к нашей (институтской) вящей славе.

Это был печальный и настораживающий опыт. Легкой судьбы и дальше не выпадало ни одному не «краснознаменному» изданию. А ведь речь шла о якобы неподцензурных изданиях «для служебного пользования», рассылаемых проверенным лицам по спискам, т.е. об особой сфере, куда не нужно заглядывать Главлиту (т.е. цензуре).

Каждый такой сборник или обзор должен был пройти очистительную процедуру: огонь марксистской критики, воду недружественных отзывов, медные трубы отрицательных вердиктов. Требовалась выработка более замысловатой стратегии, готовность к использованию чрезвычайных мер, в числе коих наиболее приемлемой оказывалась добыча внешнего отзыва или даже ходатайства, а в случае необходимости – и организация научно-общественных обсуждений с подобранными гостями. Специфика была в том, что надо было найти таких защитников и заступников, которые были бы авторитетными функционерами и одновременно симпатизантами нашего (по самому их статусу не близкого им) дела, – казус contradictio in adjecto, противоречия в терминах. Сочинялись формулировки, обосновывающие в письменной и устной – на личных приемах в высоких кабинетах – форме непомерную важность и несравненную злободневность затеянного нами предприятия.

---

[1] И.Б. Роднянская пришла в отдел в 1971 г., сразу вслед за мной, и занималась, помимо участия в упомянутых сборниках, реферированием закрытой литературы, написанием замечательных аналитических обзоров по работам П. Сорокина, Ш. Эйзенштадта, А. Кёстлера, по проблемам молодежной контркультуры 60-х, дискуссии вокруг эволюционизма и креационизма и многим другим; а ушла из штата в 1976 г., когда заведующий отделом предложил ей заняться левой социалистической литературой для реферативного журнала открытого пользования.

Догадка прибегнуть к подобной методе родилась после окончательного решения вопроса о судьбе Достоевского в ИНИОНе (поскольку, несмотря на фиаско, мы не унимались). Первым адресатом был выбран сам директор ИМЛИ Б.Л. Сучков, вторым – сам редактор Полного собрания сочинений писателя в 30 томах, верховный главнокомандующий армии отечественных достоевистов, ленинградец Г.М. Фридлендер. В подмосковном санатории он принял инионовского ходока «с рукописью в руках», где говорилось, в частности:

«Глубокоуважаемый Георгий Михайлович!

…В течение нескольких лет мы занимались подготовкой серии реферативных сборников под условным названием “Достоевский за рубежом”; первый и пока единственный из этих выпусков – “Исследования творчества Ф.М. Достоевского в социалистических странах” – был издан в прошлом году, послан Вам и, надеемся, благополучно дошел. Остальные работы сгруппированы по следующим темам… (они перечисляются). Эта серия, как и большинство изданий нашего института, предназначена для специального пользования (т.е. рассылается по особым спискам). Состав сборников был апробирован Б.Л. Сучковым, который их завизировал, поставив гриф ИМЛИ; но с кончиной Бориса Леонтьевича мы потеряли энтузиаста-покровителя и профессионально заинтересованное лицо; в результате это издание застопорилось.

Может быть, у Вас возникнет интерес к находящемуся в нашем распоряжении материалу (не менее 30 авторских листов), прошедшему все стадии подготовки к печати, но пока лежащему втуне. Здесь были бы возможны два варианта: издание вспомогательного типа в рамках Вашего начинания и на базе Вашего института (совместно с нашим) – или, при Вашей поддержке и ходатайстве, что могло бы вдохновить наше руководство, далекое от этих тем, – издание под грифами двух институтов – ИМЛИ и ИНИОН, причем на типографской базе последнего.

Прилагаем оглавления намечающихся выпусков. Если наши чаяния вызовут у Вас отклик, то в любое удобное для Вас время мы рады были бы встретиться с Вами, имея при себе тексты рефератов и переводов. 20.01.77 г.».

Далее шли наши адрес и телефоны. И – тщетные ожидания.

Однако другого пути не было. «И, словно гусей белоснежных станицы, / Летели исписанные страницы» обращений, воззваний, призывов (часто вручаемых лично). И этот хлопотный метод в конечном итоге себя оправдывал, являя победу над детерминизмом системы.

Вот, к примеру, фрагмент из нашей переписки с внешними и внутренними инстанциями по поводу лишь нескольких тематических сборников.

«В Советский оргкомитет по подготовке XVII Всемирного философского конгресса, директору Института философии В.В. Мшвениерадзе[1]», к которому я обращалась с основательно фундированным призывом вступиться перед нашим институтским начальством за гонимый сборник из серии «Судьба искусства и культуры в западноевропейской мысли XX в.». Представьте себе, у сановного философа нашлось, что весьма нетривиально, достаточно воодушевления (вечная ему благодарность!), чтобы обратиться к директору ИНИОНа В.А. Виноградову с убедительным ходатайством, оканчивающимся внушительным резюме: «Сборник переводов “Судьба искусства и культуры в западноевропейской мысли XX в.” (вып. 1), служащий неотложным задачам компетентной критики, положительно оценен научной общественностью. Теперь мы ожидаем выхода в свет второго сборника, который представляет сегодняшнюю социально-эстетическую панораму и посвящен влиятельным в интеллектуальных кругах Запада концепциям искусства, выросшим на католической почве: от “ортодоксального неотомизма” (Ж. Маритен, Г.К. Честертон) до авангардизма (Ортега-и-Гассет) и левого критицизма (Г. Бёлль). Насущность этой работы подчеркивается и близящимся VIII Всемирным эстетическим конгрессом (август 1980 г.), в порядке подготовки к которому выполнение этих переводов было бы чрезвычайно желательно». (Подпись: В.В. Мшвениерадзе.)

Это обращение было большим подспорьем в деле продвижения выпуска. И – по протоптанной дорожке заодно о другом застрявшем сборнике: «В Советский оргкомитет по подготовке XVII Всемирного философского конгресса, директору Института философии В.В. Мшвениерадзе» – ходатайство о забракованном в Институте сборнике «Образ человека XX века», содержавшем эссе К.С. Льюиса и Г.П. Федотова, исследования о «новом типе мыслителя», о «воспитании посредством идеологической речи» и т.п.

---

[1] Член-корреспондент АН СССР В.В. Мшвениерадзе в 1979–1989 гг. был не директором, а заместителем директора по научной работе Института философии АН СССР. – *Прим. ред.*

Были признаны неподходящими и содержание его, и заглавие. (Под наименованием, которое было названо «туманным», ныне беспрепятственно выходят общеинститутские сборники.) Более того, тогдашний завотделом философских наук Института в своем отзыве, адресованном на имя нашего куратора, заместителя директора по гуманитарной части Марлена Павловича Гапочки[1], среди прочих претензий предлагал: «Снять или отредактировать более тщательно материал Федотова Г.П. “Ecce homo”, где содержатся антисоветские высказывания (см., например, стр. 57, 60, 63)».

В ответном письме на мое воззвание В.В. Мшвениерадзе писал Гапочке: «В соответствии с Планом мероприятий по подготовке XVIII ВФК в Вашем Институте подготовлен сборник “ОБРАЗ ЧЕЛОВЕКА XX ВЕКА”, отв. ред. Гальцева Р.А. Оргкомитет знаком с содержанием сборника и считает его необходимым для работы членов советской делегации, участвующей в Конгрессе. В связи с этим Оргкомитет просит Вас ускорить выпуск вышеназванного сборника и выделить часть его тиража (150 экз.) для нужд подготовки к Конгрессу. <…> Мы будем весьма благодарны – если данному труду будут предоставлены условия наибольшего благоприятствования, иначе говоря, быстрейшего выхода в свет. И второе, чтобы часть тиража сборника (хотя бы около 100 экз.) была резервирована за Оргкомитетом». Колымага выехала-таки из непролазной колеи. Но за ней следовали еще целые обозы… И потому депеши продолжали лететь.

Председателю Отделения литературы и русского языка АН СССР академику Е.П. Челышеву (1979–1980), заведующему отделом философии ИНИОНа А.И. Ракитову[2] (1976) с просьбой о поддержке начинаний, зловредная суть которых заключалась в замене реферативного жанра переводческим. (Этот пункт был одним из ключевых в разногласиях с М.П. Гапочкой.)

---

[1] Гапочка Марлен Павлович (1931–2003) – философ. Канд. филос. наук (1962). В 1973–1997 гг. – заместитель директора ИНИОН по научной работе. Заместитель председателя Головного органа Международной информационной системы социалистических стран по общественным наукам (МИСОН). Основные научные труды в области истории философии, исторического материализма, научного коммунизма. – *Прим. ред.*

[2] Ракитов Анатолий Ильич (1928–2019) – философ и науковед. Канд. филос. наук (1956), д-р филос. наук (1966), профессор (1968). Заслуженный деятель науки Российской Федерации (1995). В ИНИОНе с 1971 г. В 1971–1986 гг. заведовал отделом философских наук. Главный научный сотрудник Центра научно-информационных исследований по науке, образованию и технологиям. – *Прим. ред.*

Заместителю Председателя РИСО АН СССР А.Л. Яншину. После подробного обоснования всей насущности и актуальности нашей серии («Судьба искусства…», вып. 2) в свете опять же близящегося Международного эстетического конгресса (август 1980 г.) в заключение говорилось: «Эта недавно завершенная работа нуждается в Вашем одобрении и поддержке, как и вообще вся наша переводческая инициатива, поскольку вопрос о целесообразности такого информационного жанра, как перевод (а не только реферат), все еще остается для нашего ученого совета дискуссионным». Была ли поддержана эта просьба, я уже не помню.

Директору Института философии АН СССР Б.С. Украинцеву, который в ответ на наше обращение апеллировал к Председателю Отделения философии и права АН СССР академику-секретарю А.Г. Егорову по поводу все тех же выпусков «Судьба искусства…» с просьбой (поддержанной также нашим директором В.А. Виноградовым) включить в план и «утвердить издание сборников рефератов и аналитических обзоров работ, отражающих основные линии развития и кризисных явлений западной эстетики. <…> Соответствующий Проект постановления прилагается».

В ученый совет Института философии АН СССР В.М. Межуеву (1975) за поддержкой одного из первых наших застрявших изданий: «Современные концепции культурного кризиса на Западе» (работы Д. Белла, Х.Г. Кокса, Ж.М. Доменака, Л. Уайта, П. Тиллиха, Р. Гвардини, М. Хайдеггера). «Подготовленный отделом научного коммунизма сборник, – убеждает администрацию ИНИОНа в ответном письме член ученого совета Межуев, – представляет несомненный теоретически-информативный интерес для всех специалистов, работающих в области теории культуры и критики идеологии. Сборник восполняет существующий в настоящее время пробел в советской философской литературе. <…> Безусловно, существует настоятельная необходимость издания такого сборника, а также продолжения информационной работы в данном направлении».

ВНИИ системных исследований АН СССР и ГКНТ Ш.А. Гумерову в защиту того же тонущего сборника переводов («Судьба искусства…», вып. 2). «Особенно удобным для философа-теоретика, работающего в области культуры и духовного производства, – говорилось в ответном послании, – представляется принятый в последнем из сборников серии жанр комментированного перевода с проблемной вступительной статьей. Было бы весьма желательным, чтобы Ваша деятельность в этом направлении продолжалась, восполняя немалые лакуны». И т.д.

Члену редколегии «Нового мира», заведующему отделом критики В.М. Литвинову (1979). Откликаясь на наш призыв о поддержке все того же второго сборника «Судьба искусства…» (который был послан в редакцию журнала «на отзыв»), адресат направляет на имя директора ИНИОНа В.А. Виноградова (копия: отделу научного коммунизма) красноречивое ходатайство с заверениями о ценности этой работы, «отличающейся высокими достоинствами как со стороны научной, так и со стороны стилистической подготовки текстов <…> трудов, пользующихся мировой известностью и совершенно необходимых для расширения идейного и интеллектуального горизонта литературного критика и исследователя литературы».

Директору Института философии Грузии академику Грузинской АН Н.З. Бакурадзе (письмо второе, вослед уже оказанной однажды помощи; 1985 г.). Речь теперь идет о другом забуксовавшем сборнике: «Глубокоуважаемый Николай Зурабович! <…> Спасибо за покровительство! Но я, подобно старухе из “Сказки о золотой рыбке”, обращаюсь к Вам с просьбой (которую прошу оставить в силе только при отсутствии каких-либо внешних или внутренних напряжений). Регулярно каждый подготовленный мной сборник, на этапе проплывания “меж крутых берегов”, переживает навигационные препятствия, когда ему требуются мощные буксиры. Вот и сейчас, в случае с материалами по русской мысли (этот элемент у нас, как известно, в самом большом загоне), наступил такой этап, из которого могли бы вывести сборник письма-запросы из ведущих философских учреждений страны. Так вот, не смогли ли бы Вы написать такое письмо и послать его на имя заместителя директора ИНИОН АН СССР М.П. Гапочки (копия: отдел научного коммунизма, Я.М. Бергеру), в котором выражалась бы целесообразность дальнейшего выпуска сборников по культурологии».

И директор Института философии Грузии отвечал по нужному адресу: «На протяжении последних лет наш Институт является постоянным потребителем научно-информационной продукции, издаваемой ИНИОН: серий “Судьба искусства и культуры в западноевропейской мысли XX в.”, “Неоконсерватизм в странах Запада”, “Работы М. Хайдеггера по культурологии” и мн. др. <…> Недавно нам стало известно, что в рамках Вашего Института в числе прочих интересующих нас материалов по проблемам философии культуры разрабатываются темы, связанные с критическим анализом общественно-религиозной утопии первых десятилетий XX в. (П.А. Флоренского, Н.А. Бердяева и других русских мыслителей). В связи с нуждами нашей плановой научной работы обращаемся к Вам с просьбой подготовить и для нас обзоры по указанной тематике».

Ученому секретарю Всесоюзного научно-исследовательского института искусствознания В. Ряполовой, откликнувшейся на обращение развернутым ходатайством в отдел научного коммунизма: «Как и ряд сотрудников нашего Института, я недавно ознакомилась со сборниками “Судьба искусства и культуры в западноевропейской мысли XX в.”, подготовленными в вашем отделе. Представляется, что это очень нужная и серьезная работа, имеющая большую ценность для ученых-гуманитариев. <…> И выбор текстов, и переводы их, и сопроводительные статьи и комментарии свидетельствуют о высоком академическом уровне издания. Хотелось бы надеяться, что в дальнейшем читатель получит возможность познакомиться с новыми сборниками этого типа». И т.п.

Заведующему сектором эстетики Института философии АН СССР проф. М.Ф. Овсянникову по поводу опять же многострадальной серии «Судьба искусства…» В своем «Отзыве-рецензии» он, обращаясь к дирекции нашего Института, в частности, писал: «Вот уже несколько десятков лет наша философская общественность оперирует в связи с эстетическими проблемами именами О. Шпенглера, М. Вебера, М. Хайдеггера, Х. Ортеги-и-Гассета, К.Г. Юнга и др. До сих пор знакомство с их эстетическим наследием, не изложенным на русском языке, остается делом крайне затруднительным, что, в свою очередь, осложняет задачи компетентной критики. А тем не менее эти имена остаются вехами на пути современной западной мысли. <…> Несомненна необходимость издания задуманной серии, а также продолжение информационной работы в данном направлении». Позднее, 15 июля 1980 г., М.Ф. Овсянников обращался по поводу особо заторможенного второго выпуска серии «Судьба искусства…» к В.А. Виноградову от имени Научного совета по проблемам эстетики при Президиуме АН СССР со словами о неотложной необходимости его (и подобных ему дальнейших изданий) в связи с грядущим IX Международным эстетическим конгрессом.

«Вице-президенту АН СССР П.Н. Федосееву…» И так далее…

Надо не забыть и о непростой в прошлом судьбе журнального издания «Эон. Альманах старой и новой культуры», один из выпусков которого «Ирвинг Кристол. На перекрестке тысячелетий» еще ждет своего выхода. И – о свирепствах на стадии библиографического контроля…[1]

В общем, поднимался целый вихрь перекрестных потоков теперь уже между высокими внешними и внутренними инстанциями, когда в дело включались «мобилизованные» академики. Директор Института философии Б.С. Украинцев был доведен до того, что в одном из писем академику-секретарю АН СССР А.Г. Егорову прямо указывал: «Обязать отдел научных публикаций ИНИОН опубликовать сборники отдела научного коммунизма (1, 2, 3-й выпуски “Судьба искусства…”, 40 а.л.) в сроки, минимально предусмотренные техническими возможностями издательского отдела, и установить тираж в размере 2000 экз.».

Но высшего накала достигали конфликты, которые развертывались на ближних рубежах, без апелляции вовне, и, как правило, не оставляли после себя письменных документов (а только эпизодические зарубки в памяти). Бывало, собеседования в кабинете начальства занимали целый день. В первой половине такого собеседования шел разбор концепции, в которой не нашел себе места марксистский подход, но чаще дискуссия шла вокруг отдельных словосочетаний (типа: почему «революционное возбуждение», а не «революционный подъем»?) и отдельных слов («Почему Вы, Регина, – как часто именовал меня Марлен Павлович, – вместо нормального слова “буржуазный” употребляете какое-то неестественное – “позднебуржуазный”?»). Да, борьба всегда шла за слова (как и в «Философской энциклопедии»). Мой цензор уезжал в идеологический отдел на Старую площадь. А я, получив указания, оставалась под дверью, стараясь придумать свой, менее травматический вариант переделки.

Со Старой площадью была связана уникальная судьба еще одного нашего издания, явившего казус полного «отчуждения» труда (не предполагаемого даже Марксом). Речь идет о сборнике «Новые философы», посвященном сенсационной семерке правых, которая нежданно-негаданно, на фоне все новых и «новых левых», возникла во Франции в конце 1970-х (подобно «великолепной семерке» «Вех» – в России начала века). Своим рождением она прежде всего обязана переведенному на Западе «Архипелагу ГУЛАГ». Собрание рефератов этих «детей Солженицына» – А. Глюксмана, Б.-А. Леви, М. Клавеля и др. – было издано у нас в Институте в начале 1980-х в количестве шести экземпляров и обсуждено в Идеологическом отделе ЦК, пожелавшем познакомиться с новыми идейными врагами и дать этим клеветникам достойный отпор. Но не увидено ни одним глазом редактора-составителя.

---

[1] ЭОН: альманах старой и новой культуры. Сб. ст. / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. ; отд. культурологии ; отв. ред.-сост. Р.А. Гальцева. – М., 2014. – Вып. 10: Ирвинг Кристол. К итогам XX века. – М., 2014. – 188 с. – *Прим. ред.*

Помнится, выход для безнадежно увязшего обзора «Раскол в консерваторах (Ф.М. Достоевский, Вл. Соловьёв, И.С. Аксаков, К.Н. Леонтьев, К.П. Победоносцев в споре об общественном идеале)» был найден на путях еще одной методы – подловить момент, когда наш куратор отправится в отпуск, и принести работу на подпись замещавшему его должностному лицу: замдиректора Л.К. Шкаренкову, автору книги «Чёрные флаги белой эмиграции», тем не менее благосклонному к нашей продукции, или другому замдиректора – Л.С. Кюзаджяну, готовому помочь, но разгадавшему маневр и заметившему мне с укором, что такая система ставит его в щекотливое положение перед коллегой и даже может поссорить. Тем не менее «Раскол…» таким образом вырвался из плена. И все-таки я вспоминаю Марлена Павловича с теплым чувством: он был джентльменом, образцом хороших манер и незлопамятным человеком. Когда при распределении научных рангов встал вопрос о моем разряде, он повел себя по отношению ко мне, досаждавшей ему беспрестанно не одно десятилетие, самым великодушным образом.

Был момент, когда вся плановая продукция застопорилась, включая очередной выпуск серии «Судьба искусства…», и надо было задумываться над своей собственной судьбой. М.С. Горбачёв уже произнес свою судьбоносную фразу «Общечеловеческие ценности выше классовых», означающую отмену крепостного права марксистской идеологии и открытие эры свободы мысли. Но прежняя инерция еще никуда не делась. И руководитель нашего отдела Я.М. Бергер, держа в руках очередной полученный им на подпись сборник «Формирование идеологии и социальная практика», в который входила работа «Summa ideologiae», резюмировал свое впечатление от знакомства с ней в таком стиле: Вы, Рената Александровна, придумали это для самиздата или для тамиздата, но не для здесь-издата.

Требовалась в лучшем случае радикальная переработка. Параллельно идущим в то время на международной арене Женевским переговорам у нас шли свои пять туров переговоров с Я.М. Бергером;

первый и последний – втроем, с участием соавтора Ирины Роднянской. Начало было безнадежным, я почти впала в отчаяние. Более важной вещи, думалось мне, мы еще не писали. К тому же я чувствовала ответственность за вовлеченного в это предприятие соавтора (для которого эта работа была нештатной, неплановой). Аргументация зрела днем и ночью. Собеседования шли по часу-полтора. Но какие это были собеседования!? «В этой борьбе, – заметила Роднянская, – мы потеряли не только женственность, но и человечность». Когда наши контраргументы не имели воздействия и надо было смиряться, неотменимым принципом оставалось одно: вычеркивать, но не вписывать. «Summa…» вышла из битвы сильно потрепанной[1]. Тут сама пришла на ум (как-то несообразно обстоятельствам) ламентация Пушкина из письма П.А. Вяземскому в марте 1823 г.: «Цеховой старшина находит мои ботфорты не по форме, обрезывает, портит товар; я в накладе; иду жаловаться частному приставу; все это в порядке вещей»[2]. «Порядок вещей» в нашем случае не предполагал апелляций к «частному приставу».

Я пришла в Институт, когда все, о ком остались яркие впечатления, были уже в сборе. Или – на подходе. Это было особое, с непреходящими либеральными традициями, место. Это были интересные времена. На службу принял меня тогдашний директор, крупный синолог и закоренелый либерал Л.П. Делюсин, для работы по теме «Достоевский в зарубежных исследованиях» (о чем уже упоминалось). Собственно, не было еще никакого Института информации, а была тогда Фундаментальная библиотека общественных наук АН СССР, и помещалась она (еще до Якиманки, о которой пелось в капустниках: «Надену джинсы я наизнанку, пойду работать на Якиманку») в роскошном особняке в аристократическом уголке Москвы, близ родного Арбата, на перекрестке Малого Знаменского переулка (тогда ул. Маркса и Энгельса) и Знаменки (тогда ул. Фрунзе).

Впервые поднимаясь по мраморным ступеням парадной лестницы, я среди собравшихся наверху сотрудников различила знакомую фигуру Дмитрия Николаевича Ляликова, коллеги по «Философской энциклопедии»[1] и популярного в интеллектуальных кругах мудреца, и знатока Востока Григория Соломоновича Померанца, принятого в штат еще предшественником Делюсина В.И. Шунковым. Он был тоже давним знакомцем: по философским собраниям и той же «Философской энциклопедии», в свое время спасшим нас от собирателей подписей под письмом в защиту Синявского и Даниэля, которым решительно объявил: «Не заваливайте эту малину».

---

[1] В том виде, как она была задумана, работа вышла в 2012 г. (*Гальцева Р.А., Роднянская И.Б.* Summa ideologiae: торжество «ложного сознания» в новейшие времена: критико-аналитическое обозрение западной мысли в свете мировых событий. М.: Посев, 2012).

[2] Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 10 т. – Т. 10. – М.: Изд-во АН СССР, 1949. – С. 57.

В тот день Григорий Соломонович, стоя в центре круга, знакомил собравшихся с бездонной глубиной восточного любомудрия. «Как звучит хлопок одной ладонью?» – обратился он со знаменитым коаном к остолбеневшей публике… «Как пощечина», – не задумываясь, отвечал Д.Н. Ляликов. Он писал увлекательные рефераты по психоанализу и проблемам иррационального. По поводу одного из захвативших его авторов, американца Р. Лифтона, автора книги «Пережившие Хиросиму», Д.Н. простодушно заметил: «Ему совсем немного не хватало до гениальности, я добавил».

В библиотечном Белом зале на втором этаже я сразу же заметила женское лицо редкой привлекательности и обаяния, с сияющими глазами. Это была Майя Улановская, политкаторжанка советских времен, в 1951 г. в 18-летнем возрасте осужденная на 25 лет по нашумевшему делу «молодежной террористической организации» (а на самом деле – группы, ставившей своей задачей «восстановление ленинских норм») и освобожденная в 1956-м (после разоблачения культа личности). К сожалению, через 20 лет, в 1976 г. она уехала из России в Израиль вместе с мужем, известным правозащитником Анатолием Якобсоном, стоявшим у истоков «Хроники текущих событий», литератором, поэтом-переводчиком, преподавателем литературы в прославленной 2-й московской математической школе, и – сыном, бывшим подлинной причиной отъезда семьи из СССР: тот остро переживал нарастание политики антисемитизма в стране. Тогдашний подросток, Александр Якобсон ныне – профессор римского права в Иерусалимском университете, отдающий силы и общественной деятельности. Майя, долговременная сотрудница этого университета, – автор книг «Свобода и догма. Жизнь и творчество Артура Кёстлера» (Иерусалим, 1996) и (в соавторстве с матерью, Надеждой Улановской) «История одной семьи» (СПб., 2005), а также многочисленных переводов с английского (в частности, знаменитых произведений Кёстлера: «Воры в ночи», «Приезд и отъезд» и нашумевшего исследования «Тринадцатое колено: хазарское царство и его наследие») и – с иврита и идиша.

---

[1] См. раздел: «Голоса родных и друзей» в книге: *Ляликов Д.* Работы по философии, психологии, культуре (Энциклопедические статьи). – М.: ИНИОН, 1991.

Вот ее воспоминания из книги «История одной семьи» о временах, проведенных в ФБОН – ИНИОН: «Тем временем (речь идет о 1964 г. – *Р.Г.*) клюют Солженицына. В библиотеке, где я работала, в ФБОН, назначена встреча с писателем. У нас приличное учреждение с либеральными традициями, но в последний момент встречу отменяют. Отменяют встречу и в других учреждениях, но в Институте Азии и Африки – состоялась. А у нас – позже – состоялся вечер памяти Ахматовой (1966 г. – *Р.Г.*). Директор просит не читать неопубликованных стихов. Подождав, чтобы он вышел, я во всеуслышание читаю “Реквием”, и дрожь пробегает по спине у меня и у собравшихся, когда слышатся строчки:

Затем, что и в смерти блаженной боюсь
Забыть громыхание черных марусь,
Забыть, как постылая хлюпала дверь
И выла старуха, как раненый зверь[1].

Правозащитница Люда Алексеева (Людмила Михайловна, ныне Председатель Московской Хельсинкской группы), тоже бывшая наша – «пристроена» к нам, в отдел научного коммунизма в 1971 г., на должность машинистки «по рекомендации» Органов, чтобы быть у них на глазах. Вскоре она, выпускница исторического факультета МГУ, стала в отделе литературным редактором. Вспоминается, как, работая над очередным сборником, Люда горячо убеждала его ответственного редактора: «Надо понизить Богородицу, чтобы нам не понизили Бога!» (речь, понятно, шла о запретных прописных буквах). Рукописями в ту пору обменивались вручную, подчас у нее на дому, на ул. 26-ти Бакинских Комиссаров. Квартира поражала, начиная с прихожей: и она, и длинный коридор представляли собой экспозицию кошачьих портретов – тех кошек, которых хозяйка собственноручно вырастила, а затем раздала в хорошие руки. Люда водила экскурсии по кошкотеке, объясняя темперамент и индивидуальные склонности каждой представленной здесь особы. Нынешнюю обитательницу квартиры Люда рекомендовала нам как существо нечеловеческого ума. «Вообразите, – рассказывала она, – собрались мы с мужем в лыжный поход и перед уходом, как всегда, проверяли наличие кошки (мало ли что, живем высоко). Искали полтора часа, умаялись, но тщетно. И только когда стало ясно, что с походом опоздали, и когда, освободившись от амуниции, спрятали лыжи, зверь вышел из бездны (откуда же еще, если все наличные укрывища были обшарены?)» Дело было в том, что зверь не любил отлучек хозяйки из дома, особенно ради эгоистических удовольствий.

---

[1] *Улановская Н., Улановская М.* История одной семьи. – СПб.: Инапресс, 2005. – С. 270.

Не оправдавшая ожиданий Органов, Людмила Михайловна не только не сократила масштаб своей правозащитной помощи политзаключенным, но, напротив, расширяла ее, привлекая к делу и сочувствующих из нашей среды. В 1977 г. ее высылали из страны, она уезжала в Штаты. Накануне отъезда ее дом был окружен бездвижными нарядами милиции и спецслужб, внутри было тоже многолюдно, но по контрасту чрезвычайно оживленно и кипуче. Я попросила передать Александру Исаевичу Солженицыну – увесистый, увы, – пятый том «Философской энциклопедии», и Люда любезно согласилась. Мне хотелось в ответ на его в целом справедливое замечание о том, что в советской энциклопедии (в данном случае упоминалась БСЭ) «ни одной строки нельзя a priori считать истиной»[1], порадовать великого «отшельника» приятной вестью о «продукции» философской редакции «Советской энциклопедии» как некой «беззаконной комете», в конце концов, только уравновешивающей законный баланс между правилом и исключением. Позже, не помню когда и с кем, уезжающим в Штаты, я передала для Александра Исаевича некий выпущенный в ИНИОНе сборник (могу только гадать, какой).

В сопроводительном письме к нему говорилось: «Александр Исаевич! Конечно, это не та литература, которая Вас интересует, но примите сборник как еще одну весть отсюда о единодушии с Вами. Прежняя дошла ли? В 1977 г. я послала Вам с Людмилой Алексеевой V том “Философской энциклопедии”, “это был наш маленький крестовый поход” (речь идет о двух разделах, Вы сразу поймете – каких). Вы видите, что не каждое слово в здешних энциклопедиях – ложь. Но Вы, безусловно, правы: советским энциклопедиям верить нельзя, ибо подобный прорыв детерминизма – всегда только опыт маленького чуда. Каждое Ваше слово бесконечно радует нас как совершенное выражение того, что зреет на тесных московских кухнях. <…> О союзниках Запада – большой вопрос. По положению – они нам, “инакомыслящим”, союзники, да, но по сегодняшнему их сознанию… <…> Последнее десятилетие обнаружило новые симптомы. С любовью и благоговением Р.Г.». Как сложилась судьба этих оказий, мне до сих пор узнать не пришлось.

---

[1] *Солженицын А.* Слово на приеме в Гуверовском институте. Оксфорд, 24 мая 1976 // Солженицын А. Публицистика. Статьи и речи. – Париж: YMCA-PRESS, 1981. – С. 270.

Здесь уместно будет откликнуться на поразивший меня (и не только меня) пассаж из недавней публикации Ю.М. Кублановского[1]. Обратившись к событиям 20-летней давности, Кублановский обличает «идеологическую раскаленность» «неисправимой московской интеллигенции» начала 90-х, чьей демонстративной представительницей он избрал, в частности, меня: «Солженицын еще не успел и до Москвы добраться, а Рената Гальцева, разочарованно отрубая: “Уже ясно, с кем он”».

Задолго до 90-х, с того момента, как я вообще узнала о Солженицыне, не было, пожалуй, ни одного принципиального высказывания, где бы я не противоборствовала релятивизму «идеологически раскаленных» «наших плюралистов», где бы я не апеллировала к классическому, консервативному либерализму А.И. Солженицына, всегда оставаясь на его стороне. В 1990 г. на конференции в Неаполе «Ленин: Траектория революции» я вступила в прения с горячими критиками «бездвижной» стратегии Александра Исаевича, не вовремя «застрявшего» за границей. Одним из таких критиков был как раз упоминаемый Кублановским вместе со мной и Роднянской (тоже попавшей под горячую руку воспоминателя) Ю.Ф. Карякин (но я была не «с ним», а он – не «с нами»). В том же 1990 г. Е.Г. Боннэр в реплике «Не занимайтесь мифотворчеством»[2] обрушилась – иначе не скажешь – на нашу с И. Роднянской статью «Спор – вопреки участникам?» («Литературная газета», 1990, 7 марта), где мы высказывали категорическое несогласие с распространенной в интеллигентской среде критикой Солженицына (опять же: почему-де молчит «вермонтский отшельник», когда «взбаламученная Россия» ждет от него вмешательства в «нынешнюю неразбериху»). Не соглашаясь с «уроками А.Д. Сахарова» («Знамя», 1990, № 2), оспаривавшего ключевую роль идеологии в общественной системе, мы предлагали усвоить «уроки Солженицына», содержащиеся в его глубокой, философской публицистике.

---

[1] *Кублановский Ю.* Десятый // Новый мир. – 2013. – № 3.

[2] *Боннэр Е.* Не занимайтесь мифотворчеством // Литературная газета. – 1990. – 2 мая.

Борьба Солженицына на два фронта – против тоталитарного коммунистического режима и против неожиданно образовавшейся вокруг писателя враждебной среды, несмотря на ее свободолюбивые установки, – была всегдашней темой моих высказываний. И я постоянно размышляла над самим феноменом возрождающегося печально знаменитого «ордена интеллигенции» (который идет у Кублановского под наименованием «московской интеллигенции») с его характерной беспочвенностью и «прогрессивностью», принявшими новые черты.

Все мои доклады и статьи, посвященные социальной и мировоззренческой позиции Солженицына в противовес его идеологическим антиподам, публиковавшиеся в журналах («Новый мир», «Посев», «Континент» и др.) и сборниках за более чем два десятилетия, перечислять вряд ли стоит, но вот некоторые названия: «А.И. Солженицын: Борьба на два фронта», «Один из эпизодов наступления на Солженицына как интерпретатора русской истории», «Российское обустройство: Возвращаясь к Солженицыну», «Солженицын: Пророческое величие», «О либеральной интеллигенции в современной России», «Возрождение России и новый “орден” интеллигенции»[1]. И Александр Исаевич отвечал доверием. Сразу после приезда в Москву он пригласил нас с Ириной Роднянской к себе, на Тверскую, 12, чтобы обсудить российские дела и поговорить о нашем общем будущем, причем никаких разногласий и вопросов о том, «с кем он», не возникало. Более того, Александр Исаевич предложил совместно издавать журнал, – возможно, как раз тот «культурный русский журнал с тиражом в 25 тысяч экземпляров», о котором как о несбыточном предприятии мечтает в своем дневнике Кублановский. И только Наталья Дмитриевна, войдя в кабинет, прекратила дальнейшее обсуждение этой захватывающей идеи, представляя трезвее нас всех степень занятости Солженицына.

Я была неизменным сторонником Александра Исаевича, его дружинником и всегдашним критиком противной стороны. И никто не может предъявить мне ни одного противоположного факта. (То расхождение мнений, которое существовало у меня с Солженицыным, как и с абсолютным большинством соотечественников, – отношение к личности Б.Н. Ельцина – не было предметом публичных разногласий, не отмежевывало меня от позиции Александра Исаевича, ставя «по другую сторону баррикад».) Не могу представить, к чему может быть привязана приписанная мне Кублановским реплика – «разочарованно отрубая», – вскрывающая, выходит, какое-то мое двурушничество.

---

[1] См.: *Гальцева Р.* Знаки эпохи. Философская полемика. – М., Летний сад, 2008.

Среди претерпевающих и претерпевших, приходивших за договорной реферативной работой в ИНИОН, помню бедствующую мать семейства Наталью Горбаневскую, знакомую с восточноевропейскими языками. В тот день в редакционном портфеле ничего не было, кроме книжки о торжестве демократии в Народной Республике Болгарии (НРБ), что-то вроде того. Я не без смущения вынула эту пропагандистскую брошюру, осознавая всю издевательскую нелепость предлагать таковую отбывшей срок в психушке за выступление на Красной площади против ввода войск в Чехословакию. Но гостья не стала долго раздумывать. И чтобы понять ее, тоже долго думать не надо.

Пришла в отдел на должность литредактора, тоже из «Философской энциклопедии» (как и мы с Ляликовым), выпускница филологического факультета МГУ, дочь философа и богослова Ивана Михайловича Андриевского Маша (Мария Ивановна) Андриевская, как бы явившаяся из тургеневских усадеб, безукоризненная романтическая душа, мастер тонкой акварельной флористики и поэтесса, автор двух романов и литературоведческих статей, рано покинувшая этот мир. Стихи ее, частично опубликованные в альманахе «Поэзия» (1986, вып. 44) с предисловием С.С. Аверинцева, а затем и вышедшие отдельным сборником[1], не забываются. Вы поймете правду этих слов хотя бы из такого примера:

Я неспрошенный камень старинных былин,
Искрошившихся слов не прочесть,
По которым в краю богатырских равнин
Узнавали: позор или честь.

Я неспрошенный камень и с криком внутри
Затаился в траве у дорог,
И некошенный пламень цветочной зари
Догорает у каменных ног.

Маша была близкой приятельницей Сергея Аверинцева. Можно гордиться, что в тех самых буксовавших наших сборниках опубликованы рефераты и комментированные переводы, принадлежащие его перу.

---

[1] *Андриевская М.И.* Стихотворения и поэмы. – М., 1992.

Побывала сотрудницей отдела и Наталья Крымова, крупный театральный критик и театровед. Вместе с коллективом она успела приобщиться к субботникам: поездкам на овощную базу для перегрузки кочанов капусты, а также и в отдаленный колхоз-побратим для сбора урожая. Помню, нас высадили из автобуса на свекольное поле. Моросил дождь, нужно было выдергивать из густой жижи за торчащие хвостики ботвы свекольные заморыши. Набрав для колхоза по полмешка таковых, мы победоносно возвращались в столицу. При этом экспедиция послужила значительному расширению нашего театрального кругозора. Благодаря Наталье Крымовой мы досрочно посмотрели в Доме кино незабываемый «Рим» Феллини.

Промелькнул А.М. Пятигорский, всячески яркий, с чарующе замысловатой языковой стилистикой, наскучивший категориями европейской культуры индолог, вскоре обосновавшийся, однако, в Лондоне и ставший всеевропейским гуру.

И по сей день Институт не истратил порох в своих пороховницах, но о присутствующих не говорят. Сделаю исключение для коллеги по отделу, для человека-оркестра, Светланы Левит, которая одна представляет собой целый институт, выпустивший 275 изданий. И какого кругозора! Это – философия, культурология, социология, языкознание, история, искусство – весь гуманитарный корпус…

Веселое было время. В ходу было стихосложение, образцы коего хранятся у меня в папках. Но вот один, в котором подтрунивание его автора над близкой мне дисциплиной, ее терминологией, сочетается с амбивалентным влечением к ней (ср. ниже название его стихотворного сборника):

Я налил в стаканы этость,
На закуску взял я чтойность,
Закурил я сигаретость,
Погрузился я в запойность.
Б. Орлов[1], апрель 1986 г.

Вовлеченные в стихию информационной работы по отражению (в обоих смыслах) социополитических новинок из-за бугра и ощущая себя перед лицом контролеров из Академии общественных наук «над пропастью в РЖ»[1], мы нуждались в развлечениях (отвлечениях) и выделывали разные антраша. Вот одна из выдумок. Как-то, в начале 70-х, втроем (Ира Роднянская, Валя Ермолаева и я) задумали составить библиографическую карточку на якобы только что вышедший труд *Unisex society*, автора коего нарекли именем Вольфрам Рюкзак, чтобы затем составить реферат для журнала. И даже нафантазировали содержание труда. Очень веселились. Однако все так и застыло на стадии сомнительно «благих порывов», согласно некрасовскому определению. А ведь осуществи мы эту задумку, так бы и пошло, никто не стал бы проверять. Поразительно, но вскоре на Западе термин *unisex* родился и прижился.

---

[1] Борис Сергеевич Орлов, главный научный сотрудник ИНИОН, в 1990-е – организатор и председатель Российской социал-демократической партии, автор поэтической книги (*Орлов Б.* Неповторимость бытия. Из тетрадей «шестидесятника». – М.: Апарт, 2010).

Анекдотов случалось множество. Вот как я впервые попала за кордон: шел 1988 год. Меня пригласили в г. Бергамо, Италия, на конференцию, посвященную П.А. Флоренскому. Предстояло пройти еще действующий санпропускник партбюро. Но обязанности оно выполняло теперь механически, без души. «Вы были раньше за границей, где-нибудь… в странах народной демократии?» – «Нет, не была нигде, но… я готова проехать через Бухарест или Будапешт». Удовлетворенные моей покладистостью, экзаменаторы дали мне отмашку.

Еще не вышел указ о запрете пользоваться электрочайниками на производстве, и у нас вовсю отмечались личные и общественные юбилеи. Помню один день рождения, празднуемый на Якиманке с большим размахом и охвативший целый этаж. Кто-то в угаре праздничного веселья задал несообразный вопрос виновнице торжества: «Алла, скажи, а сколько тебе лет?» «Сколько, сколько!? Сколько всем, столько и мне!» С тех пор я тоже руководствуюсь этим заветом.

И все-таки, что бы ни казалось строгому взгляду, заметки мои – юбилейные.

---

[1] РЖ – реферативный журнал, регулярно издаваемый нашим отделом.

Г.С. Померанц

ПРОФЕССИЯ НЕУДАЧНИКА: ЖИЗНЕННАЯ МОЗАИКА

Померанц Григорий Соломонович (13 марта 1918, Вильнюс – 16 февраля 2013, Москва). Окончил литературный факультет Московского государственного института истории, философии и литературы им. Н.Г. Чернышевского (1940). Участник Великой Отечественной войны. Специалист в области философии, культурологии. Работал в ФБОН – ИНИОН в 1960–1978 гг., в том числе в отделе стран Азии и Африки (младший научный сотрудник). Последняя должность – главный библиограф отдела научно-библиографической информации Фундаментальной библиотеки.

В 1950-е годы, получив справку о реабилитации, я вернулся в Москву и – неожиданно для себя – стал «люмпен-пролетарием умственного труда». Так меня назвал бывший коллега по нарам и будущий романист Е.Б. Фёдоров[1].

Это отчасти было моим свободным выбором. Женщина, которую я полюбил, могла прожить не более 10 лет, а может быть, и гораздо меньше. Так решили врачи, и они были правы. Ирине Игнатьевне (Муравьёвой) не хотелось меня надолго отпускать, а мне – оставлять ее одну. Зарабатывать на жизнь легче было отдельными заказами. Основным заказчиком был сектор информации Института экономики. Я просматривал каталоги и выбирал подходящее для реферирования в БЛ[2], ФБОН и т.п.

Так мне попалась книга Гензеля «К теории центрально-административного хозяйства», над которой я засел надолго. Это было в фондах ФБОН, и я ходил туда ежедневно, часа на четыре.

---

[1] Фёдоров Евгений Борисович (р. в 1929), писатель. В 1949–1953 гг. был репрессирован. Печатался в «Новом мире» и других журналах. – *Прим. сост.*

[2] Всесоюзная государственная библиотека им. В.И. Ленина.

Ко мне привыкли, и когда в секторе экономики надо было навести порядок в картотеке, стали упрашивать зачислиться туда на временную работу недели на две. Я нехотя согласился. Систематизацией заниматься я не любил. Но если надо помочь хорошим людям, то я могу на пару недель стать человеком-машиной. Проклиная себя, я согласился, я за эти две недели очень устал и, как оказалось, кое-как исправил то, что сотрудницы напутали. И меня стали приглашать в другие отделы. Я соглашался – но без систематизации и на полставки, чтобы скорее уходить домой.

Потом случилось непоправимое – Ира решилась вырезать каверну и умерла на операционном столе. Мне некуда было больше уходить, разве к пасынкам, делить с ними горе. Некуда было девать опустошенное время. И я согласился с предложением Софьи Иосифовны Кузнецовой поступить к ней в сектор востоковедения, переименованный в отдел стран Азии и Африки.

Работа библиографа, при известном устройстве ума, позволяла восстанавливать то, что казалось навеки утраченным нашей разбежавшейся по сторонам цивилизацией: созерцать развитие общества как единого целого. Обрывки фактов, на которые я наталкивался, были вызовом способности к синтезу.

Вскоре Леонид Ефимович Пинский[1] (у которого я был в 30-е годы любимым учеником) стал удивляться, что у меня за работа, которая мне так много дала. А работа была незавидная. Сперва очень от нее голова болела. Но потом привык, научился просматривать никчемные статьи и писать аннотации галопом, высвобождая себе время читать то, что интересно, и за несколько лет стал заправским востоковедом, культурологом и социологом. Мне никто не дал простора для развития. Я сам его создал, – и в моем ничтожном положении нашел залог свободы: нельзя было запугать угрозой снять с работы. (Это с какой именно? С библиографического конвейера? За 105 р. в месяц? Да любая другая была бы легче!)

***

Осенью 1966 г. сослуживец по ФБОН Игорь Александрович Энгельгардт подсунул мне статью Лифшица[2] «Почему я не модернист». Читать было неохота, но Игорь Александрович упорствовал. В конце концов, я прочел. И тут же, в Белом зале (где библиографы расписывают журналы), часа за три настрочил то, что потом было опубликовано в «Литературной газете». Лифшиц пришел в ярость, посвятил мне 80% своего ответа, и – хочешь не хочешь – пришлось и меня напечатать. Под заголовком, придуманным в последнюю минуту, «Кто совратил Калибана?» (А кто такой этот Калибан? Замред Сырокомский не знал – и не вычеркнул. Но и читатели не знали. Любопытно провести опрос: кто читал драму Вильяма Шекспира «Буря»?)

---

[1] Пинский Леонид Ефимович (1906–1981), литературовед. – *Прим. сост.*

[2] Лившиц Михаил Александрович (1905–1983), философ. – *Прим. сост.*

Перепалка наделала шума. Откликнулась «Фигаро литерер». Был и отечественный отклик: цензор, размахивая «Литературной газетой», где я назван пособником фашизма, заставил вырезать из «Народов Азии и Африки» мою статью по теории субэкумен. Я огрызнулся на Лифшица постскриптумом и еще одной прибавкой – про пять сортов интеллигенции. Этот текст прочел Солженицын, не понял (или забыл) и впоследствии приписал мне саркастическое определение интеллигенции четвертого сорта (одну из полемических стрел против Лифшица) как авторскую идейную платформу. Таким косвенным и неожиданным образом перепалка, сама по себе не очень значительная, вошла в историю.

***

Состав нашего сектора был дружный, почти семья. Но ближе, чем с другими, я сошелся с Виталием Рубиным[1]. Очень чувствовалась в нем традиция семьи. Я еще застал в живых его отца; к сожаленью, тот вскоре умер.

В старике было какое-то редкое сочетание легкости и глубины. Философское образование, немыслимое в наше время, проскальзывало, но не давило. Почти танцующее «ученое незнание». Мне кажется, Виталий унаследовал от отца легкость характера, бодрость, быстроту – но в Ароне Рубине[2] было еще что-то…

Отношения с Виталием складывались просто и естественно, мы очень скоро подружились. Виталий был захвачен своей новой оценкой роли Конфуция, и я охотно слушал его рассказы о конфликте конфуцианского гуманизма с принципом государственной пользы в учениях школы Фа-цзя (легистов). Легизм возносился в сталинские годы и легко ассоциировался со сталинизмом, отчасти даже персонально (апологеты Фа-цзя были нераскаявшиеся сталинисты). Я вполне сочувствовал пафосу Виталия и перенес его в свою речь 3 декабря 1965 г., на которую рассердился Семичастный, тогдашний руководитель КГБ.

---

[1] Рубин Виталий Аронович (1926–1981), китаист. – *Прим. сост.*

[2] Рубин Арон Ильич (1888–1961), историк философии. – *Прим. сост.*

Начав писать статьи по сравнительной культурологии, я непременно показывал Виталию первые варианты своих работ. С его помощью и с помощью других моих консультантов (А. Герасимова, А. Сыркина, М. Занда) я смог избежать промахов, неизбежных при отрывочном востоковедческом образовании. Но еще раньше у нас с Виталием открылось новое общее поле деятельности: капустники. Как-то вдруг возникло сознание, что зигзаги Никиты скорее расшатывают режим, чем укрепляют его, и отдельные хамские выходки заслуживают только смеха. Заговорило «армянское радио». Интеллигенция, смеясь, прощалась со своими страхами. С какого-то капустника Виталий принес частушку:

Мы с Пал Палычем вдвоем
Обнаглели – и поем…

И мы с Виталием обнаглели. В 1961 г. мы сидели рядом, слушая доклад о Кубе. Там, дескать, старое переплетается с новым. Например, по-прежнему устраиваются конкурсы красоты, но при этом учитываются и производственные показатели. Мы переглянулись с Виталием и секретарем комсомольской организации Игорем Добронравовым и начали давиться от смеха. В тот же миг решено было устроить капустник «выборы мисс ФБОН» и выбрать ее по производственным показателям. Потом производственные показатели были забыты и на первое место вылезла опасность культа мисс ФБОН. Выбрать королеву просто, но попробуйте ее переизбрать, это может оказаться и вовсе невозможным, как показывает пример недавнего прошлого… (долгая пауза) в Португалии, Греции и других капиталистических странах. Королева будет стареть, но повсюду ее портреты в блеске красоты, а юных соперниц ссылают в книгохранилище на каторжные работы… Всего в своей предостерегающей речи уже не помню, но смеха было много. Культ личности я описал довольно подробно. Виталий, потерявший здоровье в проверочных лагерях после выхода из окружения, играл роль капустного прокурора, наш общий друг Василий Николаевич Романов[1], сидевший еще в 1934–1937 гг., тоже что-то острил… В конце концов, нескольких девушек признали одинаково хорошенькими и таким образом избрали коллективное руководство. Публика наполовину состояла из читателей библиотеки; наши шутки разошлись по нескольким институтам.

---

[1] Романов Василий Николаевич, сотрудник отдела научной систематизации ФБОН АН СССР. – *Прим. сост.*

Следующий капустник был посвящен культуркампфу Никиты против Эрнста Неизвестного (впоследствии спроектировавшего памятник на Новодевичьем). Называлось это «Террор в ФБОН». Свинарка Мария Заглада, судившая о живописи, была травестирована в Марию Зануду, в маске поросенка хрюкавшую перед пустой рамой (абстрактная живопись). Центральным номером были вызовы в кабинет следователя. Мне удалось убедить молодого ученого с довольно простым лицом (сына чекиста)[1] сыграть роль следователя, а у него хватило чувства юмора согласиться. Роль свою он сыграл превосходно, совсем как на Лубянке. Являлись мы к нему с парой белья под мышкой. Моя жена говорила, что ей было совсем не смешно, а страшно, но хохот был гомерический. Дня через два Никита выступил с разгромной речью против абстракционизма. Молва, перепутав, посчитала наш капустник прямым ответом на его речь. Но до такой наглости мы не доросли.

Когда «пошел Никита юзом», я спросил Виталия: «Где будет какой-нибудь интересный доклад или дискуссия?» Он ответил: «Сегодня в Институте истории доклад Елены Михайловны Штаерман[2] о циклических теориях исторического процесса». Циклические так циклические. Мы отпросились у заведующей отделом и пошли в буфет…

Пока Виталий стоял в очереди за винегретом, я присел за столик и набросал на каталожной карточке несколько мыслей по поводу циклических теорий. С этим идейным багажом мы поехали в Институт истории и стали слушать. Елена Михайловна долго, часа полтора, крутилась вокруг высказываний Маркса, Энгельса, Ленина. Кончила она примерно на том, с чего начала: что классики марксизма кое-что о циклических теориях говорили, но ничего определенного из их высказываний не вытекло. А отойти от цитат и прямо сказать, что она сама думает, докладчица не решилась.

Когда Елена Михайловна кончила, председатель спросил: «Кто хочет выступить?» Все молчали. Никто не решался ступить на не огороженное цитатами поле. Я поднял руку – и мне сейчас же дали слово.

---

[1] Сергея Грибанова, позднее работавшего в редакции журнала «Мировая экономика и международные отношения» в пору расцвета журнала как органа творческой мысли. – *Прим. А.В. Гордона.*

[2] Штаерман Елена Михайловна (1914–1991), историк Античности. Речь идет о ее докладе на семинаре в секторе методологии истории Института истории АН СССР в 1964 г. – *Прим. сост.*

Опыт публичных выступлений у меня был только один: капустный. И в Институте истории, после архиосторожного доклада, я выступил так:

– По-моему, есть два типа циклических движений. Первый случай: обезьяна накладывает друг на друга ящики, чтобы достать банан. Накладывает неумело, ящики разваливаются, и приходится начинать заново. Это модель циклизма на основе невыполненной исторической задачи. Второй случай – колебания моды. Юбки укорачиваются до предела, а когда предел мини достигнут, начинается движение в обратную сторону до предела макси. Это модель циклизма на основе выполненной исторической задачи.

Председатель, М.Я. Гефтер[1], спросил: «Нельзя поближе к истории?» – «Пожалуйста», – ответил я, и дал несколько заранее припасенных примеров: из истории доколумбовой Америки, Французской революции, Древнего Китая и т.п. Когда я кончил и сходил с трибуны, Виталий сидел затылком к кафедре. Потом мне объяснил: я смотрел, не собираются ли тебя линчевать. Но линчевать меня не стали. Только удивленный Гефтер спросил во время перерыва Виталия: откуда Померанц знает про Цинь Шихуанди? Виталий откровенно ответил: «Это я ему рассказал».

Так начались мои попытки вклиниться в дискуссии, которые велись в институтах Академии наук, и превратить их вялое течение во что-то вроде французской банкетной кампании 1847 г. Это была проба, эксперимент. Либо начнется цепной процесс, либо мой расчет неверен. Проверкой мог быть только опыт. Я приходил, садился, слушал. На что-то хотелось возразить. Начнут в голове мелькать мысли, я их набрасываю на каталожные карточки и прошу слова. Иногда выходило хорошо, иногда не очень, но своего я добился. В ноябре 1965 г. меня пригласили сделать 20-минутный доклад на конференции «Личность и общество» в Институте философии.

Никакого сговора ни с кем у меня не было, я не знал, что будут говорить другие и кто будет в зале. Но обстановка сама по себе сложилась такая, как надо. Лед растопил Виталий своей речью о совести историка. Это была именно речь, а не научное сообщение. Он говорил, что ему стыдно назвать свою профессию: историк; что слово история стало синонимом лжи, бессовестной фальсификации, духовной продажности… Говорил горячо, проводили его аплодисментами, и когда я начал с известных стихов Наума Коржавина, зал сразу откликнулся (я это почувствовал):

---

[1] Гефтер Михаил Яковлевич (1918–1995), историк, заведующий сектором методологии истории Института истории АН СССР в 1963–1968 гг. – *Прим. сост.*

Мы сегодня поем тебе славу,
И как видно, поем неспроста,
Основатель великой державы,
Князь Московский Иван Калита.
Был ты видом довольно противен,
Сердцем подл – но не в этом суть.
Исторически прогрессивен
Оказался твой жизненный путь.

А потом, когда кто-то попытался возражать с позиций всепобеждающего учения, Лена Огородникова-Романова[1] сравнила моих оппонентов с Шигалевым: и они, дескать, начинают с идеи свободы и приходят к рабству. Любопытно, что все три острые речи произнесли сотрудники ФБОН, библиографы, а не члены официального корпуса советской науки. «Библиограф – профессия неудачника», – часто говорила Лена Огородникова. Судя по ней – профессия человека, и не искавшего удачи. Она умерла несколько лет спустя от инсульта, оставив несколько эссе, написанных в стол, и только три опубликованные статьи (в сборнике «“Август 1914-го” читают на родине»). Я до сих пор помню некоторые ее реплики в коридорах ФБОН. Лена была поэт реплики, т.е. самого бескорыстного слова, брошенного, чтобы прозвучать и исчезнуть. Так и вся ее жизнь.

В 1966 г. наши надежды подогрела культурная революция в Китае. Я еще раз использовал рубинскую концепцию раннего конфуцианства в статье «Размышляю о Циньском огне», оставшейся ненапечатанной и впоследствии включенной в мою книжку «Неопубликованное» (Мюнхен, 1972). Какие-то надежды подавала и хозяйственная реформа. Либо она должна была провалиться (что и случилось), либо захватить и политику, и культуру. Что получится – было не совсем ясно. Разочаровала меня только весна 1967 г. Очень сильным ударом было чтение в апреле романа А. Солженицына «В круге первом». Многое в романе захватывало, радовало, было то самое, что мне хотелось увидеть высказанным, напечатанным. И в то же время… Именно чужое в своем было невыносимо.

---

[1] Романова (Огородникова) Елена Дмитриевна, сотрудник сектора истории ФБОН. – *Прим. сост.*

Началось то направление оппозиционной мысли, которое и сегодня меня глубоко отталкивает… Второй травмой была реакция Москвы на Шестидневную войну. Прага ликовала, в Варшаве интеллигенция завалила посольство Израиля цветами. В Москве вялое и скорее враждебное недоумение.

В 1956 г. я негодовал на Израиль за то, что он расколол мировое общественное мнение в дни будапештского кризиса. Но в 1967 г. не было рабочих советов в Венгрии, не было союза Израиля с Англией и Францией, да и колониализма почти не было… На Синайском полуострове столкнулись демократия и тоталитаризм, и демократия победила. Это было ошеломительно, как победа греков под Марафоном. Но в Москве (за исключением очень узкого круга) не было самого желания свободы, тоски по свободе, радости за успех свободы. По этим впечатлениям легко было предсказать события 1968 г.: всеобщий порыв к свободе в Чехии, движение интеллигенции в Польше, не поддержанное (тогда) народом – и отсутствие всякого движения в России (несколько диссидентских ласточек не делают весны).

Виталий дольше сохранял оптимизм. Помню, он с Василием Николаевичем Романовым пытался созвать профсоюзное собрание для выступления против директора, В.И. Шункова, запретившего вечер Солженицына в нашей библиотеке. Председатель тогда бросил свой колокольчик и таким образом призвал публику расходиться, поскольку повестка дня была исчерпана. Я взял колокольчик и заявил, что собрание продолжается (хотелось довести эксперимент до конца, до голосования резолюции). Кто просит слова?

Заместительнице директора, И. Ходош, пришлось произнести демагогическую речь. Потом я поставил рубинско-романовский вотум недоверия на голосование… Против дирекции голосовали трое – авторы предложения и я; с этих пор нам не платили премиальных. Остальные голосовали по обычным советским нормам.

Следующий раз Виталий вспыхнул, когда Лариса Богораз и Павел Литвинов[1] дали пресс-конференцию иностранным корреспондентам. Помню, это и меня поразило. Но я никак не мог согласиться со словами Павла, что «у щуки выпали зубы». А Виталий был совершенно захвачен. О своих поездках к Павлу он рассказывал с неподдельным энтузиазмом. События в Москве шли так, что для энтузиазма оставалось все меньше места, зато в Праге… Иногда и мне казалось, что Прага вызовет цепной процесс в Восточной Европе, а там – чем черт не шутит…

---

[1] Богораз Лариса Иосифовна (1929–2004), филолог, активная участница правозащитного движения. В 1968–1971 гг. в ссылке; Литвинов Павел Михайлович (1940), физик, педагог, внук М.М. Литвинова, участник правозащитного движения, политзаключенный, в 1968–1972 гг. в ссылке. – *Прим. сост.*

Но наступил август. Оставалось или отказаться от оптимизма, или от своих корней в России. Я выбрал первое, Виталий – второе. Думаю, что и в этом случае, как и в спорах о Конфуции и Чжуанцзы, оба были правы. Тут самое трудное – понять самого себя. Период колебаний занял у меня года два. Он отразился в «Неуловимом образе», в «Двух принцах» и в первых частях «Снов земли». Победило желание – не суетиться, принять свою судьбу во внешнем и двигаться по мере сил внутрь. В этом решении сказалось много обстоятельств. Я не мог представить себя в другом языковом облике. А если за мною всюду потащится русский язык, то зачем, без особой нужды, уезжать из России? Писать пока не мешают. А печататься… Я уже привык, что книги печатаются спустя четверть века. Это отчасти даже хорошо: отсеивается литературная суета. Можно ли писать в гниющем обществе? Можно. Империя, ради которой Сервантес потерял руку, развалилась, а «Дон Кихот» остался, и «Жизнь есть сон» Кальдерона, и Эль Греко, и Сурбаран… Всюду можно вживаться в жизнь до любой посильной тебе духовной глубины. А уникальный исторический опыт утопии – неотразимо привлекателен для историка…

Какую-то роль играли и личные связи, и диалог со спорадически возникавшей аудиторией, и то, что у меня нет детей (которых надо спасти). Все это важно для меня – и совершенно неважно для другого. Виталия неудержимо потянуло туда, где его деятельный, рациональный и гуманный оптимизм получил новый смысл. Я его вполне понимал. Огорчали меня только накладные расходы выбора. Но никто не расходится с женщиной, не вспоминая ее недостатков. Так и с доисторической родиной: с нею нельзя было расстаться, не облив презрением…

Здесь, как и во многих других случаях, о которых я писал, ни у какого личного решения нет монополии на историческую и нравственную оправданность. Истина в каждом случае индивидуальна, для каждого своя. Богу безразлично, в какой угол человек забьется. Важно, чтобы это был его угол, чтобы человек нашел свой дом и в этом доме – тишину и покой для движения вглубь. Дом Виталия нашелся в Израиле. С точки зрения страны, которую Виталий покинул, начавшаяся алия тоже имеет смысл. Распад системы начался с распада оппозиции. Не сумев увлечь народы общей борьбой за права человека, оппозиция стала рассыпаться и наполовину рассыпалась на национальные партии. В обществе, где одна официальная партия и много наций, центробежные тенденции необходимо должны были принять национальный характер. Национальности превращаются в партии – сионизм, сепаратизм и проч. Только маленькое ядро остается верным космополитическим принципам гуманности и прав личности. В новых условиях это ядро все больше отступает на роль всесоюзного политического Красного креста и информационного центра Международной амнистии. Я всем сердцем сочувствовал его бескорыстному служению, но не возлагал на него политических надежд.

Чувствовал ли Виталий трагизм израильской судьбы? Сознавал ли он, что меняет положение узника на положение бойца в гарнизоне осажденной навечно крепости, который может отбивать врагов, делать вылазки, но не может снять осаду?

Одного он не знал бесспорно: что его самого ждет придорожный столб в пустыне Негев и жизнь оборвется мгновенно – без раздумий, сожалений, мук. Легко для него, невыносимо для близких (я испытал нечто подобное и понимаю это). Смерть приходит как вор, и вот уже нет многих, и остаются ненапечатанные статьи, оборванные черновики. Может быть, все мы – Божьи черновики, которые к исходу дня сметают и бросают в корзину. И редко какой лист, написанный начисто, остается на столе.

На эти вопросы никогда не будет ответа. Но каждый человек должен стать самим собой и пройти свой жизненный путь по своей продуманной воле.

Впрочем, размышления опять увлекли меня очень далеко вперед. Вернусь снова (кажется, в последний раз) к началу 60-х. Когда я просто был никто. Так, как сказала Эмили Дикинсон: ты никто, и я никто; значит, нас двое… Значит – просто жизнь. В этой жизни случались скверные анекдоты, глупости, за которые приходилось расплачиваться. Но все это было ничтожно сравнительно с огромной жизнью. Огромной жизнью рядового человека, который ходит на работу, как все, и каждый будничный день снимает табель.

Поступая в штат ФБОН, я уже немного знал буддизм дзен и сформулировал проблему в дзенских терминах: «Можно ли быть буддой, снимая табель?» То есть сохраню ли я внутреннюю свободу, отказавшись от внешней свободы люмпен-пролетария умственного труда, сменив в 1960 г. свободу Диогена на незаметную свободу Канта? Заведующая отделом Софья Иосифовна Кузнецова мне понравилась. Она подбирала способных людей и давала им полную волю – лишь бы работа не стояла. Я сунул голову в хомут и проработал на одном месте 18 лет – до пенсии.

Фундаментальная библиотека открыла мне много возможностей. Это было окно в мир. Несколько лет я осваивал кучу информации, а потом стал перестраивать ее по-своему и написал несколько книг, опубликованных сперва на Западе, а потом и у нас, после перестройки. Правда, выкраивая время на свое, приходилось работать, как почтовой кляче, но радость жизни я не терял, жизнь углублялась и собиралась в пучок за выходные дни – в лесу, летом на даче, осенью у моря…

Дослужившись до пенсии, я уволился, но память о статьях и книгах, прочитанных в Белом зале ФБОН, продолжала жить в моей голове, вступать в новые отношения с новыми фактами, новыми духовными открытиями и с жизненным опытом, который я приобрел в прошлом. То, что во мне сложилось, опирается на память внутреннего сопротивления террору 30-х годов, преодоления страха на войне и борьбы творческого меньшинства с косностью, накопленной веками. Мне хочется оставить в наследство это сочетание тем, кто будет жить в XXI в.

Л.М. Алексеева

УДИВИТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ И ЕГО ДИРЕКТОР

Алексеева Людмила Михайловна (20 июня 1927, Евпатория – 8 декабря 2018, Москва), российский общественный деятель, участница правозащитного движения в СССР и постсоветской России. Одна из основателей Московской Хельсинкской группы (1976), с 1996 г. – председатель Московской Хельсинкской группы. Окончила исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова (1950) и аспирантуру Московского экономико-статистического института (1956). Работала в ИНИОН в 1970–1977 гг. Последняя должность – редактор отдела научного коммунизма.

Не могу похвалиться, что близко знаю Льва Петровича Делюсина, но тем не менее знаю его хорошо. 33 года назад, в 1970 г., не будучи со мной знаком, он сыграл важную роль в моей жизни, совершив неординарный поступок. В качестве директора ИНИОНа (тогда еще – ИНИБОНа) он взял меня на работу.

Спро́сите, почему я называю этот поступок неординарным? Потому что он взял меня на работу как раз за то, за что другие директора мне в приеме на работу отказывали: я тогда была занесена в какой-то «черный» список, поскольку подписала письма в защиту осужденных в феврале 1968 г. самиздатчиков Юрия Галанскова и Александра Гинзбурга. После этого я была уволена с должности научного редактора отделения археологии и этнографии издательства «Наука», и полтора года все мои попытки устроиться хоть на какую-нибудь работу были безуспешными. Знакомые и полузнакомые начальники объясняли мне, что они бы это сделали с удовольствием, но обстоятельства сильнее их.

Поскольку я активно искала работу, то, конечно, слыхала об удивительном учреждении – Институте информации по общественным наукам АН СССР, куда берут и евреев, и диссидентов, но сама туда не обращалась.

К стыду своему, не помню, кто из совсем не близких мне людей спросил: «А к Делюсину вы не пытались устроиться?» Я объяснила, что никого из начальников там не знаю и не хочу соваться к незнакомым людям и заставлять их терпеть неизбежные неприятности в случае, если они займутся моим трудоустройством. «Я сам его тоже не знаю, но у меня есть знакомый, который может его спросить, не возьмет ли он вас», – ответили мне. Я, честно говоря, совсем не была обнадежена этим случайным разговором, даже не вспоминала о нем, и была очень удивлена, когда через несколько дней мой благодетель позвонил и сказал, что я могу принести свою анкету в отдел кадров ИНИОНа.

Меня взяли на должность секретаря-машинистки и определили к заместителю директора Липариту Саркисовичу Кюзаджяну. Кюзаджян, очень галантный мужчина, объяснил, что первые три месяца мне будут давать какие-нибудь материалы на перепечатку. Делать эту работу я должна буду дома, а в ИНИОН показываться как можно реже: взяла работу, сдала работу – и ушла. И чтобы по возможности никто не знал ни в институте, ни за его стенами, что я зачислена в штат ИНИОНа. Три месяца – это испытательный срок, в течение которого человека можно без хлопот уволить как не подошедшего по деловым качествам.

Разумеется, я строго хранила тайну своего поступления на работу. Однажды, придя в ИНИОН, я встретила в коридоре довольно близкого знакомого – он пришел туда в библиотеку. На его вопрос, что я тут делаю, я соврала, что тоже пришла в библиотеку. Три месяца прошли благополучно. Видимо, никто не засек факта моего зачисления в штат ИНИОНа: работники отдела кадров из КГБ или не обратили внимания на какую-то Алексееву, зачисленную на весьма скромную должность, или были заодно с директором, давшим распоряжение об этом зачислении. Так или иначе, чекисты меня проворонили, и через три месяца я смогла объявиться в институте открыто. Я по-прежнему состояла при Липарите Саркисовиче, но теперь он сказал, что, формально находясь на той же должности, я буду редактором институтского журнала, где он, Кюзаджян, определен главным редактором. Журнал только замышлялся, и я должна была формировать его первый номер – подбирать материалы, редактировать их, предлагать рубрикацию и т.д. Работа была интересная, и я после долгого периода случайных подработок была просто счастлива заняться настоящим делом. Но, увы, этот журнал так и не вышел в свет: наверху подули какие-то суровые ветра, и Лев Петрович решил оставить директорское кресло. Что там было на самом деле, я не знаю, но в институте говорили, что в свое время Делюсин согласился быть директором на условии, что сам будет подбирать ведущих сотрудников института, и оставался на своем посту, пока сверху это условие соблюдалось. Но к 1972 г. оно было нарушено, и Делюсин решил уйти. Видимо, он с самого начала понимал, что его директорство не будет продолжительным.

Это тоже был не такой уж ординарный поступок. Уход с директорского поста в научные сотрудники означал потерю благ, которые быстро становятся привычными: машина с шофером, секретарша, а в то время, наверное, и какой-нибудь спецмагазин, чтобы не стоять в очередях за самым необходимым. Директор издательства «Наука», которому пришлось меня увольнять, честно объяснил мне, что делать это ему очень неприятно и даже тяжело. Но ведь если он откажется это сделать, он потеряет директорское место со всеми прилагаемыми к нему благами, к которым он очень привык, а мне все равно не поможет: тот, кто придет на его место, тут же меня уволит. Я нисколько не осуждаю этого человека – все доводы, которые он мне изложил, были абсолютно правильными, но Львом Петровичем я восхищалась и восхищаюсь именно за то, что он действовал по совести, вопреки такой логике.

Я впервые увидела Льва Петровича в самые последние дни его пребывания в институте. Я обратилась к нему по какому-то поручению Кюзаджяна, связанному с журналом. Увидев меня перед собой, он с усилием отключился от дела, которым был занят, и сказал: «Да, а с Вами как быть? Вот что, пожалуй, я переведу Вас сейчас же в отдел к Якову Михайловичу Бергеру – это будет надежнее». И я оказалась в отделе, который назывался не как-нибудь, а «Отдел научного коммунизма». Название было чисто оруэлловское – по тому же принципу, по которому в романе Оруэлла «1984» Министерство пропаганды называлось Министерством правды. В отделе научного коммунизма ИНИОНа делались переводы со всех европейских языков статей и книг с критикой советской идеологии и советской действительности. Разумеется, переводы эти не публиковались в открытой печати, а изготовлялись только для того, чтобы ответственные товарищи из ЦК КПСС могли ознакомиться с этой критикой, если пожелают. Такое желание посещало очень немногих из них, и притом очень редко, но сотрудники этого отдела, а также их родственники, друзья и знакомые, а то и знакомые родственников, друзей и знакомых с огромным интересом читали всю эту запретную литературу, для их удобства переведенную на русский язык.

В этом отделе я проработала семь лет, вплоть до эмиграции в 1977 г. За всю мою жизнь у меня не было другого такого замечательного места работы. Я не знаю, каким был весь ИНИОН, но отдел научного коммунизма и после ухода Л.П. Делюсина с поста директора жил прежней жизнью, прикрываемый своим начальником Я.М. Бергером от житейских и политических бурь. Возможно, в этот заповедник институтских нравов времен директорства Делюсина его заботами была переведена не только я, но и другие изгои советского общества, но так или иначе в тесных комнатках отдела научного коммунизма в полный голос велись разговоры в точности такие же, как на дружеских посиделках на московских кухнях, и ни одного случая доноса не было. Мои сослуживцы приносили мне очень ценные материалы для информационного бюллетеня московских правозащитников «Хроники текущих событий», за что тогда полагался солидный лагерный срок. При этом работали мы честно – работы было много, так как зарубежной критики в адрес СССР хватало. Сотрудники отдела были людьми высококвалифицированными и порядочными, к тому же они очень ценили возможность работать в ИНИОНе, и именно в этом отделе. Так что отдел научного коммунизма на протяжении многих лет после ухода Делюсина из института оставался нерукотворным памятником бывшему директору.

М.А. Чешков

ТРИ ГОДА РАБОТЫ В ФБОН

Чешков Марат Александрович (15 сентября 1932, Москва – 5 мая 2016, Москва). Окончил с отличием исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова (1955). Специалист по истории Вьетнама, общим проблемам развивающихся стран, мир-системному анализу. Кандидат экономических наук (1965), доктор исторических наук (1985). В 1964–1966 гг. – библиограф ФБОН АН СССР.

Мне довелось работать в ФБОН с 1964 по 1967 г., и я считаю, что пребывание здесь было незаменимо для моего дальнейшего научного развития. Работал я в двух отделах. Это в первую очередь отдел каталогизации, возглавляемый Софьей Константиновной Виленской, и отдел, занимающийся Востоком, которым руководила Софья Иосифовна Кузнецова.

Попал я сюда случайно и вот какими судьбами. Я закончил в свое время истфак МГУ специалистом по Вьетнаму, но затем, поскольку меня не удовлетворяло мое историческое образование, поступил в аспирантуру экономического факультета. Но свою кандидатскую диссертацию о вьетнамской буржуазии писал уже в лагере (мне очень помог посылкой материалов мой научный руководитель академик Александр Андреевич Губер), куда угодил в 1957 г. по делу Л. Краснопевцева[1]. Там у меня была возможность заниматься этим делом после нашего семи-восьмичасового рабочего дня. Когда я вышел оттуда в октябре 1963 г., текст диссертации у меня уже был готов.

---

[1] По делу аспиранта и секретаря комитета ВЛКСМ исторического факультета МГУ Л.Н. Краснопевцева («делу историков») 14 августа 1957 г. было арестовано девять человек – преподавателей и аспирантов МГУ, которым были инкриминированы участие в создании антисоветской группы и антисоциалистическая деятельность.

Сразу после возвращения из лагеря мне удалось поступить во вьетнамскую редакцию издательства «Прогресс», где мы занимались изданием работ Н.С. Хрущёва на вьетнамском языке.

После его удаления от власти наши труды перестали быть нужны, и я оказался без работы. Не помню уж точно, кто меня познакомил с Софьей Константиновной Виленской, которая с помощью и при содействии Инессы Александровны Ходош пошла к В.И. Шункову и уговорила его взять меня на работу. Я думаю, что это было довольно трудно сделать, потому что и так тогда здесь было достаточное количество всяких «идеологических калек» – репрессированных, диссидентов и т.д. Меня зачислили в отдел каталогизации, и там я проработал в общей сложности около двух с половиной лет. Именно тогда я по-настоящему понял, насколько полезно для научного сотрудника первоклассное информационное «питание».

Я попал в очень хороший, просто великолепный, на мой взгляд, коллектив, который создала Софья Константиновна, где работа была четко организована, и не было ни интриг, ни подсиживаний. Все работали прекрасно. Не могу назвать ни одного человека (может быть, за исключением одного-двух), который бы из этого коллектива выбивался. Помню, перед диссертацией, которую я защитил в 1965 г., когда я был слишком занят своими делами и несколько запустил работу, Софья Константиновна мне сделала очень вежливое, но строгое замечание, которое на меня сильно подействовало. Я считаю, что мне очень повезло в том, что довелось работать в этом коллективе.

Заниматься рубриками предметного каталога было очень интересно, но не менее интересной была и работа для отдела Востока, где я в первую очередь сотрудничал с А.В. Гордоном. Помню, там потом работали Ю.И. Комар, А.И. Фурсов, С.М. Макарова. Та работа, которую вел этот отдел по составлению реферативных сборников, мне очень нравилась. Я вообще считаю, что наше востоковедение, наука, занимающаяся развивающимися странами и «третьим миром», без этих РЖ не смогла бы стать тем, чем она стала сейчас. Я бы даже сказал, что усилия этой реферативной группы во многом способствовали становлению той линии в нашем отечественном востоковедении, которую можно назвать теоретическим востоковедением и которая до этого у нас совершенно отсутствовала. Оценивая их так высоко, я исхожу из того, что, по моему мнению, страноведческий принцип, преобладающий и сейчас в нашем востоковедении, в значительной степени устарел, хотя он и постоянно возобновляется за счет основанного на нем востоковедческого образования и информознания. Реферативные же издания этой группы в значительной степени способствовали созданию теоретического корпуса отечественного востоковедения.

Имея дело непосредственно с первоклассным западным материалом, эти издания давали и новую информацию, и аппарат научных понятий, категорий. А это было очень важно, потому что наше мышление в категориальном отношении было очень аморфным, и эти издания, калькируя, или просто буквально перенося западные понятия на нашу почву, приучали нас к тому, что научное знание о Востоке – это знание комплексное, категориальное, объединяющее знание о доколониальном, колониальном и послеколониальном Востоке. Поэтому, я думаю, они могут рассматриваться как существенный шаг в становлении того, что уже в то время стало называться науковедением в области социально-гуманитарного и философского знания. Эта линия востоковедения у нас раньше по существу отсутствовала, и для ее введения этот отдел сделал очень многое.

Особенно полезной для меня была работа с А.В. Гордоном, который всегда стремился, чтобы мы в своих рефератах делали акцент на процесс и структуру самого знания. Помню, я писал рефераты по работам И. Валлерстайна, которым много занимался и А. Фурсов. Это сотрудничество развивало у меня интерес к структуре самого знания, и именно тогда меня стали интересовать проблемы науковедения.

Наши рефераты позволяли рассматривать научное знание самостоятельно и в связи со знанием философским, что особенно проявилось в рефератах и собственных трудах Г.С. Померанца, который умел очень хорошо связывать знание Востока и философское знание современного Запада. Е.Б. Рашковский интересно рассматривал востоковедческую тематику через призму идей сначала А. Тойнби, а потом В.С. Соловьёва.

Таким образом, реферативная работа этой группы стала одним из важных факторов в нашем отечественном научном сознании, источником синтетического, комплексного знания. Она соединяла те идейные импульсы, которые шли с Запада, и те представления, которые складывались в нашем научном сознании. Западный идейный материал осмысливался сотрудниками этой группы в таком ключе, который давал возможность перебросить мостик между западной и отечественной наукой, что способствовало существенному сдвигу в нашем научном познании.

К сожалению, как таковая теоретическая ветвь впоследствии так и не оформилась в нашем востоковедении, несмотря на то, что для этого многое делали такие ученые как Г. Ким, И. Рейснер, Л. Васильев, А. Меликсетов и другие. Хотя это направление все же имело влияние, отчасти проявившееся в ИМЭМО, куда после перестройки перешла группа сотрудников Института востоковедения. Некоторые проблемы теоретического востоковедения оставались открытыми и в новых рамках. В первую очередь речь идет о соотношении Востока и «третьего мира», обоих этих исторических миров в современной (XX век) мировой системе, о балансе специалистов и теоретиков в этих новых организационных рамках.

Несмотря на краткосрочность этого периода в моей жизни, я считаю его очень полезным для себя и своего дальнейшего научного развития во время последующей работы в ИМЭМО.

Я.М. Бергер

ИНИОН В МОЕЙ СУДЬБЕ

Бергер Яков Михайлович (12 сентября 1929, Уфа – 31 декабря 2016, Москва). Окончил Московский институт востоковедения по специальности «Китайский язык» (1952). Кандидат географических наук (1962), доктор исторических наук (1987). Работал в ФБОН – ИНИОН в 1970–1997 гг. и 1999 г. Специалист по экономике современного Китая. В 1970–1990 гг. – заведующий отделом научного коммунизма, в 1990–1997 гг. – главный научный сотрудник отдела Азии и Африки.

В ИНИОН меня привела довольно долгая жизненная дорога. Уже много лет я изучаю Китай, но как раз китаистом я и не собирался быть. В школе мечтал заниматься математикой. Потом так получилось, что на нашу школу не дали золотой медали, дали три серебряных и, чтобы ее получить, надо было пойти на снижение какой-либо одной оценки, кроме сочинения по литературе (в этом случае и серебряной медали не полагалось). Мне оценку снизили как раз по математике. И математическая дорога оказалась для меня закрытой.

Мой товарищ и соученик Юра Новгородский решил пойти учиться в Институт востоковедения, поскольку у него там преподавал отец, и он пригласил меня с собой. Для поступления достаточно было сдать только немецкий язык, все остальное засчитывалось без экзамена, а с немецким у меня проблем не было. Я спокойно сдал экзамен и уехал отдыхать.

Уже потом я понял, что этот институт принципиально не предназначался для меня и мне подобных, в том числе и по зрению, но, главным образом, в силу пресловутого пятого пункта в анкете – национальность. В те годы евреев не принимали во многие институты. В дирекции института меня всячески стали уговаривать, чтобы я забрал документы, но я оказался достаточно упрямым молодым человеком. В результате меня все-таки приняли в

Московский институт востоковедения, который я благополучно закончил в 1952 г. Несколько позже мой институт закрыли, а недоучившихся студентов перевели в МГИМО.

На комиссии по распределению всем моим товарищам по выпуску предложили работу по специальности: кого в МИД, кого во Внешторг, кого в ТАСС, кого на радио. Мне же, с моим красным дипломом, предложили ехать преподавать английский язык школьным учителем в какую-то тьмутаракань, от чего я отказался, полагая себя по праву профессиональным китаистом, на подготовку которого государство затратило немалые деньги. Я попытался поступить в аспирантуру Института востоковедения АН СССР по древней истории. Сдал три экзамена (английский и китайский языки и специальность) на пятерки, но по марксизму мне поставили четверку. Когда я поинтересовался почему, мне ответили, что это вполне хорошая оценка. И этого было достаточно, чтобы «отфутболить» меня от аспирантуры. Я остался без распределения и без возможности продолжить учебу.

Оказавшись без постоянной работы (а это был 1952 г. и надежды на скорое трудоустройство не было), мне пришлось пробавляться случайными заработками: переводами, рефератами. Я уже был женат, супруга училась на пятом курсе и была беременна, так что позарез нужно было добывать пропитание. К счастью, бывший мой институтский преподаватель по военному переводу И.В. Меньшиков подсказал мне обратиться в ВИНИТИ, который издавал реферативные журналы по естественным наукам. Меня там приютили, и я стал зарабатывать там неплохие по тем временам деньги.

Я занимался реферированием работ китайских ученых по математике, биологии и другим естественным наукам, которых, конечно, толком не знал. Поэтому ходил в Ленинскую библиотеку, в научный зал, где набирал необходимую литературу, «въедался» в надлежащую проблему, осваивал термины, понятия и, таким образом, более или менее сносно писал рефераты.

Так продолжалось года полтора. Потом, после того как в марте 1953 г. скончался «отец народов» и было прекращено «дело врачей», грозившее мне и моим соплеменникам как минимум высылкой из Москвы, меня встретил на лестнице сосед по подъезду, известный геоморфолог, который знал меня с детства. «Ты все еще без работы? – спросил он. – Хочешь устроиться в Институт географии? Есть вакансия младшего научно-технического сотрудника на 83 руб., пока не в штате, но с осени могут взять в штат». «Конечно!» – без колебаний ответил я, плохо еще понимая, что мне предстоит, хотя по диплому и числился страноведом по Китаю, и, стало быть, какими-то начатками географических знаний располагал.

Первое время в Институте географии я занимался переводами с китайского для монографии по физической географии Китая, которую готовили мои старшие коллеги, самостоятельно добывая литературу, где только было можно. Но довольно скоро перестал довольствоваться только этим. Начал писать статьи, работал с китайскими делегациями, стал публиковаться в сборниках, в журнале «Известия» АН географической серии, принимал участие в научных конференциях, а затем и выступил на Международном географическом конгрессе в Киеве.

В институте работали специалисты, которые занимались геоботаникой, геоморфологией, зоогеографией, гляциологией и другими естественно-научными дисциплинами. К пришельцам из иного научного мира, к чужакам, которые не оканчивали геофака, относились напряженно. Особо там не любили чистых экономистов. Правда, экономгеографов еще терпели, поскольку они только наполовину гуманитарии. А у меня ситуация была еще сложнее: вместо общераспространенного географического образования было малопонятное страноведческое. Ведь я о географии раньше не помышлял, скорее, историей заниматься хотел. Вот и пришлось грызть гранит новой для себя науки с самых азов.

В 1957 г. заместитель директора института, великолепный ученый и прекрасный человек, Эдуард Макарович Мурзаев, предложил мне поехать в Китай в составе возглавляемой им совместной китайско-советской комплексной экспедиции в Синьцзян. Я был самым молодым в советской части экспедиции, состоявшей всего из восьми человек. Но среди значительно более многочисленной китайской части было немало юношей и девушек, еще моложе меня, только что закончивших университет, с которыми я много общался и сдружился. Экспедиционный быт этому сильно способствует. Общался и с местным населением, среди которого были не только ханьцы, но также уйгуры, казахи. Некоторые из них в 1930-х годах бежали от раскулачивания и коллективизации из СССР. Позже они попали под такой же каток в Китае.

Для меня экспедиция была великолепной профессиональной школой, о которой можно было только мечтать. Там мне – начинающему исследователю – высококлассные специалисты разъясняли основы работы на местности и разные естественно-географические премудрости.

В 1958 г. удалось мне в Китае поработать еще раз, на стажировке в Институте географии Академии наук Китая. Там меня очень хорошо приняли, вплоть до того, что я имел свой ключ от библиотеки и мог брать с полок любую книгу. Много пользовался и статистикой. В результате удалось собрать достаточное количество неплохих материалов.

Однако поездка в 1958 г. в Китай меня сильно выбила из колеи. Перед этим я подрядился писать в издательстве «Географгиз» книгу – «Очерки по географии экономики и населении Китая», которую планировалось издать к десятилетию КНР в октябре 1959 г. Я попал в Китай в момент огромных потрясений: «большого скачка», образования коммун. Мне удалось проехать чуть ли не весь Китай с севера на юг и с востока на запад и многое повидать. Я увидел воочию невероятные идеологические и политические эксперименты. С одной стороны, огромный энтузиазм народа, а с другой – использование этого энтузиазма не в лучших целях. Везде в Китае висел лозунг: «Три года упорного труда, десять тысяч лет счастья». Упорный труд, действительно, был. Пытались увеличить урожай, разрыхляя не только почву, но и подпочву на большую глубину. Строили в каждом дворе печи, стремясь догнать Америку по выплавке чугуна и стали. Отказывались от семейного быта, желая быстрее шагнуть в коммунизм. Но вместо счастья получили жесточайший повальный голод, истребивший десятки миллионов людей. Все это не могло не потрясать, психологически воспринимать происходящее в стране стало сложнее.

Диссертацию я закончил только в 1962 г. К этому же периоду относится и мое знакомство с Львом Петровичем Делюсиным, который впоследствии принял меня на работу в ИНИОН. Это знакомство случилось при чрезвычайных, можно сказать, почти трагических для меня обстоятельствах.

Дело было в сентябре 1962 г. После многомесячных и многолетних творческих и нетворческих мучений я, наконец, как говорят, «вышел» на защиту кандидатской диссертации. В те времена это означало не только операции по подготовке собственно опуса (написание, перепечатку на машинке, облачение в переплет и т.д.) и автореферата, но еще и публикацию в газете объявления о времени и месте защиты, дабы каждый желающий и просто прохожий мог зайти на заседание ученого совета и высказать все, что думает по поводу подзащитного и его творения, а возможно, и прочие важные мысли.

Вот ласкающее глаз объявление появилось в газете (а нужно было отстоять немалую очередь из жаждущих получить «корочку»).

Все остальное тоже в ажуре: кворум совета после летних отпусков набирается, отзывы оппонентов тешат самолюбие, и даже деньги на скромный фуршет отложены. И тут как гром среди ясного неба: сразу после публикации, за две недели до торжества, институтское начальство с прискорбием сообщает, что моя защита отменяется. Защита моего напарника (кандидатские рассматривались на одном совете попарно, а докторские – поодиночке) Володи Котлякова[1], позже академика и директора того самого академического Института географии, в котором вся эта драма происходила, состоится, а моя, увы, нет. Придя как-то в себя после ошеломляющего удара, начинаю, запинаясь, расспрашивать. Отводят глаза, говорят что-то невнятное. Как мне-то быть, говорю, ведь объявление, люди придут, возможно. В ответ – как-то загадочно: вот этого-то как раз мы и не хотели бы. Ты скажись больным, бюллетеня не нужно, а на совете мы объявим, что диссертант заболел, защита откладывается, пока до выздоровления, а там видно будет. Последнее настораживает. Все же непонятно, зачем нужно откладывать. Да еще притворяться больным…

Ощущая смутную, но неотвратимо надвигающуюся угрозу, прилагаю максимум усилий, использую все свои возможности, а главное – доброе расположение кое-кого из институтского и академического начальства, чтобы все-таки понять, что, в сущности, происходит. И наконец, тайное приоткрывается (как потом выяснится, далеко не полностью). Оказывается, защита отменена по прямому распоряжению (правда, устному, по телефону) ни больше ни меньше, как Главного ученого секретаря Академии наук СССР академика А.В. Топчиева, и пока это указание в силе, никакой защиты быть не может. Трудно вообразить глубину моего искреннего недоумения: с чего это вдруг столь высокому чиновнику, озабоченному грудой государственных и научных проблем, понадобилось заниматься кандидатской диссертацией какого-то заштатного младшего научного сотрудника? Но ничего путного сообразить не могу.

Опять к друзьям: помогите понять, что происходит. И тогда один из них, Александр Григорьевич Яковлев, светлая ему память, надоумил: не иначе как без ЦК дело не обошлось. А кто может там знать что-нибудь? Обратись ко Льву Петровичу Делюсину, он там важный пост занимает – консультант, может, ему удастся что-то разузнать. Да я с ним незнаком, неловко как-то. Ладно, соглашается Саша Яковлев, я попрошу его принять тебя, а ты потом ему позвони, вот телефон. Звоню дрожащим голосом. Лев Петрович отвечает: приходи сразу, у тебя партбилет с собой? Начинаю мяться, дескать, с собой нет. Постеснялся сказать, что вообще-то я не член партии. Хорошо, говорит, пройдешь по паспорту, зайди сначала в бюро пропусков. Прихожу, рассказываю всю историю. Лев Петрович внимательно выслушал, с лица помрачнел, но пообещал разузнать и позвонить. На следующий день звонок: заходи, узнал. Прихожу ни жив ни мертв. Смотрит на меня Лев Петрович и жестким голосом говорит: дело, в общем, обстоит плохо. Топчиеву с требованием отменить защиту звонил сам Фрол Романович Козлов, секретарь и член Президиума ЦК КПСС. Ошарашенный, спрашиваю: а ему-то я зачем?

---

[1] Котляков Владимир Михайлович (1931), географ, академик РАН (1991). – *Прим. сост.*

И тогда выясняется вся глубина моего политического невежества. Оказывается, за время, пока я колупался со своей диссертацией, произошли важные перемены не только в советско-китайских отношениях, которые стали много хуже, чем были, но и, что еще более для меня важно, в том регионе, который был непосредственным объектом моих исследовательских усилий, в Синьцзяне. Чуть ли не восстание там супротив китайских властей, с жестоким подавлением и переходом тысяч уйгур и казахов через границу к нам, в страну дружбы и братства народов.

Нельзя сказать, чтобы я совсем не ведал обо всех этих переменах, но как-то не связывал их со своей собственной судьбой. Дело в том, что диссертация моя не имела ни малейшего отношения к политике. Называлась она добротно и скучно: «Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР: экономико-географическая характеристика». И касалась она таких далеких от политики сюжетов, как природные ресурсы региона, размещение производства и тому подобное. Использовались в основном те материалы, которые мне посчастливилось собрать, принимая участие в уже упомянутой экспедиции в 1957 г. и во время последующей стажировки в Институте географии АН КНР в 1958 г. Политика конечно же не была мне чужда и в те годы. И многое я видел тогда в Китае, что, мягко говоря, не вызывало восторга. Были и лагеря в синьцзянских пустынях для трудового перевоспитания лиц, неугодных властям и высланных из внутреннего Китая, и преследования местных «националистов», и разжалованные в уборщицы «правые» интеллигенты… Но все это никак не входило в содержание диссертации. За что же кара? При чем здесь защита?

Ну как ты не понимаешь? Объявление о защите подогрело ажиотаж в некоторых иностранных посольствах и у некоторых иностранных журналистов. И без того твердят об особом интересе Советского Союза к Синьцзяну, даже о подготовке аннексии. А тут, как на грех, твоя защита, лишнее подтверждение тайных планов. Что бы ты там ни написал в своей диссертации, очень она не ко времени.

Что же теперь делать? А ничего, напишешь другую диссертацию. Трудно передать чувства, охватившие меня при этом совете. На диссертацию я убил три года очень непростой жизни. Помимо обычных терзаний каждого диссертанта мне еще пришлось вникать в чуждую для меня науку. Ну а на защиту возлагались самые радужные чаяния. Выбиться из нищеты – это раз. То есть с зарплаты мэнээс без степени в 120 р. подняться до зарплаты мэнээс со степенью в 200 р. И во-вторых, на ту же разницу купить в рассрочку кооперативную квартиру. Жить в 17-метровой комнате в коммуналке с женой и двумя детьми было тяжеловато. Диссертацию приходилось писать по ночам на кухонном столе. И вот все мечты одним махом порушены, скорее всего – навсегда.

Должно быть, все эти переживания отразились на моей физиономии. Помолчав немного, Лев Петрович уже более мягко сказал: ну подожди немного, не отчаивайся. Тут у нас есть один уйгур – Турсун Рахимов, он отвечает за национальные отношения в Китае и за твой Синьцзян тоже. Поговорю с ним, может, он что-нибудь придумает. Давай твой телефон, позвоню.

Без всякой надежды вернулся домой, отводя взгляд от вопрошающих глаз жены. Делать дома было нечего. В институт не ходил, поскольку не велено. Оставалось ждать, хоть и понимал, что шансы на благополучный исход почти нулевые.

И вдруг на следующий день звонок. Лев Петрович: ну все в порядке, будешь защищаться на закрытом совете, начальство твое в курсе, иди, согласовывай детали. Не могу вспомнить, что со мной тогда творилось. Сказал ли спасибо или онемел от неожиданности. Точно знаю только, что о подробностях не спрашивал: с домашнего телефона не принято было. Так и не узнал, побеспокоили ли лично Фрол Романыча или как-то обошлись без него.

Полетел, как на крыльях, в институт. С надрывом в голосе спрашиваю: как насчет защиты моей, что-нибудь слышно? Улыбаются: слышно, через две недели будешь защищаться на закрытом совете. Ступай, предупреди оппонентов. Я – к ним. Один, как штык, готов соответствовать, а со вторым – неожиданная загвоздка: заболел вдруг – то ли взаправду, то ли ввиду сомнительности ситуации. Срочно нужен третий, не трусливый и не больной. Но эта проблема, слава Богу, разрешилась тотчас. Третьим быть согласился тот самый Эдуард Макарович Мурзаев (заместитель директора института, известный географ, руководитель советской части Синьцзянской экспедиции, благодаря которому я и попал в эту экспедицию и который много способствовал там, прямо в поле, моему географическому образованию).

Защита прошла как по маслу, без сучка и задоринки. Народу было много, все мне сочувствовали и говорили всякие приятные слова. Никого, конечно, не смущало, что открытая диссертация вдруг стала закрытой. Никому не пришло в голову ставить на ней какой-либо запретительный гриф. Она как была, так и осталась в открытом доступе в родной Ленинской библиотеке, и никого это не волновало. Декорум соблюден, чего же еще? Членами закрытого ученого совета были те же уважаемые ученые, что и открытого. Все имели допуск. Кроме меня, защищавшего свою открытую работу на закрытом совете.

Не знаю, как сложилась бы дальше моя судьба, если бы не эта защита. В итоге ведь состоялась защита не только диссертации, но, что еще более важно, защита маленького человека от бездушной партийно-государственной машины, которая готова была его раздавить во имя высших интересов.

Впоследствии через много лет Лев Петрович был причастен к защите мной и докторской диссертации, уже не географической, а исторической и не столь аполитичной, как кандидатская, на сей раз вполне официально, в качестве председательствующего на ученом совете в Институте востоковедения. Надзиратели за китаеведческой проблематикой в родном ЦК партии еще не перевелись полностью, и время от времени они давали себя знать, но столь грубого вмешательства в дела научные они себе позволить уже не могли: пришли иные, перестроечные времена.

Кандидатскую диссертацию я, таким образом, защитил, но в то время наши отношения с Китаем окончательно испортились. Экспедиций и командировок в страну больше не было, с материалами стало совсем худо. А кроме того, хотя я был уже мэнээс – кандидат наук, и получал ощутимую прибавку к зарплате, денег все равно катастрофически не хватало: поскольку в семье уже второй ребенок появился, а перспектив выйти на должность старшего не было. И мой тогдашний руководитель, имя которого мне не хотелось бы называть, предложил резко переменить область моих занятий: перейти в закрытый отдел, который занимался прикладными географическими исследованиями для военных целей, занявшись уже не Китаем, а Европой, Англией. Полгода я пытался освоить новое для меня дело. Но эта работа оказалась недолгой и не пошла впрок. Мой патрон, очень хороший человек, в прошлом советский разведчик, работавший в Италии, к сожалению, скончался, и я остался у разбитого корыта.

При каждом академическом институте функционировал такой закрытый отдел. Он был и при ИМЭМО, там работали многие отставные генералы, полковники. Наш отдел при Институте географии находился с ними в одном и том же особняке, располагавшемся в самом центре Москвы.

Вскоре после моих неудачных попыток найти себе новое поле деятельности, в 1965 г., возникла еще одна весьма хитрая структура. Она называлась отделом истории, хотя как раз к истории этот отдел не имел никакого отношения, а, напротив, был нацелен на изучение сугубо современного Китая. В конспиративных целях его создали при Институте экономики мировой социалистической системы АН СССР, но работал он на ЦК КПСС, вернее, на его аппарат. Поэтому и был создан по решению ЦК, но формально в системе Академии наук.

Туда набрали несколько десятков китаистов, всех после очень тщательной проверки в КГБ. Я вообще сильно сомневался, что меня туда примут, по разным обстоятельствам, в том числе описанным выше, но почему-то взяли. О новом отделе мне сообщил все тот же Юра Новгородский, мой товарищ по школе и Московскому институту востоковедения. Он убедил меня шансом получить, наконец, должность старшего научного сотрудника, которая мне остро была нужна. Привлекала и перспектива заняться чем-то новым за рамками географии. Так мой друг еще раз определил поворот в моей жизни.

В то время все более обострялись идеологическая борьба и полемика между нашим и китайским ЦК партии. Нужен был орган, который поставлял бы некие теоретические аргументы для такого рода схватки. Поэтому и был создан закрытый отдел под руководством известного китаиста и дипломата Сергея Леонидовича Тихвинского. Разместили его сначала в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, где ранее базировался Коминтерн, около киностудии им. Горького. Проход к нам преграждали два милицейских кордона. Тем не менее в отделе господствовала камерная, приятельская атмосфера, поскольку собрались там коллеги, давно знакомые друг с другом. Приятную обстановку хорошо дополняли прекрасная цековская столовая и некоторые другие блага.

Нашим патроном был так называемый Отдел ЦК (известное здание на Новой площади в Москве, где теперь располагается Администрация Президента РФ, пятый подъезд, четвертый этаж), который так именовался тоже в интересах конспирации. Фактически он занимался социалистическими странами, но в его названии были и еще какие-то слова, типа «руководства революционным процессом» или что-то в этом роде, которые нельзя было вслух произносить, поэтому его именовали просто «Отдел ЦК». В его составе был и сектор Китая. Международный же отдел ЦК, располагавшийся этажом выше, ведал капиталистическими и развивающимися странами и на него работал ИМЭМО. Отдел ЦК в свое время возглавлял Андропов, который потом ушел в КГБ. Заместителем Андропова как заведующего отделом был Олег Борисович Рахманин. Именно он и его ближайшие помощники курировали всю тематику Китая в нашей науке и политике, и их позиции определяли в то время и значительно позже тональность всех публикаций по Китаю. Недавно вышла книга А.В. Лукина, где многое рассказывается о том, как цензурировали все публикации.

Спустя год, в 1966 г., наш отдел был реорганизован в Институт Дальнего Востока АН СССР, и мы переехали сначала в красное кирпичное здание на улице Кржижановского, а потом – в большой дом на Нахимовском проспекте, д. 32. Новый институт возглавил Михаил Иосифович Сладковский, человек очень непростой судьбы. Я с ним познакомился еще студентом, когда он занимал пост начальника Восточного управления Министерства внешней торговли, а у нас преподавал экономику Китая. В момент создания ИДВ он занимал пост заместителя заведующего Отделом ЦК КПСС. Мои попытки привлечь к руководству институтом Льва Петровича Делюсина не увенчались успехом.

Статус института оставался полузакрытым, хотя блага, которыми мы пользовались, находясь в помещении Института марксизма-ленинизма, канули в Лету. Но в здание института провели линию спецсвязи, и на столе М.И. Сладковского стояла так называемая «вертушка», по которой он напрямую, без посредников мог связываться со всей номенклатурой, номера спецтелефонов которой были включены в особую постоянно обновляемую книжицу. Существовала в институте и должность заместителя директора по режиму.

Историей Китая, как я уже сказал, в ИДВ особо не интересовались. Вернее говоря, интересовались выборочно, например, в связи с территориальными претензиями Китая к России или применительно к истории КПК и ее руководства. Но в основном занимались политикой, экономикой, культурой, международными отношениями современного Китая. Главной же темой была развертывавшаяся в Китае в то время «культурная революция». Историю в более широком плане изучали другие институты, например отдел Китая в Институте востоковедения АН СССР, которым одно время руководил Л.П. Делюсин. Историческим исследованиям основательно способствовала также Синологическая библиотека, которая располагала великолепными фондами и отлично справлялась со своими библиографическими обязанностями, вела всю информацию по исторической литературе. По современному же Китаю долгое время почти не было никакой литературы, ни китайской, ни русской. Моя брошюра «К событиям в Китае», написанная под псевдонимом Я. Михайлов в соавторстве с двумя моими коллегами Б.Н. Занегиным и А.М. Григорьевым и вышедшая в 1967 г., была, пожалуй, первой за долгий период более или менее содержательной публикацией о процессах, происходивших тогда в современном Китае. Потом ее перевели на несколько языков.

В Институте Дальнего Востока мне предложили возглавить сектор информации, и я стал создавать систему информационных изданий. Поскольку это был новый институт, все в нем начиналось с нуля. Мы выпускали более или менее регулярно два информационных бюллетеня. Один был посвящен, скорее, текущей информации. Второй – аналитический. Никаких образцов подобного рода изданий тогда не было. Выпускались, правда, библиографические бюллетени-указатели и реферативные сборники ФБОН, но у нас было нечто иное. Не существовало еще никакой координации информационной работы по линии Академии наук, связей, обменов. Все возникало спонтанно. Во время «культурной революции» в Китае появилось большое количество первичных документов: хунвейбиновских листовок, газет, материалов радиоперехвата, и нужно было с ними работать, обрабатывать для директивных органов и собственной научной работы.

Я начал тогда уже было писать докторскую диссертацию по «культурной революции», но загруженность была очень большой. Особенно после того, как меня перевели на должность заведующего сектором общих проблем, который специально занимался аналитической работой, анализом ситуации в Китае, написанием разного рода аналитических записок.

Несколько раз я участвовал в коллективной подготовке официальных документов. Часто такая работа происходила вдали от московской жизни, на загородных правительственных дачах. Мы обрывали все связи с Москвой, жили там, работали с утра до вечера, а для расслабления смотрели иногда по вечерам лучшие зарубежные фильмы, которые нам специально туда привозили и которые в обычный прокат не пускали. Естественно, проживание, а также еда и выпивка были бесплатными.

Сложившейся постоянной группы для такого рода работы не существовало, каждый раз создавали новый коллектив. Там были не только китаисты, но также профессионалы-идеологи, международники. Китаисты были как из Отдела ЦК, так и из нашего института.

Мы готовили промежуточные черновые варианты, куски текста, делали заготовки. Это была многоступенчатая, аккордная работа, в процессе которой многократно обговаривались структура документа, распределение по разделам. Приезжали все более высокие чины, и каждый вносил свою правку, свою лепту. Я до стадии готового текста никогда не добирался.

Выходил результат наших трудов в виде открытого письма ЦК «городу и миру», где излагалась оценка советским руководством ситуации в Китае и обращение к международному коммунистическому движению.

В группе происходило естественное общение, не всегда, впрочем, приязненное. Нас всех объединяло одно: отвращение к тому политическому и идеологическому режиму, который господствовал в то время в Китае и который, по крайней мере, кто-то из нас более или менее правомерно отождествлял со сталинским режимом. Борьба с таким режимом и была лично для меня главным духовным стимулом. Но во всем остальном мы были очень разными, у нас были разные ценности, разные вкусы и ориентиры. Помню, например, очень острое свое столкновение с одним из работников Отдела ЦК, ярым ксенофобом и антисемитом. В изрядном подпитии, что для него было нормой, он всячески провоцировал меня на откровения по поводу нашей собственной действительности. Для него главным объектом ненависти были не маоизм и маоистское руководство, а любые инородцы: евреи ли, китайцы ли. И таких людей среди нашей номенклатуры было немало. Во всяком случае, я встречался с ними и позже не один раз. Недаром ходил в то время анекдот об одном нашем высокопоставленном деятеле, который, прибыв в Китай, грозно вопрошал: «Ну что, евреи, прищурились?»

Избежать напряженности и столкновений было невозможно, поскольку происходило все в замкнутой среде. Мы тесно общались каждый день, каждый час, за обеденным столом, на совещаниях.

Я не думаю, что раньше происходило что-то подобное, во всяком случае с участием китаистов. Тогда ведь был самый разгар «культурной революции», пик напряженных отношений с Китаем, вплоть до инцидентов на границе. Взаимные обвинения достигали максимального накала – в ревизионизме, в предательстве идеалов социализма и коммунизма, в установлении режима военной бюрократии. Именно изобретение все новых ярлыков требовало некоторой интеллектуальной деятельности, предполагавшей и обработку поступающей новой информации по событиям в Китае. Конечно, идеологические разногласия в коммунистическом движении возникали и раньше, например с Югославией, и эти разногласия, видимо, также нуждались в изготовлении пропагандистских и идеологических штампов. Но я в этом не участвовал, и как это происходило – не знаю.

Но кроме чисто идеологического аспекта в деятельности Института Дальнего Востока присутствовали и элементы научного анализа. Можно сказать, что там происходило становление отечественной школы аналитики современного Китая. Тут уместно вспомнить и ситуационный анализ, который ввел Е.М. Примаков в ИМЭМО, и мы тоже участвовали в таких своеобразных «ролевых играх».

В Институте Дальнего Востока я проработал до 1970 г. Вначале мне было интересно заниматься новыми для меня сюжетами, осваивать новые виды деятельности. Потом, однако, все стало приедаться. Воспроизводить многократно сказанное на все более высокой ноте было скучно. А в самом Китае, прежде всего в экономической и социальной жизни, которая меня больше всего интересовала, вплоть до конца 1970-х годов ничего принципиально нового не происходило. Шло по преимуществу все то же политическое и идеологическое противоборство. И тогда мы вместе с моим другом из Института Дальнего Востока Александром Мироновичем Григорьевым решили уйти во вновь созданный на базе Фундаментальной библиотеки институт, где директором стал Л.П. Делюсин, Григорьеву он предложил стать заведующим сектором Китая в отделе Софьи Иосифовны Кузнецовой, а мне сказал: «Знаешь, у меня штатное расписание уже все заполнено. Вот осталась одна ставка – заведующего отделом научного коммунизма. Есть у нас в библиотеке реферативный отдел. Люди там при новой структуре Института неприкаянные, а у тебя нет отдела. Возьми их к себе. Будете называться отделом научного коммунизма, и делай там все, что хочешь». Это меня устраивало. Но несколько смущало то обстоятельство, что среди нескольких десятков сотрудников нового отдела не было никого, кто хотя бы примерно представлял себе, что такое научный коммунизм, включая, разумеется, и меня самого. Потом, к счастью, неожиданно появился молодой человек Альмин Моисеевич Рабинович, который закончил как раз МГУ по кафедре научного коммунизма. Он пришел сам, без всяких рекомендаций, в наш библиотечный особняк на ул. Фрунзе и предложил свои услуги. Подумав, я взял его на работу как единственного специалиста, отвечающего формальному профилю нового подразделения. И я в нем не разочаровался, хотя это и резко увеличило прослойку пятого пункта, поскольку Алик, как мы, превосходившие его по возрасту в два-три раза, звали, оказался на удивление милым, контактным, доброжелательным человеком и очень хорошим, трудолюбивым сотрудником. (Много позже, уже в годы перестройки, когда научный коммунизм и одноименный отдел почили в бозе, Алик тоже бросил прежние занятия, выучился аудиту и стал признанным авторитетом на этой почтенной стезе.)

Бывший реферативный отдел ФБОН был уникальным человеческим собранием. Там обретались люди разного, но по преимуществу не слишком успешного жизненного опыта, разных специальностей, разных пристрастий и склонностей. До меня отделом управлял полковник в отставке Яков Абрамович Блинкин, любимым присловьем которого, в изображении отдельского насмешника Э.Н. Жука, было: «Жизнь, она умнее нас», что, конечно, справедливо.

Раньше в ФБОН они работали по заданиям Президиума АН и лично вице-президента АН и начальника над всеми общественными науками в СССР академика Петра Николаевича Федосеева. Когда ему требовался какой-то материал по той или иной теме, они его подбирали, реферировали книги, статьи. Еще до образования института начали издавать реферативные сборники. Эти сборники имелись в спецхране библиотек всех гуманитарных академических институтов. Так, мне еще в Институте Дальнего Востока попался на глаза сборник рефератов по западным политическим движениям, прежде всего «новым левым», об идеологии которых я тогда не имел ни малейшего представления. Сборник этот был издан в 1968 г., т.е. в разгар китайской «культурной революции», и произвел на меня сильное впечатление не только наличием определенных концептуальных созвучий, но и необычайной ясностью изложения достаточно сложных идейных конструкций.

Многие сотрудники бывшего реферативного отдела ФБОН обладали очень высоким уровнем профессионализма. Некоторые отлично владели несколькими иностранными языками.

У них уже был выработан определенный стиль реферирования. Он предполагал абсолютно объективный подход к тексту, недопустимость каких-либо ценностных суждений референта, полную отстраненность от собственных симпатий или антипатий по отношению к реферируемому тексту. Максимально, что допускалось, это некоторые вводные фразы в особо идеологически опасных местах: «как полагает автор», «как утверждает автор» и т.п. Самым главным требованием было в целости и сохранности донести точно, без каких-либо искажений до читателя основные исходные мысли автора, нравятся они референту (либо его заказчику) или нет, несмотря на многократное «ужатие» первоначального текста.

Одним из главных ревнителей такого подхода и его фактическим зачинателем была Надежда Ноевна Косорез, которая сама по себе, по своей натуре никак не могла считаться человеком бесстрастным и беспристрастным. Любимыми ее героями были Че Гевара, портрет которого висел в нашем рабочем помещении, и Роза Люксембург. Позже мы с Надеждой Ноевной и еще одной нашей сотрудницей и тоже почитательницей немецкой революционерки Рахилью Самойловной Горелик (супругой известного опального историка Михаила Яковлевича Гефтера и матерью достаточно известного правозащитника Валентина Михайловича Гефтера) выпустили специальный сборник, где особое место заняли мало кому известные, но немаловажные расхождения Розы Люксембург с Лениным в период Октябрьской революции. Надежда Ноевна в совершенстве владела английским, который для нее практически был родным языком, и овладела итальянским ввиду своих особых симпатий к Антонио Грамши и другим неординарным деятелям Итальянской компартии. Позже она уехала из СССР навсегда к родной сестре в США.

Большая часть сотрудников нашего отдела были практически изгоями, они по разным обстоятельствам не имели возможности работать в нормальных академических институтах. Причина была либо в пятом пункте анкеты, либо в идеологической и политической неблагонадежности, либо в сочетании этих двух моментов. Некоторые вступали в недозволенные отношения с иностранцами, другие писали или говорили не то, что не было принято. Короче говоря, отдел был тихой заводью, в которой укрывались нередко потерпевшие крушение, весьма своеобычные, но умные и талантливые люди. Такого количества талантов на квадратный сантиметр служебного помещения я не встречал больше нигде (на кухнях, конечно, случалось). Среди них были литературоведы и театроведы, историки и философы, филологи и психоаналитики.

Мы помещались сперва в одной большой комнате в здании ФБОН на ул. Фрунзе на втором этаже. Там насчитывалось до 40 человек в разное время. Точнее, их число колебалось в промежутке между 30 и 40. Уже значительно позже библиотека и некоторые реферативные отделы с дирекцией и прочими службами переехали в специально построенное для нас здание (кстати, очень неудобное) на Профсоюзной улице, а наш отдел и некоторые другие поселили на Якиманке.

Поскольку реферативный отдел был прежде встроен в библиотечную структуру, то и должности там были библиотечные, и когда с преобразованием ФБОН в ИНИОН мы переходили на институтские должности (младший, старший научный сотрудник), у сотрудников это не всегда вызывало радость. Для некоторых ставка главного библиографа была более почетной и уважаемой, и не все готовы были с ней расставаться.

Ко мне сначала отнеслись довольно настороженно. Особую тревогу вызывало, конечно, переименование отдела. Вряд ли кому-нибудь из них тогда могло понравиться называться «научными коммунистами». Но мало-помалу обстановка менялась, становилась все менее официальной, все более доверительной. Уже довольно скоро люди перестали опасаться, говорили, что думали, и за все долгие годы совместной жизни не было, насколько я знаю, никаких доносов начальству или куда-либо еще. Главное, конечно, было в том, что мы совсем не старались подстроиться под новое название, и каждый имел возможность заниматься тем, что его интересовало, и оставаться самим собой. И когда пять лет спустя мы отмечали отдельский юбилей в просторной арбатской квартире Лидии Фридмановны Вольфсон, это уже был наш общий праздник.

За годы совместной жизни у нас сложились свои неписаные правила и традиции. Женский праздник мы, например, отмечали не только подношением цветов и сувениров прекрасной половине, но и сложением виршей, восхваляющих персонально каждую ее представительницу. Для этой цели мобилизовались все мужчины, способные рифмовать слова. Впрочем, такая же традиция существовала у меня и по месту прежней работы в Институте Дальнего Востока. И когда спустя 30 лет я вернулся туда, я встретил женщин, которые помнили стихи, написанные для них, когда они были совсем юными.

Людмила Михайловна Алексеева, известная участница диссидентского движения, многолетний руководитель Московской Хельсинкской группы, которая семь лет проработала у нас в отделе, в своих воспоминаниях пишет, что это была совершенно оруэлловская ситуация. Уникальность ее состояла в том, что отдел научного коммунизма фактически занимался антикоммунизмом.

В известной мере это было действительно так. Хотя, точнее сказать, что главным содержанием нашей тогдашней деятельности было стремление ознакомить советскую интеллектуальную общественность с некоммунистическими концепциями общественного развития. Во всяком случае, именно так («Современные буржуазные теории общественного развития») называлась вышедшая под моей редакцией коллективная монография – как некоторый предварительный итог нашего опыта. Наверное, тогда это могло считаться антикоммунизмом.

Среди нас были уникальные люди. Возможно, первый среди них – Александр Моисеевич Пятигорский[1], ныне известный философ. Помню, он сидел где-то на галерке в нашем общем зале и задавал обычно вопросы абстрактно-теоретического порядка. С высоты своего немалого роста он, например, неожиданно вопрошал: «Яков Михайлович, а как вы думаете, какая существует разница между нормой и институтом?» Я глубоко задумывался и до сих пор не нахожу адекватного ответа на этот вопрос.

К сожалению, мы с ним работали вместе сравнительно недолго, он вскоре уехал в Англию. Александр Моисеевич с самого начала был очень нацелен на отъезд. У него была специфическая манера изучения языка: заучивая тексты целыми страницами.

А.М. Пятигорский – очень яркая личность. Будучи востоковедом, он больше интересовался не страноведением, а проблемами чистой теории, метафизики, семиотики. И пострадал Александр Моисеевич как раз из-за этих своих увлечений. Он поехал выступать на конференцию по семиотике в Тарту, нарушив запрет директора Института востоковедения, и был уволен. В моей личной библиотеке до сих пор хранятся подаренные им труды лотмановского семинара, где была напечатана его статья. Несмотря на свои серьезные штудии, А.М. Пятигорскому было совсем не чуждо и вполне гедонистическое отношение к жизни.

---

[1] Пятигорский Александр Моисеевич (1929–2009) – философ, востоковед, филолог, писатель. Один из основателей Тартуско-московской семиотической школы. – *Прим. сост.*

А.М. Пятигорский – не единственный известный мне востоковед, который ушел в иные области знания. У некоторых востоковедов раньше или позже обнаруживается некоторая предрасположенность переходить к занятию какими-либо специальными научными дисциплинами. Возможно, к этому толкает, скорее, широкое, чем углубленное комплексное образование. Занимаясь той или иной страной, знакомишься с разными аспектами ее истории, этнографии, политики, культуры, общественной мысли, но редко – с какой-то сферой достаточно глубоко. Известно, что каждый специалист подобен флюсу, но в данном случае это – очень специфический флюс, способный расти в разные стороны. Всегда остается возможность уйти в те области, которые ранее были тебе известны лишь поверхностно.

Но, возможно, дело тут даже не в наличии или отсутствии востоковедческого образования, а в некоторых особенностях российской ментальности. Точнее говоря, ментальности части российских интеллектуалов. То, чем люди должны заниматься по своей прямой специальности, иногда оказывается слишком узким для их интересов.

В ИНИОНе в целом и в нашем отделе в особенности создалась уникальная возможность соединения в одном коллективе разных научных специальностей, людей с разным багажом знаний. ИНИОН позволял максимально широко и достаточно глубоко охватывать всю проблематику общественных наук и предельно раздвинуть собственный кругозор.

Определенная специализация, конечно, существовала. Но работа в режиме текущих и иногда экстренных поручений начальства мало способствовала ее развитию. Переход в режим заблаговременного планирования публикаций, свойственный любому научно-исследовательскому институту, позволил лучше учитывать личные научные и иные интересы и возможности сотрудников.

С приходом в отдел я прежде всего стремился выяснить область интересов каждого и, насколько возможно, обеспечить свободу выбора. Впоследствии, когда в дополнение к подготовке тематических сборников и обзоров нас обязали также регулярно выпускать реферативные журналы, потребовалась организация коллективной работы, но и здесь, по возможности, учитывались личные склонности. Так или иначе в конечном счете нам удалось сформировать более или менее гармоничное сочетание солирующих голосов и оркестра.

Через наш отдел за два десятилетия его существования прошли самые разные люди. Одни задерживались надолго, другие скоро находили себе новое пристанище. По-разному складывалась их дальнейшая жизнь. Но вся слава ИНИОНа, все его заслуги – в этих людях.

О Пятигорском я уже упоминал. Можно назвать еще немало. Например, великолепный неразлучный тандем: Рената Александровна Гальцева и Ирина Бенционовна Роднянская. Первая пришла к нам из издательства Большой советской энциклопедии. Там она ведала подготовкой и выпуском в свет знаменитого пятого тома «Философской энциклопедии», который настолько разительно отличался от предыдущих, содержал такое количество первоклассной информации, открывал столь много нового для читателя, что вызвал немалый переполох в идеологическом начальстве. Поэтому Ренате Александровне пришлось уйти оттуда и обрести новое поприще для применения своих знаний и талантов. Ирина Бенционовна – блестящий литературовед, но тоже с философским складом ума, с тягой к постижению сложных смыслов бытия и культуры. Их стараниями и стараниями привлекаемых ими других известных отечественных исследователей были созданы русские версии трудов крупнейших мыслителей Запада: Э. Гуссерля, Э. Кассирера, Л. Витгенштейна, О. Шпенглера, М. Хайдеггера, Й. Хёйзинги, К.Г. Юнга, М. Вебера. В их поле зрения находились и, возможно, менее значительные, но весьма шумные фигуры тех, кто определял западную идеологическую моду в наши дни. Например, так называемые французские «новые философы», взошедшие на западный интеллектуальный олимп в конце 70-х годов прошлого века и заслужившие свою известность благодаря не столь редкому в истории общественной мысли преображению левых бунтарей в правых консерваторов. Главным предназначением их жизнедеятельности стало низвержение марксизма.

Среди тех, кто сотрудничал с Р.А. Гальцевой, были С.С. Аверинцев, В.В. Бибихин, П.П. Гайденко, К.Г. Мяло и иные известные исследователи. Подготовленные при их активном участии информационные издания были посвящены проблемам идеологии, культуры, массового сознания. В принципе допускаемыми жанрами для таких изданий были либо рефераты, либо обзоры, но удавалось включать в публикации также полные или краткие переводы наиболее значимых работ, причем с обстоятельными научными комментариями, что существенно повышало их ценность. Р.А. Гальцева продолжила свою деятельность в ИНИОНе и после ликвидации нашего отдела, в рамках созданного на основе его остатков культурологического подразделения, а И.Б. Роднянская покинула отдел раньше, вернувшись в лоно литературной критики и заняв принадлежащее ей по праву ведущее место в редакции «Нового мира».

Блестящим переводчиком сложнейших научных трудов выдающихся немецких философов и социологов была Маргарита Иосифовна Левина. Способная проникать в логические конструкции практически любого мыслителя и находить адекватный понятийный аппарат в русском языке для передачи их мысли, она все же имела свои пристрастия. И, к большому моему удовольствию, ее пристрастия часто совпадали с моими. Помню, с какой нескрываемой радостью она приняла мое предложение заняться переводом штудий Макса Вебера, прежде всего его знаменитой «Протестантской этики», а затем и других его трудов. Недаром Маргарита Иосифовна была ученицей А.И. Неусыхина. Не меньший энтузиазм у нее вызвала перспектива перевести известную работу Карла Ясперса «Истоки истории и ее цель». На переводческой ниве Маргарита Иосифовна продолжала трудиться и после ухода на пенсию, прибавляя к перечню переводимых ею авторов новые имена. Но закончила она свою деятельность опять-таки Вебером, точнее произведением его супруги, впервые открыв нашему читателю эту незаурядную личность.

Одна из самых ярких наших звезд – Виктория Атомовна Чаликова[1]. Мое первое знакомство с ней, как ни странно, тоже связано с именем Макса Вебера. Я вообще-то до ИНИОНа имел об этом выдающемся мыслителе очень слабое представление. Как-то на книжном развале мне удалось за три рубля купить единственную его работу, изданную целиком еще в 20-е годы прошлого столетия «Аграрная история Древнего мира» под редакцией Д.М. Петрушевского. Она произвела на меня сильное впечатление, но других работ М. Вебера я не знал. А тут вдруг появляется в отделе тоненькое моложавое существо и в качестве визитной карточки предъявляет кандидатскую диссертацию по Веберу. Я с некоторым недоверием взял ее домой, а потом до ночи не мог оторваться. Настолько блистательно и глубоко она была написана. Помню, с утверждением диссертации у Вики (так ее звали все) было еще немало хлопот, настолько она была неординарной и вызывала моментальное отторжение у заправлявших в ВАКе ортодоксов. Но в нашем отделе с этого момента Вика сразу же утвердилась в качестве одного из признанных интеллектуальных гуру, не говоря уже о том, что мало на кого не действовало ее женское очарование. Главной областью ее научных интересов первое время были исследования утопического мышления, современных социокультурных утопий, включая литературные утопии и утопические эксперименты. На эти темы ею были изданы шесть реферативных сборников. Позднее ее увлекли социально-философские аспекты современного либерализма. В перестроечные годы Вика с энтузиазмом включается в общественную жизнь. Выступает с яркими речами на разных форумах. К сожалению, в это время обостряется у нее неизлечимая болезнь. С тяжелым сердцем и слабыми надеждами на исцеление проводили мы ее к врачам в Германию. Там она скончалась и была похоронена, практически одновременно с кончиной отдела, которому она отдала немалую часть своей прекрасной души и таланта. Впоследствии многие ее работы были опубликованы в открытой печати.

---

[1] Чаликова Виктория Атомовна (1935–1991), литературовед, философ, социолог. Окончила Славянский государственный педагогический институт им. В.И. Ленина (1958). Канд. филос. наук (1973). Работала в ИНИОНе в 1971–1991 гг. в отделе научного коммунизма и лаборатории теории и истории культуры. Основные научные труды по литературной утопии и антиутопии, проблемам либерализма. – *Прим. ред.*

Еще одна удивительная личность – Дмитрий Николаевич Ляликов. Он – наследственный географ, кандидат географических наук, его отец – автор школьного учебника по географии. Но его больше влекли иные науки, особенно психоанализ. Дмитрий Николаевич собрал у себя дома в Мытищах, где родился и умер, блестящую библиотеку, включавшую все труды Фрейда в оригинале. Очень скромный человек с огромной эрудицией, к сожалению, скончался довольно рано, сраженный традиционной русской болезнью. Его изложение весьма сложных и трудных для понимания текстов поражает кристальной ясностью. До сих пор помню реферат Дмитрия Николаевича по книге известного западного психолога Роберта Лифтона «Революционное бессмертие», который многое для меня раскрыл в пружинах деятельности Мао и его присных. В работах Лифтона Дмитрия Николаевича интересовала особенно технология «промывки мозгов».

Думаю, что отдел наш не сумел бы выполнить миссию транслятора не только фундаментальных идей западных мыслителей, но и самых актуальных течений, если бы не Лидия Фридмановна Вольфсон. У нее была исключительная способность мгновенно распознавать все новое и наиболее ценное, что появлялось в общественной мысли Запада, а затем емко и точно отражать в своих работах самое главное. Лидия Фридмановна имела возможность получать с Запада самую свежую литературу, иногда намного раньше, чем она поступала в библиотеку, поэтому мы всегда были первыми. Так наш читатель знакомился с работами Д. Белла, А. Тоффлера, З. Бжезинского почти одновременно со своими западными коллегами.

Как уже было сказано, некоторые из нас работали с самого начала существования отдела и до его ликвидации или ухода на пенсию, но были и те, кто приходил в него на короткий срок как в некое временное убежище для последующего перемещения в более привычные для себя ниши. Так, литературным редактором реферативного журнала по русской литературе одно время у нас работала известный театровед и театральный критик Наталья Анатольевна Крымова. Она пришла после того, как у нее случились какие-то неприятности в журнале «Театр». Будучи человеком театральным, Наталья Анатольевна, несомненно, тоже видела в нашей деятельности немалый элемент абсурда, что, возможно, давало пищу ее профессиональным размышлениям. Мы, в свою очередь, пользовались протекцией Натальи Анатольевны для посещения спектаклей ее супруга Анатолия Васильевича Эфроса.

Литературным редактором другого реферативного журнала – по иностранной литературе – была Людмила Михайловна Алексеева. С тех пор и в течение многих десятилетий я сохранял чувство безграничного восхищения ее беззаветной правозащитной деятельностью и высокими человеческими достоинствами.

Труд всех, кто работал в нашем отделе, никак нельзя свести к бесстрастной передаче информации. Переработанная и трансформированная информация всегда несла на себе личностный отпечаток, происходило ли это сознательно или бессознательно. Чужие мысли, чужие труды неизбежно так или иначе сопрягались с собственным опытом, с собственными размышлениями. И такой сплав в итоге проявлялся как в плодах нашей деятельности, так и в нашей повседневной коммуникации. Каждый реферативный сборник или сборник аналитических обзоров был отражением личности. Это проявлялось на всех стадиях работы, начиная с определения тем и проблем, подлежащих освещению, выбора литературы, подбора авторов и кончая реферированием и редактированием, в процессе которых расставляются основные акценты.

Я многое получил от ИНИОНа. Он обогатил меня не только новыми знаниями, которые были далеки от меня по моей основной профессии, но, как оказалось позже, способны придать некоторый дополнительный импульс и профессиональным занятиям. Но не меньшее значение имело и человеческое общение. В рамках нашего отдела сосуществовали и сотрудничали люди, приверженные разным идейным течениям, нередко взаимоисключающим друг друга. Я же в силу своего положения должен был сохранять идеологический нейтралитет, примирять полярные точки зрения и не отдавать предпочтения ни одной из них, во всяком случае в предоставлении равных возможностей для выражения своих взглядов и пристрастий. Я всегда знал, что в мире не бывает одной правды, равно справедливой для всех и на все времена. Понимал также, что, на свою беду, мы плохо умеем договариваться, хотя бы частично принимать чужую правду. Чаще всего – либо ты свой, либо чужой. Я старался по возможности терпимо относиться к любым взглядам, даже если они мне были совершенно чужды. Для меня были и остаются неприемлемыми только крайности, когда идеи или платформы принимают агрессивные формы, неважно где: в фундаментальном исламе или в фундаментальном православии, или в радикальном левом движении, тем более когда взгляды порождают экстремизм.

В той или иной степени на нас отражалось традиционное для русского общества разделение на «западников» и сторонников самобытного развития России. Так, Ренате Гальцевой и Ирине Роднянской, как и тем, кто группировался вокруг них, были ближе антизападные, почвеннические настроения. А, скажем, Леонид Борисович Волков, юрист и политолог, скорее мог считаться западником. Одна из его работ была посвящена теориям модернизации, предполагавшим, что Россия пойдет по общему с западными странами пути развития. Я не знаю, в какой мере эти убеждения стимулировали дальнейшую политическую деятельность Леонида Борисовича, но исключить этого не могу. Скромный старший научный сотрудник рискнул избираться в народные депутаты. Мало кто верил, что этот кабинетный ученый, в прошлом сотрудник банка, а затем – Института государства и права, к тому же еще еврей, мог победить на выборах. Но он мобилизовал все мыслимые и немыслимые ресурсы и был избран депутатом Съезда народных депутатов СССР, а затем – и Верховного Совета по Таганскому округу Москвы, причем был избран в серьезной борьбе. Яркий, музыкально одаренный человек, Л.Б. Волков стал активным парламентарием.

Много раз я наблюдал его на экране телевизора, как он рвался к трибунам, что-то доказывая, в чем-то убеждал своих коллег и аудиторию. Вместе с Борисом Сергеевичем Орловым, сотрудником братского отдела стран Западной Европы и Америки, а в прошлом – известным журналистом, он стал одним из основателей социал-демократической партии СССР. Впоследствии жизнь Л.Б. Волкова сделала еще один крутой поворот: он женился на немке и уехал в Германию вместе с ней.

Поскольку в отделе существовала мощная установка на творчество, на проявление своей индивидуальности, заражались этим и те, кто явного стремления к самовыражению раньше не выказывал. Так, Инна Васильевна Случевская, занимавшаяся переводами с французского, заинтересовалась западным феминизмом и подготовила к выпуску два сборника по феминистскому движению. Сейчас, конечно, такими публикациями никого не удивишь. По феминизму издается множество работ. Но тогда это был первый в Советском Союзе подход к этой непростой теме, где получили отражение самые разные феминистские взгляды: от крайних, радикальных до относительно умеренных.

В этом же ряду находятся два сборника по терроризму, которые подготовила и выпустила Инесса Феликсовна Рековская[1]. В свое время эта тема была опасной. В нашей литературе старались соблюсти не всегда очевидное разграничение между борцами за национальное и социальное освобождение, с одной стороны, и террористами – с другой. В западной литературе чаще всего такие идеологемы никого не останавливали. Террористами называли самых разных людей: от палестинских экстремистов до левых радикалов в Германии и Италии. Прямо утверждалось, что Советский Союз готовит на своей территории террористов для распространения своего влияния в мире. Видимо, для таких утверждений имелись достаточно веские основания. Инесса Феликсовна собрала много интереснейших материалов и выпустила в свет издание, где были представлены как идеология, так и психология терроризма.

---

[1] Рековская Инесса Феликсовна (1932–2000), библиотековед. Окончила факультет библиотековедения Московского библиотечного института (1955). Работала в системе ФБОН – ИНИОН с 1956 г. В 1970–1990 гг. – в отделе научного коммунизма. Вела и обрабатывала досье ТАСС, была ответственным секретарем редколлегии серии «Проблемы научного коммунизма» РЖ «Общественные науки за рубежом». – *Прим. ред.*

Эти сборники, как потом выяснилось, вызвали живейших интерес специальных органов. Что уж их там особенно привлекло, не знаю.

Инесса Феликсовна была женой Алексея Эйснера, человека удивительной судьбы, поэта, проведшего свою юность во Франции, в семье эмигрантов из России и участвовавшего в Испанской войне на стороне антифранкистов. Потом он переехал в Россию и конечно же попал в лагерь, в Караганду. После реабилитации вернулся в Москву, здесь встретил молодого библиографа ФБОН Инессу Рековскую, которая стала его женой. До конца своих дней Инесса Феликсовна пронесла революционную романтику антифашистской борьбы в Испании, равно как и нелюбовь к советской власти, искалечившей жизнь ее супруга. Впрочем, для неприязни были и личные причины, поскольку в жилах ее текла и немецкая кровь, и она не понаслышке знала о политике этнических чисток.

После ухода Льва Петровича Делюсина с директорского поста перед новым директором членом-корреспондентом АН СССР (позднее – академиком) В.А. Виноградовым, когда он занял этот пост, стояла непростая задача. Насколько я понимаю, он сам никакими специальными фобиями не страдал. Но с точки зрения партийных органов институт был сильно «засорен», а отдел научного коммунизма был «засорен» особенно. Очень много было евреев, а руководил одним из ведущих, с идеологической и политической точки зрения, отделов мало того что еврей, так еще и кандидат географических наук. География здесь уже представлялась совершенно неуместной. Так, между прочим, совершенно справедливо, считал и сам Владимир Алексеевич. Много раз впоследствии, когда отношения между нами вполне нормализовались, он давал мне понять, в том числе через своего заместителя и моего друга Липарита Сергеевича[1] Кюзаджяна, что давно пора бы защитить докторскую по какой-нибудь более приличной науке: по истории или философии, чтобы подтвердить свое право на руководство отделом научного коммунизма. Но я еще долго был к этому не готов, да и, честно говоря, немного гордился своей степенью, добытой честным трудом.

Я знаю, что на В.А. Виноградова оказывалось огромное давление со стороны Киевского райкома КПСС, который требовал, чтобы меня уволили. Я это понимал, и мне было любопытно, как новый директор решит эту задачу. Некоторое время В.А. Виноградов не предпринимал никаких действий, выжидал. Месяца три меня он не принимал. Всех заведующих отделами ИНИОН принял, а меня нет.

---

[1] Правильно – Липарита Саркисовича. – *Прим. ред.*

Но ситуация стала меняться, когда нам поручили создать пробные номера реферативных журналов (РЖ). Три отдела – Азии и Африки, экономики и наш – первыми подготовили пробные выпуски, и они были представлены на суд высшего начальства – вице-президента АН академика Петра Николаевича Федосеева. Когда В.А. Виноградов спустя некоторое время получил ответную реакцию, он созвал дирекцию с участием заведующих и объявил, что все три выпуска получили одобрение. А затем, многозначительно помолчав, спросил у присутствующих: «А как вы полагаете, чей выпуск оказался лучшим?» После некоторого замешательства и молчания он показал наш. В итоге я как бы на время был реабилитирован, а В.А. Виноградов получил козырь в своей игре с райкомом.

Пробный выпуск нашего РЖ был довольно смелым, хотя и не выходил, конечно, за пределы допустимого. Схема журнала была разработана применительно к вузовскому стандарту, но мы ввели и некоторые свои рубрики, предложили некоторые инновации. Прежде всего, мы поместили там рефераты и обзоры статей из ведущих органов компартий социалистических стран. Дело в том, что ситуация в обществоведческой мысли в России была настолько затхлой, что там не пробивалась никакая сколько-нибудь свежая мысль. Не появлялось практически ничего мало-мальски интересного, чем вузовские преподаватели могли бы хоть как-то привлечь скучающую студенческую аудиторию. По сравнению с абсолютным маразмом советской литературы по общественным наукам ситуация даже в партийных журналах в Италии, в Болгарии или, как ни странно, ГДР казалась несколько менее безрадостной. В болгарской печати, например, попадались небезынтересные данные по социологии семьи, социологии культуры.

Кроме того, мы заполнили большой раздел, который назывался «Общий кризис капитализма», вообще некоммунистическими материалами, которые Р. Гальцева и И. Роднянская с присущим им мастерством добывали из литературы открытого доступа. Они весьма впечатляюще рисовали «загнивание» западного мира.

С пробными выпусками наших реферативных журналов мы поехали для их обсуждения в Ленинград, Казань, Тбилиси. Наш журнал был хорошо принят вузовской профессурой, что не могло не радовать нас и, что еще важнее, наше институтское начальство.

Я не знаю, доводилось ли В.А. Виноградову читать не только наши реферативные журналы, но и главную нашу продукцию – тематические сборники. Для директора было важным, как я понимаю, чтобы вся наша информационная деятельность шла тихо и гладко, чтобы не возникало никаких неожиданных сюрпризов. Если все же возникали какие-то проблемы, то их нужно было решать, не производя излишнего шума. Так было, например, когда люди уезжали из нашей страны, как, скажем, первая из них – тихий и скромный библиотекарь Кира Гдалевич, или позже – поэт и мистик, поклонник философии Мартина Бубера, Аркадий Ровнер (в Израиле он стал издавать свой журнал). Чтобы не подставлять остальных, они увольнялись «по собственному желанию», но не порывали своих связей с отделом. В моем распоряжении был внештатный фонд, за счет которого можно было их «подкармливать», пока длилось оформление документов на выезд.

Готовя русское издание книги своих воспоминаний «Поколение оттепели» (первоначально вышедшей в США на английском), Людмила Михайловна Алексеева попросила меня и известного правозащитника Сергея Адамовича Ковалёва побеседовать о нынешнем самочувствии и самоидентификации поколения бывших шестидесятников, чтобы как-то перекинуть мостик от событий, которые она описывает, к сегодняшним дням, и дала запись нашей беседы как послесловие к своему тексту. В этой беседе С.А. Ковалёв вспоминал, что у него тоже была ситуация, когда его прикрывали симпатизировавшие ему люди. Поэтому когда у нас сегодня пытаются изображать советское общество тех лет исключительно в одном черном цвете, иногда забывают, что это общество было вовсе не таким слепым, глухим, немым, как это некоторым кажется. Те, кто очень хотел, мог получать доступ к правдивой и объективной информации и находить достаточно комфортную для себя среду.

Существовало множество ниточек, связывавших нас с окружающим миром. Мы не были в изоляции. У нас существовала тесная связь и с теми, кто писал для нас рефераты и обзоры, и с теми, кто их потреблял. Реферативные сборники в большинстве своем имели гриф «для служебного пользования» и распространялись по спискам, но мы могли эти списки корректировать и дополнять, чем мы активно пользовались, чтобы направлять информацию тем, кому она была нужна и интересна, прежде всего друзьям и знакомым. Кроме того, часть тиража неизбежно уходила на сторону. Н.Н. Разумович однажды принародно сказал мне: «А вы знаете, что ваши сборники по 25 рублей на черном рынке продаются? Срезают номер и продают». Это отдавало, конечно, криминалом, но, с другой стороны, свидетельствовало и об определенной популярности наших изданий.

ИНИОН – очень важный кусок моей жизни. Больше двух десятилетий по протяженности и не меньший, чем любой другой такой же отрезок, по значимости. В чисто профессиональном отношении ИНИОН позволил мне выйти за пределы моих китаеведческих интересов. Китай – это столь огромная область для исследований, что он чаще всего поглощает без остатка человека, который решил им заниматься, и у него не остается возможности взглянуть чуть шире вокруг своего предмета, обрести какой-то иной угол зрения на Китай. А здесь мне волей-неволей пришлось такой шаг сделать, и я был этому рад. Поскольку собственно современным Китаем около трети моего пребывания в ИНИОН по объективным причинам было неинтересно заниматься, то этот промежуток времени мне удалось употребить с пользой для себя. Я оказался вовлечен в широкий поток литературы по социальным, философским, мировоззренческим вопросам, имеющей то или иное отношение к предмету моих главных научных интересов.

С началом перестройки встал вопрос о будущем отдела, попрежнему называвшегося отделом научного коммунизма. Прежде всего в нашей деятельности появился новый ракурс. Как я уже говорил, помимо нерегулярных тематических сборников и обзоров, бывших, как мы считали, важнейшей и наиболее ценной частью нашей информационной продукции, мы выпускали также два периодических издания, два реферативных журнала: по русской и зарубежной литературе. Раньше мы концентрировали больше усилий на зарубежном РЖ, поскольку русская литература была значительно менее интересной. Теперь же потоком пошли первоклассные публикации в русской прессе, и мы в большой степени переключились на эти полупублицистические работы. Наш реферативный журнал по русской литературе стал более интересным, чем зарубежный.

Более того, мы организовали семинар для обсуждения наиболее значимых публикаций и стали приглашать к себе их авторов, в том числе и тех, кто долгое время был в опале. У нас выступали Гелий Шмелёв, Игорь Клямкин, Рой Медведев, Андраник Мигранян, Владимир Библер и многие другие «властители умов» того времени. На семинары сбегался весь институт, да и из других институтов тоже.

Большую роль в организации и популяризации этой деятельности сыграла Галя Ковальская. Она пришла в отдел сразу после окончания истфака МГУ, где занималась итальянским Возрождением. Закончила у нас аспирантуру, защитила кандидатскую диссертацию, выпустила довольно интересный реферативный сборник по проблемам семьи, вела работу в журнале. Но всего этого было, как оказалось, слишком мало, чтобы раскрыть ее огромный общественный темперамент и блестящий журналистский дар. Журнал «Знание – сила» взялся публиковать отчеты о наших семинарах. Галя сочиняла их столь талантливо, что всем стало ясно: журналистика – ее подлинное призвание. Когда отдел доживал свои последние дни, Галя ушла, сначала работать в Конституционной комиссии Верховного Совета, а потом – в профессиональную журналистику. Работала в газете «Демократическая Россия», в журналах «Новое время», «Итоги», «Еженедельный журнал». Побывала в разных городах и весях, в том числе во всех горячих точках страны, особенно много – в Чечне. Стала, без преувеличения, одним из лучших публицистов России. Особенно хорошо ей удавались психологические портреты героев: и политических деятелей, и простых смертных. В 2003 г. Галя, выполняя очередное задание редакции, безвременно и трагически ушла из жизни, сгорела в вертолете на лесном пожаре в Читинской области. Вечная ей любовь и память.

Меня тоже повело по жизни в новую сторону. Вернулась из эмиграции Людмила Михайловна Алексеева, и я оказался одним из первых, с кем она встретилась. Совершенно неожиданно для себя, после 16-летнего перерыва, я услышал ее неповторимый голос и незабываемую интонацию не по «вражескому» радио, а по своему домашнему телефону. Она спросила: «Ты как, что делаешь, чем занимаешься, меня примешь?» Я с радостью ответил «Конечно», и Людмила Михайловна появилась в моей московской квартире, полная свежих идей и замыслов, которые непрестанно рождаются в ее неуемной голове.

Будучи в эмиграции, Людмила Михайловна занималась в числе прочего и рабочим движением. Вернувшись в Россию, она связывала немалые надежды на демократическое обновление страны именно с возможностью появления и развития такого движения. Ее усилиями при поддержке американской профсоюзной организацией АФТ-КПП в Москве был создан Фонд профсоюзных исследований и обучения. На должность руководителя фонда был приглашен бывший аспирант ИМЭМО, а в перестроечные годы –

заместитель министра труда Павел Михайлович Кудюкин. Научным консультантом фонда, не порывая своих основных связей с ИМЭМО, стал Л.А. Гордон, который в то время увлекался такими же идеями и поддерживал достаточно тесные отношения с новыми профсоюзами. Новые независимые профсоюзы стали возникать среди рабочих угольной промышленности, среди авиадиспетчеров, моряков. Меня пригласили в Фонд на должность директора по public relations. Поскольку я тогда не знал, что это такое, я решил заняться привычным для себя информационным делом и стал выпускать и распространять бюллетени, в которых анализировался опыт российского профсоюзного и рабочего движения. Людмила Михайловна, при всей своей занятости, тоже была членом директората этого фонда. Вскоре П.М. Кудюкин, увлеченный политической деятельностью и руководством созданной им Социал-демократической партии России, ушел из Фонда, и основное бремя руководства его деятельностью легло на оставшихся.

1990-е годы были временем многих общественных начинаний и надежд. Мы полагали, что именно в результате массовой общественной активности все в стране должно коренным образом измениться. Одна за другой возникали организации, которые объединяли людей, стремившихся внести свою лепту в построение будущей России.

Так, в конце 1980-х годов возник Союз ученых СССР. Я стал членом правления этого Союза. Там объединились физики, биологи, математики, филологи, в основном молодые и среднего возраста доктора наук, люди достаточно высокой квалификации, стремившиеся реорганизовать систему управления наукой. Им было тесно в системе Академии наук. Они хотели другой, более мобильной организации, где можно было бы более свободно обмениваться идеями, создавать более подвижные структуры. Потом, когда политические процессы в стране ускорились и начались выборы в новые органы власти, многие стали активными участниками этих процессов. Особенно широкий размах приняла кампания за избрание А.Д. Сахарова на Съезд народных депутатов. Была в Союзе ученых и идея создать свой университет. На основе Союза возникла впоследствии Российская академия естественных наук, которая приобрела довольно большой авторитет. Самопроизвольно стали возникать и другие академии, например Академия гуманитарных наук и другие, которые, однако, не прижились.

Практически одновременно возник дискуссионный клуб московской интеллигенции «Московская трибуна». Эта организация, как и «Мемориал», была создана по инициативе, при патронаже и участии Андрея Дмитриевича Сахарова. На учредительном собрании клуба, состоявшемся в начале февраля 1989 г., в первое его руководство вошли наряду с А.Д. Сахаровым такие видные ученые, литераторы, общественные деятели, как А.М. Адамович, Ю.Н. Афанасьев, Л.М. Баткин, Ю.Г. Буртин, М.Я. Гефтер, Л.В. Карпинский, Ю.Ф. Карякин, Ю.А. Левада, А.В. Мигдал, Р.З. Сагдеев, Г.В. Старовойтова. Об этом событии КГБ специальной запиской оповестило ЦК КПСС. Потом состав клуба и его руководства менялся. Одни члены клуба отходили от активного участия в его деятельности, другие приходили на их место. Тональность акций «Московской трибуны» с самого начала во многом определяли Ю.Н. Афанасьев и Л.М. Баткин. В клубе происходили горячие дискуссии по самым острым вопросам российской политической жизни того времени: о президентстве в России, о путях экономической реформы, о событиях в Грузии и Карабахе. На заседаниях клуба принимались также различные обращения в адрес властей и широкой общественности. Клуб принимал деятельное участие в организации и проведении многих публичных мероприятий. С самого начала очень большую часть организационной работы и здесь взяла на себя Галина Яковлевна Ковальская. Она стала ответственным секретарем, а затем и членом правления «Московской трибуны». Она же привлекла и меня в этот клуб, где я позднее тоже был избран в состав правления. Поскольку своего постоянного местожительства у клуба не было, постольку правление чаще всего собиралось на квартире: либо у меня, либо у Стеллы Иосифовны Волькенштейн. Переводчица с испанского, чья юность также была связана с войной в Испании, она вложила немало энергии и сил в привлечение к «Московской трибуне» видных представителей нашей творческой элиты. Ее супруг, видный ученый-биофизик, член-корреспондент АН СССР Михаил Владимирович Волькенштейн также активно участвовал в работе клуба.

Многие члены клуба надеялись, что их профессиональный и общественный опыт и знания будут востребованы новой властью. В клубе выдвигались и обсуждались проекты решения разных актуальных проблем, стоявших перед страной: социальных, экономических, национальных. Клуб стал важной дискуссионной площадкой для выражения различных мнений по таким проектам. Эта деятельность вместе с тем была частью процесса самоорганизации интеллектуалов, стремившихся к новым формам социальной организации, к формированию гражданского общества.

В 1995 г. возник еще один сюжет в моей жизни. Меня пригласили в Институт «Открытое общество» (фонд Дж. Сороса) директором программы по высшему образованию. Это было интересное предложение. В то время нужно было основательно перестраивать преподавание гуманитарных и общественных наук в высших учебных заведениях, освободить его от идеологических штампов, приблизить к современным стандартам. По всем социальным дисциплинам не хватало профессионально подготовленных преподавателей и адекватных учебников. Новые учебники и учебные пособия надо было срочно готовить и издавать. Этим мне и предстояло заниматься. С помощью очень небольшого штата сотрудников, но при содействии многих десятков лучших специалистов по всем гуманитарным и общественным дисциплинам из разных вузов и Академии наук мы решали эту задачу. Были объявлены открытые конкурсы на написание учебников по всем общественным наукам. Заявки, а затем и готовые рукописи тщательно рецензировались и представлялись на одобрение специализированных советов, в которые входили наиболее видные ученые из соответствующих областей знания. В результате были изданы десятки первоклассных учебных книг. Проводились также конкурсы на лучшие аспирантские работы, на поддержку российских научных школ в обществоведении, на публикацию учебных материалов в специализированных научных журналах и другие.

Что же касается работы в ИНИОНе, то эпоха гласности ознаменовала собой закат той деятельности, которую мы вели в 1970-е и первой половине 1980-х годов. Наш отдел в свое время стал первооткрывателем немалого пласта научной литературы, социальных идей и концепций, не известных или мало известных обществу. В этом состояла его историческая роль. Этот период закончился. Книги, которые мы реферировали и переводили для спецхрана, стали появляться в открытом доступе. Очень большую роль в таком прорыве сыграла Светлана Яковлевна Левит, которая самоотверженно взвалила на себя огромную ношу по организации перевода и издания целых серий классических работ по культурологии и другим общественным дисциплинам. Мы свою миссию выполнили. И не было смысла ее как-то искусственно продлевать, хотя многим, наверное, было бы приятно продолжать работу в прежнем составе. Некоторые из нас настаивали на этом. Например, Вика Чаликова настроена была бороться до конца. Но отдел был закрыт решением дирекции. Точнее, реформирован: на его базе создали лабораторию культуры. Меня перевели сначала в отдел Азии и

Африки, позднее – в отдел социологии, потом, постепенно включаясь в деятельность иных структур, я все более сокращал свое присутствие в ИНИОНе и, наконец, полностью покинул его в конце 1990-х годов.

Я успел рассказать здесь лишь о некоторых своих коллегах по институту. Но я помню и высоко ценю всех. И тех, кто безвременно ушел из жизни, как Инна Евгеньевна Попова, Анатолий Федорович Цыркун, и тех, кто благополучно ныне здравствует. Низкий им всем поклон и признательность. Мне было хорошо с ними.

С середины 1980-х годов я возобновил свои профессиональные занятия современным Китаем. В стране после смерти Мао и отстранения от власти его ближайших последователей начались радикальные перемены в идеологии, политике, социуме, экономике, хотя советская китаеведческая литература, следуя официальным установкам, еще долгое время этих перемен предпочитала не замечать. Свою же задачу я видел в том, чтобы объективно анализировать и оценивать происходившие процессы.

Мне удалось выпустить несколько научно-аналитических обзоров, вышедших отдельными книжками, и информационных сборников по китайской проблематике. Они по большей части были посвящены аграрной реформе, теме, которая меня в то время наиболее занимала. Потом на основе этих материалов я подготовил монографию «Социальные процессы в современной китайской деревне» и защитил докторскую диссертацию на эту тему.

В 1995 г. я стал заместителем главного редактора журнала «Проблемы Дальнего Востока», а в 2000 г. после 30-летнего отсутствия вновь вернулся в Институт Дальнего Востока РАН, где получил возможность полностью сосредоточиться на главном и самом интересном для меня деле – изучении современного Китая, ездить в страну, познавать новые реалии и писать на эти сюжеты статьи и книги.

ИНИОН постепенно стал существовать, главным образом, в прошедшем, но очень дорогом для меня времени.

ФБОН – ИНИОН.
Воспоминания

Оформление обложки *И.А. Михеев*
Редактор *И.П. Леонтьева*
Корректоры *И.П. Леонтьева*, *О.В. Шамова*,
М.П. Крыжановская, *А.А. Чукаева*,
Компьютерная верстка *И.П. Леонтьева*

Подписано к печати 22 / IX – 2023 г.
Усл. печ. л. 21,75   Уч.-изд. л. 19,0

Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук
Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, 117418
http://inion.ru

Отдел печати и распространения изданий
Тел. : +7 (925) 517-36-91
e-mail: inion-print@mail.ru

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
ООО «Амирит»
410004, Саратовская обл., г. Саратов,
ул. Чернышевского, д. 88, литера У